

ЛЮБИТЕЛЯМ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

2

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД

ЛЕДЯНЫЕ БОГИ
ОНА
АЭША

Г.Р. ХАГГАРД

ЛЮБИТЕЛЯМ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

ЛЮБИТЕЛЯМ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ВЫПУСК **2**

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД

ЛЕДЯНЫЕ БОГИ
ОНА
АЭША

РОМАНЫ
Перевод с английского

МОСКВА
"МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

1991

ББК 84.4Вл
X 13

Оформление серии

Владимира Катина

Рисунки

Александра Медовикова

Издание осуществлено совместно с ИПЦ "Золотое перо"
Общества с ограниченной ответственностью
"Паритет" и СП "Техитави"

X 4703010100 — 002 Без. объявл.
078 (02) — 91

ISBN 5-235-01927-X

- © ИПЦ "Золотое перо",
составление, 1991 г.
- © В.Катин,
оформление серии,
1991 г.
- © А.Медовиков,
рисунки,
1991 г.

ЛЕДЯНЫЕ БОГИ

Перевод с английского

Теодора Левита

Текст перевода
печатается по изданию:

Райдер Хаггард
ЛЕДЯНЫЕ БОГИ
М., издательство "Пучина", 1928

Глава I

ВИ ЖДЕТ ЗНАКА

Ви молился богам, каких знал — Ледяным богам; тем, которым поклонялось его племя. Сколько времени верило в них племя, — он не знал. Не знал также, откуда пошло племя, только слышал легенду, что когда-то, в древние времена предки, родоначальники, пришли сюда из-за гор, отступая к югу и к солнцу от грозного холода.

Боги обитали в темном, почти черно-синем льду самого крупного из ледников, сползавших с вершин необъятных снежных гор. Главная масса этого ледника нисходила в центральную долину, но немалая часть ледяного потока шла по меньшим долинам на восток и на запад и доползала к морю. Там весною, зачатые в самом сердце покрытых снегом холмов, рождались дети Ледяных богов; великими айсбергами выходили они из темных недр долин и прочь уплывали на юг. Потому обиталище богов — огромный центральный ледник — подвигалось медленно вперед.

Урк-Престарелый, тот, кто видел рождение всех в племени, рассказывал, что дед говорил ему, когда сам Урк был еще совсем маленьким, что в дни молодости деда нижняя оконечность центрального ледника была не больше, чем на бросок копья, и выше, нежели свисала теперь над долиной. Ледник висел на высоте приблизительно двадцати высоких сосен, поставленных одна на другую; висел чудовищной угрозой и медленно, совершенно незаметно, но неуклонно сползал. Большая часть ледника состояла из темного, почти черного льда, который подчас — когда живущие в нем боги разговаривали — трещал и стонал; а когда боги сердились, ледник подвигался вперед, выдвигался иногда на большой кусок — на длину руки, сбрасывал стоя-

щие на пути скалы и обрушивал их вниз, в долину, в качестве предвестника будущего своего прихода.

Кто эти боги и что они — этого Ви не знал. Знал он лишь одно: что они ужасны, что власть их безгранична, что должно страшиться их, что нужно им поклоняться, как поклонялись им его предки, и что в их руках — судьба племени.

В осенние ночи, когда поднимаются туманы, кое-кто из племени видел богов. То были огромные призрачные видения, продвигающиеся по леднику, медленно сходящие с ледника. По временам случалось, что боги подходили к самому берегу, на котором жил народ. Соплеменники Ви слышали даже, как боги смеются. А жрец племени Нгай-Волшебник и Тарен-Колдунья, которая прячется, Тарен, которая выходила только по ночам и была любовницей Нгая, рассказывали о том, что боги говорили с ними и давали советы и указания.

С Ви боги никогда не разговаривали, хотя он не раз оставался на целые ночи лицом к лицу с ними; на это никто иной в племени не мог бы осмелиться. По временам — особенно, когда Ви бывал совершенно сыт, доволен и спокоен и охота его была удачна, — боги были так тихи и так молчаливы, что Ви начинал сомневаться в самом их существовании. Ви начинал думать, что боги — сказка, а то, что называется их голосами, — просто шум льда, ломающегося и трескающегося от морозов и оттепелей.

В одном только он не мог сомневаться. Скрытый глубоко подо льдом, не менее как в трех шагах расстояния от поверхности, видимый далеко не всегда, а только при определенном освещении стоял один из богов. Много уже поколений известен он был племени под названием Спящий, ибо он никогда не шевелился. Толком разобрать его очертания Ви не мог. Видел только, что у Спящего длинный нос, у корня толстый, как дерево, и все утончающийся к концу. По сторонам носа виднелись огромные, искривленные зубы. Голова была большая, и позади нее громоздилось необъятное тело, не меньше, чем тело кита, такое большое, что всех очертаний до конца нельзя было различить.

Это, несомненно, был бог. Это было бесспорно даже для Ви. Это был бог хотя бы уже потому, что никто во всем племени никогда не видывал подобного ему существа и никогда не слышал о нем. Впрочем, почему бог спал в глубине ледника — этого понять никто не мог. Правда, если бы кто-нибудь слышал-что-нибудь о подобном чуде, видел

бы такое чудище, Ви, несомненно решил бы, что это не бог, а просто мертвое животное. Но это существо не было похоже ни на что известное племени.

И поэтому, подобно всем своим родичам и соплеменникам, Ви считал богом доисторического огромного слона, в начале ледниковой эпохи попавшего в лед — должно быть, за сотни, а может быть, и за тысячи лет до этого времени — и медленно в замерзшем потоке принесенного от дальнего места своей гибели сюда для того, чтобы, очевидно, найти последнее пристанище на дне морском. Бог, несомненно, был странный, впрочем, не страннее многих иных богов.

* * *

Ви явился сюда, к леднику, когда еще не рассвело, после споров с женой, гордой и прекрасной Аакой, явился затем, чтобы получить от богов указания и узнать их волю.

А дело было серьезное.

Племенем правил сильнейший в нем, Хенга, родившийся десятью веснами ранее Ви; мужчина огромный, сильный и свирепый. Закон племени гласил, что править должен сильнейший, и править до тех пор, покуда более сильный, чем он, не явится к пещере, в которой живет вождь, не вызовет вождя и не убьет его в единоборстве. Так Хенга убил своего отца, бывшего вождем до него.

А теперь вождь угнетал племя. Сам он не работал, но брал у других их пищу и меховые одежды, которые они добывали. Более того: хотя женщин в племени было мало и мужчины сражались ради них, Хенга брал женщин у родителей или мужей, держал их у себя некоторое время, а затем прогонял или убивал их и брал себе новых жен. И никто не смел сопротивляться, ибо жизнь Хенги была священна, и Хенга был волен делать все, что ему нравится.

Единственный, кто имел право спорить с ним, был, как уже сказано, тот, кто вызовет его на единоборство, ибо убить вождя не на единоборстве было великим грехом и убийца был бы изгнан из племени и проклят. Если же вызвавший побеждал, пещера вождя и жены его, и все имущество переходили к победителю; победитель становился, в свою очередь, вождем и правил, покуда сам не погибал так же, как и его предшественник.

И потому никогда не случалось, чтобы вождь племени дожил до старости, ибо как только годы начинали уменьшать его силу, выступал кто-нибудь моложе и могучей его и убивал вождя. Впрочем, по той же причине мало кто вы-

ступал на единоборство с вождем, ибо мало кто желал стать вождем, помня, что вождь естественной смертью не умирает и что лучше терпеть угнетения, нежели умереть.

Но Ви хотел выступить на единоборство, хотел стать вождем по двум причинам: во-первых, потому, что Хенга был слишком жесток, и, во-вторых, потому, что он правил племенем неразумно, угнетал его и вел к гибели. И к тому же Ви знал, что если он не убьет Хенгу, то Хенга убьет его, убьет из ревности.

Хенга уже давно убил бы Ви, если бы Ви не пользовался любовью племени за то, что он был великий охотник, за то, что запасы племени в значительной степени пополнялись им, так что убийца навлек бы на себя всеобщую ненависть. В силу этого Хенга, боясь вступить с Ви в открытый бой, пытался исподтишка расправиться с ним.

Так, например, совсем недавно, когда Ви осматривал свои волчьи ямы на опушке леса, внезапно мимо него прожужжало копье, пущенное с нависающей скалы, взобраться на которую он не мог. Ви подхватил копье и убежал. Он узнал это копье: оно принадлежало Хенге. К тому же он обнаружил одну подробность: кремневый его наконечник был смочен ядом, который племя добывало из внутренностей разлагающейся рыбы, смешивая их с соком одной травы. Яд этот Ви легко узнал, потому что сам пользовался им на охоте. Копье он сохранил и никому, кроме жены, не сказал обо всем этом событии ни слова.

А затем последовало дело много хуже. У Ви был сын Фо, мальчик десяти лет, которого он любил больше всего на свете, и была дочь, годом моложе Фо, по имени Фоя. Детей в племени было мало. И большинство детей умирало в младенчестве от холода, недостатка пищи и различных болезней. К тому же рождавшихся девочек по большей части выбрасывали на съедение диким зверям.

Однажды вечером Фои не было, и все решили, что ее растерзали лесные волки, а может быть, горные медведи. Аака плакала, и Ви, когда никто не видел этого, плакал тоже, ища Фою, которую любил. Два дня спустя, выйдя утром из хижины, он нашел у входа что-то, завернутое в звериную шкуру. Развернув тук, он обнаружил труп маленькой Фои; шея ее была свернута, и следы пальцев огромной руки отпечатались на горле. Ви сразу догадался, что сделал это Хенга, и та же мысль пришла в голову всем остальным в племени, ибо никто во всем племени, кроме только вождя, никогда не убивал, если не считать тех случаев, когда люди убивали друг друга, сражаясь за женщин,

которых было немного. Однако, когда Ви показал тело народу, все промолчали и только покачивали головами, и каждый думал, что Хенга вождь и, следовательно, имеет право жизни и смерти над всяким.

И тогда кровь Ви вскипела в нем, и он заговорил с Аакой и сказал ей, что хочет вызвать Хенгу на единоборство.

— Он об этом только и мечтает, — сказала Аака. — Ведь он дурак; он думает, что сильнее тебя и легко убьет тебя. И тем самым предохранит себя на будущее время, когда ты, несомненно, — это даже для него ясно — убьешь его. А я давно уже хотела, чтобы ты вызвал Хенгу, и я убеждена, что ты одолеешь его.

И она завернулась в свой меховой плащ и улеглась спать.

Утром она вернулась к этой теме.

— Слушай, Ви. Во сне явилось мне видение. Мне представилось, что Фоя, наша дочь, стоит у моего ложа и говорит:

”Пусть Ви, мой отец, ночью пойдет молиться Ледяным богам и ждет знака от них. Если на заре с вершины ледника упадет камень, то будет приметой ему, знаком, что должен он бороться с Хенгой, что отомстит Хенге за пролитую им мою кровь, что станет вождем на место Хенги. Если же камень не упадет, пусть не вызывает Хенгу, ибо в таком случае Хенга убьет его. А затем, убивши Ви, Хенга убьет Фо, брата моего, а тебя, мать мою, возьмет себе в жены”.

— По-моему, Ви, нужно послушаться голоса умершей нашей дочери, и ты должен пойти к Ледяным богам и помолиться им, и ждать от них знака.

Ви с сомнением поглядел на нее. Он не очень доверял ее рассказам, не верил в сны и был убежден, что она придумала это, чтобы подбить его.

Это он ей и высказал:

— Подобный сон — гнилая трость, на которую нельзя опираться. Я знаю, ты давно уже хочешь, чтоб я сразился с Хенгой, хотя он грозный и страшный воитель. Но, если я сражусь с ним и он убьет меня, что станется с тобой и с Фо?

— С нами сбудется то, что суждено нам, и ничего больше. А так племя начнет твердить, что Ви боится отомстить за кровь убитой дочери ее убийце Хенге.

— Не знаю, будут ли говорить, но знаю, что, если это и скажут, скажут ложь. Я беспокоюсь не за себя, но за тебя и за Фо.

— В таком случае ступай к Ледяным богам и жди от них знака.

— Я пойду, Аака, но не вини меня потом, если приключится беда.

— Беда не приключится,— ответила Аака и улыбнулась в первый раз после смерти Фои.

Она была уверена, что Ви, несомненно, одолеет Хенгу в единоборстве. Нужно было только заставить его вызвать Хенгу, а тогда он уже отомстит за убитую дочь и сам станет вождем племени. И потому еще улыбалась она, что была твердо уверена (хотя причин своих и не называла) в том, что с вершины ледника на заре, когда солнечные лучи упадут на лед, несомненно, свалится камень.

* * *

Итак, на следующую ночь Ви-Охотник тихомолком прокрался из селения, обогнул подножие высившегося на востоке холма и пошел по ущелью между гор, покуда не дошел до основания большого ледника.

Волки, кишевшие в окрестностях, волки, по-зимнему голодные — весна в том году наступала поздно,— зачуяли его и окружили. Но он, Охотник, не боялся волков; печаль к тому же ожесточила его сердце. С воплем ринулся он на самого большого волка, вожака стаи, и вонзил кремневое копьё в его горло. А когда волк завертелся на копьё, щелкая окровавленными челюстями, Ви ударом каменного топора вышиб волку мозги, бормоча:

— Так умрешь, Хенга! Так умрешь, Хенга!

Волки поняли, что с этим противником им не справиться, и разбежались все, кроме вожака, который остался лежать мертвый. Ви потащил труп на вершину скалы, в место, где стая не могла достать его, и оставил там, чтобы освежать его поутру.

Покончив с волком, он продолжал свой путь вверх, по холодной долине, куда звери не заходили, так как здесь не было никакой добычи. Он подымался, покуда не достиг ледника. Мощная стена сползающего льда тускло светила в лунном свете и заполняла расщелину от края до края: лед был шириной не менее чем в четыреста шагов. Ви, когда был здесь в последний раз, вбил кол между двух скал и другой кол пятью шагами ниже, так как хотел проверить, движется ли ледник.

Ледник двигался. Первый кол был скрыт под массой льда, и жесткий ползучий язык ледника уже подбирался ко второму.

Боги проснулись, боги шли к морю.

Ви вздрогнул. Но вздрогнул он не от холода, к которому привык, а вздрогнул от страха, ибо боялся этого места. Здесь было обиталище богов, скрывавшихся в леднике; богов, в которых он верил, богов вечно гневных.

И тут он вспомнил, что не принес с собой жертвы, дабы умилостивить их. Он вернулся туда, где лежал убитый волк, и с трудом, пользуясь острым кремневым копьем и каменным топором, отделил голову волка от туловища. Он вернулся, положил волчью голову на камень у подножья ледника и пробормотал:

— Она кровоточит, а боги любят кровь. Клянусь, что, если я убью Хенгу, я принесу богам его труп, который понравится им больше, чем волчья голова.

Затем он стал на колени и начал молиться. Молился он долго и закончил так:

— Укажите же мне, о боги, что делать. Должен ли я вызвать Хенгу так, как ведется издавна, и сойтись с ним в единоборстве перед лицом всего народа? Если же мне не делать этого, то как смогу остаться я здесь? Значит, тогда я должен бежать отсюда с женой моей Аакой и с сыном моим Фо и, может быть, с моим приемышем карликом Пагом, мудрым человеком-волком, бежать отсюда и искать себе иного жилища за лесами, если нам удастся пробиться сквозь них. Примите мое приношение, о боги, и дайте мне ответ. Если я должен биться с Хенгой, бросьте камень с вершины ледника, а если мне нужно бежать, дабы спасти жизнь Ааки и Фо, не бросайте камня. Я жду здесь и буду ждать, куда солнце не подымется и не наступит ясный и полный день, и тогда, если камень упадет, я вернусь и вызову Хенгу на единоборство. А если он не упадет, я откажусь от мысли вызывать его и в ночи скроюсь отсюда с Аакой и с Фо, и с Пагом, если он последует за мной, и тогда у вас будет четырьмя почитателями меньше, о боги!

Последнее соображение пришло ему в голову внезапно, вспышкой вдохновения. Это соображение очень понравилось ему, и Ви решил, что оно должно убедительнейшим образом подействовать на богов, так как почитателей у них было немного и потому боги вряд ли были склонны лишаться их.

* * *

Ви окончил молитву — занятие было утомительно для него более, чем целый день охоты и рыболовства, и, продолжая стоять на коленях, глядел на громоздящийся перед

ним ледник. Он не имел ни малейшего представления о законах природы, но знал, что если пустить тяжелое тело вниз по скату, то оно понесется все быстрее и быстрее и дойдет до подножья с быстротой, уже совершенно неопи-сваемой. Он помнил, как однажды убил медведя тем, что ска-тил на него камень.

Вспомнив это, он стал думать о том, что случится, если вся эта огромная масса льда двинется по-настоящему, а не с обычной быстротой всего в несколько ладоней за год. Впрочем, и тут ему помогла память. Как-то в лесу увидел он ледяное дитя, рождение глетчера: увидел, как глыба, величиной с целую гору, внезапно обрушилась вниз по одной из западных долин в море, взметнувши пену и брызги до самых небес. Глыба эта не причинила вреда никому, кроме, может быть, тюленей и котиков, игравших в бухте. Но если бы двинулась не глыба, если бы двинулся огромный центральный ледник и вместе с ним все маленькие западные ледники, что бы случилось с племенем на побережье? Всех бы перебило, всех до единого, и ни одного человека не осталось бы во всем мире.

Он, понятно, не называл этого "мира", потому что о мире, о вселенной он ничего не знал. Землю называл он словом, которое обозначало "место", и в это понятие входили те несколько миль побережья, лесов и гор, по которым он блуждал и которые были ему знакомы. С большой высоты не раз видел он другие побережья и леса, горы за каменистой пустынной равниной, но все эти края казались ему ненастоящими, казались сонным видением. По крайней мере, там не жили ни мужчины, ни женщины, не то племя слыхало бы голоса тех людей или увидело бы дым от их костров, костров, у которых соплеменники Ви грелись и готовили пищу.

Правда, ходили рассказы о том, что существуют еще люди на свете, и даже хитрый карлик Паг полагал, что это так. Но Ви — человек дела — не обращал внимания на подобные рассказы. В этой долине вместе с ним жили единственные люди на земле, и если их раздавит ледник, то вообще все будет кончено.

Впрочем, если даже люди и погибнут (если, понятно, не считать Ааки, Фо, Пага — о других он мало беспокоился), ничего ужасного не произойдет для остальных существ: те, кто идет в пищу — тюлени, птицы и рыбы, в особенности же лосось, который весной идет вверх по реке, и форель, — будут даже счастливее, чем сейчас.

Эти размышления также утомили его, ибо он был человек дела и только сейчас начинал учиться думать. Он оставил мысли так же, как бросил молиться, и только большими задумчивыми глазами глядел на лед перед собою.

Небо уже серело, и все кругом стало светлеть. Скоро встанет солнце, и он сможет взглянуть в глубину льда.

Взглянуть! Там, во льду, были лица странные, какие-то чудовищные лица, одни широкие, толстые, другие тощие, и они, казалось, колебались и изменялись вместе с меняющимся освещением и игрой теней. Несомненно, то были лица меньших богов, которых, наверно, немало, и все это были боги злые, коварные и все они издевались над ним, подглядывали, слабились, насмехались.

А позади них неясным очертанием выделялся великий Спящий, таков, каким он был всегда — бог-гора, бог с извивающимся носом, длиннее человеческого роста, бог с огромными кривыми зубами, величиной с полотнище хижины, бог с маленьким холодным глазком, который казался навсегда уставленным на смотрящего. А позади, в глубинах льда, терялось неизмеримое, необъятное тело, высотой, должно быть, как три человека, если бы они стали друг другу на голову.

Да, это был бог!

Глядя на него, Ви мысленно представил себе, как в некий день бог пробудится, прошибет лед, вырвется на свободу и сбежит вниз по горе.

Ви поднялся с колен и робко пополз к самому леднику и заглянул в отверстие во льду. Он хотел тщательнее посмотреть бога. Когда он стоял наклонившись, в ясном небе, над плечом горы, поднялось солнце и тепло засветило на ледник в первый раз за всю ту весну, вернее, за раннее лето. Лучи солнца упали в расщелину во льду, и Ви различил Спящего лучше, чем ему случалось видеть бога до сих пор.

Поистине Спящий был огромен. А вот позади него нечто подобное человеку, какой-то смутный образ, о котором Ви много раз слышал, но которого до сих пор никогда не видел. А может быть, это тень? Ничего наверняка Ви сказать не мог, потому что как раз в это мгновение солнце закрыло облаком, и неясный образ исчез.

* * *

Ви терпеливо стал переживать, пока облако пройдет.

Счастье его было, что он переживал. Как раз в то мгновение, когда он подумал было о том, чтобы вернуться

вниз, огромная каменная глыба, лежавшая, очевидно, на самом гребне ледника, отделилась от своего подтаявшего фундамента и, грохоча, обрушилась вниз по глетчеру, перескочила через Ви и ударилась в то самое место, на котором он стоял, молясь. Ударилась, пробила яму в промерзлой земле, в порошок растерла волчью голову и затем огромными скачками понеслась дальше, к побережью.

— Спящий охранил меня, — пробормотал Ви, оборачиваясь, чтобы посмотреть вслед несущейся скале. — Останься я там, где стоял, я был бы растерт в такой же порошок, как волчья голова.

Затем он внезапно вспомнил, что скала — камень. И что камень упал в ответ на его молитву, что упавший камень — знак, которого он ожидал. Тогда он торопливо ушел прочь, дабы не свалился еще один камень и не принес бы своим падением не ответ богов, но угрозу раздавить собой Ви.

* * *

Пробежавши несколько шагов по скату ледника, он добрался до ниши в горе и сел, зная, что здесь он в полной безопасности от катящихся камней. Он начал думать смутно и неопределенно.

— О чем это я спрашивал богов? Если камень упадет, я должен биться с Хенгой, или если камень упадет, я не должен биться с ним?

Вдруг он вспомнил. Понятно, он должен биться. И Аака всегда подговаривала его биться, и холод пробежал по всему его телу.

Понятно, легко говорить о битве с этим яростным великаном, но сразиться с ним — дело совсем нелегкое. Но боги сказали свое слово, и он не смел не повиноваться приказу, о котором сам просил. И, наверное, боги, спасшие его жизнь от скатившейся каменной глыбы, тем самым хотели показать ему, что Хенгу он одолеет. А впрочем, может быть, боги хотели сохранить его жизнь только затем, чтобы Хенга ради их удовольствия разорвал его в клочья. Ведь боги любят кровь. Ведь боги жестоки. И затем ведь боги — боги зла, и потому им должно быть приятно дать победу злому человеку.

На все эти вопросы Ви ответить не мог. Поэтому Ви поднялся и медленно пошел к берегу, размышляя о том, что он, наверное, в последний раз в жизни видел ледник и обитающих в нем Ледяных богов, в последний раз, потому

что он сегодня вызовет Хенгу на бой и, значит, сегодня сразится с ним. А значит, ему уже не жить.

Возвращаясь, прошел он мимо места, где оставил убитого волка, взглянул на скалу и был поражен тем, что кто-то уже свежует зверя. Пальцы его сжались на рукоятье копья, ибо свежевать убитого другим зверя значило нарушать охотничий закон, значило красть убитое другим. Затем появилась голова свежующего, и Ви улыбнулся, и пальцы его, сжимавшие рукоять копья, разжались. То был не вор. То был Паг, любивший его, его раб.

Станный вид был у Пага. Это был карлик с огромной головой, одноглазый, широкогрудый, длиннорукий силач, но на толстых коротких ногах, не длиннее, чем ноги восьмилетнего ребенка. Он был безобразен, совершенно чудовищен, плосконос и широкорот, но безобразное лицо в шрамах всегда было растянуто в насмешливую улыбку. О Паге рассказывали, что при рождении (то было немало времени тому назад, ибо юность Пага прошла) он был так безобразен, что мать бросила его в лесу, боясь, как бы отец, который в то время был на берегу и охотился за тюленями, не убил ее за то, что она принесла такого уродя; мать выбросила его, намереваясь сказать, что сын родился мертвым.

Но случилось, что отец, вернувшись и узнав об участии ребенка, отправился искать его труп, но нашел дитя живым, хотя один глаз у него вытек от удара о камень при падении и лицо было изорвано колючками. Но так как ребенок был первый и так как отец был человек мягкосердечный, он снес его назад в хижину и заставил мать выкормить его. Мать выкормила ребенка, но видно было, что она испугана, хотя никому не говорила чем, да и отец не рассказывал о том, в каких условиях нашел сына.

И так вышло, что Паг не умер, но остался жить.

Помня зло, которое причинила ему мать, он с малолетства стал женоненавистником. Большую часть своей жизни он проводил в лесу с волками, за что (а впрочем, говорят, тут были и другие причины) и был назван "человек-волк". Паг не только не умер, но вырос умнейшим во всем племени, ибо природа, создавшая его безобразным и отвратительным на вид, наградила его зато умом большим, чем у всех остальных в племени, и острым, злым языком, которым он преследовал всех женщин: он нещадно издевался над ними.

За насмешки они ему платили полноценной ненавистью и сговорились погубить его. И вот наступило время голода,

и тогда все женщины племени убедили тогдашнего вождя, отца Хенги, что вина всех бед и злоключений племени — Паг. И потому вождь изгнал Пага из племени, обрекши его на голодную смерть. Но, когда Паг уже умирал, Ви нашел его и привел к себе в хижину, где он и остался рабом, хотя Аака ненавидела его не меньше, чем все остальные женщины племени. Но закон гласил, что, если кто-нибудь спас другому жизнь, жизнь спасенного принадлежит спасителю.

В сущности же Паг был много больше, чем рабом. С самого того часа, как Ви, невзирая на гнев женщин, привел к себе Пага, Паг полюбил своего спасителя и хозяина больше, чем женщина любит своего первенца, больше, чем мужчина любит свою нареченную, и любовь укреплялась еще тем, что Ви защищал Пага и спасал его, сам рискуя навлечь на себя гнев вождя и гнев своих одноплеменников, ибо женщины уже ликовали, что избавились от Пага и его злого языка.

С тех пор Паг стал тенью Ви, был готов ради него переносить какие угодно муки, готов был умереть ради него, готов был даже удержаться от шуточек и насмешек по адресу Ааки или какой-нибудь иной женщины, на которую Ви взглянул бы одобрительно. Впрочем, последнее было для Пага труднее всего: для того, чтобы воздержаться от насмешек, ему нужно было форменным образом до боли прикусывать себе язык. И так случилось, что Паг любил Ви, а Ви любил Пага, и потому Аака, ревнивая и завистливая, стала ненавидеть Пага еще больше, чем ненавидела его до того.

То, что Ви спас жизнь Пагу, изгнанному в самый злой холод на голодную смерть, изгнанному за то, что приносит несчастье, что сварлив и неуживчив, вызвало немало толков и суматохи. Но, когда дело дошло до вождя, отца Хенги, человека мягкосердечного, он объявил, что раз Паг был дважды выброшен из племени и осужден на голодную смерть и дважды спасся и возвращен назад, ясно, что боги предрекли ему какую-нибудь иную кончину. Но раз Ви подобрал его, Ви должен кормить его и смотреть за тем, чтобы Паг никому не причинял беды. Если же Ви нравится держать в своем жилище одноглазого волка, то это дело Ви.

Вскоре после того Хенга убил своего отца и стал вождем вместо него, так что дело с Пагом было позабыто. Паг остался в хижине Ви и жил с ним вместе, Ви и дети любили Пага, а Аака ненавидела его.

ПЛЕМЯ

— Хороший мех, — сказал Паг, указывая на волка окровавленным ножом. — Весна пришла поздно, и зверь еще не начал линять. Когда я выдублю его как следует, выйдет хороший плащ для Фо. А Фо очень нужен теплый плащ, даже летом. Вот ведь все прошлое лето он кашлял.

— Да, — тревожно сказал Ви, — кашель напал на него с тех пор, как он спрятался в холодной воде от гнавшегося за ним черного длиннозубого медведя. Мальчик знал, что медведи в воду не входят. Но за это, — внезапно рассвирепевши добавил он, — я убью того медведя. И Фо горюет по сестре.

— Да, Ви, — прохрипел Паг, и его единственный глаз загорелся ненавистью, — Фо горюет, Аака горюет, ты горюешь и даже я, человек-волк, горюю о ней. Почему ты звал меня с собой на охоту в тот день, когда я хотел остаться дома и сердце мое чуяло грозящую беду? А я хотел остаться дома и присмотреть за Фоей, которую Аака отпустила побегать потому только, что я сказал ей, чтобы она не отпускала девочку далеко и следила за ней.

— Такова воля богов, Паг, — пробормотал Ви и отвернулся.

— Богов! Каких богов? Это воля не богов, а двуногой твари. Он зол, как сам тигр с саблевидными клыками, о котором нам рассказывали деды. Да, это воля не богов, а всему виною Хенга, и способствовала ему раздражительность Ааки. Убей этого человека-тигра, Ви, и брось думать о черном медведе. А если ты не хочешь или не можешь убить Хенгу, предоставь это мне. Есть одна женщина, которая ненавидит его за то, что он отверг ее и сделал служанкой той, которую взял вместо нее. А яд я умею варить, отличный яд...

— Нет, это незаконно, — сказал Ви, — и такое убийство навлечет на нас проклятие. Но закон разрешает мне убить его, и я его убью. Об этом я и говорил с богами.

— Так вот, значит, куда делась волчья голова: пошла на жертвоприношение! Понимаю. А что сказали тебе боги, Ви?

— Они подали мне знак. Все случилось так, как сказала Аака: если мне суждено биться с Хенгой, то с ледника упадет камень. Камень упал. Он чуть не задавил меня, но в то время я отошел от волчьей головы и приблизился ко

льду, чтобы лучше разглядеть Спящего, величайшего из богов.

— По-моему, он вовсе не бог, Ви. Мне так кажется, что это просто зверь неизвестной нам породы: зверь замерзший, а Тень позади Спящего — человек, который охотился за этим зверем. Они оба попали в снег и там умерли, а снег обратился в лед, и так пошел ледник.

Ви удивленно взглянул на него: мысль эта была ему совершенно нова.

— Как же может это быть, Паг? Ведь и Спящий и Тень в леднике были вечно. И наши праотцы помнят, что они были здесь, и такого зверя никто не видывал. И, кроме нас, вообще людей не существует.

— А ты в этом уверен, Ви? Мир велик. Если ты подымешься на вершину холма, увидишь там далеко, как только хватает глаз, другие холмы; а между ними виднеются равнины и леса. И далеко в две стороны идет море и немало заливов по морскому берегу. Отчего же в таком случае не должно быть больше людей на свете? Неужто боги создали только нас? Слишком мало нас одних для забавы им.

Ви только покачал головой в ответ на эти кощунственные рассуждения, а Паг продолжал:

— А то, что ты думаешь о камне, — часто ведь случается, что, когда солнце подточит лед, с гребня начинают идти трещины, и валуны сыплются с ледника. А все, что мы называем стенаниями и призывами богов, по-моему, просто треск льда, смерзающегося от сильного мороза: и лед подчас трещит, просто когда оседает под собственной тяжестью.

— Замолчи, Паг, — перебил его Ви, затыкая пальцами уши. — Я больше не хочу слушать твои безумные речи. Если боги услышат их, они нас покарают.

— Если люди услышат эти речи, они нас убьют. Ведь люди живут в страхе перед тем, чего не могут видеть, и рады спасти свои жизни ценою жизни другого. А что до богов — вот им.

И Паг показал леднику кукиш, необычайно древний знак презрения.

Ви был так подавлен этими словами и поступком, что уселся на камень, будучи не в силах отвечать, а Паг, первый скептик, продолжал:

— Если уж мне пришлось выбирать себе бога, — а, на мой взгляд, люди и так достаточно злы, что незачем было ставить над ними кого-нибудь еще злее, — я выбрал бы себе богом солнце. Солнце дает жизнь; когда солнце сияет,

все растет, и все живые существа сходятся в пары, и птицы кладут яйца, и тюлени приплывают сюда выращивать приплод, и цветут цветы. А когда нет солнца, а есть только мороз и снег, все существа или умирают, или уходят прочь отсюда, и жить становится трудно, и волки и медведи боятся голода и пожирают людей. Да, я выбрал бы себе солнце добрым богом, а мороз и черную тьму — злыми богами. Но послушай, Ви! Как же будет насчет Хенги? Ты вызовешь его на бой?

— Да, — последовал свирепый ответ, — сегодня же.

— О, если бы ты победил! Если б ты убил его! Поразил бы так, и так, и так!

И Паг вонзал кремневый нож в брюхо убитого волка.

— Да, — задумчиво добавил он, — дело это нелегкое. Мне никогда не пришлось слышать ни об одном человеке, столь же сильном, как Хенга. Прав Нгай, который называет себя волшебником, а на самом деле только лжец и обманщик, прав, говоря, что мать Хенги ошиблась. Нгай говорит, что она хотела принести двойню, но только дети в ее утробе смешались, и вышел один Хенга. Ведь он прямо двойной: у него зубы во рту в два ряда и он вдвое выше ростом, чем все люди, и злее всех, побольше даже, чем вдвое. Впрочем, он, несомненно, человек, а не то, что ты называешь богом: ведь он жиреет и становится все более тяжел на подъем, и волосы его начинают седеть. Значит, его можно убить. Значит, его может убить всякий, у кого хватит силы проломить его толстый череп. Собственно, я бы предпочел отравить его, но ты говоришь, что нельзя делать этого. Ну, я обдумаю все, и мы с тобой поговорим еще перед боем. А пока что (наверное, потом нас будут окружать болтливые бабы, так что не удастся толком поговорить) скажи мне, Ви, что я должен делать, если Хенга убьет тебя? Наверное, тебе вовсе не хочется, чтобы он взял себе в жены Ааку, как он давно собирается сделать, и чтобы он превратил Фо в раба?

— Вовсе не хочется.

— В таком случае прикажи мне убить их или присмотреть за тем, чтобы они сами убили себя.

— Приказываю тебе это, Паг.

— Хорошо. А что должен делать я?

— Не знаю, — устало ответил Ви. — Поступай как тебе заблагорассудится. Я благодарю тебя и желаю тебе добра.

Паг поднял край полусодранной с волка шкуры, отер свой единственный глаз и сказал:

— Ты недобр ко мне, Ви. Правда, меня называют дважды Выброшенный, и Человек-Волк, и Безобразный, и Злоязычный, но ведь я всегда верно служил тебе. А тебе безразлично, что станется со мною.

* * *

Со свежеванием волка было покончено, и Паг накинул на плечи себе окровавленную шкуру. Она висела шерстью кнаружи, так как, по словам Пага, не нужно было давать ей сморщиться, а несколько капель крови ему не мешают. И оба, больше не разговаривая, пошли вниз к берегу; впереди шествовал подвижный, стройный и рослый Ви, за ним ковылял на коротких ногах безобразный Паг.

Растянувшись на побережье на большую длину, стояло много грубых зданий, похожих на теперешние индейские вигвамы или на грубые хижины, какие строят австралийские дикари. Возле хижин бродили и валялись остромордые, длинношерстые, хмурые и крупные звери, которых современный человек принял бы скорей за волков, чем за собак. Родоначальниками их и вправду были волки, но сколько поколений тому назад, сказать невозможно. Эти же звери были более или менее ручными и являлись, пожалуй, самым ценным достоянием племени, которое при их помощи отпугивало настоящих хищных волков и других диких зверей, блуждавших по побережью и в лесах.

Как только эти звери завидели Ви и Пага, они яростно бросились вперед, разинув пасть и свирепо рыча, но, зачуяв знакомый запах, немедленно успокоились, и большинство вернулось к хижинам, откуда прибежали. Только несколько, принадлежавших лично Ви и живших у него в хижине, не отставали, виляя хвостами, прыгали на Ви и старались облизать его лицо. Он погладил по голове одну из собак, большого пса Ио, любимого спутника охот, и немедленно остальные собаки ревниво набросились на Ио. Пагу немало труда стоило растащить их.

Шум собачьей грызни привлек внимание племени, и немало народу выглянуло из хижин, чтобы узнать, в чем причина свалки.

То были люди со свирепыми лицами, все темноволосые, подобно Ви, впрочем, ниже его ростом и не так крепко сложены. Все члены племени были, в общем, похожи друг на друга — результат перекрестных браков в продолжение бесчисленного множества поколений. Если бы чужестранец пришел в племя, ему, наверно, пришлось бы отличать лю-

дей друг от друга скорее всего по возрасту, но так как сюда не попадал никакой иностранец, то все это было неважно, потому что соплеменники легко улавливали незаметную для посторонних разницу.

У большинства людей лица были изможденные и покрыты ранними морщинами, что показывало, что эти люди хорошо знакомы с голодом, холодом и нуждой. У многих, как и у Ви, были прекрасные глаза, но глаза эти были точно поражены ужасом, и взоры бегали украдкой и нерешительно. Детей в племени было немного. Дети держались вместе одной кучкой, очевидно для того, чтобы не попадаться под ноги старшим и тем избежать пинков; либо же бродили вокруг костров, на которых жарилась пища, насаженная на вертела (племя не очень много умело вообще, не знало ремесел и даже пищу готовило примитивным способом и не обладало никакой кухонной утварью), по большей части тюленье мясо. Дети блуждали вокруг костров попеременно с собаками, стараясь, когда никто не увидит, урвать кусок мяса. Только несколько младенцев сидело на песке, играло палочками и ракушками. Женщины на вид были еще более удручены, чем мужчины. Впрочем, это было вполне понятно: женщины были на положении рабов, и они делали тяжелую работу и служили своим господам, взявшим их в жены либо силой, либо в обмен на другую женщину, либо же за выкуп теми ценностями, которые знало племя, — костяными крючками для ужения, кремневым оружием, веревками из сухожилий и выделанными шкурами.

Среди этих представителей первобытного человечества (не нужно забывать, что таковы были наши предки) пробирался к своей хижине Ви, сопровождаемый Пагом.

Хижина Ви была больше и опрятнее прочих. Шесты, на которых были натянуты шкуры, были связаны наверху, обтесаны, и выдубленные звериные кожи покрывали крышу, сделанную из сушеных листьев и водорослей; эта крыша прекрасно предохраняла от холода.

По всему видно было, что с Ви в племени считаются: все встреченные расступались перед ним, и не одна женщина глядела ему вслед сочувственно, так как у всех еще свежо в памяти было, как Хенга всего несколько дней назад похитил его дочь и убил ее. Одна из женщин напомнила об этом другой, но та (она была старше, и трудная жизнь приучила ее к бесчувствию) ответила, как только Ви отошел достаточно далеко, чтобы можно было не бояться, что он услышит:

— А кому какое до этого дело? Будущей зимою одним ртом на прокорм меньше будет. Да и кому охота воспитывать дочерей, чтобы стало с ними то же, что с нами?

Несколько молодых женщин — в племени девушек не было: как только девочка подрастала, ее сейчас же кто-нибудь брал себе в жены — окружили Пага и, будучи не в силах сдержатъ любопытство, принялись расспрашивать его о волчьей шкуре у него на плечах. Но Паг был верен себе: он огрызнулся, что им незачем вмешиваться в чужие дела, а чтоб они помнили о своих, чтобы работали, не шлялись даром. Женщины рассердились, стали ругать его, дразнить, смеяться над его безобразием и корчить рожи. Тогда Паг науськал на них собаку, и они разбежались.

Ви и Паг подошли к хижине Ви.

Когда они приблизились, закрывавшая вход завеса распахнулась, и из хижины выбежал мальчик лет десяти. Мальчик красивый, но несколько худощавый, с оживленным и сияющим лицом и совсем непохожий на своих однолеток.

Фо бросился к отцу на шею и закричал:

— Мать заставила меня есть в хижине, потому что холодный ветер, и я все еще кашляю. Но я услышал твои шаги и походку Пага; ведь, знаешь, он ступает, точно тюлень переваливается на плавниках. Где ты был, отец? Утром я проснулся, и тебя не было.

— Я был у обиталища богов, — ответил Ви, взглянув по направлению к леднику, и поцеловал сына.

В это мгновение Фо заметил огромную волчью шкуру, свисавшую до земли с плеч Пага; со шкуры все еще струилась кровь.

— Где вы добыли эту шкуру? — закричал он. — Какая красота! Вот это волк — всем волкам волк! Эс ты убил его, Паг?

— Нет, Фо, я только освежевал его. Учись быть наблюдательным. Взгляни на копье отца. Весь наконечник его окровавлен, на рукояти запекшаяся кровь.

— Но твой нож, Паг, тоже окровавлен и ты весь окровавлен, с головы до пят. Откуда же мне узнать, кто из вас убил волка, когда вы оба такие храбрые? А что вы собираетесь делать со шкурой?

— Из нее мы сделаем для тебя плащ, Фо. Я сделаю его искусно, так, что когти останутся в лапах, но отчищу их так, что, когда ты запахнешься в плащ, когти будут сиять.

— Очень хорошо. Сделай это поскорее, Паг. Ведь плащ будет теплый, а сейчас дуют такие холодные ветры. Отец,

зайдем в хижину; еда ждет тебя, и ты расскажешь мне, как убил волка.

Фо ухватил Ви за руку и потащил его за собой за завесу из дубленых шкур, а Паг и собаки ушли в пристроечку позади хижины, где жил карлик.

Хижина была длинная, футов в шестнадцать, и футов в двенадцать ширины. Посередине был глиняный очаг, на котором горел огонь, и дым поднимался в отверстие в потолке; впрочем, так как утро было тихое, дым выходил в вытяжное отверстие не весь, и воздух в хижине был тяжелый и удушливый. Но Ви, привычный к этой обстановке, даже не заметил духоты.

По ту сторону очага стояла Аака, жена Ви, одетая в юбку из тюленьей шкуры, скрепленную завязками под грудью; в хижине было тепло, и потому на Ааке не было плаща. Это была стройная, статная женщина лет тридцати; ее густые черные волосы свисали четырьмя пышными косами, завязанными на конце узлами из травы и сухожилий. Кожа Ааки была светлее, нежели кожа большинства женщин племени; кожа у нее, в сущности, была даже белая, только обветрилась от сурового климата; лицо было несколько широкое, но красивое и тонкое. Правда, физиономист подметил бы некоторую сварливость. Подобно всем ее одноплемянницам, у Ааки были большие и печальные темные глаза. Она стояла у очага и жарила на заостренных палочках полоски мяса.

Когда Ви вошел, она посмотрела на него любопытствующим и испытующим взглядом, точно пытаясь прочесть его мысли, затем улыбнулась несколько смущенно и пододвинула обрубок дерева. Больше Ви не на чем было сесть, так как племя не знало мебели, даже самой примитивной. Подчас случалось пользоваться вместо стола каким-нибудь большим плоским камнем или применять вместо вилки раздвоенный прут, но далее этого никто в племени не шел, да и импровизированная вилка выбрасывалась после употребления и о ней забывали. Так, вместо кроватей служили охапки сушеных водорослей, брошенных на пол и накрытых какими-нибудь шкурами; так, для освещения служили большие раковины, наполненные тюленьим жиром, в котором плавал крученный из моха фитилек.

Ви присел на обрубок, и Аака подала ему одну из палочек, на которых был насажен большой кусок потрескивающего тюленьего мяса, полусырого, прокопченного дымом, а в одном месте даже обугленного. Аака подала мужу мясо и стала рядом в покорной позе, ожидая приказаний, в то

время, как Ви пожирал мясо с манерой, которую мы бы элегантно ни в коем случае не назвали.

Затем Фо скромно и робко вытащил из какого-то укромного уголка хижины что-то завернутое в широкий древесный лист, развернул узел и опустил его наземь. В узле оказалась какая-то растертая в мелкий порошок, чуть коричневатая пыль, которую мальчик с большим тщанием соскреб со скал после лужицы, из которой испарилась морская вода. Как-то Ви случайно пришлось примешать к пище этот самый порошок, и оказалось, что от примеси пища становится намного вкуснее. Таким образом Ви открыл для своего племени соль; впрочем, соплеменники его считали соль роскошным нововведением, которым вряд ли надлежит пользоваться. Но у Ви были взгляды более широкие, чем у остальных, и Фо было поручено собирать порошок; прежде это составляло обязанность его сестры Фои. За этим занятием ее и захватил убийца Хенга.

Вспомнив это, Ви отодвинул лист с его содержимым, но затем, увидев обиженное выражение лица мальчика, придвинул снова лист к себе и опустил мясо на его содержимое.

Наевшись досыта, Ви знаком разрешил Ааке и Фо съесть оставшееся мясо, на которое они жадно набросились, так как ничего не ели с самого вечера. Дело в том, что закон не позволял, чтобы члены семьи ели прежде, чем не насытится глава ее. Напоследок Ви взял ломоть провяленной на солнце трески, такой твердой, что ни один современный человек не мог бы даже укунить ее. На сладкое пошла пригоршня диких слив, которые Фо нашел где-то в холмах, а Аака спекла в золе.

По окончании еды Ви приказал Фо снести остатки Пагу и остаться в пристройке, куда его не позовут. Затем он выпил немало ключевой воды, которую Аака собирала в большие раковины и в камень (самое ценное ее имущество), который ледником был выдолблен в форме горшка и обтесан от трения о другие камни. Он напился воды, потому что пить нечего было, хотя осенью Аака варила что-то вроде чая: она варила какую-то известную ей траву в раковине, и настойку этой травы все пили и похваливали за тепло и подбадривающее действие. Но трава эта цвела только осенью и до сих пор никому в голову не приходило собирать ее и сушить. Таким образом, потребление первого известного людям яда было поневоле ограничено, что было только полезно.

Напившись воды, Ви задернул шкуры, висевшие у вхо-

да, и скрепил их, протянув шнурок в специально для этого проделанные петли. Затем он уселся на свой обрубок.

— Что сказали боги?— торопливо спросила Аака.— Они ответили на твою молитву?

— Да, женщина, ответили. На восходе солнца с гребня ледника упала скала и раздавила мое жертвоприношение, так что лед воспринял его.

— Какое приношение?

— Голову волка, которого я убил по пути к леднику.

Аака подумала некоторое время и сказала:

— Сердце подсказывает мне, что примета эта добрая. Волк этот — Хенга, и ты убьешь Хенгу подобно тому, как ты убил волка. Я слыхала, что шкура волка предназначена на плащ для Фо. Это добрая примета, ибо она обозначает, что в некий день власть и звание вождя, которыми сейчас облечен Хенга, перейдут к Фо. И, наконец, если ты убьешь Хенгу, Фо останется в живых. Если же в живых будет Хенга, то Фо умрет, как умерла Фоя.

Ви слушал, и лицо его становилось все радостней.

— Твои слова дают мне силу. А теперь я пойду, созову племя и объявлю ему, что вызываю Хенгу на смертный бой.

— Ступай, — ответила она, — но выслушай меня, муж мой. Сражайся без страха, ибо, если мое толкование примет и предвещаний неверно и Хенга убьет тебя — что из этого? Скоро мы все умрем. Часть умрет медленно от голода, холода, старости и болезней, но смерть от руки Хенги скорая и легкая. Но если ты будешь убит, то и мы умрем: умрем скоро, очень скоро.

Ви встал и вышел из хижины. Аака смотрела ему вслед и бормотала про себя:

— Быть может, все мои мысли о предвещаниях вздор. Значит, я обезумела. Но я безумна от горя по Фое и страха за Фо. Но я должна дожить до того дня, до того часа, когда Ви выбьет ударом секиры мозги из толстого черепа Хенги. А если Ви будет убит, то я вместе с Пагом отравлю Хенгу. Говорят, что Паг — волк. Я ненавижу Пага, и Ви слишком много думает о нем. Но что мне до того, волк ли Паг или какое иное чудище? Он любит Ви и любит моих детей и поможет мне отомстить Хенге.

* * *

И тут она услышала, как трубит рог дикого буйвола, служивший сигналом племени. Значит, Вини-Вини, прозванный Трясучка, потому что дрожал, как медуза, даже

когда его ничто не пугало (а это бывало очень редко), созывает племя для общего обсуждения новостей, которые сейчас расскажут. Аака, зная, какие новости сообщат племени, поднялась, накинула плащ и пошла на звук рога к Месту Сборищ.

Здесь, на ровном месте, на некотором расстоянии от хижин, шагах в двухстах от скалистого отрога горы, собиралось все племя, все мужчины и все женщины, кроме тех, которые были слишком больны или слишком стары, чтобы прийти, и все дети, кроме тех, которые лежали в колыбели. Собираясь, люди возбужденно болтали друг с другом, радуясь тому, что случилось что-то, что нарушает ужасающее однообразие жизни. Время от времени идущие указывали на вход в большую пещеру, видневшуюся в скалах расположенного у Места Сборищ горного отрога. В этой пещере жил Хенга, ибо с незапамятных времен здесь находилось жилище вождя племени, в которое никто не смел вступать без разрешения: жилище это было священо и неприступно, подобно нынешним дворцам.

Аака шла, чувствуя, что за ней внимательно следят ее одноплеменники. И она знала, почему так внимательно следят за нею, но делала вид, что не замечает пристальных взглядов. Дело было в том, что она жила с Ви, а пронесся слух, что Ви — Могучий, Ви — Великий охотник, Ви, чью дочь на днях убили, собирается сделать что-то необычайное; впрочем, что именно — того никто не знал наверняка.

Все хотели спросить Ааку, но в выражении ее лица было что-то, отчего никто не решался обратиться к ней; и глаза ее были холодны и неподвижны, и все чуточку побаивались ее. И так она шла одна, окруженная почтительным отдалением, и искала глазами Фо. Вскоре она заметила его в обществе Пага. На плечах карлика по-прежнему висела пахучая волчья шкура, хвост которой — так как Паг был ростом мал — волочился по земле. Аака заметила, что народ расступился, пропуская Пага. Но она знала, что это делают не потому, что любят его или уважают, а только потому, что боятся его.

— Погляди, — сказала неподалеку от Ааки какая-то женщина другой, — вон идет наш ненавистник, злоязычный Паг.

— Да, — ответила та, — и он так торопится, что даже позабыл снять с себя волчье обличье, в котором охотился прошлую ночь. Слыхала ты, что у жены Бука пропал трехлетний ребенок? Говорят, что его унесли медведи, но

мне сдается, что человек-волк знает, что случилось с ребенком, лучше, чем кто бы то ни было.

— Однако Фо не боится его. Смотри, Фо идет с ним рядом, держит его за руку и смеется.

— Ну, это-то понятно, что Фо его не боится, Ведь ...

Тут женщина заметила Ааку и сразу же замолчала.

"Хотела бы я знать, — размышляла Аака, — потому ли мы, женщины, ненавидим Пага, что он уродлив и ненавидит нас, или потому, что он умнее, чем мы, и всегда побеждает в словесных поединках. И хотела бы знать, почему это все считают, что он наполовину волк или волчий оборотень. Должно быть, потому, что он охотился вместе с Ви. Но как это может человек быть человеком и волком одновременно? Впрочем, одно-то уж в этих рассказах чистая правда: то, что у него какие-то дела — не дела, а что-то с волками есть. А может, он сам об этом нарочно рассказывает для того, чтобы все мы боялись его".

Наконец она пришла на Место Сборищ и стала по соседству с Фо и Пагом. Племя расположилось, стоя или сидя, кольцом вокруг ровно утрамбованной площадки, на которой иногда племя плясало, когда пищи бывало достаточно и погода стояла теплая. Эта же площадка служила и местом советов. На этой площадке юноши сражались и боролись за право завладеть девушкой, к которой стремились.

На одном из концов кольца (в сущности, это был скорее овал, нежели круг) рядом с Вини-Вини — Трясучкой, который время от времени все еще трубил в свой рог, стояли некоторые старейшины племени. Это были: старый Тури-Скряга, хранитель пищи, который всегда бывал толст и жирен, как ни тощало племя; Пито-Кити-Несчастливец, которому всегда не везло, у которого рыба всегда сгнивала, которого покидали жены, чьи дети умирали, чьи сети всегда рвались, так что его кормили другие, боясь, как бы он не умер и не передал своего невезения тем, кто не заботился о нем; Уока — Злой Вещун, бледнолицый и острокусый мужчина, который каркал и грозился грядущими бедствиями; Хоу-Непостоянный, клонящийся то на одну, то на другую сторону, колеблющийся точно лист под ветром, всегда опровергающий то, что говорил накануне; Рахи-Богач, торговавший каменными топорами и крючками для ужения и благодаря этому живший хорошо без всякого труда; Хотоа-Толстопузый, который всегда говорил медленно, но предпочитал молчать, покуда вопрос не будет разрешен, а когда вопрос бывал разрешен, он громко вы-

крикивал решение и делал при этом мудрое лицо; Тарэн, которая жила с Нгаем, жрецом Ледяных богов, волшебником, гадавшим на раковинах, предсказывавшим будущее и выползавшим из своей норы только когда близка была какая-нибудь беда.

И, наконец, там стоял Моананга—Отважный, младший брат Ви, Великий Боец, который сражался с шестью людьми и добился наконец своего — завладел Таной-Прекрасной и Любящей, самой красивой женщиной племени, Моананга, который убил двух людей, пытавшихся силой похитить ее у него. Это был круглоглазый человек со смеющимся лицом, вспыльчивый, но отходчивый и добродушный, и он был первым охотником в племени после Ви. К тому же он любил Ви и держался всегда вместе с ним, так что оба они были — одно. И вот поэтому-то Хенга, вождь, ненавидел их обоих и знал, что вдвоем они сильнее, нежели он.

Все эти люди разговаривали, наклонивши головы друг к другу, перешептывались, пока не появился Ви, рослый, мощный, молчаливый. И, когда они увидели его, все сразу умолкли.

Ви оглядел собравшихся, медленно всматриваясь каждому в лицо, и затем сказал:

— Я хочу сказать племени.

— Мы слушаем тебя, — ответил Моананга.

— Внимайте же, — заговорил Ви. — Есть закон, по которому каждый в племени вправе вызывать вождя на смертный бой. И по этому закону, если вызвавший убьет вождя, то сам становится вождем.

— Такой закон существует, — заявил Урк, старый колдун, который делал для женщин талисманы и варил любовные зелья, а долгими зимними вечерами рассказывал повести о том, что случилось давным-давно тому назад, еще прежде, чем родился дед его деда; то были повести диких и непонятные. — Такой закон существует. Дважды в моей жизни случалась смена вождя, второй раз это было, когда Хенга вызвал и убил своего отца и сам занял пещеру.

— Да, — прибавил Уока — Злой Вещун, — но если вызывающий потерпит поражение, то убивают не только его, но и всю его семью... (И тут он взглянул на Ааку и Фо...) А также, возможно, его друга или брата (и он взглянул на Моанангу). Да, таков закон, и в том нет сомнений. Пещера принадлежит только вождю, и то, если он может защитить ее собственными своими руками. А если восстанет

кто-нибудь, кто сильнее, нежели вождь, он может убить вождя и забрать себе пещеру и женщин, и детей, если там есть дети, и убить их или превратить в рабов, и владычествовать до тех пор, пока силы его не начнут убывать и более сильный, чем он, убьет его.

— Я знаю это, — сказал Ви. — Внемлите же вновь. Хенга причинил мне зло: он похитил и убил дочь мою, Фою. Поэтому я хочу убить его. И он правит племенем свирепо и жестоко. Ничья жена, ничья дочь, ничья одежда, ничья пища несохранны от Хенги. Его жестокость такова, что прогневила богов. Вот лета уже у нас холодные и весна не приходит. Почему бы это? Я говорю, что виною тому — жестокость Хенги. Потому я убью его и займу пещеру и буду править мягко, так что у каждого будет пищи вдосталь и каждый сможет спокойно спать в своей хижине. Что вы ответите мне?

Заговорил Вини-Вини — Трясучка, дрожа и содрогаясь всем телом:

— Мы отвечаем, что ты можешь делать все что хочешь, Ви, но мы в это дело не вмешиваемся. Если же мы вмешаемся, то, когда тебя убьют, а я не сомневаюсь в том, что тебя убьют, ибо Хенга сильнее, нежели ты, да, сильнее, ибо он тигр, ибо он буйвол лесной, ибо он рычащий медведь, тогда он убьет нас также. Поступай как знаешь и делай что хочешь, но делай все, что ты хочешь один. Мы поворачиваемся к тебе спинами, мы затыкаем большими пальцами себе уши, мы закрываем глаза ладонями и не видим ничего.

Паг плюнул наземь и сказал низким, ворчащим голосом, который, казалось, выходил у него не изо рта, а из чрева:

— А мне кажется, что ты увидишь кое-что в некоторую ночь, когда звезды будут ярко сиять. Я думаю, Вини-Вини — Трясучка, что наступит ночь, когда ты увидишь кое-что такое, от чего так затрясешься, что развалишься на куски.

— Это человек-волк, — завизжал Вини-Вини, — защитите меня. Почему человек-волк угрожает мне здесь, на Месте Сборищ, где мы обсуждаем целым племенем слова Великого Охотника Ви?

Никто не отвечал, потому что многие боялись Пага, и все, вплоть до последней рабыни, презирали труса Вини-Вини — Трясучку.

— Не обращай внимания на слова этого жалкого труса, брат, — сказал круглолицый Моананга, — я пройду с тобой до входа в пещеру, когда ты будешь вызывать Хенгу, и

я думаю, что многие пойдут с тобою, дабы быть свидетелями вызова, ибо таков обычай и таков закон. Пускай те, кто не хочет идти, остаются позади. Ты сам рассудишь, как поступить с ними, когда станешь вождем и будешь править нами и жить в пещере.

— Благодарю тебя за смелые речи, брат, — ответил Ви, — пойдем.

Глава III

СЕКИРА, КОТОРУЮ СДЕЛАЛ ПАГ

Когда вопрос был таким образом улажен, стали судить и ридить о том, как послать вождю Хенге вызов, сделанный Ви. Престарелого Урка заставили рассказать, как поступали в таких случаях прежде, и старик стал говорить длинно и путано, то и дело противореча только что сказанному. Наконец вскочил Хоу-Непостоянный и заявил, что он-то ничего не боится и готов предводительствовать. Впрочем, он немедленно отказался от своих слов и заявил, что вспомнил: эта обязанность по праву лежит на Вини-Вини — Трубаче, который обязан трижды протрубить возле устья пещеры и тем вызвать вождя. На это все согласились с криком и шумом, возможно, потому, что даже в их первобытном сознании было немало чувства юмора.

Вини-Вини, как он ни протестовал, заставили идти впереди и трубить.

Итак, процессия тронулась. Первым шел Вини-Вини, вплотную за ним Паг, по-прежнему в окровавленной волчьей шкуре; чтобы Вини-Вини не сбивался с пути, Паг время от времени покалывал его в спину острым кремневым ножом. Затем шли сам Ви и его брат Моананга, а уже позади них старейшины и все племя. Так, по крайней мере, тронулись они в путь, чтобы пройти триста приблизительно шагов, отделявших их от скалы, но прежде еще, чем дошли они до пещеры, большинство стало отставать, так что процессия растянулась длинным хвостом от Места Сборов до обиталища Хенги.

По существу, налицо оставались только Вини-Вини, которому никак не удавалось улизнуть от Пага, Ви, Моананга и в некотором отдалении Уока — Злой Вещун, который бесконечным потоком слов всем сулил беды. Рядом с ним отважно шла Аака, с ненавистью глядя на его перекошенное лицо. Храбрейшие из остальных, гонимые любопытством, держались на расстоянии достаточном, чтобы слы-

шать, что происходит, но большинство предпочло остаться в отдалении или спрятаться.

— Труби! — проворчал Паг на Вини-Вини. Тот заколебался, и Паг уколол его в спину ножом.

Тогда Вини-Вини затрубил робко и нерешительно.

— Труби снова! — повторил Паг.

Вини-Вини приложил рог к губам, но не успел еще перевести дыхание, как огромный камень выкатился из пещеры и ударил его в живот; Вини-Вини свалился, скуля и пыхтя.

— Теперь, по крайней мере, у тебя есть законная причина дрожать, — сказал Паг и заковылял в сторону, чтобы не быть ушибленным следующим камнем.

Но следующий камень не был брошен. Вместо него из пещеры с ревом выскочил дюжий волосатый темнолицый мужчина, размахивая огромной деревянной дубиной, — сам Хенга. Это был рослый, сильный, широкоплечий мужчина лет сорока, с грудью как у быка, огромной головой, с которой на плечи падали длинные черные волосы, и широким, толстогубым ртом, откуда выступали желтые клыкообразные зубы. На плечах у Хенги болталась шкура пещерного тигра — одеяние, присвоенное его званию, — и на шею было надето ожерелье из тигровых когтей и зубов.

— Кто послал этого пса тревожить мой покой? — скорее прорычал, чем прокричал он, указывая дубиной на корчившегося на земле Вини-Вини.

— Я, — ответил Ви. — Я и все племя. — Я, Ви, чье дитя ты убил, — смело продолжал он, — в присутствии всего народа явился вызвать тебя, вождя, на бой, на который ты должен выйти согласно закону. И победитель будет вождем племени.

Хенга сразу притих и взглянул на него в упор.

— Вот, значит, как? — спросил он голосом, шипящим от ненависти.

— Знай, что я надеялся довести тебя до этого, и для того чтобы подбодрить тебя, я и убил твое отродье и убью второго твоего детеныша.

Он взглядом указал на стоящего в отдалении Фо.

— Ты уже давно надоедаешь мне, Ви, болтовней и угрозами, и я все собираюсь положить им конец. А теперь скажи мне, когда народ хочет полюбоваться на то, как я переломлю тебе кости?

— За час до захода солнца мы встретимся. Мне хочется уже эту ночь спать в пещере, как приличествует вождю племени, — спокойно возразил Ви.

Хенга засверкал на него глазами, покусывая губу, и затем сказал:

— Да будет так, пес. Я явлюсь готовый на Место Сбора за час до захода солнца. Но только эту ночь проведешь в пещере не ты. Аака будет спать в пещере эту ночь, а ты будешь спать в брюхе у волков. А теперь прочь, ибо мне прислали лосося, первого пойманного в этом году лосося, и я хочу съест его поскорее.

Тогда заговорила Аака:

— Ешь досыта, злой дух, убийца детей! Ешь досыта, ибо я, мать, говорю тебе, что это твоя последняя трапеза.

Хенга, хрипло смеясь, вернулся в пещеру, а Ви со спутниками ушел.

— Кто бы это мог послать Хенге лосося? — лениво спросил Моананга.

— Я, — ответил шедший рядом с ним Паг вполголоса, так, чтобы Ви не услышал. — Я этой ночью поймал его и послал Хенге. То есть, вернее, сделал так, что лосося положили на камень возле устья пещеры.

— Зачем это? — спросил Моананга.

— Потому что Хенга любит лососей и уж непременно съест первого лосося, который пойман в этом году. Он съест рыбу всю, без остатка, и отяжелеет перед началом боя.

— Это умно. Мне бы это никогда в голову не пришло, — сказал Моананга. — Но откуда ты узнал, что Ви вызовет Хенгу?

— Этого не знали ни я, ни Ви. Но я догадывался об этом: ведь Аака послала его просить совета у богов. Когда женщина посылает мужчину просить совета у богов, совет этот всегда будет именно тот, какого она хочет. По крайней мере, она в этом убедит мужчину, и мужчина ей поверит.

— А это еще умнее, — произнес Моананга, внимательно и удивленно круглыми глазами глядя на карлика. — Но почему это Аака хочет, чтобы Ви сражался с Хенгой?

— По двум причинам. Во-первых, она хочет отомстить за убитую девочку, и, во-вторых, она считает, что Ви сильнее Хенги и что она таким образом станет женою вождя племени. Впрочем, в последнем она еще не вполне уверена; я полагаю потому, что она условилась с Ви, что в том случае, если Ви будет убит, я должен убить ее и Фо. Затем мне предстоит покончить с самим собой. А может быть, я с собой покончу не сразу, а только после того, как убью или, по крайней мере, попытаюсь убить Хенгу.

— Значит, что же? Ты потом будешь вождем племени?
— удивленно спросил Моананга.

— Может быть, некоторое время буду. Хорошо, если оплеванный и униженный будет плевать и унижать тех, кто раньше издевался над ним. Но ты — брат Ви и любишь его, и тебе я могу сказать, что, если Ви будет убит, я ненадолго переживу его, потому что нет на свете человека, кроме только Фо, кого я любил бы так же, как люблю Ви. Я вождем не буду; вождем будешь ты, Моананга. А я исчезну, хотя, быть может, впоследствии ты будешь слышать, как зимними ночами я буду выть вокруг хижин, выть вместе с волками, моими родичами, как говорят дураки.

Моананга снова удивленно уставился на мрачного карлика, чьи речи пугали его. Затем, чтобы переменить разговор, он спросил:

— А кто, по-твоему, победит?

Паг остановился и указал на море.

На некотором расстоянии от берега шла яростная борьба между хищной акулой и китом. Грозная акула загнала кита на мелкое место, где кит беспомощно плескался, бесильно пытаясь ускользнуть. Морской волк — так племя называло акулу, — высоко подпрыгивал и, падая снова в воду, ударял кита по голове своим ужасающим мечеобразным хвостом; удары гулко разносились по побережью. Кит корчился в агонии, взбивал воду и пенил ее громадными плавниками, но ничего не мог сделать, хотя был и сильнее, и больше акулы. Вот уже он стал задыхаться и разинул огромную пасть, и тогда хищник влетел ему в глотку, ухватил кита за язык и вырвал его. Тогда кит перевернулся на спину и стал истекать кровью.

— Взгляни, — сказал Паг. — Вот Хенга, огромный и могучий. И вот Ви, проворный и ловкий. И вот Ви одержал победу и до отвала наестся китовым мясом и накормит им всех своих друзей. Вот тебе мой ответ. А теперь я иду готовить Ви к битве.

* * *

Паг вошел в хижину и услал Ааку и Фо, чтобы остаться наедине с Ви. Затем снял плащ с Ви, уложил его и натер ему все тело тюленьем жиром. Затем острым кремнем и тонко отточенной раковиной медленно и с трудом обрзал ему волосы, покуда их не осталось так мало, что Хенге не за что было ухватиться, да и самые остатки волос он

натер тюленьем жиром. Затем он посоветовал Ви соснуть и ушел, унося с собой каменный топор Ви, копье, которым Ви убил волка, и кремневый нож с рукоятью из двух плоских кусков дельфиньего зуба.

На пороге хижины он встретил Ааку, которая сердито бродила у входа. Она попыталась войти в хижину.

— Нет, — сказал Паг, — нельзя.

— Почему?

— Потому что Ви отдыхает и ему не нужно мешать.

— Значит, безобразное чудище, всем ненавистный человек-волк, живущий только из милости, может входить в хижину к моему супругу, а я, его жена, не могу! — яростно воскликнула она.

— Да, не можешь, ибо сейчас ему предстоит мужское дело, ибо сейчас ему предстоит убить врага или быть убитым им, и нечего тогда женщинам подходить к нему, покуда дело не сделано.

— Ты говоришь так потому, что ненавидишь женщин, которые на тебя даже взглянуть не хотят.

— Я говорю это потому, что женщины ослабляют мужчин, потому что женщины жалкими словами убивают в них мужество.

Она отпрыгнула в сторону для того, чтобы проскочить мимо него, но Паг также отпрыгнул и занес копье. Тогда Аака остановилась, потому что боялась карлика.

— Слушай, — сказал он, — ты напрасно бранишь меня и упрекаешь, Аака; я — друг тебе. Но я не виню тебя в ненависти ко мне, ибо знаю причину этой ненависти. Ты ревнуешь ко мне Ви и ревнуешь ко мне Фо; ведь оба они любят меня больше, чем тебя, хотя любят совсем по-другому.

— Любят тебя, выкидыша, уроды!

— Да, Аака. Ты, очевидно, не знаешь, что любовь бывает различная. Бывает любовь мужчины к женщине, которая приходит и уходит, и бывает любовь мужчины к мужчине, которая никогда не изменяется. Повторяю тебе, что ты ревнуешь. Еще сегодня я сказал Ви, что, если бы он не взял меня с собой на охоту, но оставил бы сторожить Фою, ее бы не украл и не убил тот зверь, живущий в пещере. И я солгал. Я мог отказаться пойти с Ви на охоту, и он не заставил бы меня идти с ним, ибо знает, что я никогда ничего не делаю без надлежащей причины. Я пошел с ним из-за того, что ты сказала мне; ты должна хорошо помнить свои слова. Я сказал, что Фоя в опасности, что Хенга хочет украсть ее и убить, что лучше мне остаться

сторожить ее, а ты ответила, что никогда не позволишь волчьему приемышу охранять твою дочь, что сама устроишь ее. Ты ее не уберегла. Ты выбрала меня, и я ушел на охоту с Ви, и Хенга похитил Фою и убил ее.

Аака повесила голову и ничего не возразила, так как знала, что Паг говорит правду.

— Оставим это, — продолжал Паг. — Мертвецы мертвым; умерли и не встанут. Я сказал тебе мудрые и правильные слова, но можешь снова выбрать меня, войти в хижину и разбудить Ви. Но, повторяю, если ты так поступишь, ты можешь изменить исход боя и обречь почти на верную смерть и Ви, и себя, и Фо.

— А Ви спит? — спросила Аака уже более сдержанным тоном.

— Думается, что спит, потому что я посоветовал ему заснуть, а в таких делах он слушается меня. И прошлую ночь он спал очень мало. Но путь открыт, и я сказал все, что хотел сказать. Теперь поступай как знаешь. Ступай, разбуди его, спроси, спит ли он, утоми его бабьей болтовней, расскажи ему, какие сны снились тебе, что ты думаешь о Фое и Ледяных богах, подготовь его этим к бою с Хенгой, силачом и великаном.

— Не пойду, — ответила она, топая ногой. — Ведь не то, если Ви потерпит поражение, ты будешь своим ядовитым языком указывать на меня как на причину его смерти. Но знай, безобразный отщепенец, помни, человек-волк, что, если Ви победит и останется в живых, он должен будет выбрать между тобой и мною, ибо, если ты будешь жить с ним в пещере, я останусь здесь в хижине.

Паг рассмеялся низким горловым смехом.

— Тогда-то уж наверняка будет мир и тишина. Ведь если Хенга будет убит, после него в наследство останется немало красивых женщин, которые также живут в пещере и, несомненно, не сразу согласятся выселиться оттуда. А впрочем, поступай как знаешь; полная твоя свобода и в этом деле и во всех других. Только говорю тебе, Аака, что ты напрасно оскорбляешь меня: ведь, быть может, в скором времени тебе понадобится моя помощь для того, чтобы покинуть этот мир.

Внезапно он перестал насмехаться, перестал раскачивать огромную голову — он всегда покачивал головой, когда издевался, — посмотрел ей прямо в глаза единственным своим глазом, народ говорил, что он видит этим глазом в темноте не хуже дикой кошки, и сказал спокойным и ровным голосом:

— Почему ты издеваешься над моим безобразием? Сам я создал себе свой облик или получил его от женщины? Кто выбил мне правый глаз? Я сам выдавил его, или женщина вышибла его, ударив меня о камень? Сам я покинул племя зимою, уходя на голодную смерть, или меня выгнали женщины за то только, что я говорил им правду? Почему ты сердишься на меня за то, что я люблю Ви, который спас меня от жестокой женщины, и люблю твоего сына Фо, зачатого тобою от Ви? Почему ты не можешь понять, что я, несмотря на то, что безобразен, обладаю сердцем, большим, чем у всех вас, и мудростью большею, чем мудрость всех в племени, и что эти сердце и мудрость — верные слуги Ви и всех тех, кому Ви прикажет служить? Почему ты ревнуешь меня?

— Хочешь знать, Паг? Потому что ты говоришь правду. Потому что ты для Ви дороже, чем я; потому что ты и для Фо дороже, чем я. Мы с тобой станем друзьями только тогда, когда явится третий, кого Ви полюбит больше, чем он любит тебя. Только тогда, но не раньше.

— Это может случиться, — задумчиво сказал Паг, — а теперь больше не мешай мне, ибо я иду готовить Ви оружие для этого боя и не хочу терять время понапрасну. Ступай в хижину, путь открыт, как я уже сказал, ступай и рассказывай Ви все что хочешь.

Аака заколебалась, но потом ответила:

— Нет, я пойду с тобой помогать тебе готовить оружие, ибо мои пальцы гибче твоих. Пусть между нами на час наступит мир, а если хочешь, продолжай издеваться, но я не буду отвечать тебе.

Паг снова рассмеялся горловым смехом и промолвил:

— Женщины странны, так странны, что даже я не могу полностью понять их. Идем! Идем, ибо острия копья и топора притупились, и связки, удерживающие их в рукоятках, нужно переменить.

Некоторое время Паг, Аака и мальчик Фо, который помогал им, бегая с поручениями или удерживая нужные части, работали над простым оружием Ви, заостряли копье и оттачивали острие топора. Когда топор был наостроен до последней возможности, Паг взвесил его на руке и с проклятием бросил на землю.

— Слишком легок, — сказал он. — Как может эта игрушка устоять против дубины Хенги?

Он поднялся, сбежал в свое логово позади хижины и вернулся, неся блестящий обрубок, имеющий форму секиры.

— Взгляни, — сказал он, — это немногим больше топора Ви, но весит втрое. Я нашел это у горы, где валялось много таких камней. Прошлой зимою, при свете тюленьего жира, я обточил и обработал его.

Аака взяла этот предмет, и рука ее пригнулась к земле, настолько он был тяжел. Тогда она потрогала край предмета, который был острее, нежели край только что отточенного топора, и спросила, что же это такое.

— Не знаю, — сознался Паг. — В общем, эта вещь похожа на камень, побывавший в жарком пламени. Но она блестит. И эта вещь такая твердая, что обрабатывать ее я мог только другим куском такого же камня. Я стучал и колотил эту вещь после того, как она лежала в огне и раскалилась докрасна, а затем оттачивал и приглаживал ее тонким песком и водою.

Паг того не знал, но ясно было, что странная вещь — осколок железного метеорита. Паг, руководимый только догадкой, стал одним из первых на свете кузнецов. Обнаружив, что странный "камень" настолько тверд, что не поддается никакой обработке, Паг раскалил его докрасна на жарком огне и затем обрабатывал его другим подобным же "камнем", положив на камень вместо наковальни. Таким образом Паг научился употреблению железа и самостоятельно открыл одно из важнейших ремесел человечества, самостоятельно сделал один из важнейших шагов вперед в истории людского рода.

— А это не сломается? — с сомнением спросила Аака.

— Нет, — сказал Паг. — Я уже испытывал этот камень. Удар, который разносит в куски самый крепкий каменный топор, не оставляет на этой вещи никаких следов. Эта штука не сломается. Выдержит. Но не выдержит то, что ударят этим. Я сделал эту секиру для себя, но отдам ее Ви. А теперь помоги мне.

И он вытащил рукоять. Рукоять, подобно лезвию, была совершенно особая, невиданная в племени до сих пор. Паг с бесконечным терпением и трудом сделал ее из толстой голенной кости огромного оленя. Эту кость, почерневшую, полузаросшую, он нашел однажды на берегу реки, когда прыл яму для того, чтобы добыть воду. Очевидно, кость эта принадлежала благородному созданию, известному у нас под названием ирландский олень или "*cervus giganteus*", когда-то в избытке водившемуся в тамошних лесах. Отрезав изрядный кусок этой кости, Паг сделал в ней глубокую щель, разделив тем самым край ее надвое, и в эту щель вставил шейку секиры. Шейка пришлась как раз и только

на дюйм или два выступала из щели. С большим искусством, правда при помощи Ааки и Фо, принялся он за работу.

Сухожилиями и полосками сырой оленьей кожи он скрепил рукоять и клинок, завязав концы многократными узлами. Затем, размягчив на огне клей и янтарь, который в огромном количестве находился на побережье (он нагревал их, смешав в раковине), он покрыл этим клеем узлы и самые связки и, когда клей высох, подровнял его острым камнем. Затем он опустил готовую секиру в ледяную воду и держал ее там, пока клей не закрепился окончательно. Затем, вынув секиру из воды, держал ее в дыму пылавшего рядом костра, чтобы клей совершенно засох, чтобы связки из шкур ссохлись от жары. Затем он покрыл первый слой клея новым слоем, охладил его пригоршней снега, высушил на огне и отполировал.

Наконец он со всем управился. Гордость переполняла его сердце, и он поднял оружие, восклицая:

— Вот лучшая секира, какую когда-либо видело племя.

— А кость не разломится? — недоверчиво спросила Аака.

— Нет, — возразил Паг, продолжая тереть потемневший от дыма клей. — Я испытывал крепость кости так же, как испытывал крепость клинка. Никто не в силах сломать ее. Взгляни! Чтобы рукоять была прочнее, я обтянул ее кожей. Ну а теперь я пойду будить Ви.

* * *

Продолжая полировать секиру и топориче куском шкуры, Паг тихонько вошел к хижину, оставив Ааку за дверью. Ви спал как дитя. Паг осторожно положил секиру на шкуру, служившую крышкой ложа, вернулся к двери и спрятался в тени занавесей. Затем он поскреб ногою земляной пол, и Ви проснулся.

Первое, что он увидел, — секира. Он сел, взял секиру в руки и жадно стал рассматривать ее. Когда он насмотрелся на все ее чудеса, — а для него это была необычайно чудесная вещь, сделанная из никогда не виданного им камня, вдвое тяжелее обычного, и с рукоятью из черной кости, тверже моржового клыка, с двумя узлами на нижнем конце (образованными соскабливанием сустава и препятствующими сползанию рукояти), обтянутой кожей и с топором острым, острее любого кремневого топора, — он решил,

что, наверное, ему грезится это оружие во сне, ибо подобным оружием сражаются одни только боги.

Паг проковылял к его ложу и сказал:

— Пора вставать, Ви. Но сперва скажи мне, как нравится тебе твоя новая секира?

— Ее, наверное, сделали боги, — задыхаясь, сказал Ви. — С этим оружием я без страха один могу идти против белого медведя.

— Да, ее сделали боги. Эта секира — дар богов. Я потом расскажу тебе, как они прислали тебе ее. Но дана она тебе не для того, чтобы убить белого зверя, который бродит во тьме, но для того, чтобы расправиться со свирепым хищником, который рыщет и убивает и днем, и ночью. Говорю тебе, Ви: это — Секира Победы. Раз она у тебя — ты непобедим. Слушай, Ви. Хенга набросится на тебя, размахивая своей огромной дубиной. Отскочи в сторону и изо всех сил ударь его по рукам. Если удар секиры обрушится на руки ему или на рукоять дубины — начисто отрубит. Если его руки уцелеют, он снова набросится на тебя, пытаясь схватить тебя и раздавить в объятиях или переломить тебе шею или позвоночник. Если успеешь, бей его по ногам. Старайся повредить сухожилия, чтобы он захромал. Но, если ему все же удастся ухватить тебя, старайся выскользнуть из его объятий. Ты весь смазан жиром, так что тебе это должно быть легко. И тогда, прежде чем он снова поймает тебя, бей его по шее или по голове, или по спинному хребту, куда придется! Ведь эта секира не только сломает то, что ты ударишь, но глубоко вопьется в тело и убьет его. Но только не оброни секиры. Видишь: к рукоятке прикреплена петля; накинь ее двойным оборотом на руку, тогда секира не соскочит. Чтобы было верней, я привяжу ее к твоей руке вот этим сухожилием. Протяни руку.

Ви протянул руку и возразил в то время, как Паг ловко укреплял сухожилием петлю у него на кисти:

— Понимаю, но не знаю, удастся ли мне сделать хотя бы часть того, что ты говоришь. И все-таки, как чудесна эта секира! Как бы то ни было, я постараюсь орудовать ею возможно лучше.

Тогда Паг снова натер Ви тюленьим жиром, заново осмотрел секиру, все ли узлы как следует сохлись и крепко ли держится клей. Затем он дал Ви кусок сушеной рыбы с тюленьим жиром, дал ему напиться, набросил шкуру ему на плечи и вывел из хижины.

Аака ждала снаружи вместе с Моанангой, братом Ви.

Она взглянула на мужа и спросила:

— Кто обрезал ему волосы?

— Я, — ответил Паг, — и у меня были достаточные основания для этого.

Она топнула ногой и холодно сказала:

— Как смел ты коснуться его волос? Я ненавижу тебя за это!

— Если тебе так хочется ссориться со мной, можешь ненавидеть меня за это так же, как и за любую другую вещь. Но помни, Аака, что в конце концов ты будешь благодарна мне за то, что я это сделал, хотя, впрочем, в силу самой благодарности ты станешь еще больше ненавидеть меня.

— Это невозможно, — отвечала Аака.

И они тронулись к Месту Сборищ.

Собралось все племя.

Стояли кольцом, молча, потому что были настолько возбуждены, что было не до разговоров. От исхода этого боя зависела их участь. Хенги боялись и ненавидели его, потому что он правил жестоко и убивал каждого, кто осмеливался роптать, но Ви племя любило. Но никто не смел проронить ни слова, ибо никто не знал, каков будет исход боя, и все думали, что нет на свете человека, кто бы устоял против мощи великана Хенги, кто спасся бы от яростных ударов его огромной дубины.

Народ удивленно глазел на новый топор, висевший на руке Ви: люди указывали на него, подталкивая друг друга локтями. Люди дивились тому, что волосы Ви коротко срезаны, и не понимали, какова тому причина; впрочем, думали, что это — жертва богам.

Срок наступил. Хотя холодный туман над морем и берегом закрывал солнце, все знали, что осталось до захода солнца не более часа, и наступила гробовая тишина.

Внезапно раздался голос одного из племени, стоявшего с краю:

— Он идет! Хенга идет!

Все обернулись к пещере.

Великан вышел из-под утеса, шел к ним, тяжело ступая, но небрежно. Ви наклонился, поцеловал сына и дал знак Ааке, чтобы она присмотрела за ним. Затем, в сопро-

вождении своего брата Моананги и Пага, он вышел на открытое место посредине круга стоящих людей. Там стоял Урк, Престарелый — Колдун, чей долг был оглашать правила и условия боя, завещанные законами племени.

В то время, как Ви подходил к месту, Уока — Злой Вещун крикнул ему:

— Прощай, Ви. Мы больше не увидим тебя. Жаль очень, что тебя убьют. Ведь ты хороший охотник и всегда приносишь большую добычу. Кто же заменит тебя нам?

Паг обернулся, засверкал на него своим единственным глазом и сказал:

— Меня-то уж, во всяком случае, ты увидишь!

Ви шел, не обращая внимания. Он сошелся с Хенгой, одетым в тигровую шкуру — знак своего достоинства — и держащим в левой руке свою огромную дубину.

— Очень хорошо, — прошептал Паг Ви. — Посмотри, у него живот набит плотно, он съел всего лосося.

Шедшие за Хенгой рабы остановились на некотором расстоянии от места встречи.

Хенга заревел:

— Что? Я должен биться не только с этим человечком, но и с его друзьями?

— Пока еще нет, Хенга, — смело возразил Моананга. — Сперва убей человечка, а затем можешь сразиться с его друзьями.

— Это дело нетрудное, — ухмыльнулся Хенга.

Вперед вышел Урк, поднял руку и с гордым видом приказал замолчать.

Глава IV

СМЕРТЬ ХЕНГИ

Сперва Урк, как знаток старинных обычаев племени, начал подробно пересказывать закон о сражениях, подобных сражению Ви с Хенгой.

Он сообщил народу, что вождь сохраняет свое звание и пользуется своими правами и преимуществами только потому, что он сильнее всех в племени, подобно тому, как стадом повелевает сильнейший буйвол. Если же против вождя восстает охотник моложе и сильнее, он вправе убить вождя, если это удастся ему, и занять место вождя. Но только закон требует, чтобы вождя он убил в открытом и честном бою, в присутствии всего народа, причем в бою каждый имеет право пользоваться только одним оружием.

Если же вызвавший победит, пещера и все живущие там принадлежат ему и все признают его вождем. Если же он будет побежден, труп его будет брошен на съедение волкам.

В общем, Урк, сам того не зная, излагал учение о том, что выживают только наиболее приспособленные, и о том, что сильный может угнетать и повелевать слабыми, — закон, много тысяч лет спустя сформулированный Дарвином.

Хенга начинал терять терпение. Ему казалось, что он быстро справится с презираемым врагом. Ему хотелось поскорее вернуться в пещеру, выслушать приветствия и хвалы своих жен и отоспаться после лосося, которого он — как справедливо предвидел Паг — обглодал всего.

Но Урк не смолкал. Он, как хранитель преданий, чувствовал себя в своей стихии; он был главным жрецом и руководителем всех обрядов племени и считал малейшее отступление от традиций смертным грехом.

Он заявил возмущенно и дребезжащим голосом, что все малейшие обряды должны быть выполнены. Не то он не будет иметь права на полагающиеся ему в виде гонорара одежду и вооружение побежденного. При этом он жадно взглянул на странную секиру, подобной которой ему никогда не случалось видеть; взглянул жадно, хотя сморщенные его руки вряд ли могли бы занести секиру для удара. Он громко заявил, что когда-то, в дни своей молодости, помогал отцу, бывшему колдуном племени до него, в подобном же деле и что на нем и сейчас надет плащ, снятый тогда с трупа побежденного.

И он указал на облезлую и лоснящуюся шкуру на плечах. Он добавил, что, если его сейчас перебьют, он предаст нарушителя обряда самому страшному проклятию, какое сможет придумать. Наверное, оба слушающие его прекрасно понимают, что из этого последует.

Ви слушал и промолчал. Но Хенга проревел:

— Так поторопись, старый дурак. Я начинаю зябнуть, и скоро будет слишком темно, так что я не могу изуродовать этого малого так, чтобы собственные псы его не узнали.

Тогда Урк стал излагать причины, заставившие Ви послать Хенге вызов.

Разозленный наименованием "старый дурак", он излагал эти причины особенно ядовито. Рассказал, что, по мнению Ви, Хенга угнетает народ, и привел немало ярких и убедительных примеров этого угнетения. Рассказал о похищении Хенгой дочери Ви Фои и об убийстве ее. Разгоря-

ченный собственными словами, он стал выкладывать еще новые обвинения, уже непосредственно не связанные с Ви.

Тут Хенга не выдержал, подскочил к старику, ткнул его ногой в живот так, что тот отлетел на несколько шагов.

Урк поднялся и, прихрамывая, отошел в сторону, призывая на голову Хенги все мыслимые и немыслимые проклятия.

Хенга скинул тигровую шкуру, которую унес один из рабов, Ви сбросил с плеч свой плащ.

Взявший у него плащ Паг шепнул:

— Поберегись! Он что-то прячет в правой руке. Он хочет сплутовать.

Затем он отковылял в сторону с плащом в руке.

Великан и охотник остались в пяти шагах друг от друга.

В то время как Паг уходил, Хенга поднял руку и с невероятной силой метнул в Ви кремневый нож с рукоятью из китового уса, нож, который он до сих пор прятал в своей огромной лапе. Но Ви был предупрежден и отскочил с криком: "Нечисто!" Отскочил в сторону и припал наземь так, что нож просвистел у него над головой.

В следующее мгновение он вскочил и бросился на Хенгу, который схватил дубину обеими руками и занес ее над головой, чтобы одним ударом сокрушить его.

Прежде чем удар упал, Ви, вспомнив совет Пага, ударил изо всей силы. Хенга подставил дубину, чтобы прикрыть голову от удара. Секира Ви встретила дубину на самой ее середине, и острая сталь пробила толстое дерево так, что большая часть дубины упала наземь. Видевший это народ закричал от удивления.

Хенга швырнул рукоятью в Ви, попал ему в голову и в то время, как Ви отскочил, поднял толстый конец дубины. Ви остановился на мгновение, чтобы стереть кровь из пореза на лбу, заливавшую ему глаза. Затем он вновь бросился на Хенгу и, держась на расстоянии, недоступном для укороченной дубины, пытался ударить великана по колену, как советовал Паг. Но руки у Хенги были невероятно длинные, а рукоять секиры Ви была короткая, так что задача была нелегкая. Наконец ему удалось попасть. Правда, он не повредил ни одного сухожилия, но секира врезалась в ногу Хенги выше колена так глубоко, что Хенга заревел от боли.

Обезумевший от ярости великан решил изменить план. Отшвырнув дубину, он, в то время как Ви выпрямлялся после удара, прыгнул на противника, охватил его могучи-

ми руками и, надеясь переломать ему ребра или задушить насмерть, стал давить как медведь.

Они начали бороться.

— Все кончено, — сказал Уока. — Человек, которого Хенга обхватил, — мертв.

Стоявший рядом с ним Паг ударил его по рту и крикнул:

— Так ли это?! Сморти, Вещун, смотри!

В это время Ви выскользнул из объятий Хенги, как угорь выскальзывает из руки ребенка. Хенга поймал его за волосы, но волосы Ви были обрезаны коротко и натерты тюленьим жиром так, что удержать их Хенге не удалось. Тогда великан ударил его кулаком с такой силой, что нанесенный в лоб удар свалил Ви наземь. Хенга, не давая ему встать, навалился на него, и оба завозились на песке.

Никогда до сих пор не видало племя подобного боя, и никакие предания не говорили ни о чем схожем. Они извивались, корчились, ущемляли друг друга, катались по земле, то один оказывался наверху, то другой. Хенга пытался ухватить Ви за горло, но руки его скользили по натертой тюленьим жиром коже. Охотник каждый раз ускользал от смертельного объятия и даже несколько раз улучил возможность нанести Хенге удар кулаком.

Но вот оба они поднялись вместе, причем руки великана все еще охватывали Ви. Хенга боялся выпустить противника, потому что был безоружен, а секира по-прежнему висела на кисти Ви. Они боролись, подвигаясь то взад, то вперед, покрытые кровью, песком и потом.

Зрители только качали головами и дивились, как может человек устоять против тяжести и силы Хенги. Но Паг, замечаящий все своим единственным глазом, шепнул Ааке, которая, в тревоге и страхе, забыв ненависть, прижималась к нему:

— Прибодришься, женщина. Лосось прошел недаром. Смотри, Хенга устает.

Паг не ошибался.

Объятия великана ослабевали, дыхание его тяжело и гулко прерывалось; более того, стала дрожать нога, на которую обрушился удар секиры Ви, так что Хенга не смел больше опираться на эту ногу. Однако, собрав все свои силы со страшным напряжением, он отбросил от себя Ви так яростно, что тот свалился наземь и лежал с мгновение неподвижный, точно был оглушен или точно из него вышибли дух.

Тогда Моананга громко простонал, ожидая, что вот Хенга вскочит на неподвижно распростертое тело врага и насмерть растопчет его.

Но с Хенгой случилось что-то странное. Казалось, его охватил внезапный ужас. А может быть, он решил, что его противник мертв. Как бы то ни было, он не дожидался, но присмотрелся, повернул и стремглав побежал к пещере.

Ви пришел в себя или же попросту перевел дыхание, потом присел и взглянул ему вслед. Затем с криком вскочил на ноги и бросился вслед за Хенгой, а за ним устремилось все племя. Да, даже Урк-Престарелый ковылял следом, опираясь на свой жреческий посох.

Между Хенгой и его преследователем лежало немалое расстояние. Но с каждым шагом раненая нога убегавшего слабела, а Ви гнался за ним с быстротой оленя. У самого устья пещеры он перехватил вождя, и сбежавшийся народ увидел, как сверкнул занесенный топор и услышал, как ударилась блестящая сталь в спину Хенге и как Хенга грохнулась наземь. Оба исчезли в тени пещеры, а собравшийся снаружи народ ожидал исхода, каков бы он ни был.

Недолгий срок спустя что-то зашевелилось в темноте; из пещеры вышел кто-то.

Это был Ви, в руках у него было что-то странное.

Это был Ви, и окровавленный топор все еще свисал с его правой руки. Он, шатаясь, прошел вперед; луч садящегося солнца пробился сквозь туман и упал на него и на то, что он нес.

То была огромная голова Хенги.

С мгновение Ви стоял тихо и неподвижно, точно задумался, а собравшиеся криком приветствовали его, как с бою добывшего звание вождя. Неожиданно он закачался, потерял сознание и тяжело опустился на руки Пага, который, заметив, что Ви слабеет, успел пробиться сквозь толпу и подскочить к Ви как раз вовремя, чтобы подхватить падающего.

* * *

Ви перенесли в пещеру, так как туда было ближе всего.

Труп павшего великана Хенги выволокли оттуда, точно это был труп собаки. Затем, по давно выраженному желанию Ви, труп отнесли к подножью глетчера и положили — по обету Ви — там как жертву Ледяным богам. Но только несколько человек из племени, те, которые больше всего пострадали от Хенги и которые больше всех ненавидели его, завладели его мертвой головой. Неподалеку стояла

мертвая сосна, вершина которой была сожжена молнией. Эти люди вскарабкались на дерево и воткнули отрубленную голову на один из зубцов покосившегося ствола. Там голова и осталась; длинные волосы ее трепались по ветру и пустые глазницы смотрели вниз на хижину.

Войдя в пещеру, обнаружили, что все огромное обиталище полно женщин, которые — хотя Ви еще был без сознания, — торопливо выражали преданность и покорность своему будущему господину и повелителю и сгрудились и копошились вокруг него, покуда Паг при помощи Моананги и других не выгнал их вон, говоря, что, если вождь Ви захочет увидеть какую-нибудь из женщин, он пошлет за ней.

— Впрочем, — добавил он, — по-моему, это маловероятно. Ведь вы все безобразны.

Последнее было сущей неправдой. Женщины разошлись искать убежища где придется и сердились на Пага. Сердились главным образом на то, что он назвал их уродами, а не на то, что он выгнал их. Они прекрасно понимали, что иначе он и не мог поступить, ведь они были женами Хенги и могли отравить Ви или постараться как-нибудь иначе прикончить его. Естественно, что им нельзя было доверять.

Ви опустили на ложе Хенги, в боковой пещере, возле ярко пылающего огня. Ви скоро оправился от обморока, напился воды, поданной ему одним из рабов пещеры (их не выгнали вместе с женщинами), и в первую очередь спросил о Фо, которого нежно поцеловал. Затем позвал Пага и приказал ему привести Ааку. Но Аака, узнав, что ее муж оправился и в общем пострадал не сильно, ушла, сказав, что должна присмотреть за огнем у себя в хижине и вернется сюда утром.

Итак, Паг и Моананга накормили Ви тем, что нашлось в пещере; в том числе оказались остатки лосося, которые Хенга собирался съесть после боя. Наевшись, Ви повернулся и заснул, так как был настолько истомлен, что не в силах был даже говорить. Фо примостился на ложе рядом с отцом и последовал его примеру.

* * *

Ви проспал всю ночь и, проснувшись поутру, оказался в одиночестве, так как Фо ушел.

Он чувствовал, что все тело его затекло и одеревенело, что на затылке ноет шишка, выскочившая, когда он стукнулся головой оземь после удара Хенги. Вообще все тело

ломило от ужасных объятий великана. На лбу шел глубокий порез, рваная рана была от рукоятки дубины; вся кожа исцарапана когтеобразными ногтями Хенги. Впрочем, он чувствовал, что все кости целы и что опасного вообще ничего нет. И сердце его наполнила радость, что все окончилось именно так, а не наоборот; ведь вчера не Хенга, а он, его труп, мог быть отдан волкам на съедение.

Он ощущал радость и благодарность.

Благодарность кому? Кому обязан он тем, что уцелел? Ледяным богам? Возможно. Если так — он благодарен им, ведь он не желал умереть и предвидел, что ему предстоит немало работы для народа. Да и Ледяные боги казались ужасно далекими и страшно холодными. Правда, камень упал, но это могло произойти и случайно. Так что он вообще не в состоянии был разрешить вопрос о том, интересуются ли они хоть сколько-нибудь им и его участью. Паг считал, что богов вообще не существует; возможно, что он прав. Ясно пока было лишь только то, что, не вмешайся Паг в дело, Ледяные боги не спасли бы его вчера от смерти; не дали бы ему победы над великаном Хенгой, над сильнейшим человеком, которого когда-либо знало племя. А о силе, равной силе Хенги, ничего не говорилось даже Урком и теми другими, кто длинными зимними ночами складывает песни и выдумывает разные рассказы. Ведь Хенга однажды поймал дикого буйвола за рога и голыми руками свернул ему шею.

Все сделал Паг.

Это Паг натер ему все тело тюленьим жиром и коротко обрезал волосы, чтобы Хенга не смог ухватить его. Это Паг сделал и подарил ему чудодейственный топор, блестящую секиру, которая еще до сих пор покоилась на ложе рядом с ним, секиру, при помощи которой ему удалось уложить Хенгу на месте (Паг уже объяснил, откуда эта секира). И еще раз — это Паг воодушевил и вдохновил его к борьбе, внушая ему, что нечего сомневаться, что в нынешний раз он одержит серьезную и большую победу. Эти слова Пага Ви помнил все время и все время твердил их про себя, даже в те мгновения, когда казалось, что все кончено.

Но теперь Хенга мертв.

Он не просто был сбит с ног ударом секиры, но и после этого дважды метнулся блестящий "камень", и голова отлетела от толстой шеи. За Фою отомщено, Фо и Аака спасены, а он, Ви — повелитель пещеры и вождь племени. И потому Ви поклялся, что Паг, хотя бы трижды называли его карликом, уродом, отщепенцем, должен непременно

быть всегда возможно ближе к Ви. В этом он поклялся, поклялся сделать Пага своим советником, хотя знал, что ревнивой Ааке усиление дружбы с Пагом будет не по сердцу.

Лежа и размышляя подобным образом, Ви заметил при скупом попадающем в пещеру свете, что три из числа женщин — самые молодые и самые красивые — вернулись в прежнее жилище и стояли в некотором отдалении, переговариваясь и поглядывая на Ви. Наконец они пришли к какому-то решению; они спокойно стали подходить, и Ви судорожно ухватил секиру. Увидев, что Ви бодрствует и глаза его открыты, они стали на колени, коснулись лбами земли, назвали господином и повелителем и сказали, что желают остаться у него, ибо он столь велик и могуч, что убил Хенгу, и поклялись быть ему всегда верными.

Ви слушал их удивленно, не зная, что ответить. Меньше всего на свете он желал сделать этих женщин своими домочадцами, хотя бы уже по той простой причине, что все, к чему Хенга имел касательство, было ему отвратительно. Но Ви был человек мягкосердечный и не хотел сказать это грубо.

В то время, как он подыскивал смягчающие обиду выражения, одна из женщин, не подымаясь с колен, проползла вперед, взяла его руку, приложила ее ко лбу и поцеловала.

В это мгновение появились Аака и Паг.

Женщины вскочили, отбежали на несколько шагов, сбились в кучу, а Паг хрипло расхохотался.

Аака же выпрямилась во весь свой рост и сказала возмущенно:

— Видно, ты быстро освоился в новом жилище, о, муж мой. Вот уже наложницы Хенги с любовью целуют тебя.

— С любовью! — удивленно воскликнул Ви. — Да果真 ли я для любви? Эти женщины явились сами. Я не звал их и не посылал за ними.

— О, да, несомненно, они явились сами, так как знали, что их приход будут приветствовать, о, муж мой. А может быть, они вообще и не уходили отсюда? По правде говоря, мне начинает казаться, что в пещере вождя для меня вообще не будет места. Но этому я только рада; собственный дом милее, чем эта темная дыра.

— Но я не раз слышал, как ты в зимние холодные ночи, когда ветер бушевал в хижине, говорила, что хорошо было бы лежать в теплой и уютной пещере вождя.

— Разве? Ну, значит, в таком случае, теперь я этого не

думаю. Ведь в те времена я не видала пещеры, так как не принадлежала к числу домоладцев Хенги.

— Замолчи, женщина, — сказал Паг. — Давай лучше узнаем, как себя чувствует вождь Ви. А этих рабынь я уже раз прогнал отсюда и сегодня сделаю то же. Вождь, мы принесли тебе пищу. Ты в состоянии есть?

— Кажется, да, если только Аака подымет меня.

Аака разгневанно взглянула на женщин и еще более сердито посмотрела на Пага, так что Ви решил, что она откажется. Но, если даже и было так, она переменила решение и поддержала Ви, который был еще слишком слаб для того, чтобы сидеть без посторонней помощи. Вернувшийся Фо кормил его, все время болтая о вчерашнем сражении.

— А ты не боялся за отца? — спросил его Ви под конец. — Ведь мне пришлось бороться с великаном, с человеком, чуть ли не вдвое больше меня ростом.

— Вовсе не боялся, — весело отвечал Фо. — Паг сказал мне, что ты одержишь победу, так что мне нечего было пугаться. А Паг всегда бывает прав. Впрочем, — добавил он, покачивая головой, — когда я увидел, что ты лежишь на земле и не шевелишься и Хенга вот-вот набросится на тебя, мне показалось было на мгновение, что и Паг может ошибиться один раз.

Ви рассмеялся, с трудом поднял руку и погладил курчавую голову Фо. Стоявший в отдалении Паг глухо проворчал сквозь зубы:

— Никогда больше не думай, что я ошибаюсь. Бог живет только верой своих поклонников.

Этих слов Фо не понял.

Аака тоже ничего не поняла в этих словах, но догадалась, что Паг сравнивает себя с богом, и от этого на ее нахмуренном лице появилось выражение злобы и ненависти. Она верила на свой лад так, как верили до нее ее предки и как они научили ее, и не любила легкомысленных разговоров о богах. Тем более не любила, что если боги в действительности существуют, то их — по ее мнению — нужно бояться. Правда, она послала Ви молиться к Ледяным богам, которым он верил, и ожидать знака, который они подадут, — упавшего камня. Но послала она его потому, что пришла к убеждению, что наступила пора ему сражаться с Хенгой и отомстить за убитую Фою, по крайней мере, приложить к этому все старания, даже рискуя жизнью. Тем более что она твердо знала, что в это время года,

на рассвете, почти всегда с усеянной валунами вершины глетчера падают камни. Знала она также, что Ви с места не сойдет, покуда не дождется знака. Сверх того, она была убеждена (позаботилась об этом), что в это утро один, а то и несколько камней упадет с глетчера.

Поэтому-то она и нахмурилась и сказала Фо, что глупо верить всему, что ни скажет Паг.

— Однако, — пытался протестовать мальчик, — ведь то, что говорит Паг, всегда оказывается правдой. И затем, ведь Паг сделал эту чудесную острую секиру, и он натер отца тюленьим жиром, и он срезал волосы отцу, а мы с тобой не догадались сделать это.

Паг, желая прекратить разговор, вмешался:

— Все это мелочь и пустяки, Фо, и сделал я это только потому, что безобразный урод, вроде меня, должен думать и защищать себя и своих друзей мудростью, подобно тому, как поступают волки и другие хищные звери. Людям же красивым, вроде твоих родителей, нечего заботиться об этом, потому что они защищают себя многими различными способами.

— Возможно, что они думают не меньше твоего, карлик, — сердито возразила Аака.

— Да, Аака. Они, несомненно, думают, только с меньшим проком. Разница между нами та, что я и подобные мне думаю правильно и приходим к правильным выводам, а те думают неправильно.

И, не дожидаясь ответа, Паг быстрым ходом проковылял куда-то по своим делам.

Аака смотрела ему вслед с выражением удивления в своих прекрасных глазах и затем спросила:

— Паг будет жить в пещере?

— Теперь я вождь и этим обязан ему. Он был советчиком, он дал мне секиру и он должен быть советником вождя. Этого требует справедливость.

— В таком случае я буду жить в хижине, — заявила она, — где ты сможешь найти меня, когда захочешь явиться. Это место противно мне: оно пахнет Хенгой и его наложницами. Тьфу!

И она ушла, хотя, правда, впоследствии возвратилась. Впрочем, слово свое она сдержала: она действительно не спала в пещере... то есть до тех пор, покуда не наступила зима.

КЛЯТВА ВИ

Ви был очень крепок и здоров и оправился вскоре после великого боя. Правда, еще довольно долгое время страдал он от нагноений на царапинах, полученных в борьбе с Хенгой, чьи ногти, казалось, были не менее ядовиты, чем волчьи зубы.

Уже на следующий день Ви вышел из пещеры и предстал перед всем племенем, которое собралось снаружи для того, чтобы приветствовать своего нового вождя. Приветствовали они его очень сердечно и затем поручили Урку-Престарелому служить глашатаем всех бед и напастей, которых собрали они немало. Во всех этих горестях — считало племя — вождь должен помочь.

В первую очередь пожаловались они на климат: за последние годы летние сезоны были страшно холодны и бессолнечны. В ответ на это Ви посоветовал им обратиться с молитвой к Ледяным богам. Несколько из собравшихся закричали, что если разбудить богов и растревожить их молитвой об этом, то они нашьют на страну еще больше льду, а племени и своих льда, снега и инея достаточно. Это было соображение, на которое Ви не смог ничем решительно возразить.

Затем они заговорили о делах домашних, достаточно шекотливых. Урк напомнил, что женщин в племени мало, значительно меньше, чем мужчин, так что дело доходит до того, что многие мужчины, которые охотно женились бы даже на самой безобразной, на самой сварливой женщине, не могут найти вообще никакой невесты и вынуждены оставаться холостяками. А в то же время некоторые более сильные или более богатые имеют по три или четыре жены, а бывший вождь, пользуясь своим положением и властью, захватил себе то ли пятнадцать, то ли целых двадцать самых молодых и самых красивых женщин. Племя считало, что этих женщин Ви не должен оставлять себе.

Ви ответил, что он не собирался оставлять их себе и докажет это в ближайшее же время. Что же до всего предшествующего, племя, в сущности, само виновато в малочисленности женщин. Нужно только отказаться от бессмысленного обычая выбрасывать новорожденных девочек, а вместо того выкармливать их так же, как и мальчиков.

Тогда Урк заговорил об иных вопросах. Начал он с вопроса о налогах, то есть, точнее говоря, о чем-то аналогичном нашему представлению о налогах. Народ считал, что

вождь берет слишком много и дает слишком мало взамен. Вождь сам ничего не делает и решительно ничего не производит, и в то же время предполагается, что его со всеми его многочисленными домочадцами племя должно содержать в роскоши и изливстве. К тому же вождь забирал себе приглянувшихся ему женщин племени, грабил склады пищи и шкур, а по временам, случалось, убивал.

А главное, вождь покровительствовал нескольким богачам. Тут Урк внимательно и демонстративно взглянул на Тури-Скрягу, Хранителя пищи, и на Рахи-Богатого, который торговал рыболовными крючками, шкурками и кремневыми орудиями; их выделяли ему бедняки, которых он впроголодь кормил за это в глухое зимнее время. Племя утверждало, что этим богачам, их злодеяниям покровительствовал вождь, которому они за покровительство отдавали львиную долю своей нечестной наживы, за что он возвышал их, приближал к себе и возвел даже в звание советников. Таким образом, каждый встречный должен был низко кланяться этим двум народным обиралам.

Ви обещал разобрать все дело и постараться прекратить безобразия.

Последнее, на что жаловалось племя, это то, как нарушают старинные обычаи. Если кто-нибудь убил дичь или поймал ее в капкан или ловушку, или нашел убитого зверя, годящегося в пищу, или изловил рыбу и хочет свою добычу спрятать на зиму, на него набрасывается шайка голодных бездельников, которые желают жить за счет работающих и ничего не делать. Добычу они отбирают.

Ви обещал разобрать и это дело.

Затем он объявил, что племя должно собраться в ближайшее полнолуние, и тогда он сообщит, до чего додумался, и предложит племени для утверждения новые законы.

* * *

Между этим сборищем и полнолунием прошло семнадцать дней.

Все это время Ви думал. Он часами ходил по берегу в сопровождении одного только Пага (Аака презрительно называла карлика тенью Ви) и постоянно с ним совещался. Когда этот срок стал приближаться к концу, Ви призвал к себе Урка-Престарелого, своего брата Моанангу и еще двух или трех людей. Он не позвал ни одного из советников Хенги; но зато выбранные им были всем известны как люди честные и работающие.

Все племя, пожираемое любопытством, пыталось узнать от участников совещания, о чем это мог с ними советовать вождь. Но люди ничего не говорили. Тогда на них науськали их жен. Женщины, любопытные от природы, из кожи вон лезли и пускали в ход всевозможные хитрости, чтобы узнать то, чего добивалось все племя. Даже нежная и любящая жена Моананги Тана приняла участие в этой охоте; она даже заявила мужу, что не будет ни разговаривать с ним, ни даже не посмотрит на него, покуда он ей всего не расскажет. Но он не рассказал ей ничего и ничего не рассказали и другие.

Так племя решило, что Ви или Паг, а может быть, и оба — великие волшебники, раз сумели обуздать языки мужчин настолько, что мужчины не проболтались даже собственным женам.

Но вот произошла странная вещь.

С того дня, что Ви сделался вождем, погода стала улучшаться. Ушли прочь холодные, сулящие снег и непогоду облака; перестали дуть пронзительные северные и восточные ветры; наконец, хотя и с большим запозданием, пришла весна, вернее лето, потому что весны в том году не было. Появились тюлени, хотя в значительно меньшем количестве, чем обычно; лосось, очевидно, затертый льдами, громадными массами шел вверх по реке; прилетели гуси и стали вить гнезда.

— Поздно пришло, рано уйдет, — сказал Паг, замечавший все, что происходит. — Впрочем, лучше это, чем ничего.

Так и произошло, что в назначенный день все племя, досыта наевшееся и в превосходнейшем настроении, встретило своего вождя, которого стало считать чуть что не добрым гением. Даже Аака была хорошо настроена.

Когда Тана, приходившаяся ей сродни вдвойне — и по крови и как жена Моананги, брата Ви — спросила ее, что должно случиться, Аака, смеясь, ответила:

— Понятия не имею. Но, наверное, нам расскажут какую-нибудь чепуху, которую Ви придумал вместе со своим человеком-волком; пустая болтовня, вроде гоготания гусей. Все это наделает шуму и быстро позабудется.

— Во всяком случае, — без всякой логической связи сказала ей Тана, — Ви ведет себя по отношению к тебе очень хорошо. Ведь я знаю, что он услали прочь всех рабынь Хенги.

— Да, ведет он себя очень хорошо, но сколько времени это будет продолжаться еще? Или ты думаешь, что он,

ставши вождем, будет непохож на других вождей? Все люди ведь на один лад. Все они на один покрой. И к тому же, — с кислой усмешкой добавила она, — женщин-то он отослал, а Пага оставил.

— А какое тебе дело до Пага? — спросила Тана, широко раскрыв глаза.

— Большее, чем до всего остального, Тана. Постарайся только понять меня, если тебе это удастся: я ревную только ум Ви, а до всего остального мне дела нет. А этот карлик захватил именно его ум.

— Вот как! — И Тана удивленно поглядела на нее. — Странная это у тебя фантазия. А вот мне, например, совершенно безразлично, что будет с умом Моананги. Я ревную только его (а для этого у меня немало оснований), но никак не его ум.

— Совершенно верно, — резко оборвала ее Аака, — потому что у него нет ума. С Ви дело обстоит совершенно иначе: ум его и больше и значительнее, чем тело. И вот поэтому-то я и хочу, чтобы ум остался моим.

— В таком случае постарайся научиться быть такой же умной, как Паг, — несколько рассердившись, возразила Тана и, отвернувшись от Ааки, заговорила с соседкой.

* * *

Племя собралось на Месте Сборищ, перед пещерой, на том самом месте, где Ви победил Хенгу.

Собравшиеся сидели или стояли полукругом; более видные и значительные находились впереди, а остальные сзади. Вот наконец Вини-Вини затрубил в рог, затрубил громко, спокойно и четко, потому что на этот раз он не боялся ни камней, ни каких-либо других провозвестников появления вождя.

Ви появился в плаще из тигровой шкуры, в том самом, который носил Хенга; плащ этот, как заметила Аака, был велик Ви. Ви был озабочен и нахмурен. Он вышел из пещеры, сопровождаемый Моанангой, Урком, Пагом и остальными советниками, и уселся.

— Все ли племя собрано здесь? — спросил Вини-Вини — Трубач, и собравшиеся ответили, что явились все, кроме тех немногих, кто не в силах прийти.

— Так внимайте же вождю, Ви, Великому охотнику, мощному воину, победителю злого Хенги... Впрочем, может быть, кто-нибудь, желает оспаривать у Ви звание вождя? — И он замолчал.

Никто не отозвался.

Ни один человек в полном рассудке не желал иметь дело с чудодейственной секирой, расколовшей огромную голову Хенги, голову, пустые глазницы которой, как вещественное напоминание, глядели на собравшихся с обломанного ствола близстоящего дерева.

Итак, Ви поднялся и заговорил:

— О, племя, мы верим, что нигде нет подобных нам. По крайней мере, подобных нам мы не встречали ни на побережье, ни в лесах вокруг, хотя позади Спящего там во льду таится Тень, которая, по всей видимости, похожа на человека. Если это человек, то он умер много времени тому назад. Скорей же всего это бог. Быть может, он был родоначальником нашего племени, и был окружен льдом, и в нем сохранен. Итак, раз мы — единственные люди и раз мы выше, нежели звериный народ, ибо можем думать и разговаривать, и строить хижины, и делать много вещей, которых звери не могут, хотя они и сильнее нас, мы должны показать им нашим поведением, нашим общением друг с другом, что мы выше и лучше их.

Никому из племени никогда в голову не приходило сравнивать себя или себе подобных с окружающими их животными; таким образом, возвышенные речи Ви были приняты молчанием, да еще неизвестно: если бы соплеменник Ви стал сравнивать себя со зверем, возможно, что он во всех отношениях отдал бы зверю предпочтение.

Потом, разговаривая между собой и вспоминая слова Ви, они сравнивали силу людей с силой медведя, дикого лесного буйвола, кита; результаты получались для людей плачевные.

”Где человек, — спрашивали они, — который мог бы плавать, как тюлень, или летать, как птица, или быть ловким, подвижным и свирепым, как полосатый тигр, живущий или живший в пещерах, или охотиться стаями, как хищные, прожорливые волки, или строить такие же искусные жилища, как муравьи, или вообще во многом, бесконечно многом сравниться с совершенствами тварей, населяющих воды, небеса и землю? А, в сущности, не являются ли эти твари в своей области не менее разумными, чем человек? Затем: правда, их язык непонятен людям, но разве из этого не следует, что они разговаривают на своем языке и поклоняются своим богам? Если кто в этом сомневается, достаточно ему послушать, как волки и собаки воют на луну”.

Но все это говорили они после, во время же речи никто ему не возражал.

Изложивши эту основную предпосылку, Ви продолжал речь.

Он внял жалобам народа, совещался со многими мудрейшими из племени и решил, что наступило время издать новые законы, которые заставили бы всех повиноваться и связали бы все племя в прочный узел. Если же кому-нибудь законы не нравятся, он должен уступить большинству, которое соглашается с законами; если же он не уступит, а будет противиться, то он будет подлежать каре как преступник. Если племя согласно, то пусть выразит свое одобрение.

Во-первых, народ устал от долгого молчаливого сидения, а во-вторых, законов еще никто не слышал. Только один или два хитреца воскликнули, что им хотелось бы сперва услышать законы. Но их голоса потонули в общем крике одобрения.

Племя выразило свое одобрение.

— Во-первых, — продолжал Ви, — нужно разрешить вопрос о женщинах. Женщин слишком мало, и единственным средством помочь в этой беде явится обещание каждого мужчины иметь только одну жену. Я сам клянусь Ледяными богами, что не возьму себе второй жены и сдержу свою клятву. Если же я нарушу клятву, то да покарают Ледяные боги и меня и племя, которым я правлю, если племя позволит мне нарушить клятву.

За этим потрясающим заявлением наступила тишина.

Тана восторженно шепнула Ааке:

— Что ты скажешь, сестра? Что ты скажешь о новом законе?

— Я думаю, что из него в конце концов ничего не выйдет, — презрительно ответила Аака. — Ви и другие мужчины будут соблюдать закон до тех пор, покуда не встретят женщину, при виде которой им захочется преступить закон. Я думаю, что и немало женщин воспротивится ему. Когда женщина старится, она захочет, чтобы все работы по дому и приготовление пищи для всей семьи лежали на ком-нибудь помоложе ее. Вот цена этому закону; он бессмыслен, как все новшества.

Она показала кукиш.

— А, впрочем, пускай этот закон проходит, — продолжала она, — он для нас послужит оружием против наших мужей, когда они захотят преступить его. Я думаю, что первым же нарушителем будет Ви и произойдет это вскоре.

Ви — просто глупый мечтатель и считает, что несколькими словами можно изменить людскую природу. А вернее всего, мысль эта не Ви, а пришла в голову Пагу. Паг же, как ты сама знаешь, не мужчина и не женщина, но просто карлик и волчий щенок.

— Волчьи щенки и волки подчас бывают очень полезны, Аака, — задумчиво возразила Тана и стала прислушиваться к разговорам своих соседей.

Разговаривали немало.

Как только потрясающее предложение Ви было понято его слушателями, началось великое смятение. Все мужчины, у которых не было жен, и все мужчины, желавшие чужих жен, кричали от радости, и их поддерживало немало женщин, бывших вторыми, третьими и четвертыми женами и, следовательно, не пользовавшихся достаточным вниманием. Но с яростью протестовали против нового закона именно многожены.

Споры были шумны и долги и наконец закончились компромиссным решением. Многожены согласились с законом под условием, что им разрешат сохранить ту жену, которая им больше по сердцу, а также вообще менять жен по общему согласию всех участвующих в этом деле. Племя, достаточно терпимое вообще, пошло на эту уступку. Протестовал только Ви.

Ви горел энтузиазмом реформатора и хотел показать пример.

— Пускай каждый поступает как ему заблагорассудится, но знайте все, что я, вождь, никогда не женюсь на другой женщине, покуда моя жена жива. Не женюсь, даже если она будет просить меня об этом, что вряд ли случится. Внимай, о, народ: я вновь клянусь богами, что не возьму другой жены. Если же наступит время, когда я ослабею и обезумею и явится мне искушение нарушить клятву, то да проклянут боги, если это случится, не только меня, но и весь народ поголовно, от мала до велика...

Слушатели заволновались, и кто-то крикнул:

— Почему?

— Потому, — пылко заявил Ви, — что, зная, сколько бед мой поступок может привлечь на ваши головы, я не поддамся безумию, ибо я ваш вождь и защитник. Если же я обезумею, вы можете убить меня.

За этим потрясающим заявлением наступила тишина.

Через некоторое время Хотоа-Заика задал вопрос:

— Если мы даже и убьем тебя, Ви, чем это поможет

нам, раз проклятие, о котором ты просил богов, уже обрушится на наши головы? И кто же вдобавок осмелится пойти против тебя, когда ты вооружен чудодейственной секирой, которой разрубил Хенгу надвое?

Прежде чем Ви успел придумать подходящий ответ, — вопрос был задан хитро и о возможности его он не подумал, — снова начался общий шум. Много женщин приняло участие в обсуждении, и кричали они во все горло. Таким образом, Ви ответить не удалось.

Наконец выступили вперед трое — достаточно злобная тройка: Пито-Кити — Несчастливый, Хоу-Непостоянный и Уока — Злой Вещун. Ораторствовал за всех Уока.

— Вождь Ви, — заговорил он, — народ слышал твои речи о законах брака. Многим слова твои не пришлись по сердцу, ибо ты отменяешь старинные обычаи. Все же мы признаем, что что-то нужно сделать, прежде чем племя погибнет. Ведь у тех, у кого много жен, детей не больше, чем у тех, у кого одна жена. Да и холостяки становятся убийцами и похищают не только женщин, но и иное добро. Поэтому мы принимаем новый закон на срок в пять лет — срок достаточный, чтобы увидеть, что этот закон может дать нам. Мы заметили себе твою клятву не жениться на другой жене, покуда Аака жива, и запомнили, что ты предаешь себя проклятию богов, если нарушишь клятву. Мы не думаем, что ты сдержишь эту клятву; ведь ты вождь и волен делать все, что тебе угодно. Но, если ты нарушишь клятву, мы уж присмотрим, чтобы проклятие обрушилось на тебя. Что же до того, что ты призываешь проклятие на все племя, до этого нам вообще дела никакого нет, в это мы вообще не верим. Чего ради должен страдать народ от того, что ты нарушишь клятву! Боги отомстят злодею, а не невинным. Поэтому от имени всего народа говорю я, что мы принимаем твой закон, хотя я-то лично полагаю, что из отказа от старинных обычаев ничего доброго выйти не может. Думаю, что скоро на тебя обрушится проклятие и скоро ты умрешь.

Так говорил Уока — Злой Вещун, оправдывая тем свое прозвище. Он сказал и ушел вместе со своими спутниками и смешался с толпой.

Стало уже темнеть, потому что все эти споры заняли немало времени; к тому же немало народу ускользнуло, чтобы попытаться устроиться наново — воспользоваться возможностями неожиданного и внезапного переворота в брачном законодательстве.

Поэтому Ви отложил обсуждение следующего предлага-

емого им закона — закона, касающегося выращивания младенцев женского пола, — до следующего дня.

Племя разошлось.

* * *

Эту ночь Ви спал в хижине, в которой жил до того, как стал вождем. За ужином он попытался поговорить с Аакой о своем великом новом законе. Она с минуту слушала, затем ответила, что с нее хватит всех разговоров об этом за целый день, что нужно ужинать и поговорить о действительно серьезном деле — как ей собирать запасы на зиму теперь, когда она — жена вождя племени. А если ему уж так хочется продолжать болтовню о пустяках, пускай обращается к своему советнику Пагу.

Это возражение рассердило Ви.

— Неужели ты не понимаешь, что благодаря этому закону женщины стали на голову выше, чем были, что теперь они — ровня мужчинам?

— Если так, — ответила Аака, — следовало бы раньше спросить у нас, желаем ли мы становиться выше. Вот если бы ты расспросил женщин, ты, наверно, обнаружил бы, что большинство довольно своим теперешним состоянием, не желает ни вырастать, ни прибавлять себе работы и детей. А, впрочем, все это неважно, так как вообще твой закон — сплошной вздор; закон сделан дураками, и я бы сочла тебя за самого большого из них, если бы не знала, что твоими устами говорит Паг, который ненавидит женщин и срубает старые деревья (последняя фраза обозначала: разрушает старинные обычаи). Мужчина есть мужчина, и женщина есть женщина, и что они делали издавна, то будут делать всегда. Болтовней ты не изменишь их, Ви, хотя ты и считаешь себя умнее всех. Впрочем, мне приятно слышать, что ко мне в дом ты не ткнешь никаких нахальных девчонок. Так, по крайней мере, ты поклялся и угрожал самому себе за нарушение клятвы гневом богов и проделал все это в присутствии многих свидетелей. А многочисленность свидетелей лишний раз доказывает, что ты дурак. Ведь если ты нарушишь клятву, тебе немало хлопот будет от них.

Ви вздохнул и замолчал. Он думал, что придется по сердцу Ааке, которую любил и которой добился, претерпевши немало мучений. Аака же — он это знал — по-своему любила его, хотя частенько обращалась с ним грубо. Все-таки он отметил, что, поскольку ей это выгодно, она

воспользовалась его законом: добилась того, чтобы сохранить Ви для себя одной. Но он никак не мог понять, почему она презирает и унижает то, что ей приносит пользу; ведь так никто на свете не поступает. Он пожал плечами и заговорил о зимних припасах и о планах его и Пага, планах, осуществление которых обеспечило бы им на зиму изобилие.

* * *

Перед рассветом их разбудил сильный шум.

Женщины визжали, мужчины кричали и бранились. Фо, спавший на другом конце хижины, за занавеской из шкур, выполз для того, чтобы разузнать в чем дело; и он, и его родители решили, что, очевидно, волки унесли кого-нибудь.

Фо возвратился почти немедленно и сообщил, что идет форменное сражение, но из-за чего — он узнать не мог.

Ви хотел встать и принять участие в деле, но Аака удержала его словами:

— Успокойся! Это просто действует твой новый закон. Вот и все.

Утром оказалось, что она совершенно права. Несколько жен убежало от своих старых мужей к молодым любовникам; несколько мужчин, у которых не было жен, похитили или попытались захватить их силой. Результатом этого были побоища и целое сражение, в котором один из стариков был убит и немало мужчин и женщин было изранено.

Аака смеялась над Ви по этому поводу. Но он был так опечален этим делом, что даже не попытался спорить с нею, только сказал:

— Ты последнее время дурно обращаешься со мной. А я только и стараюсь сделать доброе и люблю тебя. Это я доказал уже давно, когда бился с человеком, который хотел насильно похитить тебя; помнишь, я убил его, что доставило мне немало тревог и неприятностей. Тогда ты поблагодарила меня, и мы пошли вместе и много лет жили счастливо. А вот недавно Хенга, который ненавидел меня и всегда пытался забрать тебя к себе, в пещеру, поймал нашу дочь Фою и убил ее. С того времени ты, любившая Фою больше, чем Фо, переменялась по отношению ко мне, хотя всему приключившемуся не я виною.

— Твоя вина в том, что случилось, — возразила она. — Нужно было остаться охранять Фою, а не идти охотиться для собственного удовольствия.

— Ты знаешь, что я охотился не для собственного удовольствия, а для того, чтобы добыть мяса. А если бы ты только заикнулась мне, я бы оставил Пага сторожить Фою.

— Так карлик уже успел выложить тебе свою историю? В таком случае выслушай истину. Он сам предложил мне остаться сторожить Фою, но я вовсе не желала, чтобы это отвратительное создание охраняло мою дочь.

— Паг никаких историй мне не рассказывал, но, очевидно, он только хотел выгородить тебя и потому упрекал меня за то, что я взял его с собой на охоту, когда можно было опасаться Хенги. Слушай, Аака, ты поступила дурно. Пускай ты ненавидишь Пага, но он любит меня и всю мою семью. Если бы ты позволила ему остаться охранять Фою, она была бы жива по сей день. Но оставим эти разговоры. Умершие мертвы, и больше мы их никогда не увидим. Слушай: по твоему совету я пошел к богам и молился им, вызвал Хенгу, убил его и отомстил, как ты того желала. Во всем этом деле мне помогал Паг своими мудрыми советами; и главное — он подарил мне секиру. Теперь я прогнал прочь всех женщин вождя, которые по праву и обычаю принадлежат мне, я дал новый закон, по которому у каждого мужчины может быть только одна жена. Для того чтобы служить примером, каким должен служить вождь, я обрек себя проклятьям, себя и все племя, на случай, если моя воля ослабнет, если я нарушу закон. А ты все настроена злобно против меня. Или ты разлюбила меня?

— Хочешь знать истину, Ви? — спросила она, глядя ему прямо в глаза. — Хорошо, я скажу ее тебе. Я не разлюбила тебя, и ни один другой мужчина мне не нравится, и я люблю тебя не меньше, чем в день, когда ты за меня убил Ронги. Но вот в чем дело: я не люблю Пага, твоего самого близкого друга. А ты неразлучен с Пагом, а не со мною. Твой советник — Паг, а не я. Правда, с того времени, что Фоя убита, вода кажется мне горькой на вкус, и мясо точно вываленным в песке, и вместо сердца камень колотится в моей груди, и мне дела нет ни до чего, и я равно готова жить и умереть. Но вот что я скажу тебе: выгони прочь Пага, — а ты вождь, ты на это имеешь право, — и я, сколько смогу, постараюсь быть для тебя тем же, чем была прежде: не только твоей женой, но и твоим советником. Выбирай между мной и Пагом.

Ви закусил губу (так он всегда поступал, когда бывал смущен) и грустно поглядел на нее.

— Женщины странны и не в состоянии понять, что справедливо и что нет. Однажды я спас Пагу жизнь, и по-

тому он любит меня; потому же, что он мудр, мудрее всех в племени, я прислушиваюсь к его советам. Да, благодаря его сообразительности и его советам, а также подарку, который он сделал мне, — и он взглянул на висящую на стене секиру, — я убил Хенгу: не послушайся я Пага, Хенга убил бы меня. И Фо любит его, и он любит Фо, и с помощью Пага же я создал новые законы, которые сделают легкой жизнь всему племени. А ты говоришь мне: "Выгони Пага, выгони своего друга и помощника". А ты ведь прекрасно знаешь, что, как только он выйдет из-под моего покровительства, женщины, которые его ненавидят, либо убьют его, либо же вынудят уйти прочь и жить в лесах, подобно хищному зверю. Поступи я так, я был бы подлым псом, а не человеком, и, во всяком случае, не был бы достоин звания вождя, ибо долг вождя — быть справедливым ко всем. Почему ты требуешь от меня этого? Или ты ревнуешь меня к Пагу?

— На это у меня есть собственные причины, Ви, и причины вполне достаточные. Но раз я прошу тебя, а ты не уступаешь моим просьбам, ступай своей дорогой, а я пойду своей. Однако нечего разглашать в народе, что мы поссорились. Что же до твоих новых законов, повторяю тебе, что они только принесут тебе неприятности, и больше из них ничего не выйдет. Ты хочешь срубить дерево старое и вместо него посадить новое и лучшее. Но, если даже дерево и примется, ты умрешь прежде, чем оно разрастется настолько, чтобы защитить тебя от дождя. Ты тщеславен; ты безумен. И таким тебя сделал Паг.

* * *

Вернувшись в пещеру, Ви обнаружил, что Паг ожидает его с завтраком.

Пищу добыл Фо, который ушел из хижины раньше, чем отец, на самой заре. Фо подавал еду очень торжественно и таинственно. Завтракая — а ему подали лосося, — Ви лениво заметил, что еда приготовлена как-то по-новому и ей придан вкус солью, устрицами и какими-то травами.

— Я никогда ничего подобного не ел, — сказал он. — Как приготовлен этот лосось?

Тогда Фо с гордостью показал ему стоящий возле огня выдолбленный кусок дерева. В чурбан была налита вода, и она кипела.

— Это каким образом? — спросил Ви. — Ведь если дерево попадает на огонь, оно загорается.

Фо сдул пепел с очага и показал отцу несколько раскаленных докрасна камней.

— Сделано это вот таким образом, — сказал он. — Вот этот чурбан найден в болоте; я много дней подряд выжигал его сердцевину и, когда она обугливалась, вырезал ее куском такого же блестящего камня, из какого сделана твоя секира. Когда я все очистил, я налил чурбан водой и наложил туда раскаленные докрасна камни, накладывал, покуда вода не закипела. А тогда я опустил в воду очищенную выпотрошенную рыбу, устриц и травы и продолжал бросать туда камни, чтобы вода не стыла; бросал до тех пор, покуда рыба не оказалась готовой. Вот как это было сделано. Скажи, рыба получилась вкусная?

И он рассмеялся и захопал в ладоши.

— Очень вкусная, — ответил Ви, — и я с удовольствием поел бы еще, но только сыт по горло. Вообще, это очень хитрая выдумка. Чья она?

— Все это выдумал Паг, но я сделал почти всю работу.

— Хорошо. Возьми себе остатки рыбы и можешь есть. А затем вымой чурбан, чтобы он не завонял. Вы с Пагом делали больше, много больше, чем думаете, и скоро будете прославлены всем племенем.

Фо ушел в полном восторге, а затем даже снес горшок матери, ожидая, что она похвалит его. Но этого он не дождался. Как только Аака узнала, что идея нового приготовления пищи принадлежит Пагу, она заявила, что вполне удовлетворена пищей, приготовленной так, как это делали предки, и убеждена, что от вареной рыбы можно заболеть.

Но никто не заболел, и скоро варка рыбы распространилась. Все племя занималось выжиганием деревянных чурбанов, вычищало обугленную сердцевину кремневыми орудиями и затем кипятило воду в горшках раскаленными камнями. В эту воду бросали не только рыбу, но и яйца, и мясо, засохшее от хранения во льду. Так, даже старые и беззубые снова могли есть и стали тучнеть. Да и вообще здоровье членов племени улучшилось, и дети, в частности, почти перестали болеть несварением желудка — результатом питания обугленным на огне мясом.

Глава VI

ПАГ ЗАМАНИВАЕТ ВОЛКОВ

Ви с советниками снова собрал племя перед пещерой для того, чтобы объявить новые законы.

Впрочем, на этот раз явилось не столько народу, сколько накануне, так как многие — таковы были плоды первого закона — лежали больные и раненые, а иные продолжали еще ссориться и драться из-за женщин, многие же хостяки строили хижины достаточно большие, чтобы жить там вдвоем.

Сразу же, прежде чем Ви успел заговорить, посыпалось множество жалоб на бесчинства последней ночи и просьбы о вознаграждении за убытки и увечья. Выплыло немало запутанных вопросов, связанных с распределением женщин. Например: если три или четыре человека хотят жениться на одной и той же девушке, какой должен взять ее?

Ви отвечал, что выбор в данном случае принадлежит всецело девушке.

Этим заявлением все были удивлены и просто ошарашены. До сих пор женщина, по большей части, не имела права выбора; дела такого рода разрешались ее отцом, если он был известен, обычно же — матерью. Иногда, если у нее не было покровителя, сильнейший из поклонников убивал или избивал всех своих соперников и попросту уволакивал приглянувшуюся ему девушку за волосы.

Однако Моананга и Паг вскоре указали Ви, что, если он будет тратить много времени на выслушивание и разбор всех жалоб, немало дней придется ждать, покуда удастся объявить новые законы.

Поэтому Ви отложил разбор всех споров на будущее время и провозгласил народу новый закон. Согласно этому закону отныне ни один младенец женского пола не может быть выброшен на съедение волкам или обречен на смерть от холода, если только он не родится нежизнеспособным уродом. Этот закон вызвал немалый ропот. Ворчавшие возражали, что дитя принадлежит родителям, в частности матери, которая вольна поступать со своим добром как ей вздумается.

Для того чтобы прекратить эти толки, Ви торопливо объявил, какое наказание полагается за нарушение этого закона. Наказание это было ужасное: выбросившие ребенка на погибель сами должны были подвергнуться такой же участи, и никто не смел прийти к ним на помощь.

— А если нам нечем прокормить ребенка? — спросил чей-то голос.

— Если это докажут мне, я, вождь, возьму этих детей и буду заботиться о них так, как если бы они были мои. Или же отдам их в бездетную семью.

— Семейство у нас скоро будет немалое, — заметила Аака.

— Да, — согласилась с ней Тана, — и все-таки Ви великодушен и Ви прав.

На этом собрание закончилось с общего согласия, так как племя чувствовало, что больше, чем один закон в день, оно переварить не в состоянии.

* * *

На следующий день они сошлись вновь, но в еще меньшем количестве, и Ви продолжал объявлять свои новые законы, законы превосходные, но слушателей они интересовали мало, то ли потому, что племя было, как выразился кто-то, "по горло полно мудрости", то ли потому, что — подобно всем дикарям — они не в состоянии были долго сосредоточиваться на подобных вещах.

Кончилось дело тем, что народ вообще перестал являться на Место Сборищ, и законы пришлось объявлять Вини-Вини — Трубачу. Целыми днями ходил он от хижины к хижине, трубя в рог и выкрикивая законы в дверь, покуда все женщины не рассердились на него и приказали детям прогонять его градом яичных скорлупок и головами сушеной рыбы.

В общем же, к тому времени, когда он кончил свой обход, в хижинах, с которых он начал, уже начисто позабыли о том, что он говорил.

Но законы были объявлены, никто против них не протестовал, и Ви считал их действующими. И незнание законов не могло считаться оправданием для нарушения их. Предполагалось, что каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок знает законы, если даже и не выполняет их.

Но Ви вскоре убедился, что одно дело — издать закон, а другое — заставить народ исполнить его, что первое значительно легче второго. Убедился он в этом, когда к законодательной деятельности ему пришлось прибавить деятельность судебную. Почти каждый день вынужден он был сидеть перед пещерой или — если погода была скверной — в самой пещере, и разбирать судебные казусы и назначать наказания. Таким образом постепенно по всему племени распространялось знание законов и соответствующих наказаний за нарушение их.

Так, когда Тури — Хранитель пищи ухитрился захватить себе больше, чем ему полагалось, из запасов вяленой

рыбы (он попросту явился на место, где вялилась рыба, раньше других), его хранилище было разгромлено и запасы были распределены между нуждающимися. С тех пор он стал тщательнее прятать свое обманным путем приобретенное добро.

Так, когда удалось доказать, что Рахи, который нажил-ся на торговле, в обмен на данные ему уже вперед шкуры вручал скверные рыболовные крюки, либо недостаточно острые, либо с обломанными кончиками, либо на слабой основе, к нему в хижину явился Моананга в сопровождении нескольких человек, разрыл земляной пол, нашел завернутые в шкуру крючки, забрал их и распределил между теми членами племени, у кого крючков не было. Рахи рвал и метал по этому поводу, но на его сторону не стал никто, потому что всем было приятно видеть, как человек, нажившийся на бедняках, наказан за свое стяжательство.

В общем же итоге Ви — хотя многие и стали роптать и даже вести интригу против него, — приобрел за свои новые, хорошие законы большую популярность в племени. Теперь народ знал, что в пещере живет не убийца и не грабитель, вроде Хенги и бывших прежде вождей, но человек честный, который берет с племени возможно меньшие поборы и стремится принести пользу всему народу, хотя и является, как считало большинство, безумцем. Поэтому племя постепенно стало подчиняться его законам, одни больше, другие меньше, и народ начал хвалить Ви и желать, чтобы он правил племенем подольше. Так говорили люди, хотя в открытую и восставали против него.

Но наконец наступили большие неприятности.

Одна сварливая и скверная женщина по имени Эджи родила девочку и, не желая возиться с ней, заставила мужа снести ребенка на опушку леса, где его должны были съесть рыскавшие там по ночам волки. Но за этой женщиной следили другие женщины, которым Паг поручил это дело (Паг хорошо знал ее натуру и подозревал ее). Мужа же заметили в то самое мгновение, когда он — при наступлении ночи — клал ребенка на камень у опушки леса и подслушали, как он рассказывал жене о том, что сделал, и как она благодарила его.

На следующее утро их обоих привели к Ви, который сидел возле устья пещеры и вершил правосудие.

И спросил их, что стало с девочкой, которая родилась у них месяц тому назад. Эйджи смело ответила, что девочка умерла и что труп ее согласно обычаю выброшен. Тогда Ви подал знак, и из пещеры вышла повивальная бабка с той

самой девочкой на руках: девочка была взята в пещеру, как обещал Ви, издавая закон.

Эйджи заявила, что это не ее дочь. Тогда девочку показали отцу. Тот взял ее на руки и заявил, что это его ребенок. Его стали расспрашивать, и он сознался, что снес девочку на съедение волкам против собственной воли, только ради того, чтобы избежать шума и ссор в доме.

Итак, когда преступление было доказано вполне, Ви, повторив закон, объявил решение. Так как родители богаты и отнюдь не нужда привела их к преступлению, они подлежат следующему наказанию: на закате солнца их отведут к опушке леса и привяжут к деревьям у того же камня, на который они положили девочку, и оставят там, чтобы волки сожрали их.

При этом строгом приговоре в народе раздались крики, так как большинство членов племени в свое время выбрасывало новорожденных девочек. Послышались даже угрозы по адресу Ви.

Но Ви не изменил своего решения.

При наступлении ночи Эйджи и ее муж под плач и завывания родных и друзей были выведены из хижины и привязаны к деревьям в назначенном месте. Там их покинули, как преступников, которые попались в совершенном преступлении.

Всю ночь с места казни раздавались вой и крики, и племя считало этот шум знаком того, что Эйджи и ее муж растерзаны волками. Волки всегда блуждали на некотором расстоянии от хижин, но в зимние месяцы, когда бывали очень голодны, врывались в поселение; обычно же они не осмеливались приближаться к хижинам, так как боялись острог и волчьих ям.

Смерть преступников разъярила народ, так что немало людей бросилось к пещере с протестами и с негодованием против Ви, по чьему приказу погибли Эйджи и ее муж. Народ кричал, что не стерпит, чтобы мужчин и женщин убивали за то, что они хотят отделаться от бесполезного порождения. Сбежавшиеся немало изумились, когда увидели в устье пещеры трех убитых волков и стоящих позади них Эйджи и ее мужа со связанными руками и ногами.

Тогда вперед проковылял Паг с окровавленным копьем в руке и заговорил:

— Слушайте! Эти двое справедливо были приговорены к той же смерти, на какую они обрекли своего ребенка. Но вот вышли Ви-Вождь и Моананга, брат его, и я, Паг, и с нами пошли собаки, и мы в ночи притаились рядом с при-

говоренными, но так, чтобы они нас не видели. И пришли волки, шесть или восемь штук, и набросились на обреченных. Тогда мы отвязали собак и, не щадя собственных жизней, обрушились на зверей, трех убили и остальных так изранили, что они убежали. А затем отвязали Эйджи и ее мужа от деревьев и снесли их сюда, так как они были настолько перепуганы, что не могли ходить. А теперь по приказу Ви я освобождаю их и объявляю всем, что если еще кто-нибудь выбросит новорожденную девочку, то его приговорят к смерти и оставят умирать, и никто не пойдет к нему на помощь.

Так Эйджи и ее муж были освобождены и ушли восвояси, покрытые позором, слава же Ви после всего этого происшествия сильно возросла так же, как слава Моананги и даже слава Пага.

С той поры больше не выбрасывали девочек на смерть и на съедение хищным зверям. Но немало девочек было принесено к Ви родителями, заявлявшими, что не в состоянии прокормить их. Этих детей Ви — согласно своему обещанию — поселил в пещере и отвел для них несколько закоулков, расположенных недалеко от света и от огня. Сюда и являлись матери кормить их грудью, покуда девочки не подрастали настолько, что их можно было поручить уходу специально назначенных для этого женщин.

Естественно, что все эти перемены вызвали много разговоров в племени, так что даже создались две партии, из которых одна стояла за нововведения, а другая была против них.

Как бы то ни было, до сих пор никто еще не ссорился с Ви, которого все признавали лучшим и мудрейшим из всех вождей, о которых жили предания в племени. К тому же у народа не было времени для размышлений, ибо в летние месяцы все были заняты тем, что собирали пищевые запасы для долгой и свирепой зимы.

Ви и его совет распределяли работу по собиранию пищи, считаясь с силой каждого человека в племени. Даже детям поручили собирать яйца морских птиц, потрошить и распяливать треску и других рыб и вялить их на солнце, и круглые сутки охранять в огороженном месте, куда не могли забраться ни волки, ни лисицы. Десятая часть всей собранной пищи шла вождю на прокорм его и всех, кого он содержал.

Половина остального количества пищи складывалась про запас в расчете на зимнюю нужду. Хранилищем служила пещера, но главные склады пищи вырубались глубоко

ко во льду, у подножья глетчера, и заваливались огромными камнями для того, что ни волки, ни другие хищники не могли растаскивать запасы.

Так Ви работал с утра до ночи. Паг помогал ему. Ви распоряжался всем в жизни племени и уставал настолько, что засыпал, еле добравшись до ложа, — тот самый Ви, который прежде без усталости целыми днями охотился.

Ночи ему случалось проводить иногда и в хижине Ааки, но Аака держала слово и не оставалась на ночь в пещере, потому что там жил Паг. Так Ви с женой жил якобы мирно и разговаривал с ней о повседневных житейских мелочах, но оба ни слова не говорили о том, из-за чего однажды рассорились.

Фо было приказано спать в хижине матери. Но там он проводил только ночи, а все дни бывал с отцом, который его встречал с каждым днем все более радостно.

Аака стала ревновать мужа даже к Фо. Мальчик скоро это почувствовал.

* * *

Зима наступила очень рано, в сущности, в тот год вообще не было осени.

Был спокойный день, и солнце светило, совершенно не грея. Ви ходил по берегу с Урком-Престарелым, Моанангой и Пагом. Он был так занят, что мог совещаться только во время работы, на ходу. Внезапно раздался звук, подобный грому: покрывавшие побережье утки поднялись; их были тысячи. Они поднялись, взметнулись столбом и улетели на юг.

— Что могло испугать их? — спросил Ви.

— Ничего, — ответил Урк. — Лет семьдесят тому назад, когда я был еще ребенком, помню, они вели себя точно так же в это самое время года. И после этого отлета наступила самая жестокая и самая долгая зима, какую мы когда-либо знавали. Было так холодно, что умерло много народу. Впрочем, может быть, птицы испуганы каким-нибудь шумом, например, треском льда. Если их испугал какой-нибудь шум, они вернутся. Если же не вернутся, мы их не увидим до следующей весны.

Птицы не вернулись. И улетели они так поспешно, что на берегу остались сотни еще не вполне оперившихся птенцов, которые едва-едва умели летать. За ними гонялись дети, избивали их и складывали про запас во льду. Прочь от берега шли также и тюлени; исчезла и рыба.

В следующую же ночь были свирепые заморозки.

Ви совершенно правильно оценил их как начало зимы. Поэтому он послал людей за дровами на опушку леса, где валялось много сломанных деревьев.

Работа была медленная и мучительная.

Племя не знало пилы и очищало деревья от сучьев и разделяло на части кропотливой работой — рубя кремневыми топорами. Долгий опыт позволял им рассчитывать на добрый месяц работы в лесу, прежде чем пойдет снег, который скоронит палые деревья так, что к ним уже нельзя будет подступиться. Сбор топлива обычно бывал последней, перед наступлением зимы, работой племени.

Но в этом году снег пошел уже на шестой день. Правда, снег шел негусто, но небо было закрыто тяжелыми тучами. Ви поставил все племя на работу, перестал обращать внимание на какие бы то ни было нарушения законов и следил лишь за тем, чтобы каждый трудился изо всех сил. Благодаря этому в две недели удалось набрать больший запас дров, чем когда-либо случалось видеть Урку за всю его жизнь. И запас был сделан не только дров, но и мха, идущего на фитили для светильников, и были сложены огромные груды оставленных приливами водорослей, которые горели, может быть, еще даже лучше, чем дерево.

Народ ворчал на эту беспрестанную работу в метели и на холоде. Но Ви не обращал внимания на жалобы, так как был испуган чем-то, чего сам не знал. Он заставлял народ работать в продолжение всего дня и большинства часов ночи.

Он оказался прав.

Едва успели сволоочь в селение последние стволы, едва успели снести и сложить в кучи обрубленные ветки, едва успели спрятать в подземные хранилища груды водорослей, как пошел густой снег. Он шел беспрестанно много дней и покрыл землю на высоту чуть ли не человеческого роста. Оказалось, что, не торопи Ви с работой, ни к палым деревьям, ни ко мху, ни к водорослям добраться нельзя было бы. А вслед за снегом наступили морозы, великие морозы, которые продолжались много месяцев.

Подобной зимы никто и никогда не видел. Ужас зимы состоял, может быть, даже не в густоте и количестве снега и даже не в холодах, а в том, что день был короче, чем день любой предшествующей зимы. День был короток так, что его почти не успевали заметить. Солнце не светило — оно только рассеивало слабый свет сквозь густые свинцово-серые тяжелые тучи.

Толком морозы еще не успели начаться — и самый злой ворчун племени благословлял уже Ви за то, что тот приказал собрать такое количество топлива и пищи; только эти запасы спасали от голодной и холодной смерти. Но даже при наличии всех этих огромных запасов умерло немало стариков, немало больных и немало детей. Земля промерзла, и схоронить их невозможно было. Трупы были унесены из селения и заброшены снегом. Вскоре их вырыли и съели волки.

По мере того как продолжалась зима, волки стали совершенно свирепыми. Пищу они себе найти не могли, и, обнаглев от голода, они блуждали вокруг селения; случилось, что по ночам они врывались в хижины и набрасывались на обитателей, а днями лежали в засадах и ловили детей.

Ви приказал соорудить вокруг селения валы из снега; в проходах между валами круглые сутки горели костры, чтобы отпугивать зверей. Принесенные плавучими льдами белые медведи появились на побережье, блуждали по холмам, ревели и пугали людей. Впрочем, белые медведи еще не убили никого из племени. Очевидно, эти звери боялись вида человека. Однако они причинили племени другой ущерб, не менее значительный: они по нюху нашли несколько складов пищи, разрыли их и сожрали все припасы.

Под конец нападения волков и других хищников стали настолько наглыми, что жить в беспрестанном страхе больше нельзя было. Ви, посоветовавшись с Моанангой и Пагом, решил приняться за беспощадное истребление зверей, прежде чем они успеют причинить еще больший ущерб.

В покрытых льдом холмах, между которыми стояло селение, было узкое и высокое ущелье, в сущности тупик; из ущелья был только один выход, да и тот в одном месте сужался до двух с половиной шагов.

Ви — искусный и опытный охотник — решил загнать всех волков в этот горный тупик и построить у входа в него каменную стену такой высоты, чтобы волки не могли перебраться через нее; таким образом ему удастся навсегда отделаться от них.

Но в первую очередь следовало приучить их входить в это ущелье.

За это они принялись следующим образом.

В начале зимы к берегу прибило умирающего кита. Племя, пользуясь тем, что кит погиб в мелкой воде, принялось вырезать из него жир и мясо. Вырезанные куски наваливались на торчащие из воды камни. Рассчитывали,

что, когда наступит зима и вода замерзнет, мясо и жир легко будет унести по льду. Работа над китом была прервана работой по собиранию дров, а затем наступили морозы, снежные бури и метели, так что к скалам подойти никак не удавалось.

Когда наконец установилась ровная погода, Ви отправился на берег и обнаружил, что в продолжение одной из оттепелей (чередовавшихся со снежными бурями) мясо совершенно сгнило. Когда же все замерзло, Ви решил пустить это мясо в ход в качестве приманки для волков. Он призвал старейшин племени и изложил им свой план.

Слушали они его недоверчиво. Особенно недовольны были Пито-Кити — Несчастливый и Уока — Злой Вещун. Они заявили, что волки часто нападают на людей, но никогда еще не случалось, чтобы люди нападали на волчью стаю, а особенно зимой, когда волки особенно свирепы и ужасны.

— Послушайте, — возразил Ви, — что вы предпочитаете: убить волков или чтобы волки сожрали ваших жен и детей?

На этот напрямик поставленный вопрос они ответа дать не могли и пытались извернуться. Словом, дело кончилось тем, что обсуждение отложилось до следующего дня.

В ту же самую ночь волки в огромном количестве — никак не меньше сотни — напали на селение. Они перелезли через снеговые валы, промчались мимо сторожевых костров, и, прежде чем волков успели отогнать, в клочья оказались разорванными женщина и двое детей и к тому же немало народу было покусано.

После этого старейшины приняли план Ви, потому что никакого другого не могли придумать.

Сперва самых сильных людей послали к устью ущелья, чтобы натащить сюда побольше камней. Из этих камней была сложена стена на широком основании вдвое выше человеческого роста. Промежутки между камнями были заполнены снегом, который немедленно смерзся. Посреди стены был оставлен узкий проход для волков и рядом были сложены про запас камни для того, чтобы немедленно закрыть отверстие когда понадобится. Затем отправились на берег за китовым мясом.

Тут их постигла неудача. Оказалось, что, несмотря на обильный снег, мясо и жир примерзли так крепко, что отодрать их оказалось невозможно. Таким образом, все их труды пропали даром. На обратном пути Уока громогласно заявил, что он с самого начала знал, что так и будет.

Всю ночь Ви и Паг совещались, но не могли ничего придумать. Ви предложил было зажечь костры, чтобы мясо оттаяло. Паг возразил на это, что в таком случае жир загорится, и все пойдет к черту. Тогда Ви обратился к Ааке.

— Значит, когда Паг не может помочь тебе, ты идешь ко мне за советом? — сказала она. — Я помочь ничем не смогу.

Помог случай.

Под утро с берега раздались странные звуки: слышались рычание, скрежет и рев. При первых лучах Ви разглядел целую стаю белых медведей, крадущихся сквозь туман.

Когда медведи ушли, Ви, захватив с собой Пага, пошел посмотреть, что они натворили. Оказалось, что медведи, учуявшие мясо (благо снег с него ветер смел), отодрали его своими острыми когтями от камней. Они съели немало, но оставалось мяса еще больше.

Тогда Ви сказал Пагу:

— Я думал, что все дело рухнуло, что нам придется оставить ловушку без приманки и попытаться силой загнать туда волков. Но боги, оказывается, помогли нам.

— Да, — сказал Паг, — медведи помогли нам. Не знаю я только, боги ли являются медведями или медведи богами.

Торопливо, прежде чем мясо наново примерзнет, созвали племя. Люди явились во множестве; одни с веревками, которыми привязывали огромные куски мяса, другие с грубо сплетенными корзинами. Прежде чем наступила ночь, они снесли почти все мясо в ущелье, где бросили его на произвол судьбы, чтобы оно примерзло и чтобы волки, таким образом, не смогли ни утащить его, ни сожрать так легко.

Ночью они следили при свете луны и увидели и услышали множество волков, которые собрались у входа в ущелье и рыскали взад и вперед, не решаясь войти, опасаясь ловушки.

Наконец несколько волков вошли, и наблюдавшие за ними люди дали им беспрепятственно нажраться и вернуться восвояси. На следующую ночь волков явилось больше. Каждую ночь их все прибывало, хотя замерзшее мясо с трудом поддавалось даже их крепким челюстям.

На четвертую ночь Ви созвал племя и перед самым заходом солнца разослал всю молодежь под предводительством Моананги в леса. Им было дано поручение полукругом оцепить волчьих логова и не шевелиться, покуда на условленной скале не вспыхнет сигнальный костер. Тогда они с

криками должны броситься вперед и гнать волков ко входу в ущелье.

Люди пошли за Моанангой, зная, что предстоит решительная схватка; что теперь либо они должны погибнуть, либо волки.

Ви заметил, что Паг держит себя как-то странно. Как только молодежь ушла, Паг сказал:

— Это бесполезно, Ви. Ведь если волков испугать криками, они побегут не к ущелью, а постараются либо прорваться через линию загонщиков, либо обогнуть их. Словом, они поодиночке или парами, но скроются.

— Почему ты раньше не сказал этого?

— Были причины. Послушай, Ви! Все женщины называют меня человеком-волком. Считают меня оборотнем, считают, что я по ночам перекидываюсь в волка и охочусь в стае. Это, понятно, вздор, но к этой лжи примешано сколько-то правды. Ты знаешь, что вскоре после моего рождения мать бросила меня в лесу, рассчитывая, что волки съедят меня, а вскоре отец нашел меня и принес назад. Но ты, наверно, не знаешь, что в лесу я пробыл десять дней. Я был грудным младенцем, так что ничего не помню о том времени, но нужно полагать, что меня выкормила какая-нибудь волчица.

— О подобных вещах я слышал, но, по-моему, все это бабьи рассказы, — ответил Ви. — По-моему, и твоя история чепуха. Отец, наверное, нашел тебя в тот же день, когда ты был брошен.

— По-моему, это правда. Моя мать, умирая, рассказала это мне. Она сказала, что отец (его вскоре разорвали волки) сам рассказал ей это под секретом, потому что не смел говорить об этом вслух. Он рассказывал, что пошел искать мой труп, хотя бы кости, а нашел меня в гнезде, какое волки делают для своих детенышей. Надо мной стояла огромная серая волчица, и ее сосок был у меня во рту. Очевидно, эта волчица лишилась детенышей. Она зарычала на него, но убежала. А он схватил меня и побежал домой. Мать клялась мне в этом.

— Бред умирающей, — проворчал Ви.

— Не думаю, — возразил Паг, — и у меня есть на то основания. Когда меня выгнали из племени, мне пришлось уйти в лес, потому что никто не хотел помочь мне. Я пошел в лес для того, чтобы волки растерзали меня и прикончили мою жизнь. Вечерело, и я видел за деревьями собравшихся волков; они дожидались ночи, чтобы наброситься на меня. Я нехотя следил за ними, ожидая конца. Волки

все приближались, и внезапно на меня набросилась большая серая волчица, прыгнула, остановилась и принялась. Она трижды обнюхала меня, лизнула и, рыча, ринулась на других волков. Самцы побежали прочь, но две волчицы остались.

Она схватилась с ними, перегрызла одной горло, а другую так искусала, что та убежала воя. Тогда она убежала тоже. Я изумленно глядел ей вслед, но потом вспомнил рассказ матери и больше не удивлялся. Очевидно, это была та волчица, которая выкормила меня.

— А тебе случалось еще ее видеть, Паг?

— Да. Она возвращалась дважды. Один раз через пять дней, а второй раз через шесть дней после первого ее возвращения. Каждый раз она приносила мне мясо. Это была гнилая падаль, очевидно, выкопанная ею из-под снега, но я не сомневаюсь в том, что это было лучшее мясо, какое она могла найти. Она совершенно отошла от голоду, но я уверен в том, что она приносила мне свою долю.

— И ты ел это мясо?

— Нет. Ведь я хотел умереть. И вдобавок меня рвало от одного вида этого мяса. А затем ты нашел меня и привел к себе, и с тех пор я больше не встречался со своей кормилицей. Но она еще жива; я несколько раз видел ее. Последний раз — этой зимой. Теперь она водит стаю.

— Странная история, — сказал Ви, удивленно глядя на него. — Если она правдива, если только тебе это все не пригрезилось, ты должен был бы быть поласковее к волкам. А ты ведь их убил немало.

— С чего мне быть ласковыми с ними? Разве они не разорвали моего отца? Разве они не сожрали бы меня? Но к этой волчице я испытываю нежность. Поэтому и я прошу в награду за то, что я сделаю, пощадить ее жизнь.

— А что ты сделаешь?

— Вот что. Перед тем как зажгут сигнальный костер, я отправлюсь в лес и разыщу эту волчицу. Она узнает меня и придет ко мне. Я поведу ее, и все волки пойдут за ней. И я приведу их в ловушку. Я спасу только ее — вот плата, которую я требую.

— Ты с ума сошел!

— Называй меня сумасшедшим, если я не вернусь или если мой замысел провалится. Если же я уцелею и сделаю все, что собираюсь, называй меня мудрым.

Паг рассмеялся низким горловым смехом.

— До того времени, что зажгут костер, остался час. Дай мне этот час, и ты увидишь, — закончил он.

Более не дожидаясь, Паг соскользнул со скалы и скрылся во тьме.

— Он сошел с ума, — пробормотал Ви. — Вот конец нашей дружбе. Впрочем, все это выяснится вскоре. Уже близко время, когда нужно будет зажечь сигнальный костер.

Прошло еще немного времени, и Ви взглянул на луну. Звезда уже исчезла за краем ее диска. Подходил условленный час.

Он нагнулся к Фо, сидевшему у его ног, и шепнул ему что-то. Фо кивнул и через несколько мгновений вернулся к отцу, держа в руках дымящуюся головню, которую принес из маленького костра, горевшего за краем горы.

Ви взял головню, подошел к сложенной на скале куче сухого дерева, раздул головню и ткнул ее в горку измельченных водорослей, лежащую у низа кучи. Высушенные водоросли запылали синим огнем, и вскоре вся куча горела.

Ви приказал Фо вернуться в пещеру. Фо отошел в сторонку, якобы направляясь домой, но спрятался за утесом, так как больше всего на свете ему хотелось посмотреть на эту великую охоту на волков.

Ви был уверен, что Фо ушел, и спустился вниз, где между камнями спрятались старики. Их было человек пятьдесят или несколько больше, и предводительствовал ими Хотоя-Заика. Они укрылись под ветром от волков, так, чтобы те их не зачуяли.

Ви приказал быть им наготове. Приказал дожидаться, покуда волки все не войдут в ловушку, и только тогда, по его приказу, но не ранее, броситься вперед с камнями в руках и заложить отверстие, чтобы волки не могли вернуться. Пока что они должны беспрестанно ворошить камни, чтобы те не примерзли.

Старики дрожали от холода и страха и выслушали его угрюмо.

Уока сказал:

— Я предчувствую, что из дела ничего хорошего не выйдет.

Хоу-Непостоянный спросил:

— Нельзя ли отказаться от всего этого дела и пойти домой?

Нгай-Волшебник заявил:

— Я молился Ледяным богам и после этого видел сон. Мне снилось, что Пито-Кити спит в брюхе у волка. Понятно, это обозначает, что всех нас сожрут волки.

Пито-Кити застонал и стал ломать руки.

Урк-Престарелый покачал головой и заявил:

— Никогда не выдумывали такой вещи. Никогда; не то я бы слышал это от деда. А то, чего не делали раньше, не-зачем делать теперь.

Только Хотоя, человек мужественный, хотя и глупый, заявил:

— Камни готовы, и я буду закладывать вход в ущелье, хотя бы мне пришлось делать это одному.

Ви рассердился.

— Слушайте. Луна светит ярко, и я вижу всех. Если хоть один человек побежит, я разгляжу его и вышибу из него мозги. Да, первый же, кто побежит, умрет.

Он взмахнул секирой и многозначительно взглянул на Хоу и Уоку.

После этого все замолчали, зная, что Ви держит свои обещания.

* * *

Начали появляться волки. На снегу они казались темными теньями. По двое и по трое пробегали они, высунув языки, и скрывались в ущелье.

— Не шевелитесь, — шепнул Ви. — Эти волки пришли кормиться.

Он оказался прав. Вскоре из глубины ущелья раздались рычание и лязг зубов. Волки ссорились из-за мяса.

Наконец издалека донеслись крики. Загонщики увидели огонь и принялись за дело. Прошло немало времени.

И внезапно сидевшие в засаде увидели ужасное зрелище: снежная тропинка под ними почернела от волков. Волков было больше, чем они могли сосчитать. Их были сотни, и шли они медленно, молча и нехотя, как упирающийся гость.

А впереди них рысцой трусила огромная, тощая серая волчица. Рядом с нею бежал, держась за ее гриву или ехал на ней верхом, — при неверном лунном свете и благодаря теням утесов они толком не могли разобрать, — кто-то, похожий на человека.

Это был Паг.

Сидевшие в засаде задрожали от ужаса, а некоторые закрыли глаза руками. Даже Ви вздрогнул. Значит, Паг говорил правду. Значит, в его жилах текла всосанная с молоком волчьей кровь. Значит, в мозгу его жили волчьи хитрости.

Серая волчица вошла в проход. Ви разглядел ее сверкающие глаза и стертые желтые клыки. Рядом с ней прошел Паг. Они вошли в проход каменной, покрытой снегом стены. Вошли, и волчица закинула морду и громко завывала.

Следовавшая за ней толпа волков колебалась. Но на призывный вой все волки вскинули морды и завывали в ответ. Подобных звуков никто в племени никогда не слышал; эти звуки были так ужасны, что многие попадали наземь, чуть не лишившись сознания.

Вожак стаи позвал, и стая должна была повиноваться зову. Волки бросились ко входу, давя друг друга, карабкаясь друг другу на спину, торопясь.

Все волки вошли в ловушку. Ни один из сотен не остался снаружи.

Настало время запирать проход.

Ви открыл уже рот, чтобы дать сигнал, и заколебался.

Ведь там внутри в ловушке остался Паг. Когда волки обнаружат, что они попались, они разорвут его и волчицу, приведшую их на смерть. Нужно подать сигнал, но Паг в ловушке. В состоянии ли он отдать приказ, который обрекает Пага на смерть?

Паг один, а в племени народу много. Если волки вырвутся, обезумевши от ярости, — ни один из племени не уцелеет.

— К стене! — хрипло сказал Ви. Схватив огромный камень, он бросился вперед.

Из расщелины вышла огромная серая волчица и с нею, целый и невредимый, Паг. Он наклонился, что-то шепнул ей на ухо, и присутствующим показалось, что она прислушалась к его словам и облизала ему лицо. Затем она отпрянула прочь, точно камень из пращи.

На пути ее стоял Пито-Кити — Несчастливый; он повернулся, чтобы бежать. Она с рычанием бросилась на него, укусила его в бедро, помчалась дальше и скрылась из виду.

— Стройте! — кричал Ви. — Стройте!

— Стройте! — повторил за ним Паг. — Стройте поскорей, если хотите увидеть солнце. Я уйду. Мое дело сделано.

И он проковылял мимо людей, которые с ужасом отстранялись от него.

* * *

Ви бросился ко входу и положил свой камень. За ним кинулись другие. Над растущей стеной показалась волчья морда. Ви взмахнул секирой, и волк свалился с рассеченным черепом. Послышался лязг зубов: загнанные волки поедали убитого. Это дало людям короткую передышку.

Камни росли, но теперь на них волки наваливались всей своей тяжестью. Одних убивали, других отгоняли. Даже самые робкие отчаянно дрались каменными топорами, копьями и дубинами, ибо каждый помнил, что, если стае удастся перелезть через стену или проломить ее, ни один человек живым не уйдет.

Итак, одни строили, другие сражались, а третьи носили корзины с сырой глиной или снегом и затыкали этим щели между камнями. Скрепь немедленно замерзала, и каменная кладка становилась крепкой, как крепостная стена.

Нескольким волкам удалось взобраться на спину к другим и прыгнуть оттуда на гребень стены, прежде чем ее довели до полной высоты. Большинство этих волков убежало, и от них-то и пошли новые волчьи стаи. Но самые свирепые из выскакивающих волков сражались с людьми до последнего издыхания.

Посреди этого шума и смятения Ви услышал призыв на помощь; он обернулся, так как голос был как будто бы знакомый.

На ослепительно блестящем под лунной снегу его сын Фо бился с огромным волком. Зверь взревел и прыгнул. Фо прыгнул и принял тяжесть прыжка на острие кремневого копья. Мальчик упал, и волк на него.

Ви бросился вперед, думая, что запоздает, что найдет сына с перегрызенным горлом.

Он пришел слишком поздно: и Фо и волк лежали недвижно. Собрав все свои силы, он оттащил труп волка. Под ним лежал покрытый кровью Фо.

Думая, что мальчик мертв, Ви с болью в сердце поднял его, так как любил сына больше всех на свете.

Внезапно Фо выскользнул из его объятий, подскочил, потянулся и глубоко вздохнул.

— А ведь я убил волка! Посмотри: копьё сломалось, но конец его торчит из спины. Он уже разинул пасть, чтобы перегрызть мне горло, но задрожал и умер.

— Ступай домой! — резко приказал ему Ви.

В душе же он радовался чудесному спасению сына.

И он бросился назад к стене и не отходил от нее, покуда ее не довели до такой высоты, что ни один волк на свете не мог бы перескочить через нее. Перелезть через стену тоже было невозможно, потому что верхние ряды камней выступали над нижними и шли уступами внутрь ловушки. Ви, стоя возле стены, дожидался, покуда не замерзнут окончательно снег, сырой песок и сырая глина. Направлялся домой он уже твердо уверенный, что до весны ничто не разрушит стены.

Работа была кончена, и на востоке уже пробивалась зоря короткого зимнего дня. Ви вскарабкался на стену и взглянул в ущелье. Оно еще было во тьме, так как луна уже села, а солнечные лучи не достигали сюда. Во мгле разглядел он сотни свирепых глаз; окрестные холмы откликались эхом на вой взятых хитростью волков.

Они были так много дней. Более сильные пожирали тех, кто слабел. Наконец в темной котловине наступила тишина.

Все волки передохли.

Глава VII

ВИ ВСТРЕЧАЕТСЯ С ТИГРОМ

Прошло два дня, в продолжение которых Ви главным образом спал.

Этот великий бой с волками утомил его почти до смерти. Впрочем, потрясен он был главным образом не сражением, но изумлением при виде ужасной дружбы Пага с серой волчицей и боязнью, которую испытал, когда волк обрушился на Фо. Немало дрожал он также, строя стену, от мысли, что вот сейчас вся стая хищников разнесет наложенные людьми камни и разорвет в клочья его и всех его соплеменников.

Он подчас просыпался, и Аака бывала с ним нежна, нежнее, чем когда-либо, с того самого времени, как Хенга убил Фою. Дело в том, что Аака гордилась великими делами Ви и тем, что слава его была у каждого на устах. Видя, что он поправляется, она приносила ему пищу и говорила с ним ласково, что утешало Ви, который по-прежнему юношеской любовью любил Ааку, хотя в последнее время она и была холодна к нему.

Ви сидел на кровати, и Аака подавала ему еду (таков был обычай племени); в пещеру вошел Моананга и весело, как всегда, стал говорить о прошедшей ужасной ночи.

— В сущности, работал-то только ты один, Ви, — заметил он. — А мы только шлялись по лесу, расцарапали себе ноги и изодрали лицо о полузанесенные снегом деревья и сучья. И все это совершенно без толку.

— А волков вы не видели?

— Ни единого. Вою-то в отдалении мы слышались досыта. Выходит так, что они все ушли, не дожидаясь нас, что их увел один наш общий приятель, который, как говорят, умеет околдовывать волков. Впрочем, наверно, эти рассказы — чепуха.

Он пожал плечами.

— Но зато мы видели кое-что иное, — таинственно сказал Моананга.

— Что именно?

— Того самого великого полосатого зверя, о котором рассказывают старики; тигра с саблевидными зубами. Знаешь, ты носишь шкуру такого же тигра. Это и есть плащ вождя.

Уже много поколений подряд вожди племени носили в качестве знака своего достоинства тигровую шкуру; происхождение этой шкуры оставалось загадкой для племени — считалось, что она была "всегда". Вообще же предания говорили об огромном тигре, бывшем когда-то грозой племени, но этого тигра не видел никто. Люди считали, что либо порода эта вымерла, либо покинула местность.

— А что делал тигр? — спросил Ви. В нем проснулся инстинкт охотника.

— Он вышел из-за деревьев, смело прошел вперед, прыгнул на скалу и остановился там, уставившись на нас и помахивая хвостом. Это огромный зверь, вышиною с оленя, но он не обратил никакого внимания на шум, стоял, мурлыкал, как дикая лесная кошка, и глядел на нас горящими глазами. Впереди нас стоял человек по имени Фин; тигр прыгнул на него. Фин заметил движение тигра и бросился бежать. Но тигр прыгнул так, как никто не прыгает. Он перескочил через наши головы и обрушился на Фина. Схватил его и ускакал прочь, неся Фина в зубах, как дикая кошка несет пойманную птицу. Больше мы не видели ни его, ни Фина. Народ говорит, что тигр — это Хенга, и потому он и выбрал Фина, которого при жизни ненавидел.

— В таком случае я должен усиленно беречься, ведь Хенга ненавидел меня много больше, чем Фина. Хенгу я

убил и клянусь, что убью тигра, если он еще будет рыскать в этих краях. Но хотел бы узнать, откуда пришел этот зверь.

В это мгновение вошел Паг.

Аака, слушавшая рассказ о смерти Фина, поднялась и ушла, бросив на ходу:

— Вот идет человек, который, наверно, сможет научить, как поймать тигра в ловушку. Ведь что такое тигр? Только большой полосатый волк.

При приближении Пага все бывшие в пещере расступились и отошли подальше: правда, они были благодарны Пагу за его выдумку, но после этой истории с волками они боялись его еще больше, чем прежде. Даже Моананга задрожал и уступил карлику место.

— Нечего бояться, — насмешливо приветствовал их Паг, — серая волчица убежала, и ее родичи не следуют ни за мной, ни за нею. Я только что наблюдал их. Они дерутся и пожирают друг друга. В скором времени они все передохнут. Ведь эту стену им не одолеть и не прокопать.

— Скажи, Паг, — смело спросил Моананга, — кто ты: человек или волк в образе карлика?

— Ты знал моего отца и мою мать, Моананга, и потому можешь сам ответить на свой вопрос. А впрочем, в каждом человеке есть кое-что волчье, а во мне несколько больше, чем в остальных. Ви знает, почему я это утверждаю.

— Если в каждом человеке есть что-то волчье, значит, и в тигре может быть что-то человеческое, — задумчиво пробормотал Моананга и повторил Пагу историю о тигре и Фине.

Паг внимательно выслушал его.

— Стоит пройти одной туче, как за нею вслед другая, — задумчиво сказал он. — С волками расправились, а теперь им на смену тигр. Не знаю, живет ли в нем Хенга. Но если Хенга и вправду поселился в тигре, то его нужно прикончить как можно скорее.

И он взглянул на Ви и на Фо, который теперь стоял рядом с отцом, прижавшись к нему.

Затем Паг отправился, чтобы достать что-нибудь поесть.

Начиная с этого дня, тигр стал не меньшим бедствием для племени, чем были волки, хотя он был один, а волков было целое множество.

Тигр рыскал вокруг деревни в ночной темноте, а когда рассветало и люди выходили из хижин, он врвался в селение, хватал кого попало и убегал, унося добычу в зубах.

Его не останавливали никакие изгороди, он не попадался ни в какие ловушки, и движения его были так быстры, что никто не мог ранить его копьём.

Дело кончилось тем, что Ви начал бояться; впрочем, больше за Фо, чем за самого себя. Несомненно, рано или поздно мальчик попадетсЯ, а может быть, первым попадетсЯ сам Ви.

Народ жил в беспрестанном страхе, и теперь уже никто не решался выходить из хижины, покуда еще совсем не рассветет, и уж, во всяком случае, никто не осмеливался выходить из пределов селения в одиночку.

Весна наступила наконец с большой медлительностью и еще большим запозданием. Снега растаяли, и в лесах снова появились олени.

Ви надеялся, что теперь тигр перестанет убивать людей и начнет охотиться на дичь, а может быть, уйдет туда, откуда явился, уйдет, чтоб найти своих сородичей. Но эти предположения оказались неверными.

Тигр, очевидно, был последним живущим тигром с саблевыми зубами, и ему некого было искать. Но дело не в этих предположениях; суть в том, что он остался в окружающих заливе лесах и появлялся то в одном месте, то в другом; на людей он набрасывался по-прежнему, не обращая никакого внимания на дичь: тигр уволок еще нескольких человек.

Кончилось дело тем, что никто уже не решался ходить на охоту, так как каждый боялся, что чудовище набросится на него. Логово тигра не было известно никому. Тигр, казалось, одновременно бывал повсюду, следил за всеми движениями людей и знал, куда они пойдут.

В конце концов все племя собралось на Место Сборов и послало Вини-Вини — Трясучку вызвать Ви.

Ви явился в сопровождении Пага.

Урк-Престарелый заговорил от имени племени:

— Тигр с большими зубами убивает нас. По-нашему — это Хенга. Ты убил Хенгу и превратил его в тигра. Ты — великий охотник и наш вождь по праву победы. Мы хотим, чтобы ты убил тигра, как убил Хенгу.

— А если я не могу или не хочу, что тогда?

— Тогда, если нам удастся, мы убьем тебя и Пага и изберем другого вождя, — ответил за собравшихся Вини-Вини. — А если не удастся, то мы перестанем подчиняться тебе и твоим законам и уйдем прочь отсюда с места, где жили испокон веков, и постараемся найти себе иное жилище, подальше от тигра.

— А может быть, тигр пойдет за вами? — мрачно ухмыляясь, заметил Паг.

Эти слова произвели самое тяжелое впечатление: о такой возможности они не думали.

Но Ви, не давая никому ответить, начал медленным, грустным голосом:

— Видно, среди вас у меня немало врагов. Этому я не удивляюсь: последняя зима была суровая, была многим хуже предшествующих, холода были жестоки и снега было больше, чем когда-либо до сей поры, и следствием этого — смерти и болезни. Одних из нас убили волки, других тигр. Боги, которые живут во льду, не помогли нам, хотя жертв приносили немало. Вы велите мне убить тигра, а не то вы убьете меня сами и выберете иного вождя, на что вы — согласно старинным обычаям — имеете право. И вы собираетесь, если я окажусь сильнее вас, покинуть меня и уйти прочь искать новые места, для становищ вдали от мест, где вы родились.

— Внимай же, о, племя! — громко выкрикнул Ви. — По-моему, вам нечего уходить отсюда в иные места, где вы, может быть, встретите опасности большие, чем те, от которых вы убегаете. Я отправляюсь сам на этого тигра и постараюсь одолеть его, как одолел Хенгу. Возможно, что я убью тигра, но значительно более вероятно, что он прикончит меня. В таком случае вам предстоит либо бороться с хищником, либо бежать отсюда. Как бы то ни было, вам решительно незачем пытаться убить меня, ибо знайте, что мне надоело быть вождем. Недавно еще я освободил вас от угнетателя, который безжалостно убивал своих единоплеменников, и с того времени, трудясь и день и ночь, я заботился только о том, чтобы всем было хорошо, и изо всех сил старался улучшить жизнь племени. Вы считаете, что я не справился со своей задачей, и я совершенно согласен с вами; ведь не то вы бы больше были привязаны ко мне. Поэтому я и слагаю с себя звание вождя. Если же обычай не позволяет этого, я стану здесь безоружный и буду ждать, когда тот, которого вы выберете мне на смену, дубиной или копьем прикончит мою жизнь.

— Итак, — закончил он, — выбирайте человека, и я подчинюсь ему. Но, как вождь племени, я даю вам последний совет: скажите ему, чтобы он пощадил мою жизнь на некоторое время, чтобы дал мне возможность пойти на тигра. Если тигр, паче чаяния, не убьет меня, я возвращусь, и тогда вы будете вольны поступать со мной как вам будет угодно.

Народ услышал эту речь, оценил ее благородство и устыдился, но, помимо стыда, немало было и смущения и замешательства, потому что племя не знало, кого выбрать вождем вместо Ви.

И в довершение всех неприятностей Паг громко заявил, что не успеют они выбрать вождя, как Паг вызовет его на бой.

При этих словах все, кто уже начал было поглядывать в сторону пещеры, торопливо опустили глаза.

Кто-то выкрикнул имя Моананги, но тот заявил:

— Ну, нет. Я на стороне моего брата Ви. Если вы изгоните его или предадите смерти, значит, вы все сошли с ума. Где вы найдете человека, более отважного, мудрого или честного, чем он? Почему вы сами не пойдете на тигра? Не потому ли, что перетрусили?

Никто не отвечал.

Некоторое время они сконфуженно перешептывались, затем кто-то выкрикнул:

— Ви наш вождь! Мы не хотим другого.

Так кончилась эта смута.

* * *

В ту же ночь Ви и Паг совещались о том, как убить тигра. Рассуждали они долго и серьезно, но никак не могли найти никакого разумного решения. Уже были перепробованы все уловки. Тигр не попадался ни в какие, даже самые искусные, ловушки; он не ел отравленного мяса; он не боялся огня, и вообще его ничем нельзя было прогнать. Дважды племя, вооружившись, шло на него, но один раз он укрылся от них, а другой раз сам на них напал, убил одного из них и скрылся. С тех пор племя больше не решалось нападать на него.

— Мы с тобой должны одни идти на него, — сказал Ви.

Паг покачал головой:

— Нашей силы не хватит на это. Прежде чем ты успеешь ударить его секирой, он прикончит нас обоих. Тут нужно применить другой способ. Тигр, должно быть, очень одинок. Дай мне на время плащ вождя, Ви. Если он пропадет, я дам тебе лучший.

— Зачем?

— Я скажу потом. Ты мне дашь плащ и ожерелье из тигровых костей?

— Бери, если хочешь, — устало уступил Ви, зная, что

бесполезно стараться выпытать у Пага тайну, которую тот хочет хранить.

— Возьми их и возьми с ними вместе и звание вождя, если хочешь, — также устало предложил Ви. — Хватит с меня их всех. О, как бы я хотел снова быть просто охотником, и больше ничем!

— Ты и будешь охотником, — медленно ответил ему Паг, — величайшим охотником, какой когда-либо был. А теперь давай некоторое время больше не будем говорить о тиграх, а не то они мне будут сниться по ночам.

* * *

В следующее за этим время Паг несколько дней подряд пропадал целыми часами и возвращался поздно ночью, всегда очень усталый. Ви заметил, что вместе с Пагом таинственно скрылись не только плащ из тигровой шкуры и ожерелье из тигровых когтей, но и высушенная ветрами голова Хенги, торчавшая на расщепленном дереве.

Однажды Аака спросила Ви, почему он не носит плаща.

— Потому, что зима прошла и становится жарко, — ответил Ви.

— По-моему, вовсе не жарко. А почему ты не носишь ожерелья?

— Потому, что кожа стала нежной, и когти царапают ее.

— Паг здорово научил тебя. Он бы сам не смог отвечать ловчее. А куда это он ходит так таинственно?

— Не знаю. Я сам собирался спросить у тебя об этом. Ведь ты так бдительно следишь за каждым его поступком.

— Думаю, что могу ответить на вопрос. По-моему, он ходит на охоту со старой волчицей. Потому-то он такой усталый и приходит домой. Я слыхала, что совсем недавно нескольких наших мертвецов было выкопано из-под снега и съедено.

— Об этом мне никто ничего не говорил.

— Даже вождю племени сообщают не все, а особенно о тех, кого он любит, — бросила Аака и ушла, рассмеявшись.

Две ночи спустя Паг подошел к устью пещеры, посклонил палец, выставил его наружу и озабоченно проверил направление ветра. Затем подошел к Ви и прошептал:

— Ты готов подняться за час до рассвета и пойти со мной убивать тигра?

— Не лучше ли пойти не одним? — нерешительно произнес Ви.

— Нет. Только дураки делятся добычей с другими. Пускай слава останется нашей. А теперь больше не спрашивай меня ни о чем. Здесь слишком много ушей.

— Хорошо, — согласился Ви, — я пойду с тобой, убью тигра или погибну.

* * *

Часа приблизительно за полтора до рассвета они выскользнули из пещеры, подобно теням. Но Ви, перед тем как уйти, поцеловал Фо, спавшего рядом с его ложем: Ви думал, что больше не увидит сына. Он взглянул на спящую Ааку и грустно вздохнул.

Ви был в полном вооружении: захватил с собой тяжелую секиру из блестящего камня, два кремневых копья и кремневый нож. Паг захватил с собой также два копья и нож.

Они вышли из селения и пробирались лесом при свете заходящей луны и блестящих звезд.

Паг заметил, что дувший в последнее время ураган утих.

— Вот посмотри, как ярко светят звезды. Это предвещает хорошую погоду.

Ви рассердился и закричал:

— Да перестань ты болтать о погоде и звездах. Скажи мне лучше, куда мы идем и зачем. Что я, по-твоему, младенец, чтобы держать меня в неведении?

— Да, — хладнокровно ответил Паг. — Ты младенец, у которого любая женщина может выпытать тайны. Обо мне этого уж, во всяком случае, сказать нельзя.

— Я возвращаюсь домой, — сказал Ви и остановился.

— Но, впрочем, если хочешь, — спокойно продолжал Паг, — теперь я могу рассказать тебе, в чем дело. Только не стой на месте, как девушка, ожидающая возлюбленного. Поторопись. Времени у нас осталось мало.

— А терпения у меня еще того меньше, — проворчал Ви и пошел.

— Так вот в чем дело. Ты знаешь ведь, там, на опушке леса, две скалы, которые народ называет Муж и Жена, потому что они так близко друг от друга и все-таки разделены. Я обнаружил, что по пролегающей между ними тропинке ходит этот самый тигр. Для того чтобы отпугнуть его на некоторое время, я развесил там изношенные чело-

веческие одежды. Затем я принялся за работу и вырыл яму; яма, доложу тебе, замечательная. Она узка, как могила, и вся утыкана острыми кольями. На дне ее зажег костер для того, чтобы уничтожить человеческий запах. Яму я перекрыл сосновыми ветвями, которые пахнут так сильно, что запах человека на них не слышен, а их я усыпал тонким песком, совершенно схожим с песком всей местности. Этот песок я принес туда в мешке из только что снятой и невыдубленной шкуры, а насыпал в мешок раковинной; так что я ни к одной песчинке не прикоснулся. Словом, тигр будет обманут.

— Этого тигра ничем не обманешь, — хмуро пробурчал Ви в ответ. — Ведь он хитер, как человек. Мало мы делали ловушек? А ведь он ни разу не попадался ни в одну.

— Да, Ви, тигр очень хитер, но только он одинок, и, если он увидит, что другой тигр прошел по этому месту и поджидает его на той стороне ямы, он почти наверняка пойдет сюда. На этом и построен весь мой замысел.

— Другой тигр? Что ты хочешь сказать?

— Скоро узнаешь. И вот что, Ви. Забудь, что ты хороший вождь. Помни только, что ты значительно лучший охотник, и молчи. Если мы подойдем тихо, нам бояться нечего, так как мы под ветром у тигра, и учуять нас он не может.

Наконец они добрались до места. Невдалеке от ямы лежала груда камней.

Паг шепнул Ви:

— Скорее прячься здесь. Рассвет близок, и тигр должен вскоре пройти. Держи секиру наготове.

— Что ты будешь делать?

— Увидишь. Не удивляйся ничему. Не двигайся, пока я не позову тебя на помощь или пока я на тебя не нападу.

Паг скрылся где-то в темноте, а Ви, став на колени, смотрел в щелку между камней. Он с юности привык к охоте и почти не хуже, чем звери, видел в темноте. Он заметил на снегу (здесь, в тени между утесами, снег еще не растаял) следы тигровых лап и подумал, что Паг опоздал, что тигр уже прошел. Затем он сообразил, что это невозможно: ведь тигр должен был в таком случае свалиться в яму.

В таком случае откуда же взялись эти следы? Этот немой вопрос еще усугубился, когда он увидел в тени утеса тигра. Да, да, тигра. Тигра, и по эту сторону ямы.

Как мог тигр попасть сюда?

Они только что прошли по открытому месту, где деревьев не было (это не то, что та сторона расщелины, густо заросшая лесом), и тигру нигде было укрыться. А ведь это был тигр. Ясно видна была его полосатая шкура. Тигр ворчал и грыз что-то лежащее на самом краю прикрытой ямы.

"Если, — подумал Ви, — я внезапно прыгну на него с камнем и ударю изо всей силы, быть может, мне удастся переломить ему шею или разmozжить голову, прежде чем он набросится на меня".

Тут он вспомнил, что Паг приказал ему не шевелиться, разве только в случае, если на него нападут или Паг позовет его на помощь. Вспомнил он также, что Паг вполне заслуженно гордился тем, что никогда не говорит попусту. Поэтому Ви остался на месте и продолжал ждать.

Уже пробивались первые серые лучи рассвета. Они упали и в тень, скрывавшую тигра. Упали на то, что он пожирал.

То была голова Хенги! Ви понял все. Тигром был Паг. Да, в этой шкуре, сделанной из плаща вождя, скрывался Паг, и он ворочал голову Хенги, делая вид, что пожирает ее. И подумать только, что Ви несколько мгновений тому назад собирался наброситься на это чучело. Значит, он убил бы Пага! От одной мысли об этом вся кровь его похолодела. Затем он забыл обо всем.

На той стороне расщелины, медленно подползая, помахивая хвостом, тащась брюхом по земле, оскалив зубы и взъерошив шерсть, появился чудовищный зверь, которого они преследовали. Вот он поднялся во весь рост. Тигр был ростом не ниже оленя! Он стоял, подозрительно оглядываясь и всматриваясь горящими глазами.

Тигр внизу, или, вернее, Паг в его шкуре, зарычал еще свирепее и яростно затеребил голову Хенги. Чудовище прижало уши и зарычало в ответ, но дружелюбно. Затем, очевидно, оно зачуяло запах головы Хенги и взглянуло на нее.

Тигр сделал несколько шагов, выгнул спину и скакнул, как скачет играющий котенок. Тигр высоко взлетел в воздухе и всеми четырьмя лапами грохнулся на крышку ямы; сучья провалились под его тяжестью. Он свалился в яму, а за ним покатились голова Хенги. Рев за ревом потрясал воздух, потому что острые колья, которые Паг насаждал на дне ямы, глубоко вонзились в тигра под тяжестью его тела.

Ви выскочил из прикрытия и побежал к Пагу.

Тот уже успел скинуть с себя шкуру и стоял у края ямы, держа копьё в руке и глядя вниз, Ви посмотрел по направлению его взгляда и увидел, как огромный тигр (глаза его сверкали как раскаленные угли) корчится на кольях. Внезапно зверь замолчал, и они подумали было, что он умер.

Вдруг Паг крикнул:

— Берегись! Зверь идет!

В то же самое мгновение когти тигра показались на краю ямы, а за ним вслед потянулась его огромная плоская морда. Тигр соскочил с кольев и вылезал из ловушки.

Паг ударил его копьём, вонзив глубоко в горло. Зверь схватил рукоять зубами и перегрыз ее.

— Бей! — крикнул Паг.

И Ви, изо всех сил обрушив свою секиру на тигра, мощным ударом разбил ему череп.

Но и это не убило тигра. Ви ударил вновь и раздробил ему одну переднюю лапу. Тигр поднялся и выскользнул из ямы. Встал на дыбы и взмахнул неповрежденной лапой.

Ви отбежал назад и пригнулся, так что удар прошел поверх него, а Паг отскочил в сторону. Тигр бросился за Ви, повис над ним, стоя на задних лапах. Он был так изрублен, что прыгать не мог. Ви схватил секиру обеими руками, ударил, и острое лезвие глубоко погрузилось в брюхо зверя. Ви попытался выдернуть секиру, но не успел еще рвануть, как тигр обрушился на него всей тяжестью своей туши.

Паг подбежал и вогнал зверю в бок свое второе копьё. Раз за разом наваливался он на торчащую позади лопатки рукоять.

Тогда тигр, уже разинув пасть, чтобы сомкнуть ее на голове Ви, жалобно простонал. Челюсти его сжались, когти судорожно дернулись, голова опустилась на лицо Ви, дрожь пробежала по всему его телу, и тигр притих.

Паг снова навалился на копьё, вгоняя его все глубже и глубже, покуда не убедился окончательно, что острие пробило сердце тигра. Тогда, взявшись за лапы, карлик напряг всю свою громадную силу и потянул. Мертвый зверь перекатился на спину. Под ним лежал весь красный от крови Ви.

Паг решил, что Ви мертв, и тихо всхлипнул от горя. Но Ви присел и стал тяжело переводить дух; он чуть не задохнулся под тяжестью тигровой туши.

— Ты ранен? — наклонился к нему Паг.

— Кажется, нет, — пробурчал Ви. — Когти миновали меня.

— У тебя будет изумительный новый плащ, — сказал Паг.

— Он твой, по заслугам, — отвечал Ви.

Глава VIII

ЛОДКА И ЕЕ СОДЕРЖИМОЕ

Ни Ви, ни Паг не были даже поцарапаны. Однако в пещеру они возвратились, прислоняясь друг к другу, — так устали они от боя. С трупом они одни ничего не могли сделать и потому оставили его на месте.

Но прежде чем уйти, Паг вытряс из плаща водоросли и мох, которыми он был набит; плащ был весь вымазан кровью и грязью, и Ви отказался надеть его. Поэтому Паг набросил его себе на плечи. Но голову Хенги он оставил на месте. Она свою службу сослужила, и Паг поклялся, что никогда больше не приблизит ее к своей голове.

— Вдоволь нанюхался ее, — заметил он.

До селения они добрались еще на самом рассвете, так что никто еще не вышел из хижины. Народ, зная, что тигр нападает в этот час, по утрам не выходил. Так Ви и Паг добрались до устья пещеры незамеченными.

Но в пещере их ожидали.

Фо спозаранку разбудил Ааку словами о том, что отец куда-то ушел. Аака же, жестокая в разговоре с Ви, всегда тревожилась, если он уходил куда-нибудь и она не знала куда. Сегодня же утром она тревожилась больше обыкновенного, так как Ви ушел из пещеры не один, а вместе с Пагом. Не в силах совладать с нетерпением, она послала Фо (хотя ему и грозила опасность попасться в лапы тигру) за Моанангой.

Итак, в пещере оказались и Моананга, и Тана, которую он не хотел оставить одну в хижине, и еще несколько человек, которых он позвал, потому что никто не выходил один в этот час, когда тигр рыскал возле деревни.

Войдя в пещеру, Моананга спросил, в чем дело. Аака ответила, что хочет знать, не видели ли они Ви. Она не может найти ни Ви, ни Пага, который, несомненно, ушел вместе с ним. Так вот, не знают ли они, куда ушли ее муж и его слуга.

Моананга сказал, что не знает, и пытался успокоить ее,

напоминая, что у Ви немало забот, о которых он не говорит, и, несомненно, он ушел по одному из таких дел.

Но Фо прервал его жестом. Мальчик только указал пальцем вперед, и все, обернувшись, поглядели по тому же направлению: из утреннего тумана вынырнул Ви, с головы до пят залитый кровью. Он шел, опираясь на плечо Пага, как хромой опирается на палку.

— Я не напрасно тревожилась, — сказала Аака. — Ви ранен, и ранен сильно.

— Однако он идет легко, и секира его не менее красна, чем он сам, — возразил Моананга.

Ви подошел к пещере, и Аака спросила:

— Чьей кровью ты покрыт? Своей или какого-нибудь другого человека?

— Не человеческой. Это кровь тигра, которого убили мы с Пагом.

— Паг бел, а ты красен от крови. Но что стало с тигром?

— Убит.

Все удивленно уставились на него, и Аака спросила:

— Ты убил его?

— Нет. Я только бился с ним, но убил его Паг. Паг выдумал хитрый план. Паг приготовил ловушку, Паг поместил приманку, и Паг пронзил копьем сердце тигра, прежде чем зверь успел разгрызть мне череп.

— Поглядите на череп тигра, — сказал Паг. — Да измерьте, приходится ли секира Ви к дыре в голове. Взгляните на переднюю лапу тигра и установите, чье оружие раздробило ее.

— Паг! Вечно Паг! Неужели без Пага ты ничего не можешь делать, муж мой?

— Могу, — с горечью возразил Ви. — Могу, например, поцеловать женщину, если она красива и добра.

Тогда Ви прошел мимо нее в пещеру и приказал дать ему воды, чтобы умыться. А Паг сел у входа в пещеру и стал рассказывать всем желающим слушать о том, как Ви убил тигра. О своем участии в этом он не сказал ни слова.

Человек двадцать или более того, под предводительством Моананги, отправились за трупом, принесли его и положили на такое место, где он был виден всем. В тот день каждый, кто мог, был на ногах, и стар и млад приходили смотреть на мертвое чудовище, причинившее племени столько зла. Паг сидел рядом с трупом, ухмылялся и показывал, где ударила секира Ви, раздробившая череп тигру, и как Ви переломил тигру лапу.

— А кто пробил ему сердце? — спросил кто-то.

— Ну, понятно, Ви,— весело ответил Паг.— Когда тигр набросился на него, он отскочил в сторону и ударил его копьем, а затем тигр упал на него, хотел отгрызть ему голову, но уже было поздно.

— А ты что делал в это время? — вмешалась Тана, жена Моананги.

— Я? А я смотрел. Нет, забыл. Я стал на колени и молился богам, чтобы Ви одолел тигра.

— Ты лжешь, человек-волк,— возразила Тана.— Ведь оба твои копья глубоко сидят в теле тигра.

— А может, и лгу,— не смущаясь продолжал Паг.— Если я лгу, то этому делу я научился от женщин. Если тебе, Тана, никогда не случалось врать с хорошей или дурной целью, тогда можешь упрекнуть меня. Но если и ты врала, то лучше молчи.

На это Тана ничего не могла возразить, ибо всем было известно, что она не всегда говорила правду, хотя вообще отличалась хорошим, правдивым характером.

* * *

Когда Ви наконец оправился от усталости и нервной дрожи, когда его помятые бока перестали болеть, весь народ собрался и стал восхвалять его. Племя славilo Ви, который избавил его от тигра так же, как избавил от волков. Племя славilo Ви, говоря, что он, наверное, один из богов и вышел из льда для того, чтобы спасти племя.

— Так вы говорите, когда все идет хорошо и когда опасность уже миновала. Но, когда дела принимают дурной оборот и опасности грозят вам, тогда вы поете совсем другие песни,— грустно улыбаясь, возразил Ви.— Это у вас старая привычка: когда нужно хвалить, вы молчите, но зато распинаетесь, когда похвала не нужна.

Для того чтобы отделаться от приставаний и восхвалений, он ускользнул с Места Сборов и отправился один гулять на побережье. Паг остался на месте и принялся свежевать тигра, а потом дубить его шкуру.

И наступило время, когда каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок могли в одиночку гулять по берегу, ничего не опасаясь, ибо убийца Хенга был мертв, ибо волки были мертвы, ибо тигр был мертв. И всех их убил Ви. И к тому же еще несколько месяцев тому назад медведи покинули эту местность. Впрочем, неизвестно бы-

ло, ушли ли они от страха перед тигром или от недостатка пищи.

* * *

Великий ураган с юга, дувший эту весну много дней подряд и почти до самой ночи, когда Ви отправился на тигра, к этому времени улегся. Серое небо было совершенно чисто, но солнца этой весной было, кажется, еще меньше, нежели в прошлом году. Воздух продолжал оставаться холодным, очень холодным, таким, какой бывает перед тем, как пойдет снег; а время было совсем неподходящее для того, чтобы шел снег. Цветы, обычно украшавшие своей пестротой леса и склоны холмов, еще не расцвели. Тюлени и птицы явились в значительно меньшем количестве, чем обычно. Ураган уже не дул, но море еще волновалось, и на берег то и дело с глухим шумом порывисто набегали большие волны, на которых колыхались глыбы льда.

Ви шел на восток.

Он дошел до ледника и упал на колени для того, чтобы помолиться богам. Он хотел сказать им, что готов пасть жертвой за племя.

Что-то оборвало ход его мыслей.

Это было следующее соображение: ведь ледник надвигается на долину, в которой живет племя.

Он встал, чтобы измерить, много ли подвинулся ледник, чтобы измерить, насколько свирепы боги, как скоро собираются они поглотить племя.

Он смотрел и не верил глазам.

Он помнил, что в глубине льда видна фигура Спящего с длинным носом и закругленными зубами. Позади него виднеется Тень, точно преследующая его, Тень, имеющая смутный человеческий образ. Теперь все переменялось: Спящий стоял на месте, но смутный образ каким-то чудом оказался впереди него, совсем близко от Ви.

Это был человек.

В том, что это человек, не могло быть никаких сомнений. Но такого человека Ви никогда не видал. Все члены его были покрыты шерстью, лоб отступал назад, и огромная нижняя челюсть выдавалась из-под плоского носа. Руки этого человека были длинны, непомерно длинны, ноги сведены полукругом, и в руке человек держал короткий, грубый деревянный обрубок. Глубоко сидящие открытые глаза были малы, зубы огромны и выступали, на голове росла грубая сбитая шерсть, и с плеч свисал плащ — шку-

ра какого-то животного, — скрепленный на шее когтями. На лице этого странного и безобразного создания было написано выражение величайшего ужаса.

Ви сразу увидел, что этот человек умер внезапно, и умер чем-то испуганный. Чего ж он испугался? Вряд ли Спящего. Ведь все время видно было, что не Спящий гнался за ним, а он за Спящим. Он испугался чего-то другого.

Внезапно Ви понял, чего испугался этот человек. В стародавние прошлые времена этот праотец племени (Ви не подозревал о существовании других людей, кроме его народа, и считал человека во льду своим предком), тысячи зим тому назад этот человек бежал от льда и снега, и они обрушились на него, поглотили его, и он задохнулся и умер.

Он не был богом. Он был только несчастным человеком (впрочем, был он уже человеком?). Словом, он был только несчастным человеком, которого захватила смерть и которого лед сохранил и сохранил написанную на его лице всю историю его кончины.

Но если это не бог, то бог ли Спящий? Может быть, Спящий — просто дикий зверь, который погиб вместе с человеком, погиб в минуту, когда широко разинул рот и зывал к небесам о помощи?

Нет, это не боги. Им он молиться не будет.

Ви вернулся на побережье.

Он задумчиво продолжал идти на восток по холмикам и обледеневшим долинам. Он шел к небольшому заливу, где обычно собирались тюлени. Он надеялся, что уже увидит тюленей, прибывших с юга вынашивать детенышей.

Тюлени были всегда центром внимания племени: их мясо шло в пищу, их шкуры на одежду, их жир на светильники.

Ви шел, оглядая утесы, и наконец добрался до берега. Немедленно мысль о Спящем и о человеке исчезла. Ви осматривал побережье проницательным взором охотника. Он оглядывал воду залива, низкие скалы, на которых обычно ползали тюлени (скалы эти были расположены приблизительно в четырех полетах копья от берега). Тюленей не было видно нигде.

"Этой весной они запаздывают еще больше, чем в прошлом году", — подумал Ви.

* * *

Он уж собирался вернуться домой, когда заметил на той стороне скал, среди морского прибоя, какой-то странный предмет, что-то длинное и заостренное с обоих концов.

Сперва он решил, что это какое-нибудь неизвестное ему животное, выброшенное волнами, и уже собрался идти назад, как внезапное колыхание прибоя показало ему, что странная эта вещь — полая и что в ней лежит что-то похожее на человека.

Тут у Ви проснулось любопытство; он решил подойти поближе.

Желание было тщетно: группа скал была окружена быстро несущимся приливом, и единственным способом добраться туда было — переплыть. Правда, Ви был прекрасным пловцом, но вода еще была необычайно холодна (по ней плавало немало кусков льда), так холодна, что плыть было опасно для жизни, не говоря уже о том, что можно было порезаться об острые края льдин. Поэтому он решил, что лучше идти домой, тем более что и плыть далеко. Нечем больше ломать себе голову над чем-то, что лежит в незнакомом полом предмете.

Но тут он почувствовал, что уйти не может. Что, если там лежит человек? Нет, это невозможно: ведь, кроме его племени, на свете нет других людей. Видел он, наверно, какой-нибудь свалившийся в море ствол или развалившийся труп большой рыбы.

А верно ли, что на свете, кроме его племени, больше нет людей? Ведь он только что видел тело человека, жившего, должно быть, тысячи лет тому назад, жившего еще в те времена, когда поглотивший его ледник еще скрывался в глубинах дальних гор.

С чего же взял Ви, что он и его племя — единственные двуногие создания на земле?

Он решил посмотреть, чего бы это ни стоило. Пускай он потонет в ледяной воде, пускай его оглушит льдина — что из этого? Вождем станет Паг или Моананга. Во всяком случае, кто бы ни стал вождем, за Фо будет присмотр, тем более, если Ви не будет в живых, Аака не будет ревновать к нему мальчика.

Так думал Ви.

Он скинул плащ и положил его на скалу, а под ним спрятал секиру. Если он не вернется, Паг и все остальные узнают по этим приметам, что море поглотило его.

Итак, Ви бросился в воду.

Сперва его обожгло холодом, но он плыл большими бросками, время от времени останавливаясь, чтобы отогнать льдины или пощупать их под водою, нет ли на них острых углов, о которые можно порезаться. По мере того как он плыл, он согревался.

Его согревало не только движение. Кровь его обращалась в жилах быстрее от радости поисков, от надежды на приключение. Холодно было только на берегу, когда в голове его теснилось столько печальных мыслей, когда его преследовало воспоминание о человеке, увиденном в леднике.

А теперь он чувствовал себя, точно мальчик, доползший до орлиного гнезда. Это он проделал однажды; он сползал с горы, неся в корзине на спине птенцов, в то время как орлы-родители носились вокруг него. Да, он снова был бесстрашным мальчиком, свободным от воспоминаний о вчерашнем, свободным от страхов о завтрашнем. Мальчиком, живущим только в настоящем.

Наконец Ви благополучно добрался до скал. Влез на них, по-собачьи отряхнулся и стал осторожно пробираться между камнями. Дошел до того места, где с берега заметил тот странный заостренный предмет, в котором кто-то лежал.

Предмет этот исчез.

Нет, он здесь! Здесь, под ним, колышется на прибое.

Что это такое — неизвестно. Но ясно, что это сделано людской рукой для того, чтобы в этом плыть по воде. Предмет оказался много больше, чем он предполагал: в нем могло поместиться пять или шесть человек. Предмет этот, очевидно, был выдолблен из дерева: на нем еще видны были следы топора.

Глаза не обманули его.

В выдолбленном дереве лежал кто-то, накрытый белым меховым плащом; плащ закрывал все, даже голову. Из-под края плаща выбивалась коса, длинная, как болотные весенние цветы, выбивалась также и рука, держащая какой-то кусок дерева, который, судя по форме, служил для того, чтобы управлять большим выдолбленным стволом.

Ви долго и изумленно глядел; наконец он заметил, что рука эта тонка и мала, как у женщины. Рука эта принадлежала не мертвой женщине; правда, она посинела от холода, но вот пальчики шевельнулись.

Ви подумал с мгновение.

Что ему делать?

Плыть к берегу, неся женщину в обмороке, невозможно. К тому же ледяная вода убьет ее. К берегу ее можно доставить только в том предмете, в котором она лежит. Но перетащить этот огромный ствол ему не под силу. Значит, имеется только один исход. Ви заметил, что ствол находится почти рядом с западным протоком, по которому прохо-

дят приливы и отливы. Сейчас как раз прилив. Если толкнуть эту штуку в поток воды — прилив донесет ее до берега.

Он спрыгнул в воду и толкнул ствол. Легкое сооружение послушно поддалось толчку, правда, немножко зачерпнув воды, и пошло к волнам прилива.

Вот уже прилив.

Здесь Ви остановился на мгновение. Он решил было плыть позади ствола и подталкивать его, если нужно, и направлять рукой. Затем вспомнил, что вода чудовищно холодная, и путь далек, и что судорога может захватить его на полдороге.

Понятно, если он утонет, беды особенной в том нет; но что будет с женщиной?

Ее, наверное, и так нелегко вернуть к жизни, а если его не будет, она наверняка умрет. Место было пустынное, сюда приходили только охотиться на тюленей. Но если даже охотник придет, то, увидев женщину в выдолбленном стволе дерева, либо убежит со страху, либо убьет ее. В племени ходили предания о колдуньях с моря, носительницах несчастья.

Тогда Ви пришло в голову, что он может сам вскочить в этот ствол и направлять его при помощи той вещи, которая была в руке у чужестранки. Не раз случалось ему при спокойном море и тихой погоде (да и не ему одному!) садиться на кусок дерева и, гребя суком, переплывать на отмель в заливе, где рыба кишмя кишела. Словом, с употреблением весла, находившегося в руке у чужестранки, Ви был знаком.

Он взял весло у нее из рук, взобрался в лодку, уселся у ног лежащей и несколькими толчками вогнал челнок в прилив. Течение воды подхватило лодку и понесло ее вперед, так что Ви только и оставалось, что удерживать правильный курс. Ви ловко погружал весло то с одной, то с другой стороны и искусно ускользал от плавающих льдин.

Так обнаженный дикарь и закрытая плащом женщина (он не решился еще открыть ее лицо отчасти потому, что был наг, а отчасти и потому, что боялся, как бы морская колдунья не утащила его на дно) благополучно добрались до берега.

Ви выскочил на берег, взялся за свисавшие с носа лодки канаты из шкуры, и втащил челн на песок, выше того места, куда достигал прилив. Затем побежал к скале, быстро оделся, взял секиру, — кто может знать, что скрывается под этим меховым плащом? Но, помимо секиры, он захватил также и мешок, который брал с собою в путешествия. В мешке хранились продовольствие дня на два и приспособления для добывания огня. Затем он вернулся к лодке и с дрожью (подобно всем дикарям, он боялся неведомого) откинул покрывало с лица лежащей.

В то же мгновение он отшатнулся.

Он никогда не видал, никогда не мечтал о женщине такой красоты. Она была молода, высока ростом и всю ее закрывал поток русых волос. Лицо ее посинело от холода и обветрилось и все же было бело, как снег; лицо было овально, и черты его тонки и правильны. Глаза были закрыты, чему он обрадовался: будь глаза открыты, он знал бы, что она мертва. Глаза были смежены, и на щеки опускались длинные, завивающиеся ресницы, но не русые, как волосы, а темные, почти черные.

Женщина было одета, но одета по-странному. На перевязях держалось длинное синее платье из чего-то ему неизвестного, перетянутое меховым поясом, на который были пришиты блестящие камушки и поблескивающие ракушки. На шее висело янтарное ожерелье. Ноги были обуты в вышитые сандалии. Поверх платья на женщине был темно-синий плащ, сделанный из того же неизвестного, что и платье; к плащу был прикреплен расшитый мешок.

Ви отшатнулся, бормоча:

— Морская колдунья! Носительница зла! Это не женщина. Старики говорят, что их нужно выбрасывать в море, чтобы они не навлекли проклятия на племя. Сейчас я брошу ее в море.

Он подошел к ней вплотную, прикоснулся к ее лицу кончиками пальцев, думая, что это мираж и он наткнется на пустоту.

— У нее тело, как у женщины! А какое тело у колдуний?

В это мгновение Морская колдунья вздрогнула и слабо застонала.

— Колдуньи живут во льду. Разве они дрожат? Я спер-

ва отогрею ее и оживлю. Если она не женщина, а колдунья, я убью ее, если только она прежде не убьет меня.

Он огляделся. На берегу был утес из мягкого камня, где приливы выточили пещеру; рядом журчал источник. Ви поднял Морскую колдунью на руки, снес ее в пещеру и положил на ложе из сушеных водорослей, на котором он сам спал в прошлом году, когда в последний раз охотился на тюленей. Затем он стал приводить женщину в чувство: растирал ей руки и ноги. Она все не приходила в себя. Он снова поднял ее и прижал к груди, чтобы согреть.

Обморок все продолжался.

Он опустил ее на ложе и накрыл ее своим плащом. В пещере в числе запасов, приготовленных охотниками, лежала куча дров.

Ви вынул из мешка палочки для добывания огня, одну зажал между ногами, насыпал на нее трут, а другую палочку — из твердого дерева и заостренную на конце — быстро завертел между ладонями. Завертел быстрее, чем когда-либо случалось ему вращать ее. Мелькнула искра, и трут воспламенился. Ви раздул его, подбавляя к огню растертые водоросли; наконец показался настоящий огонь. Ви поджег костер, и запылало веселое пламя.

Ви остановился, восхищаясь собственной работой и смутно дивясь тому, как от трения двух кусков дерева появляется огонь; ведь если выпустить этот огонь на свободу, он может сжечь целый лес.

Ви каждый день дивился многим вещам, которых не понимал.

Но нужно было думать о другом.

Он перенес меховой плащ к самому огню и положил на него Морскую колдунью, предварительно заботливо убрав ее волосы в сторону, чтобы они не загорелись.

Так она лежала, и жар бил ей в лицо, освещая его, и Ви как зачарованный глядел на это лицо, гадая, выживет Колдунья или умрет. Он надеялся, что выживет, и смутно чувствовал, что, если бы она умерла, было бы лучше: он предвидел немало тревог и забот из-за нее.

Морская колдунья была достаточно крепка и умирать не собиралась.

Тепло оживило ее. Он открыла глаза, и Ви увидел, что они большие, темные и очень нежные. Затем она села, опираясь на руку, взглянула на огонь, пробормотала что-то мягким голосом и протянула к огню вторую руку. Затем стала озираться: взглянула на море, осмотрела пещеру.

Тогда ее взгляд упал на Ви.

Она увидела широкоплечего смуглолицего мужчину, стоявшего перед ней на коленях, с вытянутыми руками, молча, неподвижно.

Она вздрогнула и стала внимательно разглядывать его.

Ее взгляд медленно проходил по всей фигуре и надолго задержался на его лице. Затем упал на секиру и стал испуганным. От секиры снова к лицу; на лице она прочитала, что бояться нечего, что лицо дикое, но не злое, серьезное и доброе. Она покачала головой и улыбнулась.

Он медленно и неловко улыбнулся ей в ответ.

Тогда она коснулась пальцами губ и горла.

Ви смотрел, недоумевая. Затем понял. Он выскочил из пещеры и принес воду в пригоршнях — никакого другого сосуда у него не было. Она вновь улыбнулась, кивнула и выпила принесенную воду. Трижды ходил он за водой, пока Колдунья не утолила жажды.

Тогда она показала на зубы, и Ви понял снова.

Он раскрыл мешок, вынул оттуда сушеную рыбу и в знак того, что еда съедобна и не отравлена, отломил кусок, разжевал и проглотил. Морская колдунья смотрела недоверчиво; видно было, что к такой пище она не привыкла. Но она уступила голоду, отломил кусочек и попробовала. Пища, очевидно, ей понравилась. Она попросила еще и съела довольно много, затем знаками попросила принести воды.

К тому времени уже стемнело.

Женщина показала на небо и задала какой-то вопрос. Ви не понял ничего и ответил ей что-то, чего она не поняла. Он был в большом затруднении. Наступала ночь, до селения было недалеко, и ночной путь туда был опасен.

К тому же Морская колдунья, должно быть, сильно устала и нуждается в отдыхе, если только колдуньи вообще отдыхают.

Он приготовил ей ложе из водорослей возле костра и знаками посоветовал ей лечь. Взяв другую охапку водорослей, перенес ее к устью пещеры, ткнул пальцем в себя, затем на водоросли, и дал ей понять, что ляжет здесь. Она утвердительно кивнула в ответ, и Ви вышел из пещеры, чтобы посмотреть, не явился ли за ним Паг по оставленным следам.

Но Паг свежевал тигра и думал, что Ви вернется ночью. Ви никого не нашел и возвратился.

Не входя в пещеру, он взглянул внутрь и увидел, что Морская колдунья легла и, очевидно, спит — глаза ее за-

крыты. Он улегся, зарывшись в водоросли, но не мог заснуть.

Не мог он спать не потому, что ему было холодно, и не потому, что лег на пустой желудок (он не притронулся к пище, потому что хранил ее для Морской колдуньи). Всякий дикарь легко обходится без пищи день или два, и холод ему не диковина. Спать ему мешала мысль о найденной им женщине и о том, что может произойти благодаря этой находке.

Он знал: что бы ни случилось, даже если она исчезнет так же мгновенно и неожиданно, как появилась, — он никогда не забудет Морскую колдунью.

А если она не исчезнет? Какими глазами посмотрит на нее народ? Как примет ее Аака? Где она будет жить?

Раньше все было просто — он мог жениться на ней. Но он сам издал новый закон и дал клятву, а несоблюдение клятвы навлечет на него насмешки и позор.

Так думал Ви, стараясь разрешить неразрешимые проблемы.

Наконец он бросил тщетные попытки. Он дважды вставал и подбавлял дров в огонь. Делал он это, отворачиваясь от спящей, ибо, по обычаям племени, мужчина не должен глядеть на спящую женщину. Но, хотя он не видел ее, он чувствовал на себе ее взгляд.

Наконец ему удалось забыться сном.

Шорох разбудил его. Не шевелясь, открыл он глаза и увидел: Морская колдунья стоит над ним и внимательно рассматривает. Он лежал не шевелясь, прикидываясь спящим. Его вид обманул ее, и она вышла из пещеры.

Взором разыскала она луну, стала на колени и тихо запела. Затем встала, подошла к лодке и задумчиво остановилась возле нее. Нагнулась и попыталась столкнуть ее. Но киль глубоко погрузился в морской песок, и лодка не шевельнулась.

"Она хочет вернуться в море. Пусть так. Так будет лучше. Я помогу ей", — подумал Ви и подошел к лодке.

Женщина взглянула на него удивленно, но без страха. Видно было, что она уже не боится его. Он знаками объяснил ей, что, если она хочет, он может вывести ее лодку на воду.

Очевидно, она удивилась.

Она очень серьезно всмотрелась в его лицо, разглядела печальное выражение глаз и поняла, что предлагает ей это Ви вовсе не для того, чтобы отделаться от нее.

Тогда она пробормотала несколько слов, махнула рука-

ми, снова посмотрела на луну и наконец решилась. Покачала головой, улыбнулась, тихо взяла Ви за руку и повела его к пещере.

"Колдунья хочет остаться,— подумал Ви.— Что поделать? Я, во всяком случае, помог ей, когда она хотела уезжать отсюда".

Наконец настал день. Серый и хмурый, но не дождливый.

Колдунья вышла из пещеры и поманила Ви, который дрожал снаружи. Он некоторое время колебался, затем вошел. Она подложила дров, и костер ярко горел.

Она, очевидно, умылась. На лице ее не было ни одного пятнышка, и плащ ее и одежда были сухи и казались ему, никогда таких одеяний не видавшему, великолепными. Она проводила по своим русым волосам чем-то остроугольным, сделанным из рога. Ви никогда этой вещи не видал, но понявши ее назначение, был страшно удивлен, как это племя само не додумалось до гребня.

Ви подумал, что женщина, должно быть, голодна. Раскрыл мешок и вытащил оттуда еду. Колдунья принялась есть, затем остановилась и протянула еду Ви, знаками показывая, чтоб он ел также. Он отказывался, но она настаивала на своем, объяснив ему, что не будет есть, если он не будет есть также.

Дело кончилось тем, что они дружно уничтожили все запасы Ви.

В то самое мгновение, когда Ви давал Морской колдунье последний кусок рыбы, Паг появился в устье пещеры и остановился, глядя на них и резко вычерченные огнем фигуры, точно это были привидения.

Морская колдунья увидала его, неуклюжего, кривоногого, большеголового, одноглазого, и впервые испугалась.

Она схватила Ви за руку и вопросительно поглядела на него. Ви, не зная, что делать, улыбнулся, погладил ее по руке и сказал Пагу повелительным тоном, который она поняла:

— Что ты здесь делаешь?

— Сам не знаю,— задумчиво сказал Паг.— Я вижу, что здесь мне не место. Я шел по твоим следам, боясь, не случилось ли с тобой чего дурного, а оно-то и случилось.

И он уставился своим единственным глазом на Морскую колдунью.

— Есть ли у тебя какая-нибудь еда? — спросил Ви, который, по правде говоря, хотел оттянуть объяснения.— Если есть, давай; эта девушка долго не ела и еще голодна.

Паг ехидно усмехнулся.

— Откуда ты знаешь, что она не замужем и что долго не ела? Ты понимаешь ее язык?

— Нет!

Ви ухватился за последний вопрос и сделал вид, что не заметил первых.

— Я нашел ее плавающей в выдолбленном стволе и оживил.

— Находка эта заслуживает внимания: она красавица. Но не знаю, что скажет Аака по этому поводу.

— Я тоже не знаю.

— Может быть, она — колдунья, которую лучше всего убить?

— Может быть, но я убить ее не собираюсь.

— Понимаю тебя, Ви. Кто может убить такую красавицу? Взгляни на ее тело, лицо, волосы, глаза.

— Уже видел их, — раздраженно оборвал его Ви. — Перестань болтать глупости и скажи лучше, что мне делать.

— Я думаю, что лучше всего жениться на ней и сказать племени, что ее послали тебе Ледяные боги, или Морские боги, или еще какие-нибудь там боги, — посоветовал Паг.

— А новый закон?

— Гм... — произнес Паг. — Мне этот закон никогда не нравился. Ну, словом, если ты не собираешься убить ее и не хочешь на ней жениться, остается только привести ее в селение. С Аакой жить она не сможет, в пещере также, значит, нужно дать ей отдельную хижину. Возле самого устья пещеры стоит пустой прекрасная хижина, так что тебе даже в гости будет ходить недалеко.

Ви рассеянно спросил, чья же это хижина пустует.

— А помнишь, Рахи-Скряга умер на прошлой неделе то ли от страха перед тигром, то ли с горя, что ты приказал ему поделить его рыболовные крючки и кремневые ножи между теми, у кого их нет?

— Помню. А кстати, ты нашел эти крючки?

— Пока нет. Я думаю, что старуха Рахи, которая после его смерти убежала из хижины, запрятала их к нему в могилу. Но я этим еще займусь. Словом, есть хижина в полной исправности.

— Да, и женщины, которые присматривают за детьми в пещере, могут присматривать и за Морской колдуньей.

Паг с сомнением покачал головой и заметил, что не думает, чтобы какая-нибудь женщина согласилась присматривать за Морской колдуньей, так как молодые женщины будут ревновать, а старые бояться ее.

— Особенно потому, — добавил он, — что ты сказал, что она — колдунья.

— Ничего подобного я не говорил, — рассердился Ви. — Я назвал ее Морской колдуньей, потому что она явилась с моря.

— А может быть, потому, что она колдунья, — вставил Паг. — Во всяком случае, нужно узнать, как ее зовут.

— Верно. Ведь если женщины откажутся смотреть за ней, я поручу ее тебе.

— Случалось мне делать вещи и потрудней.

Паг повернулся к Морской колдунье, которая все время внимательно вслушивалась в разговор, догадываясь, что речь идет о ней.

Он ткнул Ви в грудь и сказал: "Ви", затем ткнул в грудь себя и сказал: "Паг". Он повторил это несколько раз, затем указал на нее пальцем и посмотрел вопросительно.

Некоторое время она ничего не понимала, но уже на третьем разу догадалась, улыбнулась и повторила их имена. Затем прикоснулась пальцем к своей груди и сказала: "Лалила".

Они кивнули и воскликнули "Лалила!" Она кивнула в ответ, снова улыбнулась и повторила: "Лалила".

Затем Паг и Ви заговорили о лодке, повели Лалилу к ней и знаками показали, что хотят спрятать лодку в пещере.

Они вылили воду из лодки и втащили ее в пещеру. Паг внимательно осмотрел ее (он понимал, что эта вещь может пригодиться), затем лодку засыпали водорослями, а весла зарыли в песок.

Затем Ви взял Лалилу за руку и знаками показал ей, чтобы она шла за ними. Сперва она испугалась и сопротивлялась, но затем пожала плечами, вздохнула, умоляюще посмотрела на Ви и покорно пошла.

* * *

Час с лишним спустя Аака, Моананга, Тана и Фо, ожидавшие на краю селения, испуганно думали о том, почему Ви так долго не возвращается.

— Смотрите! — закричал Фо, показывая на появившихся людей. — Вот идут отец, Паг и какая-то красавица.

— Она действительно прекрасна, — согласился Моананга.

Тана смотрела, широко раскрыв глаза.

Аака воскликнула:

— Она действительно прекрасна, но она колдунья и принесет нам зло.

Тана внимательно смотрела на то, как высокая чужестранка легко скользила по песку. Разглядела ее синий плащ, янтарное ожерелье и русые волосы. Увидала, когда Лалила подошла ближе, темные глаза.

— Ты права, Аака. Это колдунья, но не такая, как ты думаешь, но такая, какую мы с тобой хотели бы быть,— сказала Тана.

— То есть?

— Она влюбит в себя всех мужчин, и ее возненавидят все женщины. Каждая из нас хотела бы добиться того же.

— Ты, но не я.

— Можешь говорить что хочешь. Ты это только говоришь. Ты неласкова с Ви. Но только стоит ему уйти, как ты следишь за ним жадными глазами.

Тана никогда не любила Ааку и очень почитала Ви.

Аака, понятно, в долгу бы не осталась, но в это мгновение идущие уже подошли.

Фо повис на шее у отца, Моананга пробормотал обрадованное приветствие, Тана двусмысленно улыбалась, разглядывая одежду и ожерелье чужестранки.

Ви обратился к Ааке, но та перебила:

— Привет, о, муж мой. Мы боялись за тебя и рады вновь увидеть тебя и твою тень.

Она взглянула на Пага.

— А это кто с тобой — высокий юноша или женщина? — с усмешкой спросила она.

— Кажется, женщина. Осмотри ее, и сама увидишь.

— Не к чему. Ведь ты, наверное знаешь. Но где ты нашел ее?

— Это длинная история. Суть в том, что нашел я ее в выдолбленном древесном стволе в Тюленьем заливе.

— Так? А где ты провел ночь?

— В пещере. Лалила спала в пещере, а я — снаружи.

— Так? А откуда ты знаешь ее имя?

— Спроси у Пага. Он узнал его, а не я.

— Значит, и в этом деле замешан Паг? Надеюсь, по крайней мере, что эта колдунья — не волк, оборотившийся женщиной.

— Я уже сказал, что нашел ее я. Паг увидел ее только сегодня утром. Смейся, если хочешь. Паг подтвердит тебе мои слова.

— Паг подтвердит всякие твои слова. Однако...

Ви рассердился и воскликнул:

— Хватит! И я, и Лалила нуждаемся в пище и отдыхе.

Он с Лалилой и Пагом пошел вперед, а за ним последовали остальные. Только Тана уже успела убежать в селение, чтобы рассказать новость.

Глава X

МАТЬ ВЫБРОШЕННЫХ ДЕТЕЙ

Новость быстро распространилась.

Когда они дошли до селения, им навстречу уже бежали обитатели даже самых отдаленных хижин. Все хотели посмотреть на Морскую колдунью, которую нашел Ви.

Вот она появилась.

Она шла между Ви и Пагом спокойная, стройная, на голову выше всех женщин племени, кроме только Ааки. Увидели ее длинные русые волосы, белую кожу, чудесные синие одежды, расшитые сандалии и янтарное ожерелье. Ни у кого больше не оставалось сомнений: это — колдунья.

Сперва народ молчал.

Но вот Лалила прошла, и вместе с нею прошел страх перед проклятием, которое она может навлечь одним взглядом. За спиною ушедших начались перешептывания.

— Что за безобразная колдунья! — сказала какая-то женщина. — Волосы у нее цвета солнца и руки такие длинные.

— Хотел бы я, чтоб ты была так безобразна! — возразил ее муж.

Так разгорался спор.

Все женщины и несколько стариков утверждали, что она уродлива, а мужчины и дети кричали, что она — красавица.

В дело вмешался Урк-Престарелый, который тут же выдумал историю о том, как в дни его прапрадеда такая же точно ведьма (возможно — эта же, ведь ведьмы не стареют) приплыла сюда на льдине, которую везли белые медведи. Народ пытался забросать ее камнями, но камни обрушивались на бросавших их. Колдунья сошла на берег, поселилась в пещере и шесть дней пела там. Наконец сын вождя влюбился в нее и попытался поцеловать. Она обратила его в медведя, села верхом и уехала.

Одни поверили рассказу, другие нет.

Во всяком случае, настроение создалось для Лалилы

благоприятное: все твердо решили не пытаться ни забрасывать ее камнями, ни целовать, чтобы не приключилось беды.

Тем временем те трое подошли к пещере, где к ним присоединились Аака, Моананга и Тана.

— Что ты собираешься делать с колдуньей? — косясь на Лалилу, спросила Аака.

— Не знаю. Быть может, поместить ее в нашу старую хижину? Ведь ты спишь в пещере и бываешь в старой хижине только днем.

— Ни за что! У меня и так хлопот достаточно. Так нечего мне прибавлять еще ведьму. К тому же зима прошла, и я вновь переселяюсь в хижину.

Ви закусил губу.

— У меня, — вмешался Моананга, — две хижины рядом, и одна из них служит кладовой. Если поселить ее...

Тана перебила его:

— Ну, что ты говоришь? Кладовая полна. И, кроме того, я в ней стряпаю.

Ви пошел дальше, оставив Моанангу и Тану спорящими.

Возле устья пещеры стояли женщины, которые ходили за девочками, воспитывавшимися в пещере согласно новому закону. Ви обратился к женщинам, чтобы они выбрали из своей среды кого-нибудь, которой бы поручили ходить за чужестранкой с моря. Женщины, услышав это, посмотрели на Лалилу и разбежались.

— Все случилось, как ты сказал, — обратился Ви к Паг.— Что же теперь делать?

Паг сплюнул и поглядел на Лалилу и Ви.

Затем он заметил:

— Если узел никак нельзя распутать, его приходится разрезать. Раз никто не желает ходить за Колдуньей и раз ты не желаешь, чтобы она умерла с голоду, — возьми ее в пещеру и смотри за ней сам. А если тебе это не нравится, убей ее.

— Я не сделаю ни того, ни другого. Я дал клятву, и в пещеру она не войдет. Я и собаке не дам умереть с голоду. Убивать ее я тоже не хочу. Это будет такое ужасное преступление, что небеса обрушатся.

— Будь она стара и безобразна, небеса остались бы на месте. Но все-таки что же делать? — сентенциозно заметил Паг.

— Вот что, Паг. Сведи ее в хижину Рахи. Прикажи кому-нибудь из моих слугителей — мужчине, не женщине

— убрать хижину, развести огонь и принести для Лалилы пищу. А сам ты поселишься в пристройке к хижине, там, где Рахи держал свои товары.

— Словом, я должен стать нянькой Колдуньи. Собственно, я мог ожидать, что этим кончится,— сказал Паг.

* * *

И так случилось, что Лалила, пришедшая с моря, стала жить в хижине Рахи, и прислуживал ей Паг, ненавидящий женщин.

Лалила безропотно пошла, куда сказал Ви, и подчинилась всему, что он хотел. Паг также не протестовал против странной и неожиданной своей обязанности.

Делал он это не только затем, чтобы угодить Ви. Он был умнее всех в племени, кроме, может быть, только Ви, и сразу понял, что женщина эта не колдунья, а только принадлежит какому-то другому племени. Паг заметил также, что народ, из которого происходит Лалила, знает много ремесел, ему неизвестных, и старался научиться им.

Странная жизнь была у Лалилы. Он сидела в хижине и готовила приносимую пищу, готовила неизвестными ему способами. Она гуляла в сопровождении Пага и наблюдала обычаи племени или подходила к морю и долго глядела на юг.

Однажды в пасмурный день она знаками попросила у Пага выдубленные шкуры, жилы и осколки моржовых клыков. Из осколков, при помощи острого и раскаленного кремня, она сделала иглы и стала шить на чуждый лад.

Паг рассказал о ее способе шитья женщинам племени, и они стали через него просить у Лалилы игл. Та с охотой делала их, покуда больше не осталось осколков.

Ее языку Пагу научиться не удалось. Поэтому он стал учить ее языку племени. Учение пошло быстро, особенно с тех пор, как Ви стал бывать на уроках.

Научившись языку племени, она рассказала Ви и Пагу кое-что о себе. Рассказала, что она — дочь вождя племени, которое счастье нельзя, племени, обитающего далеко на юге. Народ там живет в домах, построенных на сваях и стоящих посреди озера. Питаются они рыбой и дичью. Выращивают некоторые травы и их зерна растирают между камнями, смешивают с водой и готовят в глиняной посуде. Оружие у них из кремня, слоновых и моржовых клыков и рога. Одежда ее сделана из шерсти домашних животных и окрашена соком одной травы, не той, которая идет в пищу.

В месте, где она жила, часто идут дожди, но солнце светит ярче и воздух теплее, чем здесь.

Ви и Паг с удивлением слушали ее рассказы.

Наконец Ви спросил:

— Почему же, о, Лалила, ты покинула страну, в которой ты была в таком почете?

— Из-за одного мужчины, которого я ненавидела.

— Почему же ты ненавидела его?

Она промолчала и затем медленно заговорила:

— То был брат моего отца. Отец мой умер, и брат его хотел жениться на мне и стать вождем. Я ненавижу его. Я нагрузила лодку едой и выплыла в море.

— А ты смогла бы сказать путь назад?

— Думаю, что да. Я все время шла у берегов и запомнила очертания прибрежных гор. Думаю, что, если мне удастся выбраться из льдов, я без труда доберусь до дому. Я заснула только, когда проехала последнюю горную вершину и попала во льды.

— Значит, горы недалеко, — заметил Ви. — Не то ты успела бы замерзнуть прежде, чем попасть сюда.

На этом разговор закончился, но Ви с Пагом много раз еще обсуждали услышанное от Лалилы.

* * *

Некоторое время спустя Лалила сказала, что ей скучно, что она просит дать ей какую-нибудь работу.

Паг долго обдумывал ее просьбу, затем однажды, когда Ви ушел по какому-то делу, сводил ее в пещеру и показал ей, как воспитывают там девочек. Заодно он объяснил ей, как они туда попали.

— У твоего народа жестокие нравы, — заметила она. — У меня на родине выгнали бы из племени мать, которая выбросила своего ребенка.

Она подошла к детям и стала вглядываться в них, затем заявила, что за ними смотрят плохо и что две девочки, очевидно, скоро умрут.

— Несколько умерло уже, — отвечал Паг.

Ви, не замеченный ими, вернулся в пещеру и стоял в отдалении, наблюдая их. После слов Пага он подошел и сказал:

— Ты права, Лалила. За детьми плохо смотрят. Матери перестают обращать на них внимание через несколько недель после рождения, точно для того, чтобы показать, что

дети все равно обречены на смерть. Что ж я могу сделать? Хочешь помочь мне, Лалила?

— Да. Но только женщины племени станут ненавидеть меня еще больше прежнего. А почему твоя жена Аака не смотрит за детьми?

— Мы с Аакой никогда не сходимся. Лалила, я назначаю тебя главной нянькой этих детей. Всякий, кто ослушается тебя, будет наказан.

Так Морская колдунья Лалила стала матерью выброшенных детей.

Целыми днями сидела она у огня, окруженная девочками, кормила их и низким голосом пела им песни своей родины. Ви эти песни нравились, и он часто приходил в пещеру и, сидя в тени, смотрел и слушал, думая, что Лалила его не замечает. Наконец, когда он обнаружил, что она знает о его посещениях, он стал сразу садиться у огня и разговаривать с ней.

Она рассказывала ему о родине, о племенах, живших рядом с ее народом, и это удивляло соплеменников Ви, считавших себя единственным народом на свете; она рассказывала о простых ремеслах, которые знали ее соотечественники, и Ви жадно слушал ее. Но о своем путешествии она не говорила ничего и на вопрос, хочет ли вернуться на родину, отвечала, что не знает.

Вскоре Ви стал доверять ей свои тревоги и дела. Об Ааке, правда, он ничего ей не говорил.

Лалила слушала и наконец сказала, что горести его неизлечимы.

— Хотя ты здесь родился, о, вождь, ты непохож на своих единоплеменников. Тебе нужно было родиться в моем народе.

— Когда люди идут в горы, всегда один опережает других, — возразил Ви.

— И тогда он оказывается один.

— Нет: он возвращается и ведет остальных.

— И тогда прежде, чем вершина будет достигнута, наступит ночь, — сказала Лалила.

— А что же сделает человек, если он один достигнет вершины?

— Взглянет на новые земли и умрет. По крайней мере, он первый увидит их, и когда-нибудь те, кто придет потом, увидят его кости.

С того дня как Ви услышал эти речи, он полюбил Лалилу не только за ее красоту, но и за ум.

Аака вскоре заметила это и стала смеяться над ним.

— Почему ты не женишься на колдунье? Кто видал когда-нибудь вождя с одной только женой? Я ревновать не стану, а у тебя только один ребенок.

— Я дал клятву.

— Вот ей цена, — сказала Аака, показывая кукиш.

Но Аака была неискренна.

Как женщина, она не ревновала Ви — она была воспитана в обычаях многоженства. Но она ревновала его по другому поводу: раньше она была единственным его советником. Затем Ви сдружился с Пагом, и Аака стала ненавидеть Пага. А теперь появилась эта колдунья, и Ви слушает ее.

Ненависть Ааки к Лалиле превзошла ненависть к Пагу.

Паг также ненавидел Лалилу и по той же причине. Ви, несмотря на все свои недостатки, относился к числу тех людей, которых любят тем более, чем лучше узнаешь их. Ревность Пага была естественной, но Ви даже не подозревал о ней.

Ви стал близким другом Лалилы, делился с ней своими горестями, и чем ближе он становился с ней, тем дальше отодвигались от него Аака и Паг.

Лалила слушала, давала советы и утешала. Но в глубине души она, как женщина, не могла понять, почему он не пытается приблизиться к ней еще больше. Но она сама не знала, обрадуется ли его попыткам еще увеличить их близость. Но затем она вспомнила о новых законах и стала еще больше уважать Ви.

* * *

Как уже было сказано, в тот год племени пришлось еще тяжелее, чем в прошлые годы. Весны не было, и лето было холодное. Тюленей пришло очень немного, так что их не хватало ни на пищу, ни на одежду. Мало было также птиц и лососей. Народ был спасен от голода только тем, что случайно загнал в залив четырех китов, которые не могли выбраться. Их мясо заготовили впрок.

Ви работал, не покладая рук и заготавливая впрок китовое мясо и вообще добывая пищу для племени. Но народ, привыкший к летнему изобилию, ворчал и хмурился. За-

тем пошел слух, что всему виною Морская колдунья, которая угнала солнце с небес.

Народ говорил, что, если прогнать Лалилу, солнце снова начнет светить, и звери и птицы вернутся, и все будет хорошо. Почему же колдунья не возвращается в море в своем выдолбленном дереве? А если она не хочет, ее можно выбросить туда живой или мертвой.

Так говорил народ, но до Ви эти толки еще не доходили.

Глава XI

УРОК МАТЕРИ-ВОЛЧИЦЫ

Однажды Паг проходил мимо хижины Ааки.

"Он грустен, — подумала Аака, — и я знаю почему. Ви покинул его ради этой желтоволосой колдуньи".

И она позвала Пага и предложила ему целое блюдо жареных ракушек. Паг жадными глазами поглядел на еду и спросил:

— А они отравлены?

— Почему ты спрашиваешь?

— Причины вполне основательные. Во-первых, я не помню случая, чтобы ты по доброй воле предложила мне поесть. Во-вторых, я знаю, ты меня ненавидишь.

— И то и другое верно, Паг. Я ненавижу тебя и поэтому никогда не кормила. Но меньшая ненависть уступает место большей. Ешь!

Паг набросился на ракушки и съел их до единой, потому что любил хорошо поесть, а год был голодный, и по приказу Ви на зиму откладывали возможно больше.

Аака внимательно следила за тем, как он ест, и когда он кончил, наконец сказала:

— Теперь поговорим.

— Жаль, что нету еще, — ответил Паг, облизывая блюдо. — Но раз ракушки съедены все, то говори о Лалиле.

— Ты и теперь доказал, что ты умен, Паг.

— Да, я умен. Будь я глуп, я б давно умер. Ну, чего ты хочешь?

— Ничего, кроме того, — она наклонилась и стала шептать, — чтобы ты убил ее или устроил так, чтобы ее убили. Ты — мужчина и можешь это сделать. Если же женщина убьет ее, то скажут, что это из ревности.

— Понимаю. Но почему я должен убивать Лалилу, с

которой мы друзья и которая знает больше, чем все племя, вместе взятое?

— Потому, что она навлекла проклятие на племя, — начала Аака.

Паг остановил ее движением руки.

— Можешь думать это, Аака, или говорить, что ты это думаешь, но незачем убеждать меня в том, что я считаю вздором. Виноваты в наших бедах небеса и климат, а не эта красавица с моря.

— То, во что верит народ, всегда правда, — хмуро возразила Аака, — или, по крайней мере, народ считает, что это правда. Слушай, если эту колдунью не убьют или не изгонят назад в море, народ может убить Ви.

— С Ви может случиться кое-что и похуже. Он может остаться в живых, преследуемый всеобщей ненавистью и видя, что все его замыслы рушатся и все его друзья обратились против него. Впрочем, некоторые, кажется, уже начали обращаться против него, — печально сказал Паг.

— Ну, говори, что ты хочешь сказать, — пристально поглядел он на Ааку.

— Ты это знаешь, — сказала Аака, опуская взгляд.

— Да, думается, что знаю. Знаю, что ты ревнуешь к Лалиле и хочешь отделаться от нее. Но новый закон стоит стеною между Ви и Лалилой, так что тебе бояться нечего.

— Не говори мне о дурацких законах Ви. Если Ви хочет взять себе еще жену, пускай берет. Таков наш обычай, это я понимаю. Но я не могу понять, как смеет он дружить с этой колдуньей, сидеть с ней у огня и беседовать, а я, жена, должна оставаться на морозе снаружи.

— И ты тоже, — медленно добавила она.

— Прекрасно понимаю. Ви мудр, а сейчас ему приходится трудно. Он ищет себе помощника. Вот он нашел светильник и поднял его в руке, чтобы рассеять тьму.

— Да, а пока он смотрит на свет, ноги его провалятся в яму. Слушай, Паг. Когда-то я была советником Ви. Потом ты заменил меня. А теперь пришла эта колдунья и отняла его у нас обоих: поэтому мы, бывшие врагами, должны стать друзьями и избавиться от Лалилы.

— Для того чтобы стать врагами вновь? Понимаю тебя. Словом, ты хочешь избавиться от Лалилы? Так?

— Да.

— Хочешь, чтобы я прикончил ее не сам, но подговоривши против нее народ?

— Возможно, что это — самый лучший исход, — тре-

можно согласилась Аака. — Ведь на народ-то она и навлекла проклятие.

— А ты в этом уверена? А может быть, если ее оставить в покое, она принесет много пользы? Ведь мудрость полезна, а она мудра.

— Я убеждена, что лучше всего будет, если убрать ее, — вспыхнула Аака, — и ты думал бы то же, если бы ты был женою, у которой отнимают любимого мужа.

— А чем жена показывает свою любовь к мужу? Я не был женат и не знаю. Скажи, тем ли, что резка с ним и осуждает все, что он делает, и ненавидит его друзей, или тем, что заботится о нем и помогает ему в затруднительных положениях. Я знаю только, что такое дружба. Ведь даже собака может быть предана хозяину, — подумав, продолжал Паг. — Но любовь и ее пути мне неведомы. Но я, как и ты, ревную к Лалиле и не огорчусь, если она уедет отсюда. Словом, я обдумаю то, что ты мне сказала, и мы еще поговорим. А теперь я уйду, если у тебя нет больше ракушек, Аака.

Ракушек больше не оказалось, и Паг ушел, и Аака все-таки не знала, что он сделает. Она знала, что он ревнует Ви к Лалиле и потому должен желать ей гибели.

Но Паг — человек странный и непонятный.

* * *

Паг ушел в леса, так как знал, что Ви совещается с Лалилой и в нем не нуждается. Паг забрался в самую глушь, куда никто из людей не заходил, бросился ничком наземь и стал думать.

Он думал до тех пор, покуда его голова не пошла кругом и думать больше стало невозможно. И тогда в нем сразу проснулся зверь; ему надоели размышления, ему захотелось стать самым настоящим образом зверем, хищным зверем, какие живут в лесах.

Он приложил руки ко рту и протяжно завыл. Он выл трижды, и наконец вдали раздался ответный вой. Тогда Паг замолчал и стал ожидать. Солнце тем временем село, и наступили сумерки.

Раздался шорох; кто-то ступал по засохшим сосновым иглам. Затем между стволами деревьев появилась огромная волчья морда и подозрительно огляделась. Паг завыл снова, потихоньку, но волк все еще колебался. Он отошел и стал кружить, покуда до него не дошел запах Пага.

Тогда волк прыгнул, и за ним следом затрусил волчо-

нок. Серая волчица подбежала к Пагу, положила ему передние лапы на плечи и облизала его лицо. Паг погладил ее по голове, и волчица уселась у его ног, как собака, и тихим ворчанием подозвала волчонка, точно чтобы познать его с Пагом. Но волчонок не хотел подходить к человеку.

Паг и волчица сидели одни. И Паг говорил с волчицей, которая много лет тому назад кормила его. Он говорил, а она сидела, точно слушает и понимает его. Но понимала она только, что с нею говорит человек, которого она когда-то кормила.

— Я убил всех твоих родичей, Серая Мать, — говорил Паг волчице. — Почти всех. Но ты простила мне, ты пришла на мой зов, как прежде приходила. А ведь ты — только зверь, а я — человек. Если ты, зверь, можешь простить, то почему я, человек, должен ненавидеть того, кто причинил мне значительно меньше обид, чем я тебе? Почему должен я убить Лалилу за то только, что она похитила у меня человека, которого я люблю? А ведь она мудрее меня и красавица! Серая Мать, ты — хищный зверь, и ты простила меня и пришла на мой зов; потому что когда-то вскормила меня! А я человек!

Волчица поняла, что вскормленный ею человек чем-то взволнован. Она облизала ему лицо и прижалась к ногам того, кто уничтожил всех ее родичей и воспользовался ее любовью для того, чтобы повести ее стаю на погибель.

— Я не убью Лалилы и не буду подговаривать народ, — сказал наконец Паг. — Я прощу, как Серая Мать простила меня. Если Аака хочет погубить Лалилу, пусть строит козни, но я предупрежу Морскую колдунью. Да, я предупрежу ее и Ви. Спасибо тебе за урок, Серая Мать.

Волчица убежала вместе с волчонок, а Паг вернулся в селение.

* * *

Утром следующего дня Паг сидел возле пещеры и наблюдал, как Лалила возится с девочками. Как переходит от одной к другой, нянчится с ними, успокаивает и дает указания своим помощникам.

Наконец она покончила с работой и уселась возле Пага. Она посмотрела на небо, завернулась плотнее в плащ и вздрогнула.

— Почему ты остаешься в этой холодной стране, Лалила? Ведь ты из края, где светит солнце и где тепло. Почему ты не возвращаешься на родину?

— Я не уверена в пути. Море обширно, и я боюсь.

— Почему же ты переплыла его и приплыла сюда, Лалила? Ведь ты была дочерью и наследницей вождя?

— Женщина не может править одна. Всегда кто-нибудь правит ею, Паг, а я ненавижу того, кто хотел править мною. И я отправилась искать смерти во льду. Но во льду я нашла не смерть, а это место.

— И снова стала править. Ведь ты правишь тем, кто правит нами. Кстати, где Ви?

— Кажется, пошел кого-то мирить. Твой народ вечно ссорится.

— Голод и холод тому виной. К тому же народ боится.

— Чего, Паг?

— Небес без солнца, недостатка еды, приближающихся зимних холодов... проклятия, обрушившегося на племя.

— Какого проклятия?

— Принесенного Морской колдуньей.

— Я принесла проклятие? — Она обернулась к нему и широко раскрыла глаза.

— По-моему, твои взгляды могут принести только благословение, а не проклятие. Но народ думает, что, кроме нас, на свете нет людей, и потому считает тебя колдуньей, рожденной морем. С тех пор как ты прибыла, случаются одни несчастья. Тюлени не явились, птицы не явились, рыбы не явились. Сейчас ранняя осень, а холодно почти как зимой.

— Могу ли я повелевать солнцем? — грустно спросила Лалила. — Я ли виновата в том, что тюлени, птицы и рыбы не вернулись сюда? Я ли виновата в том, что дождь превращается в снег?

— Так думает народ, особенно с тех пор, как ты вместо меня стала советником Ви.

— Паг, ты ревнуешь ко мне.

— Да. Но мне кажется, что я сужу справедливо. Меня просили убить тебя или подговорить народ на это. Я не согласился, ибо ты прекраснее и мудрее всех нас и научила нас многим вещам, нам прежде неизвестным. Не согласился я и потому, что нехорошо убивать чужестранку. А ты не колдунья, а просто чужестранка.

— Убить меня! — воскликнула она, глядя на него большими испуганными глазами.

— Я уже сказал, что отказался сделать это. Но другой может не отказаться. Выслушай меня. Я дам тебе совет, а ты вольна исполнить его или отвергнуть.

— Ворон сидел в клетке, а лиса посоветовала ему от-

крыть клетку. Ворон послушался, да только забыл, что голодная лиса караулит снаружи. Такая есть басня у меня на родине, — заметила Лалила, подозрительно глядя на Пага.

— А впрочем, говори, — решила она.

— Можешь не бояться, — хмуро возразил Паг. — Если ты последуешь моему совету, лиса останется еще более голодной, чем была до сих пор. Слушай! Тебе грозит большая опасность. Спастишься ты можешь только одним путем: стать женою Ви. Ведь все знают, что, хотя Ви только и думает, что о тебе, ты не жена ему. Никто не осмелится прикоснуться к Ви. Правда, на Ви ропщут, но его любят. И к тому же племя знает, что Ви дни и ночи думает только о других, а не о себе, и помнит, что Ви могуч, что Ви убил Хенгу и тигра с саблевидными зубами. Никто не осмелится коснуться человека, на которого Ви набросил свой плащ; но если плащ на тебя не брошен — остерегись. Итак, стань женою Ви, и ты будешь в полной безопасности. Я советую тебе поступить так, хотя знаю, что если Ви возьмет тебя в жены, то я, Паг, который любит Ви больше, нежели ты его любишь (если ты вообще любишь его), буду выгнан прочь из пещеры в леса. Впрочем, там у меня есть еще друзья, которые меня не тронут.

— Стать женою Ви! — воскликнула Лалила. — Я не знаю, хочу ли я этого. Я об этом не думала. И он никогда не намекал мне, что хочет взять меня в жены. Если бы он хотел этого, он бы сказал мне о том. Он говорил со мной о многом, но об этом никогда не говорил.

— Мужчины не всегда говорят о том, чего хотят, Лалила. Кажется, женщины тоже. Ви рассказывал тебе о своих новых законах?

— Да, часто.

— А помнишь такой закон: так как женщин в племени мало, то никто не должен иметь больше, чем одну жену?

— Да.

Лалила покраснела и опустила глаза.

— Значит, он рассказал тебе о том, что призывал проклятие богов на свою голову и на голову всего племени в том случае, если нарушит этот закон.

— Да, — повторила она еще тише.

— Возможно, что Ви именно поэтому не говорил с тобой о том, что хочет взять тебя в жены.

— Он и не может хотеть. Ведь он дал клятву не нарушать закон.

В ответ Паг только хрипло рассмеялся.

— Клятвы бывают различные. Одни клятвы даются для

того, чтобы соблюдать, другие же — для того, чтобы нарушать их.

— Да, но эта клятва связана с проклятием.

— В том-то все и дело, — сказал Паг. — В этом источник всех бедствий. Тебе предстоит выбирать. Ты прекрасна и мудра, и стоит тебе захотеть, чтобы Ви на тебе женился, как ты добьешься своего. Но в таком случае ты не должна бояться последствий: того, что проклятие за нарушенную клятву упадет и на его голову, и на все наши головы, и даже на тебя. Но покуда проклятие не обрушится, ты будешь счастлива. А может быть, проклятие вообще не обрушится. Если же ты не станешь его женой, продолжай быть его советником, и твоя рука будет в его руке, но никогда не обвяжется вокруг его шеи. И так будет продолжаться, покуда не восстанет на тебя все племя, возбужденное твоими врагами. А из них, может быть, я — самый жестокий и самый непримиримый.

Лалила улыбнулась.

— Ярость народа обрушится на тебя, — продолжал Паг, — и тебя изгонят или убьют. А может быть, ты предпочитаешь вернуться к своему народу в твоей волшебной лодке? Урк-Престарелый утверждает, что ты можешь сделать это. Он говорит, что так поступила твоя прапрабабка, которую он знал и которая во всем была похожа на тебя.

Лалила слушала, хмурия высокий лоб, затем она заговорила:

— Я должна подумать. Не знаю, какую возможность я выберу, ибо не знаю, какой путь лучший для Ви и для всего племени. Во всяком случае, Паг, благодарю тебя за твое доброе отношение с тех пор, как Луна, моя богиня, привела меня сюда. Если нам больше не придется говорить, прошу тебя, запомни, что Лалила, которая пришла с моря, благодарит тебя за всю твою доброту к ней, бедной страннице, и будет благодарить тебя всю жизнь.

— За что? — проворчал Паг. — За то, что я ненавижу тебя, лишившую меня общества и дружбы Ви — единственного человека на земле, которого я люблю? За то ли, что одним ухом я внимаю Ааке, которая мне советовала убить тебя? За это ты меня благодаришь?

— Нет, Паг, — спокойно и ласково ответила она. — Как могу я благодарить тебя за то, чего не было? Я знаю, что Аака ненавидит меня, и знаю, что ненависть ее ко мне совершенно естественна, и потому вовсе не осуждаю. Но знаю я также, что ты меня вовсе не ненавидишь. Я знаю,

что ты любишь по-своему, даже несмотря на то, что я стала между тобой и Ви, как тебе кажется. В действительности я между вами не становилась. Быть может, одним ухом ты и внимал Ааке, но при этом плотно зажал второе ухо. Ты сам лучше, чем я, знаешь, что никогда не собирался ни убить меня, ни каким-нибудь образом добиться моей смерти; но по доброте твоей пришел предупредить меня об опасностях.

Услышав эти ласковые слова, Паг встал и долго глядел на нежное и прекрасное лицо Лалилы. Затем схватил ее ручку и прижал к своим толстым губам. Волосатой лапой вытер свой единственный глаз, плюнул наземь, бормоча что-то, что могло быть и проклятием и благодарностью, и заковылял прочь.

Лалила глядела ему вслед, по-прежнему ласково улыбаясь.

Но, когда он ушел и она осталась совсем одна, она перестала улыбаться.

Она закрыла лицо руками и заплакала.

* * *

Вечером, когда Ви вернулся, она отдала ему, как всегда, отчет о детях, за которыми смотрела, и обратила его внимание на двух больных девочек, которые нуждаются в особенном уходе.

— Зачем мне знать это? — улыбаясь, спросил Ви. — Ведь ты смотришь за ними.

— А так. Хорошо, чтобы обо всем знало не меньше, чем два человека. Ведь один может заболеть или забыть. А это, кстати, напоминает мне о Паге.

— То есть?

Ви был очень удивлен.

— Сама не знаю почему. Напоминает... Должно быть, потому, что зашла речь о двух. Ты и Паг когда-то были одно, а теперь вы разделились: по крайней мере, так ему кажется. Ви, будь поласковей к Пагу, больше бывай с ним. Вообще верни прежние отношения с ним. Слышишь? Больная девочка кричит. Бегу к ней. Спокойной ночи, Ви.

Она ушла.

Он удивленно глядел ей вслед; в голосе ее и поведении он обнаружил что-то, чего не понимал.

РЫЖИЕ БОРОДЫ

Утром Лалилы нигде не было.

Ви заметил это сразу. Он расспросил о ней у одной из подначальных ей женщин.

— Лалила позвала меня, — сказала та, — и сообщив, что пища у детей уже приготовлена, а самой ей нужно немножко отдохнуть, заявила, что идет в лес и там проведет целый день, и чтобы о ней не тревожились и не искали ее, потому что она вернется к ночи.

— Она больше ничего не говорила? — тревожно осведомился Ви.

— Сказала, когда и какую пищу давать обеим больным девочкам в том случае, если ей захочется провести ночь в лесу. Впрочем, в лесу она, наверное, на ночь не останется, не собирается этого делать. Вот и все.

Ви отправился по своим делам, которых у него было немало, и больше не задавал вопросов, должно быть, потому, что в пещеру вошла Аака и могла бы услышать их.

Но день для него тянулся медленно, и к вечеру он торопился в пещеру, надеясь найти уже там Лалилу. Он собирался крупно поговорить с ней, поставить ей на вид, как она его встревожила своим уходом без предупреждения, и объяснить, что, блуждая одна, она подвергается большим опасностям.

Когда он вошел в пещеру, на дворе уже была ночь. Лалилы в пещере не оказалось.

Он некоторое время дожидался, делая вид, что ужинает. Но к пище даже не дотронулся. Затем он послал за Пагом.

Паг вошел в пещеру, поглядел на Ви в упор и спросил:

— Зачем вождь посылает за мной в первый раз за такой большой промежуток времени? Твой приказ еще немного и запоздал бы. Я теперь никому не нужен и как раз собирался отправиться в леса.

— Ты тоже хочешь гулять в лесах? — подозрительно спросил его Ви.

— В чем дело?

Ви рассказал ему.

Выслушав рассказ Ви, Паг вспомнил свой разговор с Лалилой и смутился; но он не обмолвился ни словом об этом разговоре.

— Решительно нечего бояться, — сказал Паг, — Лалила, как тебе известно, поклоняется Луне. Наверное, она

отправилась молиться, приносить жертвы и вообще справляет обычаи своих одноплеменников.

— Возможно, что это так, — согласился Ви. — Но я в этом совсем не уверен.

— Если ты боишься за нее, — продолжал Паг, — я могу отправиться искать ее.

Ви своими быстрыми глазами оглядел лицо Пага и сказал:

— Мне приходит на ум, Паг, что ты испуган исчезновением Лалилы еще больше, чем я, и что у тебя есть основательные причины бояться. Но, как бы то ни было, нынче ночью никто не может отправиться искать Лалилу. Ведь луна застлана тяжелыми облаками и идет сильный дождь. Кто же может найти женщину в темноте леса?

Паг подошел к устью пещеры, поглядел на небо, вернулся и сказал:

— Ты совершенно прав. Небо совсем черное и дождь идет сплошной стеной. Не видно ничего на расстоянии вытянутой руки. Наверное, Лалила заползла в какое-нибудь дупло или спряталась под развесистым деревом и вернется сюда на заре.

— Боюсь, что она убита.

Он промолчал.

— А может быть, она уехала прочь отсюда на родину. И я думаю, виною этому ты или Аака, а может быть, вы оба. Во всяком случае, вы-то уж должны знать, где она и почему она скрылась.

Ви говорил гневным, сдавленным голосом.

— Я ничего не знаю, — ответил Паг. — Возможно, что она в хижине у Моананги. Сейчас пойду и погляжу.

Он ушел и возвратился спустя довольно долгий промежуток времени с сообщением, что ее нет ни в хижине Моананги, ни в другой хижине и что ее в тот день никто не видел.

Всю ночь Ви и Паг просидели у огня, даже не пытаясь сделать вид, что спят, и не сводили взгляда с устья пещеры.

Наконец наступил рассвет. Рассвет серый, скудный и холодный. Дождь прекратился.

С первыми же лучами зари Паг, никому не говоря ни слова, выскользнул из пещеры. Ви последовал за ним, думая захватить его еще, но Паг ушел, и никто не знал куда.

Тогда Ви сам принялся расспрашивать о Лалиле и разослал повсюду людей искать ее. Посланные вернулись через положенное время с сообщением, что никого не нашли.

Тогда Ви разослал весь народ на поиски, и сам также отправился искать Лалилу.

Когда он уходил из пещеры, Аака спросила его:

— Почему ты так тревожишься о колдунье? Она исчезла, как исчезают все колдуны после того, как натворят приютившему их племени зло.

— Если Лалила и колдунья, во всяком случае, нам она принесла добро, а не зло, — ответил Ви, глядя на играющих детей.

Он отправился в лес, захватив с собой Моанангу.

Весь народ и он сам искали целый день напролет, но ничего не нашли. Возвратились они в селение только к ночи, усталые до смерти.

Ви был грустен, ибо ему казалось, что Лалила вырвала у него сердце и унесла его с собой. В ту же ночь одна из больных девочек умерла: ребенок не хотел брать пищу ни от кого, кроме Лалилы. Ви осведомился о Паге, но оказалось, что Пага никто не видел, что Паг исчез так же, как и Лалила.

— Наверное, он скрылся вместе с Лалилой. Ведь они были большие друзья, хотя он и утверждал обратное, — предположила Аака.

Ви не отвечал ей, но подумал, что, должно быть, Паг отправился хоронить Лалилу.

* * *

Вскоре после рассвета следующего дня в пещеру вполз отошавший Паг. Вид у него был голодный, как у лягушки, которая весной выползает из зимнего логова.

— Где Лалила? — спросил Ви.

— Не знаю. Но лодка ее исчезла. Должно быть, она вытащила лодку из пещеры и спустила ее на море — немалый труд для женщины.

— Что ты наговорил ей?

— Кто может помнить, что говорил несколько дней тому назад? — возразил Паг. — Дай мне есть, потому что я пуст, как выеденная раковина.

* * *

Покуда Паг ел, Ви пошел на берег.

Он сам не знал, зачем он идет туда. Должно быть, потому пошел на берег, что море взяло у него Лалилу так же, как море дало ему ее. Поэтому хотел увидеть море еще раз. Он стоял, глядя на серые, ровные волны и внезап-

но на самом краю спустившегося над водой тумана заметил, что что-то движется.

"Это, должно быть, рыба, — подумал он. — Но хотел бы я знать, что это за рыба. Только киту случается стоять на воде, а эта рыба много меньше кита".

Он лениво и равнодушно смотрел на эту странную рыбу, почти не видя ее, и вдруг как-то сразу обнаружил (несмотря на то, что было так далеко и движущийся предмет был закрыт полосами тумана), что это вовсе не рыба. Но это что-то знакомое. Что именно?

И тут он сразу узнал: это тот самый выдолбленный древесный ствол, в котором Лалилу прибило к здешнему берегу. Но теперь этот ствол не прибывает к берегу, а его кто-то гонит, его гонит гребец, и гонит быстро, изо всех сил.

Рассвело еще больше, и наконец солнечные лучи осветили светлые волосы гребущего. Тут только Ви узнал Лалилу и бросился ей навстречу, по пояс вбежав в воду.

Лалила приближалась, не замечая его, покуда он ее не окликнул. Тогда она, задыхающаяся, перестала грести, и лодка, скользя, подошла к нему.

— Где ты была? — сердито спросил он. — Знаешь ли ты, что я очень тревожился о тебе?

— Разве? — И она как-то странно поглядела на него. — Ну, об этом поговорим потом. Дело в том, Ви, что сюда движется много народу. Они едут в лодках таких же, как эта, только значительно больших. Я мчалась от них для того, чтобы предупредить тебя.

— Много народу? — спросил Ви. — Кто это может быть? Кроме моего племени, существуют ведь только твои соотечественники. Должно быть, ты привела их с собою.

— Да нет же, нет! Этих людей я никогда не видела. Да к тому же они едут с севера, а не с юга, не с моей родины. Скорее побежим в селение: это свирепый, яростный народ.

Они вышли на берег, где уже собралось несколько человек, издали увидевших лодку, в том числе Моананга и Паг. Лодку вытащили на песок, и Лалила с трудом выбралась из нее и то при помощи Ви. Только ступивши наземь, она сразу истомленно упала: видно было, что она устала до смерти.

— Рассказывай, — сказал Ви, глядя на нее в упор, точно боялся, как бы она не исчезла снова.

— Рассказывать мне нечего, вождь, — ответила она. — Мне надоела земля, и я решила поплавать немножко по морю. Я вывела лодку и так, для развлечения, выехала в открытое море.

— Ты лжешь, Лалила! — грубо оборвал ее Ви. — Но все равно продолжай.

— Я выехала в открытое море. Погода была спокойная, и я легко добралась до оконечности горной цепи, которая лежит за краями залива. Впрочем, вы, наверное, никогда ее не видели.

И она слабо улыбнулась.

— Так вот, вчера вечером, на самом заходе солнца я внезапно увидела большое количество лодок; они шли с севера и в то мгновение, когда я их заметила, огибали мыс. Видно было, что они идут вдоль берега. Это большие лодки, и в каждой из них сидело помногу мужчин, мужчин волосатых и ужасного вида. Они заметили меня и окликнули грубыми голосами на каком-то языке, какого я не могла понимать. Я повернула и помчалась прочь от них. Они погнались за мною, но ночь наступила и спасла меня. Но иногда луна пробивалась между облаками и они замечали мою лодку. Наконец тучи окончательно застлали луну, а я успела заметить здешние холмы и знала, таким образом, дорогу. И гребла беспрестанно сквозь туман и тьму. Я думаю, что эти люди ненадолго отстали от меня. Я думаю, что они нападут на вас и что вы немедленно должны готовиться. Вот все, что я хотела сказать.

— А зачем они явились? — ошарашенно спросил Ви.

— Не знаю, — ответила Лалила, — но, судя по виду, они очень голодны. Наверное, явились за пищей.

— Что же делать?

— Я думаю, что нужно им сопротивляться! Встретить их боем и отогнать прочь.

Ви задумался, потому что никак не мог себе представить, как это люди могут драться с другими людьми. До появления Лалилы и до ее рассказов о том, что ее соотечественники сражаются со своими соседями, подобная мысль ему и в голову не приходила. И соплеменники его совсем не умели сражаться с людьми, так как племя считало себя единственным на земле и не представляло себе надобности обороны от других людей.

Паг прервал ход размышлений Ви:

— Ты сражался с хищными зверьми и убивал их. Ты сражался с Хенгой и убил его. Мне представляется, что ты точно так же должен поступить и с этим народом, который хочет напасть на нас. Если Лалила не ошибается, то либо они убьют нас, либо же нам придется убить их.

— Да, да, ты прав, так оно и должно быть, — все еще недоумевая, согласился Ви и добавил:

— Пускай Вини-Вини созовет племя, и пускай все явятся вооруженными как нельзя лучше. И пускай он идет не один созывать народ, пусть ему помогут, чтобы было скорее.

Несколько человек из стоящих на берегу помчались исполнять приказ вождя; они пустились бежать изо всех сил.

Когда они ушли, Ви обернулся к Пагу и спросил:

— Что же теперь делать, Паг?

— Ты спрашиваешь совета у меня, когда Лалила рядом? — горько усмехнулся Паг.

— Лалила женщина и сделала все, что может сделать женщина. Теперь очередь за нами, за мужчинами.

— Этим всегда кончается.

— Так все-таки что же нам делать?

— Не знаю, — ответил Паг, — а впрочем, сейчас начнется отлив. Ты сам знаешь, что во время отлива к нам в залив есть только один ход — в расщелине между скал. А ведь в расщелине омут. Чужеземцы-то ведь этого не знают и пойдут сквозь расщелину, где их и затянет в омут. Наверное, только немногим удастся пробраться в залив. С ними мы и должны биться и уничтожить как их, так и всех тех, кто останется по ту сторону скал. Но где мне знать что-нибудь о сражениях? Ведь я только карлик. Вот брат твой Моананга. Он могуч и высок, и отважен. Сделай его начальником. Пускай он управляет боем. Но помни, Ви, ты должен стоять позади сражающихся, потому что твое присутствие подбодрит народ. А если понадобится, ты и сам должен принять участие в сражении.

— Да будет так, — сказал Ви. — Моананга, я назначаю тебя начальником над сражающимися. Сделай что можешь, а я поддержу тебя как могу.

— Подчиняюсь, — просто и мужественно отвечал Моананга. — Если меня убьют, а ты останешься жив, присмотри за тем, чтобы Тана не умерла с голоду без меня.

Как раз в это мгновение сбежался созванный новостями, переходившими из уст в уста, народ. Вини-Вини, увидев, что все собрались, перестал трубить. Народ стал кругом. Каждый был вооружен, чем мог: одни — каменными топорами, другие — кремневыми ножами и копьями с кремневыми наконечниками, третьи — закаленными на огне дубинами, четвертые — арканами.

Ви обратился к народу с речью о том, что с севера плывут сюда чужеземцы, которые собираются напасть на племя. Чужеземцы эти, наверно, хотят перебить всех в племени, мужчин, женщин и детей. Единственный способ спас-

тись от смерти — это сражаться с ними и перебить чужестранцев всех до единого. Предводительствовать сражающимися будет Моананга.

Вместе с мужчинами на яростные трубные звуки Вини-Вини сбежались и женщины. Услышав эту речь, они стали выть и плакать и цепляться за мужей. Наконец удалось их отогнать.

Вслед за этим Хоу-Непостоянный стал громко доказывать, что Лалила просто врет, что никакие люди в лодках вовсе не плывут сюда и что вообще нет никакой надобности готовиться, Уока — Злой Вещун заявил, что если такие люди и плывут сюда, то незачем пытаться оказывать им сопротивление. Люди, которые плывут в лодках, должны быть и мудрыми и сильными и перебьют всех, кто выступит против них. Словом, единственное, что остается, бежать и спрятаться в лесу.

Этот совет, очевидно, многим пришелся по сердцу. Несколько человек сразу пустились наутек.

Увидев это, Ви подошел к Уоке и ударом кулака сбил его с ног. Затем он двинулся к Хоу, но Хоу догадался, зачем Ви подходит к нему, и убежал. Тогда Ви заявил, что первому же, который попытается бежать, он разможжит череп. Эта угроза подействовала: больше никто не шевельнулся.

Хоу же, стоя в отдалении, все еще продолжал говорить, что никакие люди не приближаются. Внезапно раздался крик. Несколько человек заметили, как из тумана выплыло много больших лодок. Лодки были огромные. В некоторых сидело по восемь, а то и по десять гребцов. Лодки направлялись к заливу, и гребцы не подозревали ничего об омутах и подводных скалах и не обращали внимания на то, что начинается отлив.

В результате шесть или восемь лодок, проходя буруны, наткнулись на подводные камни. Лодки треснули, сидевшие в них люди попадали в воду, несколько человек потонуло. Но большинство пловших в потерпевших крушение лодках доплыли к скалам с правой стороны и оттуда что-то кричали своим товарищам, которые кричали им в ответ.

На остальных лодках стали грести потихонечку и осторожно, и так как море было спокойно, им в общем удалось благополучно добраться к скалам, на которых высадились их товарищи. Лодки пристали, и приплывшие в них вылезли, оставив в каждом челноке по одному или по два человека присматривать за тем, чтобы прибой не отогнал лодок назад в море.

На скале их набралось уже человек около ста или даже больше. Они все заговорили разом. Они размахивали руками и указывали на берег длинными копьями с наконечниками из моржового клыка или какого-то белого камня.

Ви смотрел на них с берега и наконец сказал Пагу:

— Действительно, эти чужеземцы страшны на вид. Смотри, как они высоки и сильны. Они покрыты шерстью, почти как звери, а волосы и бороды у них рыжие. По-моему, это вовсе не люди, а черти. Только у чертей может быть такой вид и только черти могут путешествовать одни без женщин и детей.

— В таком случае, — возразил Паг, — это очень голодные черти. Смотри, тот рослый детина, который, очевидно, у них начальником, раскрывает рот и тычет пальцем внутрь его, показывает себе на желудок и потом машет рукой по направлению к нам, что, дескать, здесь они найдут себе достаточно пищи.

Он промолчал. В это время волны прибили почти к самым ногам Ви два трупа из затонувших лодок.

— Черти-то, оказывается, тонут, смотри. А что до жен, — добавил он после некоторой паузы, — жен всегда можно украсть.

Он посмотрел на женщин племени, которые стояли невдалеке маленькими кучками, говорили все одновременно и били себя в грудь. Перепуганные насмерть дети цеплялись за их платья.

— Ты совершенно прав, — сказал Ви.

Слова Пага решительно подействовали на него, и он, подумав несколько мгновений, подозвал к себе одного или двух людей из племени:

— Ступайте к Урку-Престарелому и передайте ему мой приказ. Я приказываю, чтобы он увел всех женщин, всех детей и всех стариков и спрятал их там. Я не знаю, чем кончится наша встреча с этими Рыжими Бородами, и лучше, чтобы женщины и дети скрылись.

Посланные ушли, и начались смятения и вопли. Одни женщины бросились бежать к лесу, другие не двигались с места, а третьи обнимали своих мужей и пытались потащить их с собой.

— Если эти вопли не прекратятся, сердца мужчин растают, как жир на огне, — сказал Паг. — Смотри, уже кое-кто из них следует за женщинами.

— Ступай ты и погони их в лес.

— Ну, нет, — возразил Паг. — Я никогда не отличался

особенной любовью к женщинам и не желаю с ними путаться сейчас. Я лучше останусь на месте.

Тогда Ви в голову пришла иная мысль. Он заметил, что Аака стоит на полдороге между женщинами и мужчинами, вернее, между женщинами и большинством мужчин, которых Моананга уговаривает как только может.

Ви подозвал Ааку к себе. Она услышала его зов и приблизилась, так как мужества у нее было достаточно.

— Жена, — сказал Ви. — Эти рыжие черти собираются напасть на нас, и нам предстоит либо убить их, либо быть убитыми ими.

— Знаю, — спокойно отвечала Аака.

— В таком случае, — продолжал Ви, опустивши глаза и говоря торопливо, — лучше всего, чтобы женщины не видели боя. Поэтому я прошу тебя увести их в лес и спрятать там всех женщин, стариков и детей. Кстати, заодно ты разыщешь и тех, кто там спрятался. Потом, после того, как сражение окончится, вы можете вернуться.

— Какой смысл возвращаться для того, чтобы обнаружить, что наши мужья убиты? Не лучше ли нам остаться здесь и умереть вместе с мужчинами?

— Женщины, очевидно, не будут убиты, Аака. Наверное, этим рыжим чужестранцам нужна не только пища: им, наверное, нужны и жены. Во всяком случае, вы умрете не сразу, хотя под конец они, наверное, убьют и съедят вас. Поэтому я приказываю вам уходить.

— Морская колдунья, которая привела этих чужеземцев, понятно, также должна уйти с нами, покуда не натворила еще зла, — заметила Аака.

— Она не привела их. Она сама бежала от них! — сердито воскликнул Ви. — Во всяком случае, можешь захватить ее с собой, а Фо возьми с собой непременно. Но только пришли назад всех мужчин, которые попрятались в лесу. А теперь ступай, я тебе приказываю.

— Повинуюсь, — сказала Аака, — но знай, о, муж мой, что хотя мы с тобою и разошлись далеко за последние годы, если ты умрешь, то умру и я, ибо когда-то, в прошлые времена, мы были одно.

— Благодарю тебя, — сказал Ви. — Но если мне случится быть убитым, то мой совет тебе: оставайся жить, правь племенем, возроди его и сделай мощным.

— Какая польза от одних женщин без мужчин? — возразила Аака, пожимая плечами.

Затем она повернулась и ушла, и Ви заметил, что, уходя, она рукою утирала глаза.

Аака подошла к женщинам и что-то крикнула им свирепым голосом. Она без устали повторяла свое приказание до тех пор, покуда женщины не стали медленно и поодиночке двигаться к лесу. Женщины уводили стариков, тащили за собой детей, несли на плечах их. И так шум по-немногу стих, и печальная, скулящая процессия скрылась за деревьями.

Все это время Рыжие Бороды, стоя на скалах, болтали друг с другом, очевидно, разрабатывая план нападения.

Наконец они решились. Большинство их уселось в лодки, пересекло узкий пролив и высадилось на скалах по левую сторону. Теперь, при почти полном отливе, скалы эти также были обнажены. Остальные же уселись в лодки и решительно направились к тому месту берега, где стоял Ви.

Паг заметил это и с восторгом закричал:

— А это им не удастся! Их лодки наткнутся на подводные скалы и пойдут ко дну, а они сами попадут в омуты и потонут, как вот эти.

И он указал копьем на качающиеся в прибое тела утопленников.

Но ему вскоре пришлось убедиться, что Рыжие Бороды собирались делать совсем не то.

В то время, как Паг говорил, Ви услышал легкое потрескивание ракушек на приморском песке: он обернулся, чтобы посмотреть, кто это идет. То была Лалила! Синий плащ прикрывал ее плечи и в руке она держала копье.

— Почему ты здесь? — сердито набросился он на нее. — Почему ты не ушла в лес? Всем женщинам было приказано прятаться в лесу!

— Твой приказ относился к племени, — спокойным голосом возразила она, — а я не вхожу в состав твоего племени. Я пряталась в хижине и дождалась, чтобы все ушли. Не гневайся, о, вождь, — продолжала она тихим и ласковым голосом, — но я видела много народов и знаю, как они сражаются, и думаю, что могу дать добрый совет.

Он стал кричать на нее, бранить и приказал уйти. Она стояла рядом с ним, не слушала его слов, не обращала никакого внимания и только смотрела на море. Затем внезапно воскликнула:

— Так я и думала!

Она прыгнула вперед, заслонила собою Ви, который стоял, глядя на море, затем зашаталась и упала ему на руки.

И он и Паг удивленно посмотрели на нее и увидели, что в плаще ее торчит маленькое копье с перьями.

— Вытащи его, Паг, — сказала она, выпрямляясь. — Не одни эти Рыжие Бороды умеют пускать стрелы. Счастье мое, что мой плащ толст и прочен.

— Если бы ты не заслонила меня, это копье пробило бы мне грудь! — воскликнул Ви, глядя на нее.

— Это случайность, — улыбаясь, ответила ему Лалила.

— Ты лжешь! — возразил Ви.

Лалила ничего не сказала, только улыбнулась опять и плотнее закуталась в плащ.

Покуда Паг вытаскивал стрелу, Лалила продолжала улыбаться, но он заметил, что губы ее побледнели и дрожат. Наконец карлик выдернул стрелу и обнаружил, что на костяном ее наконечнике кровь и кусочек мяса. Паг видел это, но промолчал.

— Ложись, о, вождь, — сказала Лалила. — Ложись здесь, за скалой, и ты ложишься, Паг. Так вы будете в безопасности. Я также лягу.

Когда все укрылись за камнями, Лалила продолжала:

— Слушайте, вот в чем дело. Эти Рыжие Бороды вооружены луками и стрелами, и, очевидно, они замыслили перестрелять всех вас или, по крайней мере, отпугивать выстрелами до тех пор, покуда окончательно не схлынет отлив, а тогда они хотят вскарабкаться по скалам и напасть на вас.

В это мгновение подошел Моананга. Его также заставили прилечь.

— В таком случае, — сказал Ви, — может быть, нам лучше всего отойти на такое расстояние, на какое не смогут долетать их маленькие копья.

— Вот этого они и добиваются, — объяснила ему Лалила. — Если вы отойдете от берега, им никто не мешает сейчас же взобраться по скалам и выйти уже на землю. У меня есть кой-какие соображения, и, если ты позволишь, вождь, я выскажу их.

— А что именно? — спросили Ви и Моананга в один голос.

— Вот в чем дело, вождь. И ты и весь твой народ знаете эти скалы до мельчайшего камушка. Ведь вы с детства собирали здесь ракушки, так что вам известны все оползни на них и все омуты. Раздели своих людей на два отряда, поручи один Моананге, а другим предводительствуй сам. С двух сторон окружите эти скалы и нападите там на Рыжие Бороды. Ручаюсь вам, что если вы приблизитесь смело и

решительно, то часть чужеземцев немедленно спрячется в лодки. Оставшихся вам легко будет перебить. А сидящие в лодках не осмелятся стрелять в вас, чтобы не ранить своих же товарищей. Сделайте это, но только поскорее.

— Совет разумен, — сказал Ви. — Моананга, возьми себе половину людей и наступай слева, а я с остальной половиной пойду справа. А ты, Лалила, либо оставайся здесь на месте, либо же уходи и прячься в лесу.

— Я останусь здесь, — слабым голосом отвечала Лалила и отвернулась, чтобы Ви не заметил крови, просочившейся на ее синий плащ.

Мужчины пошли, и она крикнула им вслед:

— Пускай все люди наберут камней и швыряют ими в лодки Рыжих Бород, да пускай камни будут потяжелее, тогда удастся прошибить донья лодок и затопить их.

Мужчины племени стояли кучками, и вид у всех был несчастный и перепуганный. Они опасливо поглядывали на волосатых врагов в лодках и на скалах.

Ви обратился к племени резко и решительно:

— Эти Рыжие Бороды явились сюда никому не известно откуда. Они голодны и потому будут сражаться отчаянно. Они хотят убить нас, перебить всех до единого и затем забрать сперва наши запасы пищи, а затем и женщин, если только найдут их. А может быть, они и детей съедят. У нас народу не меньше, чем у них, а может быть, даже и больше. Великий будет позор нам, если они нас одолеют, перебьют наших стариков, заберут себе наших жен и съедят наших детей. Так я говорю?

На этот вопрос толпа ответила утвердительно, но ответ был не слишком пылкий и бодрый. Большинство косилось на леса, в которых укрылись женщины.

Тогда заговорил Моананга:

— В этом деле я начальник. И я объявляю, что, если кто-нибудь убежит, я постараюсь убить его на месте. А если это мне не удастся, я уж непременно убью его потом, после сражения.

— А у меня память хорошая, — добавил Паг, — и я замечу каждого и уж запомню, кто что делает. И о трусах расскажу женщинам. Так что тому, кто убежал, потом проходу от насмешек не будет.

Тогда Ви разделил племя на два отряда и в каждом храбрейшие стояли позади для того, чтобы помешать остальным спастись бегством. После того как был установлен порядок, оба отряда стали карабкаться по скалам. Люди шли ловко и осторожно, то обходя ямы с водой, то смело

ступая по ним, потому что каждый чуть не с младенчества знал, в какой яме вода глубокая, а в какой мелкая.

Когда Рыжие Бороды увидели приближение племени, они все завыли и сразу стали качать головами так, что длинные их бороды затряслись, и принялись ударять себя в грудь левыми руками. Затем каждый взмахнул копьем и, не дожидаясь нападения, бросились вперед, карабкаясь по камням. Сидящие в лодках принялись яростно пускать стрелы, но так как люди Ви двигались быстро, в цель попало только несколько стрел.

Но несколько стрел все-таки попало в цель и ранило некоторых из оборонявшихся.

Увидав кровь, племя обезумело. В одно мгновение каждый забыл о своих страхах. Сомнений и нерешительности больше не было. Казалось, к людям племени вернулось нечто, о чем забыли даже их дальние предки. Они замахали каменными топорами и кремневыми копьями и закричали все вместе; они рычали, как медведи, и выли, как волки; они скрежетали зубами; они высоко подпрыгивали; они пустились вперед бегом. Но Ви и Моананга одновременно остановили своих воинов, потому что оба начальника знали, что должно случиться с Рыжими Бородами.

А случилось с Рыжими Бородами вот что: Рыжие Бороды бросились вперед, забыв обо всем на свете. Одни поскользнулись на заросших мокрыми водорослями камнях и скатились в водяные ямы. Другие, не желая следовать примеру первых, осторожно обходили каждую яму, не зная, глубока она или мелка, и благодаря этой самой осторожности скользили и падали. Немало народу утонуло, но немало и вынырнуло из воды. Тогда Ви и Моананга повели свои отряды в бой.

Племя бросилось вперед, скача с камня на камень, ни разу не ошибаясь и ни разу не оступаясь, так как каждый с детства привык к таким прыжкам. Они проходили возле водяных ям, из которых Рыжие Бороды пытались выкарабкаться, и камнями или ударом топора разбивали черепа врагов. Так они перебили много Рыжих Бород и сами не потерпели при этом никакого урона.

Рыжие Бороды вскарабкались на самые оконечности скалистых мысков и, стоя там, встретили решительный приступ предводительствуемых Ви и Моананга отрядов. Бой был жестокий и беспощадный. Рыжие Бороды были сильны и свирепы, и немало соплеменников Ви пало под ударами их копий с костяными наконечниками.

Дело начало принимать дурной оборот для племени, но

Ви своей ослепительной секирой, которой убил Хенгу, разрубил надвое череп вождя Рыжих Бород.

Рыжие Бороды, увидев, что начальник их убит, взвыли и, поддавшись внезапной панике, бросились к лодкам и торопливо стали забираться в них.

Ви и Моананга, вспомнив советы Лалилы, приказали своим людям бросать в лодки врагов самые тяжелые камни, какие только в состоянии метнуть. Приказ был исполнен, и немало лодок было проломлено камнями. Вода врвалась в пробоины, и лодки шли ко дну.

Люди, сидевшие в тонущих лодках, пытались уплыть прочь, но в ледяной воде их схватывали судороги, и Рыжие Бороды тонули. Иные стремились выбраться на берег, но там их встречали копьями или камнями, так что ни один не уцелел.

Кончилось дело тем, что из всех Рыжих Бород только пяти лодкам удалось уйти. Лодки шли торопливо, полным ходом, вышли в море и больше не возвращались. В ту ночь дул свирепый ураган, так что возможно, что лодки затонули, а может быть, Рыжие Бороды — и так достаточно отощавшие — погибли на море голодной смертью.

Главное же было в том, что Рыжих Бород племя больше не видело. Рыжие Бороды пришли неизвестно откуда и ушли неизвестно куда. Только большинство их осталось здесь в заливе — в водяных ямах между камнями или на дне морском.

Так закончилась первая битва, которую когда-либо вело племя.

Глава XIII

ВИ ЦЕЛУЕТ ЛАЛИЛУ

Когда Рыжие Бороды ушли, оба отряда вернулись на берег, неся с собой раненых. Выяснилось, что в общей сложности убито было всего двенадцать человек и двадцать один ранен. В числе раненых оказался также и Моананга, в бок которого вонзилась стрела; но рана Моананги была несерьезна. Рыжих же Бород погибло не меньше шестидесяти. На следующее утро прилив выбросил на берег именно такое количество трупов. Выбросило на берег и Лалилу. Она лежала на спине. Они подошли к ней и увидели, что песок, на котором она лежала, красен от крови, и что синяя ее одежда также красна.

Ви издал вопль, задрожал и упал бы, но Моананга схватил его за руку.

— Лалила мертва, — сказал Ви глухим, сдавленным голосом, — мертва. Та, которая спасла нас, мертва.

— Ну, я знаю, кто этому обрадуется, — проворчал Паг, — а впрочем, еще нужно проверить.

Он распахнул ее одежды, и они увидели ранку под грудью; ранка еще кровоточила. Паг, искусный во врачевании ран, стал внимательно ее разглядывать.

— Понимаешь, брат, ведь она, раненная, давала нам советы о том, как биться, и никому не обмолвилась о том, что стрела ранила ее! — сказал Моананга, обращаясь к Ви.

Ви кивнул. Видно было, что он сдерживается, что говорить ему трудно.

— Я знал об этом, — буркнул Паг. — Я ведь выдержнул стрелу.

— Почему же ты не сказал? — спросил Моананга.

— Если бы Ви знал, что Морская колдунья ранена, он бы лишился мужества. Лучше было бы, чтобы Лалила умерла, чем чтобы весь народ был перебит.

— То была великая победа, — сказал Моананга Ви, который промывал его раны морской водой, — и племя билось мужественно.

— Да, — согласился с ним Ви. — Племя сражалось как нельзя лучше.

— И все-таки, — вмешался Паг, — мы одни ничего не добились бы. Сражение выиграно только благодаря совету Морской колдуньи. Если б мы дожидались на берегу нападения Рыжих Бород, мы бы сейчас, наверное, не рассуждали. И камни в лодки мы бросали тоже по совету Лалилы.

— Ты прав, — сказал Ви. — Мы должны поблагодарить ее.

Все трое пошли к камням, за которыми прятались в начале битвы. Лалила лежала на том же месте, уткнувшись лицом в землю.

— Она, должно быть, заснула; ведь она устала от гребли, когда убегала от Рыжих Бород, — заметил Моананга полушепотом, чтобы не разбудить Лалилу.

— Но все-таки как-то странно: спать, когда кругом рыщет смерть.

И Ви с сомнением поглядел на Морскую колдунью.

Паг ничего не сказал. Он стал на колени, обхватил Лалилу своими длинными руками и перевернул.

— Что с Лалилой? — спросил Ви, не обращая внимания на эти речи.

— Успокойся, — ответил Паг. — Она потеряла много крови, но рана, очевидно, не глубокая. Плащ задержал стрелу. Если только острие не отравлено, Лалила выживет. Пойдите оба здесь и последите за ней.

Он торопливо заковылял к росшим на берегу кустам и стал шарить в них. Наконец он нашел нужное ему растение, сорвал с него несколько листьев и принялся жевать их. Вернулся, вынул зеленую массу изо рта и часть наложил на рану Лалилы, а часть на рану Моананги.

— Жжет! — запищал Моананга.

— Да, выжигает яд и останавливает кровь, — пояснил Паг и накрыл Лалилу плащом.

Тут Ви, очевидно, пришел в себя из забытья. Он наклонился, поднял Лалилу на руки, точно ребенка, и понес ее к пещере, сопровождаемый Пагом, Моанангой и немалым количеством людей племени, которые размахивали копьями и радостно кричали.

В то же время женщины стали выходить из лесу. Спрятавшись в лесу, самые молодые и энергичные женщины немедленно влезли на деревья и издали следили за ходом боя. Как только выяснилось, что Рыжие Бороды прогнаны, все женщины бросились к хижинам, оставив стариков и детей позади.

Первым добежал Фо.

— Отец! — сердито закричал он. — Разве я ребенок, чтобы женщины тащили меня в лес в то время, когда ты сражаешься?

— Тише, — сказал Ви, кивком головы указывая на свою ношу. — Тише, сын мой. Об этом мы поговорим потом.

Затем появилась Аака. Лицо ее было спокойно и надменно. Впрочем, если говорить правду, она бежала не медленнее, чем все остальные.

— Привет, о, муж мой, — сказала она. — Говорят, ты победил врагов. Правда это?

— Кажется, так. Во всяком случае, они побеждены. Подробности я расскажу тебе позже.

Он хотел пройти, но она заступила ему дорогу.

— Если Морская колдунья убита за измену, почему же ты несешь ее на руках? — спросила она.

Ви не отвечал, потому что гнев сковал ему язык.

Вместо него, хрипло рассмеявшись, ответил Паг.

— Ты метила в ястреба, а попала в голубку, Аака. Морская колдунья спасла жизнь Ви, заслонив его от копья, которое убило бы его.

— Этого можно было ожидать, раз она вечно бывает там, где не требуется. Что она делала среди мужчин, когда должна была быть с нами?

— Не знаю. Знаю только, что она отдала свою жизнь для того, чтобы спасти жизнь Ви.

— Так ли это, Паг? В таком случае он должен постараться спасти ее жизнь. Ну, я отправляюсь ухаживать за ранеными нашего племени. Идем, Тана: рана Моананги перевязана, и мы здесь не нужны.

И она медленно ушла.

Но Тана за ней не последовала, так как хотела узнать все подробности о Лалиле, а также убедиться в том, что Моананга в полной безопасности.

* * *

Ви внес Лалилу в пещеру и уложил. Тана увела с собой Моанангу, а Паг ушел, чтобы приготовить укрепляющее питье для Лалилы.

Ви и Лалила как будто бы остались одни. В действительности же смотревшие за девочками женщины попрятались по темным углам пещеры. Ви покрыл Лалилу мехами, взял ее руку и стал растирать ее.

Лалила пришла в себя от тепла и стала говорить точно в бреду:

— Как раз вовремя! Вот летела стрела, и я загородила ей дорогу. Если я спасла его, все хорошо! Кому нужна жизнь чужестранки? Даже ему не нужна она.

Она открыла глаза и при свете костра увидела глядящего на нее Ви.

— Я жива еще? — пробормотала она. — Ты жив, Ви?

Ви не отвечал. Он только наклонился и поцеловал ее в губы. Хотя она была слаба, она ответила на его поцелуй, затем отвернулась и хотела заснуть. Но Ви продолжал целовать ее, пока не вошел Паг с питьем, а следом за ним не вышли из темных углов женщины и дети.

Лалила выпила укрепляющее питье и заснула глубоким и ровным сном. Ви следил за ней и внезапно обернулся: у огня стояла Аака и внимательно разглядывала мужа.

— Значит, колдунья жива, — произнесла она тихо и медленно. — Какая у нее прекрасная сиделка! — воскликнула она. — Когда ты возьмешь ее себе в жены, Ви?

Ви поднялся, подошел к ней и сказал:

— С чего ты взяла, что я возьму ее себе в жены? Я дал клятву.

— По глазам твоим видно! Что клятвы перед услугой,

которую она тебе оказала? Хотя не думала я услышать, что Ви прикрывается в сражении женщиной.

— Ты знаешь, как это произошло, — возразил он.

— Я знаю только то, что видела и что говорит мне сердце.

— А что говорит тебе сердце?

— Что проклятие, принесенное этой колдуньей, только начало свое действие. Она выплыла в море и вернулась, ведя за собой целое войско Рыжих Бород. Ты победил пришельцев и на время избавился от них. Но немало наших убито и ранено. Не знаю, что она сделает теперь, но думаю, что ею запасено еще немало несчастий. Повторяю тебе, она колдунья, и лучше всего было бы, если бы ты оставил ее умирать на побережье, хотя, наверно, она и умереть не может.

— Я думаю, что любая жена сказала бы, что так не говорят о женщине, спасшей мужа, — сдерживаясь, возразил ей Ви. — Впрочем, раз ты считаешь ее колдуньей, убей ее, Аака. Она сопротивляться не может.

— Убить ее? И навлечь ее проклятия на мою голову? Нет, Ви, я этого не сделаю.

Ви не в силах больше сдерживаться — покинул пещеру.

* * *

На Месте Сборищ было шумно.

Сюда снесли трупы убитых, и сюда сошлось все племя. Женщины и дети, лишившиеся в сражении мужей и отцов, были. Раненые рассказывали, хвастаясь своими ранами, и все мужчины племени восхваляли собственные доблести в великом сражении с морскими дьяволами.

Народ стоял кучками вокруг говорунов. В центре одной кучки Уока — Злой Вещун разглагольствовал о том, что побежденные Рыжие Бороды — только предшественники великого войска, которое вскоре обрушится на племя. В другой кучке Хоу — Непостоянный уверял, что победа — символ счастья, которое долго продлиться не может, и потому лучшее: немедленно бежать в леса, покуда на племя не обрушились новые беды.

В то время Вини-Вини — Трясучка в сопровождении плакальщиков переходил от трупа к трупу. Возле каждого убитого он останавливался, трубил в рог и выкликал счет ран. После этого все плакальщики были хором.

Но большинство народа собралось вокруг Урка — Пре-

старелого. Тот бормотал, трясая седой бородой, что теперь вспомнил давно забытое:

— Мой прапрадед рассказывал моему прадеду, что его (прапрадеда) прапрадед слышал от своих предков, что когда-то, в давние времена, в племени появилась колдунья, во всем подобная Лалиле, а вслед за ее появлением произошло нашествие таких же точно Рыжих Бород. И беда еще больше от того, что наш вождь Ви любит эту колдунью: вот женщины рассказывают, что он ее поцеловал.

— А что случилось потом? — раздался чей-то голос.

— Не помню точно, — ответил Урк. — Кажется, колдунью принесли в жертву Ледяным богам, а после этого Рыжие Бороды уже больше не появлялись.

— Значит, Лалилу нужно принести в жертву Ледяным богам? — настаивал тот же голос.

Урк покачал головой, затем заявил, что не уверен, так ли, но что неплохо было бы ее принести в жертву, если Ви согласится.

— Почему? — не унимался голос. — Ведь она предупредила нас о нашествии Рыжих Бород и собственной грудью приняла копье, которое должно было пронзить Ви.

— Потому, — ответил Урк, — что после каждого великого события боги требуют себе жертвы. Рыжие Бороды все перебиты, ни одного не осталось в живых. Лучше принести в жертву чужестранку Лалилу, нежели кого-нибудь из племени.

В толпе был Моананга.

Услыхав эти слова, он подошел к Урку, схватил одной рукой за бороду, а другой ударил по лицу.

— Слушай ты, старый дурак, если кого-нибудь уж принесут в жертву, то скорее всего тебя, потому что ты — враль и рассказываешь народу небылицы и вздор. Ты прекрасно знаешь, что Лалила, против которой ты подговариваешь народ, спасла жизнь Ви и спасла жизнь всем нам. Уже раненная, она дала нам совет, как победить врагов. Если бы не она — никого из нас не осталось бы в живых. Ты паршивая собака!

Моананга еще раз ударил Урка по лицу, опрокинул старика на песок и ушел. А слушавшие приветствовали его речь одобрительными криками, как раньше одобряли слова Урка.

Такова психология первобытного народа.

В это мгновение появился Ви.

Урк поднялся и начал славить Ви, говоря, что такого вождя не бывало у племени с самого начала его дней. На-

род сбежался и подхватил хвалебную песнь Урка. К песне присоединились даже раненные, ибо знали, что если бы не Ви, то им и их женам пришлось бы еще хуже.

Да, как бы они ни ворчали, они твердо помнили, что спас их Ви. И они все помнили, что сам Ви обязан жизнью Лалиле.

Ви слушал их восхваления, но не отвечал. Он оттолкнул от себя женщин, пытавшихся поцеловать ему руку, и подошел к собранным трупам. Посмотрел на них, приказал похоронить и, не говоря больше ни слова, стал осматривать раненых.

Ви был грустен, и слова Ааки причинили ему немалую боль. Он хотел остаться верен клятве и не знал, как ему поступить.

* * *

Начиная с того дня Ви был молчалив, ибо на душе его было тяжело, и он боялся говорить, чтобы не выдать грусти. Он сторонился людей и много ходил один или с Фо. Сын, казалось, был единственным дорогим, что осталось ему.

Ви снова стал ходить на охоту, как в те времена, когда еще не был вождем. Он говорил, что сидение в пещере портит ему и здоровье и настроение и что он, как лучший охотник племени, должен помогать народу, раз грозит голод. Охота бывала по большей части неудачна: олени, очевидно, в связи с плохой погодой, ушли из лесов.

Однажды Ви гонялся за ланью, но она скрылась от него, и он повернул домой.

Путь его шел мимо небольшого ущелья. Ущелье это было глубиной и шириной не больше, чем в тридцать шагов. Оно было окружено отвесными скалами, и устье его было узко — шага в три. Снаружи была скала высотой в четыре копы. Под скалою — болото, посреди которого бил ключ.

Проходя мимо ущелья, Ви услышал храп и ворчанье. Он остановился и спрятался за дерево, чтобы посмотреть, что это за зверь издает эти звуки.

Из ущелья вышел огромный зубр. Зубр был так высок, что если бы человек стал рядом с ним, взглянуть через плечо зубра человеку не удалось бы. Зубр остановился на скале, оглянулся и стал принюхиваться. Ви испугался, не учуял ли его зубр.

Но ветер дул от зубра к Ви, так что тревоги были напрасны. Ви глядел на зубра внимательно; таким внима-

тельным взглядом он не смотрел никогда ни на кого, кроме только того дня, когда впервые увидел Лалилу. Ви слышал предания о зубрах, но до сих пор ему случалось видеть только молодую полуподросшую самку.

А это был рослый самец. Рога его были искривлены, тело покрыто темной шерстью, а по спинному хребту шли пучки шерсти посветлее. Глаза зубра были свирепые, ноги короткие, с огромными копытами.

Ви страшно захотелось напасть на этого зверя, но он удержался, зная, что зубр затопчет его насмерть.

Пока он смотрел, животное повернулось и прошло мимо него, продираясь между деревьями.

Когда зубр ушел, Ви с опаской подобрался к устью расщелины и заглянул внутрь. Он ничего не увидел и вынужден был с опаской войти. Расщелина была пуста и только в глубине росло несколько деревьев. По целому ряду признаков Ви установил, что здесь берлога зубра: на стволах висели клочья шерсти — это зубр чесался; земля была утоптана копытами, а кое-где взрыта — зубр чистил и вострил рога.

Ви выбрался из расщелины и стал размышлять. Он посмотрел вниз со скалы на болото. Затем сошел к болоту, положил на край его древесный ствол и начал копьем измерять глубину трясины.

Она была глубока. Для того чтобы наконечник уперся в твердую почву, нужно было погрузить копьё и руку до самого локтя. Он трижды измерял глубину и каждый раз находил дно на одном уровне. Тогда Ви снова взобрался на скалу возле устья расщелины и принялся размышлять.

Зубр спит в этой берлоге днем. По вечерам выходит пастись. Если вечером, выходя, он наткнется на человека, который метнет в него копьем, что сделает зубр? Очевидно, набросится на этого человека. А если человек отскочит в сторону? Очевидно, зубр свалится в трясины и увязнет там, и тогда человек спустится со скалы и более или менее легко одолеет зубра.

Так рассчитывал Ви.

Ноздри его раздулись и глаза заблестели: он представил себе великий бой между зубром и охотником там, внизу, в трясине.

Затем ему пришли в голову иные мысли:

"Но есть немало против. Зубр может подхватить человека на рога, зубр может оказаться достаточно хитрым и не свалиться со скалы; наконец, зубр может выбраться из трясины и раздавить человека".

Во всех трех случаях — верная смерть,

Ви стал размышлять в третий раз:

— Так ли я счастлив, чтобы мне бояться смерти? Сколько раз я думал о том, что хорошо было бы мне оступиться в лесу и напороться на собственное копьё. Если бы не Фо, я давно уж "оступился бы"... Что может быть лучше для охотника, нежели умереть славной смертью в бою с великим зубром, которого никто в племени даже не видел? Племя сложит обо мне песни, и много веков подряд будет греметь мое имя".

Так Ви решил и в сумерках заторопился домой. Путь был далек, и прежде чем он добрался до пещеры, уже стемнело.

* * *

Приближаясь в темноте, он увидел, что Аака стоит у огня и озабоченно смотрит наружу. Возле нее сидит Паг, оттачивающий копьё, и Фо что-то шепчет на ухо карлику. У другого огня Лалила укладывает детей. Моананга что-то нашептывает ей; она улыбается, но глаза ее тревожно обращены к устью пещеры.

Ви появился из темноты.

Аака увидела его, и немедленно лицо ее приняло прежнее высокомерное выражение.

— Ты запоздал, о, муж мой. И так как ты один, — она взглянула на Лалилу и на Пага, — я стала уже бояться, не встретил ли ты еще каких-нибудь чужеземцев.

— Я думаю, жена, что чужеземцы больше к нам не пойдут. Я ранил лань и преследовал ее, но она от меня убежала. Я устал и голоден.

— А лань унесла твоё копьё в ране, отец? — спросил Фо.

— Да, — рассеянно ответил Ви.

— Почему же оно у тебя в руке?

— Оно выпало из раны, и я потом нашел его в горах.

— Почему же оно покрыто грязью?

Ви даже не слышал этого вопроса.

Паг, наблюдавший все это своим единственным глазом, встал, взял копьё и принялся счищать с него грязь. Карлик заметил во время работы, что на наконечнике нет следов крови.

Аака последнее время снова спала у себя в хижине, так как, по ее словам дети слишком много кричали по ночам. Однако, прежде чем уйти, Аака подала Ви еду, чтобы это-

го не сделала Лалила, ибо мужчине, по обычаям племени, пищу подносила жена.

Весь следующий день Ви провел дома, занимаясь делами управления.

С племенем было немало хлопот. Наступила осень, и стояли холода. Еды было в обрез, и по приказанию Ви ее откладывали на зиму. И тут случилась беда: рыба, которую разложили вялить, не проявилась, так как солнца почти не было, и сгнила.

Женщины, чьи мужья и сыновья были убиты в сражении с Рыжими Бородами, успели забыть о том, каких опасностей они избежали. Эти женщины стали ворчать, и к ним присоединились жены и матери умерших от ран.

Общий крик был:

— Лалила, Морская колдунья, возлюбленная Ви, навлекла на племя все эти беды: голод, холод и нашествие Рыжих Бород. Лалилу нужно убить или изгнать.

Но никто не смел поднять руку на Лалилу. Во-первых, все были убеждены, что Лалила — жена Ви, а Ви боялись и почитали. Во-вторых, далеко не все были того же мнения, что и роптавшие. Немало мужчин было на стороне Лалилы; одни — потому, что она была красавица, другие же — потому, что знали, что Лалила спасла жизнь Ви.

На стороне Лалилы были также многие женщины. Во-первых, на ее стороне были матери выброшенных детей. Материнское чувство сохранилось в их сердцах, и они восхваляли Ви, спасающего девочек от смерти, и Лалилу, которая смотрит за ними. Но страннее всего было то, что на стороне Лалилы стояла Аака, хотя в прошлом она и подговаривала Пага убить чужеземку и хотя до сей поры ревновала Ви к Морской колдунье.

Аака защищала Лалилу не только потому, что та спасла жизнь Ви. Аака твердо знала, что стоит Лалиле захотеть, и Ви забудет свою клятву, а Лалила этого не делала! Итак, Аака, хотя и ссорилась с Лалилой, втайне ей покровительствовала и защищала ее.

Одним из вернейших друзей Лалилы был Моананга, который пользовался в племени почти такими же любовью и почетом, как Ви, особенно после сражения с Рыжими Бородами. С той минуты, когда Моананга увидел, что Лалила ценой собственной жизни спасла Ви, он влюбился в нее. Это послужило причиной многих ссор его с женою. Но он не сдавался и открыто говорил, что любит Лалилу.

Он даже объяснился ей в любви и сказал, что он не связан никакой клятвой. Но Лалила отказала ему, и Тана

поэтому долго издевалась над ним. Но Лалила отказала ему так мягко, что он остался ей верным другом; возможно, впрочем, и в силу того, что знал, что Лалила любит Ви. В результате же всей этой истории Тана также стала сторонницей Лалилы, ибо была ей благодарна за урок, который та дала Моананге.

Глава XIV

ЗУБР

На следующее утро Ви встал, когда еще было темно. Он поцеловал Фо, который спал рядом с его ложем, и осторожно выскользнул из пещеры, вооруженный тремя копьями и железной секирой.

Уходя, он при свете костра увидел спящую Лалилу, остановился, долго смотрел на ее прекрасное лицо, вздохнул и ушел, думая, что она его не видит. Но, как только он вышел из пещеры, Лалила присела и долго смотрела ему вслед.

У входа в пещеру сидел на привязи его пес Ио, который не подпускал к себе никого, кроме Ви. Этот пес часто ходил с хозяином на охоту и был обучен выгонять дичь на засаду. Ви спустил собаку с привязи, и та радостно затавкала, учуяв знакомый запах. Но Ви ударил собаку по голове, и пес понял приказ и немедленно замолчал.

Они тронулись.

Возле хижины Ааки Ви остановился. Он чуть было не вошел туда, но вспомнил, что время слишком позднее для того, чтобы прийти ночевать, и, значит (особенно раз он вооружен), он куда-то идет. Аака пристала бы к нему с вопросами, и кончилось бы дело ссорой или, по крайней мере, размолвкой.

Он снова вздохнул и пустился в путь.

Наконец он вошел в лес.

Следовал он не тем путем, каким возвращался после того, как побывал в расщелине зубра. Он шел другим путем, так как боялся, не поджидает ли его зубр.

Он дошел до какого-то холма и, следуя своему охотничьему инстинкту, добрался до болота. Взошел на скалу и спрятался в колючих кустах, так как не знал, в котором часу зубр возвращается с ночных своих пастбищ.

Он неподвижно сидел, наблюдая за птицами, которые, усевшись на ветвях соседнего дерева, готовились к отлету. Они топорщились некоторое время, затем вспорхнули и

унесли. Ви следил за ними, удивляясь причинам их отлета и не зная, что птицы бегут от холодов в более теплые и южные страны.

Затем мимо него прошмыгнул кролик. Пробежал, испуганно пискнул и забился под камень. Через мгновение Ви понял, чего испугался кролик: за ним гналась гибкая, молчаливая куница. Она метнулась и забилась под камень, под которым спрятался кролик. Раздался шум борьбы, слышался писк, и затем кролик снова выбежал, но куница бежала за ним, и зубы ее впились в шею кролика.

Внезапно Ио, не обративший внимания на кролика, так как был обучен охоте на крупную дичь, приподнялся. Он осторожно выбрался из кустов, прижался к ногам хозяина, принюхался — ветер дул от берлоги зубра — и тихо зарычал. Рычание было так тихо, что Ви еле услышал его.

Ви взглянул по тому же направлению, что собака, и увидел, на что рычит Ио.

Всего на несколько шагов выше их проходил огромный зубр. Он возвращался к себе в берлогу с пастбища, и слабый утренний свет играл на его рогах.

Ви взглянул и ужаснулся.

Снизу зверь был совершенно необъятных размеров. Рост его казался еще больше благодаря тени, отбрасываемой им. Зубр шел, покачивая головой и ударяя хвостом себя по бокам. Вид у зверя был такой страшный, что Ви решил было бросить всякую мысль о единоборстве с ним и вернуться восвояси, пока еще не поздно.

Тогда он вспомнил, какой великой славой покроет он себя, если одолеет этого грозного самца. Он уселся и снова стал ждать. Ждать, чтобы зубр улегся и заснул. Ви собирался напустить Ио на спящего зверя. Кроме того, Ви ждал, чтобы солнце, случайно в тот день пробившееся из облаков, поднялось на такую высоту, чтобы его лучи ослепили выбежавшего зубра.

Но вот наступило надлежащее мгновение.

Теперь нужно было решиться: либо вернуться домой и подвергнуться насмешкам Пага, которому он приказал оставаться в пещере, и Ааки, которая будет издеваться над ним, спрашивая, где же лань, за которой он гонялся, либо убить зверя.

Ви встал, потянулся, выпрямился и влез на скалу, закрывавшую вход в расщелину.

Он снял меховой плащ и повесил его на древесный сук. Теперь на нем только и было, что одежда из очищенной от волос кожи, доходившая ему до колен. Секиру он повесил

на левую руку. В левую же руку он взял два коротких тяжелых кремневых копья, а третье сжал правой рукой, готовый в любое мгновение метнуть его.

Он посмотрел в глубь расщелины, но зубра не было видно. Очевидно, зверь укрылся под деревьями в глубине. Собака учуяла зубра: шерсть ее поднялась дыбом. Ви погладил пса по голове и сделал движение рукой.

Ио понял и метнулся в расщелину с быстротой камня, пущенного из пращи.

Ви не успел сосчитать до десяти, как услышал яростный лай, треск сучьев, и понял, что зубр разбужен и набросился на Ио.

Лай и треск приближались, и наконец появился зубр. Ио прыгал перед ним на безопасном расстоянии и задорно таялка. Зубр пригибал морду, взрывал землю рогами, рыл ее копытами и яростно набрасывался на пса. Ио отскакивал и все ближе и ближе наводил зверя на Ви. Наконец, когда зубр был у самого устья расщелины, Ио прыгнул и вцепился ему в нос.

Зубр замотал головой и бросился вперед, пытаясь сбросить собаку. Но та висела, не разжимая хватки.

Вот уже зубр был рядом с Ви, который стоял неподвижно, зажав копы в поднятой руке. Зубр опустил морду, пытаясь раздавить собаку.

"Пора!" — подумал Ви.

Он прыгнул и изо всей силы вогнал копы в правый глаз зубра. Вогнал копы и навалился на древко всей своей тяжестью. Наконечник копья далеко ушел в орбиту и ударился о глазную кость. Зубр взревел от ярости и боли и так замотал головой, что древко копья отломилось, а Ио был далеко отброшен, хотя не разжимал зубов.

Зубр учуял человека и набросился на него. Ви прижался к скале, и зубр, не увидев его, так как Ви был справа, пронесся мимо, только рогом задев охотника. Зубр повернулся и бросился вновь. Но Ви предупредил его. Он взобрался по скале и остановился на высоте, вдвое больше человеческого роста. Ноги его опирались на выступ, а левый локоть на какой-то торчащий корень.

Теперь зубр заметил его.

Поднявшись на задние лапы, зверь попытался достать охотника рогами. Ви взял копы в правую руку, другое копы при этом упало, и левой свободной рукой (секира висела на петле, приделанной к ней) уцепился за корень. Пасть зубра показалась у самого края выступа. Но именно

этот выступ и мешал зубру достать Ви. Зубр заревел от ярости, широко раскрывая пасть.

Ви наклонился вперед и метнул второе копые в глотку зверя. Кровь потекла с морды, и зубр рванул и ударил по выступу, на котором стоял Ви. Рога пришлось под самый выступ, известняк поддался, и выступ обрушился. Ви повис на левой руке.

Тут он заметил, что Ио снова появился и рычит. Затем рычания смолкли: Ио вцепился в зубра. Зубр сразу стал на все четыре лапы и, брыкаясь, побежал по тропинке. Корень не выдержал, и Ви упал. Он упал на ноги, покачнувшись и в нескольких шагах от себя заметил зубра, который чуть что не свернулся в клубок, стараясь достать собаку. Ио вцепился ему между задними лапами.

Ви подобрал свое последнее копые, валявшееся на тропинке.

В это мгновение зубр своим уцелевшим глазом увидел охотника. Зверь рванулся на человека, Ви метнул в него копые, которое засело в шее, и отскочил. Но был вынужден отскочить влево, так как зубр мчался, вплотную прижимаясь к правой стене расщелины.

Зубр повернул и снова набросился на него. Ви ухватил его за рога и повис на них. Зубр затряс головой, слясь сбросить охотника, прыгнул, и все трое — Ви, пес и зубр — свалились в болото.

* * *

Вскоре после того, как Ви покинул пещеру, Паг проснулся оттого, что кто-то прикоснулся к его плечу. Раскрыл глаза и при слабом свете костра увидел Лалилу. Ее глаза были широко раскрыты и лицо побледнело от страха.

— Проснись, Паг, — сказала она. — Слушай. Некоторое время назад я внезапно проснулась и увидела, что Ви выходит из пещеры вооруженный. Затем послышался лай Ио. Я долго думала, но больше не в силах терпеть. Мне чудится что-то недоброе.

Паг вскочил, схватил копые и топор.

— Идем, — сказал он и быстро заковылял вон из пещеры. — Собаки нет. Очевидно, Ви пошел охотиться. Бояться нечего. Впрочем, если ты так тревожишься, пойдем искать.

Они быстрым шагом направились к лесу. Проходя мимо хижины Моананги, они увидели, что хозяин хижины уже проснулся и вышел посмотреть, какая погода.

— Бери топор и копье и беги за нами, — крикнул Паг.
— Поскорей, объясню на ходу.

Моананга нырнул в хижину, вооружился и бегом нагнал остальных. Идя быстрым шагом, Паг объяснил ему, в чем дело.

— Бабы причуды, — буркнул Моананга. — С кем это будет Ви сражаться? Тигр убит, волков осталось мало, а олени ушли из лесу.

— А ты никогда ничего не слышал о зубре? Я-то видел следы, но Ви ничего не сказал об этом. Очевидно, Ви сам наткнулся на него, — сообщил Паг полупшепотом, чтобы не тратить дыхания.

Светало.

Внезапно Паг указал копьем наземь.

— Вот следы Ви и Ио. Они прошли меньше, чем час тому назад.

Он пригнулся к земле и шел по следу. Остальные торопились за ним.

Шли они быстро, потому что было уже светло и след ясно заметен Пагу, который — как говорило племя — мог вести по одному запаху. По отпечаткам ног они добрались наконец до болота у скалы.

Они хотели обогнуть его по следу Ви, но Лалила вдруг воскликнула и показала пальцем.

Посреди болота слабо бился зубр. На его шее сидел Ви, держась за рог одной рукою, а другую из последних сил рубя секирой. Из-под туловища зубра виднелись задние лапы раздавленного пса.

Подошедшие рванулись вперед, но в это мгновение зубр сделал последнее усилие. Он выпрямился, встал на дыбы и рухнул на спину, погребая Ви под собою. Тина сомкнулась над охотником. Зубр простонал, дрожь пробежала по его телу, единственный оставшийся глаз закрылся.

Паг и Моананга обежали болото и добрались до подножья скалы. Отсюда было уже недалеко до того места, где увязли Ви и зубр. Они прыгнули на бесчувственное тело зверя.

Паг напряг все свои силы и оттащил в сторону огромную голову. Под нею лежал Ви!

Подошла Лалила.

Она и Моананга, стоя по пояс в тине, тащили тело вождя. Они тянули, пыхтели и наконец высвободили его из-под туши зубра. Его перенесли на твердую землю и положили ничком. Он шевельнулся. Кашлянул. Красная тина хлынула из его рта.

Они пришли вовремя: Ви ожил!

* * *

В племени было великое смятение.

Лалила, Паг и Моананга доставили Ви в селение, почти неся его на руках. Народ узнал, что случилось, ринулся к болоту и выволок оттуда как убитого зверя, так и Ио, который, и мертвый, продолжал сжимать впившиеся в тушу челюсти.

Они смыли с зубра тину и обнаружили копыта Ви в глазу, в горле, в шее. Увидали следы ударов секиры. Ви старался отрубить зубру голову, но грива и шкура слишком толсты. Отрубить голову не удалось, но оглушенный ударом зубр наконец был побежден.

Народ дивился огромным рогам. Заметил, что один рог раздроблен — этим рогом зубр обломил известняковый выступ, на котором стоял Ви. Народ смерил тушу и приволок ее к Урку-Престарелому.

У того хватило совести не говорить ничего о себе. Однако "премудрый" старец не преминул сказать, что в дни прадеда его прадеда зубр, еще больший, был убит вождем племени. Вождь поймал его в сеть и забросал насмерть камнями.

Кто-то спросил Урку, откуда он это знает, а тот, нисколько не смущаясь, ответил, что об этом его прабабке рассказывала ее прабабка. А сам он слышал это от своей прабабки, когда был совсем мальчишкой.

Зубра освежевали, мясо его поделили между племенем, а шкуру принесли в пещеру. Голову несли четыре человека на шестах и водрузили ее на то дерево, на котором раньше торчала голова Хенги.

Так голова и сидела на вершине дерева, и одно копыто торчало из глазницы, а другое из пасти. Народ приходил глазеть на голову. Даже Ви, оправившись после боя, уселся в устье пещеры, смотрел на голову и сам не мог понять, откуда у него взялось столько силы и решимости бороться с этим чудовищем.

Аака обратилась к нему:

— Ты великий охотник, муж мой, и давно уже мог бы прикончить Хенгу; ты мог бы его прикончить прежде, чем погибла наша дочь. Я горжусь тем, что носила твоих детей. Но скажи мне, как это случилось, что Паг и Моананга вытащили тебя из тины из-под туши зубра?

— Не знаю. Кажется, Лалила имеет какое-то отношение к этому делу. Она что-то сказала Пагу и Моананге, и те побежали искать меня. Спроси Лалилу. Я не видел ее с тех пор, как пришел в себя.

— Я уже искала ее, но ее нигде не найти, но я не сомневаюсь в том, что и здесь не обошлось без ее колдовства.

— Даже если бы и так, тебе не на что сердиться.

— Я не сержусь. Я благодарна ей за то, что она сохранила жизнь величайшего человека в нашем племени. Я думаю даже, что ты должен жениться на ней, Ви, — она это заслужила. Только сперва найди ее.

— Я издал закон о браке, — возразил Ви. — Неужели тот, кто издает законы, должен их нарушить?

— А почему бы нет? Воля его. И кто посмеет что-нибудь поставить в вину человеку, который один на один одолел этого зубра? Я то уж, во всяком случае, не посмею.

— Я был не один. Мы одолели его вдвоем с Ио. Не будь собаки, зубр прикончил бы меня.

— В таком случае да славится Ио. Будь я издательницей законов, как ты, Ви, я бы сделала Ио богом.

Она улыбнулась и ушла поговорить с Пагом и Моанангой. Она хотела узнать все подробности дела.

Ви сидел у пещеры, насыщаясь и рассказывал о бое с зубром. Фо слушал его разинув рот. Затем Ви отправил мальчика помогать в свежевании, а сам ушел искать Лалилу.

* * *

Не зная, где найти ее, он наугад отправился к Тюленьему заливу. Лодку Лалилы после боя с Рыжими Бородами вытащили на прежнее место, и, очевидно, сама Лалила могла уйти только сюда.

День был уже близок к концу, когда Ви дошел до маленькой пещеры. Лалила сидела у огня и ждала то ли захода солнца, то ли восхода луны. Она вздрогнула, увидев его, затем опустила глаза и промолчала.

— Зачем ты здесь?

— Чтобы поблагодарить Луну за то, что моя тревога о тебе оказалась не напрасной.

— И больше ни за чем? — Он взглянул на стоявшую в углу лодку.

— Не знаю. Я сама еще не решила.

— Слушай, — сказал он дрожащим от ярости голосом.

— Если ты не поклянешься мне, что не будешь пытаться бежать вторично, я сейчас же секирой изрублю твою лодку или сожгу ее.

— К чему? Если я ищу смерти — мне много путей открыто. Если заперт один путь, остается сотня других.

— Почему ты ищешь смерти? Ты несчастна? Разве ты ненавидишь меня настолько, что хочешь умереть?

Лалила наклонила голову и, не глядя на него, ответила:

— Ты знаешь, что ненависти к тебе у меня нет, Ви. Скорее ты слишком дорог мне. И из-за этого будет великая беда.

— Так давай встретим ее вместе.

— Мы ничего не можем встретить вместе. Ты дал клятву и ее не нарушишь. Слушай. Я повторяю эту клятву за тебя. Я не согласна жить, если ты будешь покрыт позором, как человек, нарушивший клятву ради женщины.

— Значит, все кончено, — простонал Ви.

— Слушай, Ви. Когда ты уходил сегодня утром, я прочла по твоему лицу, что ты уходишь с надеждой больше не вернуться.

— Да. Ибо я несчастен.

— А кто теперь счастлив? Клянусь тебе, что не покину тебя, до конца буду стоять рядом с тобой. Но женой твоей не стану. Мы будем только рядом. Дай мне такую же клятву, Ви.

— Клянусь!

Глава XV

ВИ БРОСАЕТ ВЫЗОВ БОГАМ

С некоторого времени в племени началась смута. Зима была ужасающая. Даже Урк-Престарелый заявил, что такой зимы не слыхано было со времени прадеда его прадеда. С севера и востока дули непрерывные ветры. В немногие тихие дни снег падал в таком количестве, что хижины были совершенно засыпаны. Ежедневно нужно было прокапывать тропинки для того, чтобы выйти из хижины.

Море замерзло на большее расстояние, чем когда бы то ни было. Сквозь сплошной лед проридались огромные —

величиною с целую гору — айсберги. Все побережье кише-
ло свирепыми белыми медведями.

Племя питалось пищей, скопленной по приказам Ви. Но время от времени народу приходилось выходить на бой с белыми медведями, которые обнаглели до такой степени, что старались ворваться в жилища. В этих сражениях погибло немало людей — от ран и от холода. Много стариков и детей померзло, особенно в тех хижинах, где, несмотря на приказы Ви, не собрали достаточного количества топлива.

Наконец зима прошла.

Но весны не было. Снег перестал падать, и лед у берегов стал тоньше. Забурлили реки, но они несли глину, а не воду. Деревья вынырнули из снежных покровов, но стояли безлиственные, черные, мертвые. Травы не было, цветов не было, тюленей не было, птиц не было. Холод стоял такой, какой обычно бывал зимою лет двадцать пять или тридцать тому назад.

Племя роптало.

Из уст в уста передавались слухи:

— На нас обрушилось проклятье! Проклятье принесено Морской колдуньей!

Народ совещался и наконец выслал к пещере своих представителей для переговоров с Ви. То были: Нгай — колдун и жрец Ледяных богов, Пито-Кити, Хоу, Уока, Хотоа-Заика и Урк-Престарелый.

Вини-Вини затрубил в рог.

Ви вышел из пещеры, одетый в плащ из шкуры убитого им тигра. Представители племени стояли перед ним, смущенно повесив головы. В отдалении, на Месте Сборищ, толпился народ.

— Чего вы хотите от меня?

— Вождь, — забормотал Урк. — Племя послало нас сказать, что больше не в силах сносить гнев Ледяных богов.

— Ледяных богов нет. В леднике живут огромный зверь и человек. В ледник они попали уже мертвые.

От этих слов посланные задрожали, а Нгай замахал руками и забормотал молитву.

Но Урк продолжал:

— То, что ты говоришь, вождь, великий грех. Слушай. От предков моих я знаю, что когда-то, когда народу угрожали те же беды, что теперь, тогдашний вождь принес в жертву Ледяным богам своего сына, и тепло вернулось.

— Значит, вы требуете, чтобы я принес в жертву Фо?

— Вождь! Нгай, жрец богов, и Тарен, его жена, пророчица, молились богам, и боги дали им ответ.

— Каков же этот ответ? — спросил Ви, опираясь на секиру и глядя на Нгая.

Тощий, жестоколицый Нгай медленно ответил тонким голосом:

— О, вождь, голос богов сказал: "Боги требуют жертвы, и жертва должна быть на двух ногах!"

— А голос назвал жертву?

— Нет. Но голос сказал, что вождь должен сам выбрать эту жертву из своей семьи и собственной рукой заклать ее в святом месте перед лицом богов.

— Кто же входит в мою семью?

— Только трое, о, вождь. Твоя жена Аака, твой сын Фо и твоя вторая жена Морская колдунья.

— У меня нет второй жены, — возразил Ви. — Я сдержал клятву, данную племени.

— Мы считаем, что она твоя вторая жена и что она навлекла на нас и гнев богов и чужеземцев, с которыми мы сражались, — упрямо твердил Нгай, а все остальные утвердительно кивали головами.

— Мы требуем,—продолжал он, — чтобы ты выбрал кого-нибудь из этих трех и обреченного принес в жертву богам на солнечном затмении, перед полнолунием, в час, когда солнце и луна смотрят друг на друга в небесах.

— А если я откажусь?

Голос Ви был совершенно спокоен.

Нгай взглянул на Урка, и Урк заявил:

— Если ты откажешься, о, вождь,— народ об этом уже думал и вот что говорит тебе, — народ убьет всех троих, и твою жену Ааку, и твоего сына Фо, и твою жену Морскую колдунью, так чтобы не было сомнений, не пропущен ли кто-нибудь, кого хотят боги. Народ убьет их там, где сможет настичь. Бодрствующими или спящими, идущими или едущими. Убьет и снесет их трупы Ледяным богам в знак того, что жертва принесена.

— А почему не убить меня? — спросил Ви.

— Ибо ты вождь, а вождя может убить только тот, кто одолеет тебя в единоборстве. А кто посмеет выступить против тебя?

— Итак, подобно волкам, вы убьете слабых, а сильных оставите в живых? Хорошо, о, посланники! Хорошо, о, уста народа! Вернитесь к племени и скажите, что Ви, вождь, обдумает ваши слова. Завтра в этот же час вернитесь сюда, и я сообщу вам свою волю. Завтра вечером — если я решу

принести жертву — жертва будет принесена в час, когда солнце и полная луна глядят друг на друга в небесах.

И они ушли, не решаясь взглянуть ему в глаза, ибо взор его жег пламенем.

* * *

Об этом разговоре Ви не сказал ни слова никому, ни Ааке, ни Пагу, ни Лалиле, хотя, наверное, все трое знали, в чем дело; все они и даже Фо как-то странно глядели на него.

Вечером, подойдя к устью пещеры, Ви увидел, что между хижинами горит большой костер, и народ собрался вокруг огня.

"Может быть, им посчастливилось найти мертвого тюленя?" — подумал Ви.

В это мгновение из селения пришли Паг и Моананга. Моананга был исцарапан, точно сражался.

— Что происходит там? — спросил Ви.

— Ужасные вещи, брат мой. Кое-кто уже съел все свои запасы. А ты приказал новых не давать никому до полнолуния. Эти люди с голоду убили двух девочек и пожирают их мясо. Я пытался остановить их, но они набросились на меня с дубинами. Они свирепы, как волки.

— Не может быть! — произнес Ви сдавленным голосом.

— Я предлагаю собрать людей и напасть на них, — сказал Моананга.

— К чему проливать кровь? — возразил Ви. — Звери, если голодают, должны нажраться досыта. Я ухожу. Мне нужно подумать. Пусть никто не следует за мной. Не бойтесь, я вернусь. Сторожите девочек. Должно быть, еще немало народа голодает.

* * *

Ви ушел.

Холмы, мимо которых он проходил, были покрыты толстым слоем льда, чего никогда не бывало. Лед этот сполз с главного ледника и нависал на высоте трех копий.

"Что будет, если этот лед двинется дальше?" — подумал Ви и ужаснулся.

Вождь дошел до долины Ледяных богов.

Главный ледник также двинулся вперед: последняя поставленная Ви веха была погребена подо льдом, внизу была свалена огромная груда принесенных глетчером камней. Эти валуны делили долину на две части. Если стать

лицом к лицу со Спящим и человеком (теперь, казалось, он убегает от Спящего), то слева оказывалось большое открытое пространство, а справа, где лед был не так крут, — небольшой закоулок.

Ви взглянул на Спящего и на охотника, и ему показалось, что оба они стали ближе, чем прежде; хотя теперь они громоздились выше, он яснее различал их очертания.

— Эти боги путешествуют, — прошептал он и уселся на скалу, чтобы подумать.

Через некоторое время он выпрямился и громко расхохотался. Он вскочил на груды валунов. Он казался крохотной букашкой на фоне необъятного глетчера.

Он потряс секирой по направлению к Спящему и человеку, за которым Спящий гнался, и взмахнул секирой, точно поражая бесформенные тени, расплзавшиеся внутри ледника, тени, которые народ считал образами меньших богов.

— Я бросаю вам вызов! — крикнул он, и голос его отдался странным эхом от глетчера.

— Я бросаю вам вызов! Вы получите жертву! Моя кровь потечет перед вами! Жрите мою смерть! И когда нажретесь, пред вами и пред вашими поклонниками станет сила большая, чем вы. Да, ненасытные! Пред вами станет сила Человека!

Так кричал Ви.

И он сам не знал, что говорит и откуда пришли к нему такие слова.

Но Ледяные боги не отвечали. Спящий и охотник глядели на Ви. Мороз хрустел, и стояла глубокая тишина. Луна сияла.

Ви, полузамерзший, пошел домой.

* * *

Войдя в пещеру, он наткнулся на что-то бесформенное и закутанное в меха. То был Паг.

— Ну, что же сказали обитатели ледника?

— Из ничего ничего не исходит. А что ты делаешь?

— Охраняю тех, кто внутри. Слушай. Я все знаю. Они, — он указал на пещеру, — знают тоже. Пусть Ледяные боги молчат — у меня есть совет. Что, если мы вдвоем — ты, Моананга и я — нападём на тех, кто говорил с тобой и убьём их? Если мы прикончим вожаков, остальные стихнут и повесят головы. Они трусы.

— Я не хочу проливать кровь. Даже кровь тех, кто ненавидит меня. Они обезумели от голода.

— В таком случае потечет кровь тех, кого ты любишь.
— Не думаю. Во всяком случае, охраняй их. Их окружают голодные волки.

Он вошел в пещеру и улегся между Фо и Аакой. Ааке он еще раньше приказал бросить хижину и переселиться сюда.

Глава XVI

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

В полдень явился Вини-Вини и затрубил в рог.

Ви вышел на призыв. Перед пещерой стояли вчерашние ораторы.

— Что о жертвоприношении? — спросил Урк. — Вождь, мы ждем твоего слова.

— Кажется, вчера была уже принесена жертва там, между хижинами.

Они смутились и стали совещаться.

Тогда заговорил Хотоя-Заика:

— Вождь, мы умираем с голоду. Старые боги, которых ты отрицаешь, также голодают. Нам нужна пища, им — кровь. Назови обреченного на жертву, а не то мы убьем всех троих.

— Я ведь тоже вхожу в семью вождя. Уверены ли вы в том, что боги требуют не меня? Может быть, вам убить меня? Я один, вас много. Убейте же меня, и вот будет жертва богам.

Тогда кто-то выскочил из темноты пещеры и стал рядом с ним. То была Аака.

— Убьете меня также, ибо я следую за своим мужем. Мы, столько лет спавшие рядом, и после смерти не должны разлучаться.

Посланные народа отшатнулись. Хоу и Уока просто бросились бежать — они были трусы.

— Слушайте, собаки, — загремел Ви, — ступайте к народу и скажите ему, что на заходе солнца я буду ждать его в обиталище богов. Мы вместе предстанем перед вашими богами; с одной стороны стану я со своей семьей, а с другой вы все. Быть может, там будет названа жертва. А до тех пор я молчу. Собаки, прочь!

С мгновение они стояли, растерянно глядя на него, а он горящими глазами сверкал на них. Он опирался на секиру, и тигровая шкура обвивала его мощный стан.

Они задрожали и бросились бежать, как лисицы от волка.

* * *

Аака взглянула на мужа, и глаза ее выражали гордость.

— Скажи мне, Ви, той ли ты крови, что эти двуногие звери, или тебя зачал какой-нибудь бог? Скажи мне, что ты задумал?

— Я ничего не задумал.

— Значит, Морская колдунья знает твои замыслы? Ведь всем известно, что она мудрее меня.

— Я не совещался с Лалилой.

— Значит, Паг нашептал тебе мысли? Паг, твой друг и мой враг, который учит тебя волчьему искусству?

— Мимо цели! — сказал Паг, который стоял рядом. — Я вчера давал Ви советы, которые пришлось бы тебе по сердцу, Аака, но Ви отказался последовать им.

— Какие советы?

— Советы секиры и копья. Советы: оставить собак убитыми у их дверей, чтобы стая знала волчьи советы, Аака.

— Не ожидала я найти у тебя мудрость.

Паг не успел ответить.

Ви топнул ногой и крикнул:

— Довольно! На восходе луны все узнают, кто мудр и кто глуп. А пока оставьте меня в покое.

Ви вошел в пещеру, ел, пил, смеялся и рассказывал Фо о диких зверях и о том, как убивал их, — все рассказы, какие мальчик очень любил. Но ни Ааке, ни Лалиле, ни Пагу, ни Моананге он не сказал ни слова.

Наевшись, Ви улегся и заснул.

Паг и Моананга охраняли вход.

* * *

Наступил вечер.

Ви, Лалила, Аака, Паг, Моананга и Тана оделись по-теплей, и мужчины вооружились. Все вышли из пещеры. На Месте Сборищ их ожидало племя. Молча прошли мимо собравшихся, и молча последовали те за ними, покуда все не добрались до обиталища богов.

Ви со своими домашними прошел направо и стал несколько выше народа, собравшегося в левой, большей части долины.

— Здесь тесно, — сказала Аака, — нам трудно будет стоять.

— Нас мало, а их много. К тому же, когда мы здесь, нас видят и слышат все, — пояснил Ви.

Он повернулся и громко объявил:

— Я, Ви, вождь, со всей своей семьей здесь.

Голос его глухо отдавался от каменных и ледяных глыб.

— Скажи мне, о, народ, чего ты требуешь от нас?

В ответ раздался тонкий голос жреца Нгая:

— Мы хотим, о, вождь, чтобы кто-нибудь из семьи был принесен в жертву богам, дабы снять с племени проклятие, навлеченное на него Лалилой, Морской колдуньей.

— Пусть боги назовут мне, кого принести в жертву.

Нгай запел длинную молитву, которую подхватил народ. Высокие голоса странно звенели в морозном воздухе и смолкли. Наступила тишина.

Снова заговорил Ви:

— О, вы, живущие во льду, которых я когда-то считал богами, но которых я теперь считаю выдумкой дураков, внемлите мне. Правда, что на племя обрушилась беда, что зимы стали дольше и жесточе и что пищи не хватает. Но беды эти стали приходить к нам еще до тех пор, как появилась здесь эта женщина Лалила, которую называют Морской колдуньей. Но раз племя требует, чтобы кого-нибудь из моей семьи принесли в жертву, и считают, что кровь убитого вернет всем остальным тепло и пищу — я готов на смерть.

Он замолчал и взглянул вниз.

Смутный лунный свет не скрывал выражения лиц. Племя было смущено. Люди начали перешептываться. Лица погрузнели. Кое-где раздавался женский плач.

Ви услышал обрывки речи:

"Он всегда был добр к нам. Он делал все, что в состоянии сделать человек. Он не властен повелевать временами года. Он не может приказать птицам лететь и тюленям плыть. И ведь он, если бы захотел, мог взять себе вторую жену. Значит, клятвы он не нарушил. Боги не могут требовать его крови. Его не нужно приносить в жертву. Ведь мы останемся тогда без вождя".

"Добро побеждает", — подумал Ви.

Но Нгай, ненавидевший его, также заметил перемену настроения. Жрец выбежал и, стоя спиной к леднику, закричал высоким и пронзительным голосом:

— Вы хотите умереть с голоду? Хотите поедать собственных детей? Посмеете ли вы оставить богов без пищи?

— Нет! — закричало племя, перепуганное таинственным светом и старой верой в могущество богов Нгая. — Да свершится жертвоприношение! Пусть течет красная кровь! Пусть боги утолят свой голод красной кровью.

— Вот тебе ответ, Ви, — закричал Нгай в гробовой тишине. — Сходи же на смерть, если смеешь, а не смеешь, пошли нам кого-нибудь из своей семьи!

Аака, Фо, Лалила, Паг и Моананга сбились в кучу. Ви уже собрался сойти со скалы и упасть на собственное копье или предаться ножу Нгая.

* * *

В это мгновение что-то случилось.

Еще не ясно было что, но все застыли на месте, точно окаменевшие. Высоко с вершин гор донесся стон, точно одновременный крик многих сотен тысяч птиц. Стало еще холоднее. Тени во льду сместились и спутались. Они рванулись вперед, понеслись назад, исчезли и вновь возникли выше, чем были раньше. Волосатый человек впереди Спящего шевельнулся.

Земля задрожала, точно от ужаса.

Тишина стала еще глубже, и внезапно ее нарушил треск. Треск многих тысяч громов. Когда он смолк, из самых недр льда рванулся вперед Спящий, преследуя волосатого охотника. Да, Спящий с белыми клыками рванулся вперед, точно разъяренный бык. Он рванулся, как камень из пращи. Волосатый охотник пролетел в воздухе и исчез, но Спящий упал всей тушей на жреца Нгая, растер его в порошок и пронесся дальше, раскрывая себе в толпе кровавую тропинку.

Снова наступила тишина на мгновение.

— Похоже на то, что Ледяные боги приняли свою жертву, — сказал Ви.

Еще не успел он замолчать, как Великий Ледник двинулся вперед. Глетчер потек по долине, сбрасывая перед собою скалы, пучась, как взволнованное море.

Племя еще не успело в ужасе повернуться, чтобы бежать, как Ледник залил всю левую часть долины.

Ви соскочил со скалы. Он со своей семьей забрался подальше в горы и с ужасом наблюдал, как ледяная река со скрежетом пронесится мимо него.

Сколько времени стояли они там? Этого никто не знал.

Они наблюдали, как течет лед. Видели, как он стек в море и как вздыбился там ледяными холмами.

Внезапно — так же внезапно, как начал двигаться, — он остановился, и ночь была тиха, как прежде.

* * *

Когда все окончилось, они выбрались по горам к селению. Но уже с нависающих скал увидали они, что долина, в которой жило племя, залита сплошным потоком льда. Они посмотрели дальше и в ужас остолбенели: от побережья также ничего не осталось. Глетчер смыл холмы, и от гор до моря был ровный поток льда, в глубине которого были схоронены обиталища племени.

Аака, прислонившись к Ви, в холодном лунном свете глядела на место, где жила, и сказала:

— Проклятье, которое принесла твоя ведьма, исполнилось уже, наверное, до конца. Что бы еще смогла она придумать?

— Дурно, по-моему, говорить это после того, что случилось. Где народ, который взывал к живущим во льду? Он сам оказался во льду, а я, назначенный в жертву, уцелел со всем своим домом. Время ли теперь для ссор, жена?

Тогда заговорил Паг:

— Ты знаешь, Ви, я никогда не верил в Ледяных богов. Теперь я верю еще меньше: ведь веровавшие в них погибли, а неверовавшие спаслись. Верившие сами попали в лед, и, может быть, когда-нибудь другой народ будет считать их богами. Но скажи, что нам делать теперь?

Ви закрыл лицо руками и не отвечал.

Тогда впервые за весь день заговорила Лалила.

— Лед закрыл всю долину и дошел до залива. Но по ту сторону залива открытое море и там, в пещере, спрятана моя лодка и запас пищи.

— Идем туда, — сказал Паг, — оставаться здесь — значит погибнуть.

Первыми к пещере добрались Паг и Моананга.

Паг заглянул внутрь, увидел во мраке чьи-то глаза и отскочил:

— Осторожней! — крикнул он Моананге. — Здесь спрятались медведи или волки.

Звук его голоса испугал укрывшихся в пещере. На берег вышла тюленья самка со своим детенышем. Прежде чем неуклюжие животные успели убежать, Паг и Моананга прикончили их топорами.

— Ну, едой мы обеспечены на долгое время, сказал Паг. — Нужно только их освежать, покуда они не промерзли.

Втроем — при помощи Фо — они справились с этой работой прежде, чем Ви подошел с женщинами. Дело в том, что Тана была так испугана всеми событиями этой ночи, что Аака и Лалила вынуждены были чуть не нести ее.

Затем сошедшиеся обыскали пещеру, убедились, что в ней никого нет, развели костер и усьелись вокруг него молча, все еще дрожа от страха.

Глава XVII

КОТОРАЯ?

Перед рассветом Ви вышел из пещеры, чтобы посмотреть при солнечном свете на новый вид местности. Кроме того, он хотел побыть один и поразмыслить о случившемся.

Следом за ним вышла Лалила и окликнула его.

— Странные вещи случились, Лалила, — сказал Ви — и сердце мое сжимается от мысли, что из моего народа никого не осталось в живых. Я охотно предложил себя в жертву. Но я жив, а они мертвы, и скорбь душит меня.

И в первый раз с тех пор, как умерла Фоя, Ви за плакал.

Лалила взяла его за руку, утешала, обтирая ему слезы своими волосами.

— Я причинила тебе много бед, Ви. Я охотно сама бы послужила жертвой, но я верила в то, что ты победишь, и предчувствовала еще большие беды.

— Очевидно, у всех у нас было это предчувствие Лалила. Смерть висела в воздухе. Но что бы ты подумала обо мне, если б я сказал: "Возьмите эту женщину, Лалилу, которую вы считаете колдуньей, и принесите ее в жертву?"

— Сочла бы более мудрым, чем ты являешься в действительности, — грустно улыбнулась она. — Но, поверь, я благодарна тебе и никогда не забуду твоего благородства.

Рассвело.

Была странная и чудесная ярко-красная заря. Казалось, природа платила пережившим ужасную ночь тем, что выставляла все чудеса своей красоты.

Но что увидали они при дневном свете!

На месте, где стояло селение, лед сгрудился так вы-

соко, что переливался за окружающие холмы. Горы были обнажены. Лес, в котором Ви убил зубра, был вырван с корнем.

И впереди, так далеко, как хватал глаз, лежал толстый слой льда. Лед на море был покрыт валунами и свалившимися с берега ледяными глыбами и казался неподвижным, как скала. Окрестность производила такое впечатление, будто весь мир превратился в ледяную пустыню.

— Что же произошло? Земля умирает? — спросил Ви, озираясь.

— Не думаю. По-моему, лед движется к югу и здесь больше жить нельзя.

— Значит, мы должны погибнуть, Лалила?

— Вовсе нет. Моя лодка цела и может выдержать нас всех. И у нас есть запас пищи.

— Но лодка ведь не поплывет по льду?

— Нет. Но мы можем толкать ее перед собою, покада не доберемся до воды, и тогда мы поплывем.

— Куда?

— Ко мне на родину. Там зимою бывает тепло. Туда, бывало, доплывали льдины, но они таяли у самых берегов. Мой народ дружелюбен и миролюбив.

— Но ведь ты бежала от него!

— Да. Но думаю, что, если вернусь, меня встретят с почтением и не тронут моих спутников. Но как хочешь. Мы можем остаться.

— Это невозможно! Берег, леса и море покрыты льдом. Нам не с чего жить, и, когда кончатся запасы еды и топлива, мы умрем от голода и холода. Впрочем, давай посоветуемся с другими.

У входа в пещеру стояла Аака.

— Наговорились? — спросила она. — Быть может, владетельница этих запасов разрешит нам притронуться к пище, которую она здесь собрала в то время, как наше племя умирало с голоду?

Услышав эти слова, Ви закусил губу.

— Аака, здесь все принадлежит тебе, а не мне, а запасы собраны из той пищи, которую давали мне. Я сложила их еще давно, когда собиралась покинуть этот край, — грустно и спокойно сказала Лалила.

Паг ухмыльнулся, но Ви сказал:

— Бросьте глупые толки и давайте есть.

Они наелись, затем Ви обратился ко всем со следующими словами:

— Наша родина похоронена подо льдом. Что нам де-

лать? Запасов у нас мало. Медведи и волки скоро разыщут нас здесь. По-моему, нужно идти к югу, таща с собою лодку Лалилы. Когда мы доберемся до открытой воды, мы сядем в лодку и поплывем. Туда, куда лед не добрался.

— Ты вождь, — сказала Аака, — и мы должны подчиняться тебе. Но думаю, что путешествие в лодке Лалилы кончится бедою для нас.

Не давая разгореться ссоре, вмешался Паг:

— Нет ничего хуже худшего. Здесь мы умрем. Там мы, может быть, выживем, и в конце концов хуже смерти ничего не будет.

— Я согласен с Пагом, — сказал Моананга.

Тана молчала. Она еще не оправилась от потрясения.

Фо топнул ногой и закричал:

— Мой отец вождь, и он приказал. Кто может спорить с ним?

Никто не отвечал.

Все поднялись, нагроулили лодку запасенной пищей и накрыли ее шкурами убитых вчера тюленей. Поверх шкур они положили весла и куски дерева, которые смогут заменить весла. По просьбе Лалилы они положили в лодку также и ствол, из которого можно будет сделать мачту. Впрочем, что такое мачта, никто, кроме Лалилы, не знал. В заспинные мешки они наложили топлива, водорослей и шкуры, лежавшие в пещере.

Таща за собой лодку по снегу и толкая ее по льду, они пустились в путь. Впереди шла Лалила с шестом в руках и проверяла крепость льда.

Так Ви, Аака, Фо, Моананга, Тана и Паг покинули родину.

Несколько часов волокли лодку и подвигались медленно. С берега лед казался сплошным и ровным, в действительности же был весь перерыв. Они присели отдохнуть и подкрепиться. Поевши, они встали, чтобы тронуться в путь, хотя считали уже свой труд бесцельным и замыслы неосуществимыми.

— Отец, лед движется! — неожиданно закричал Фо. — Когда мы остановились, вот эти скалы были впереди нас, а теперь они сзади.

— Кажется, это так, но я не уверен, — сказал Ви. Они заспорили.

В это время Паг куда-то исчез. Через некоторое время он вернулся и сказал:

— Лед движется. Я ходил назад. Лед разломился позади нас, и трещина полна льдинами. К берегу нет возврата.

Они поняли, что морское течение несет их к югу. Кто-то испугался.

— Можно только радоваться. Так мы быстрее доберемся до цели, — сказал Ви.

Они продолжали тащить и толкать лодку по льду. Делали они это главным образом для того, чтобы согреться. Они трудились целый день и к вечеру пришли к такому месту, где лежал глубокий снег. Снова начало снежить. Они были вынуждены остановиться, так как сквозь хлопья не было видно дороги. Соорудили себе хижину из снега и заползли в нее на ночь.

Утром снег больше не шел. Выйдя из хижины, путешественники обнаружили, что только в отдалении, на востоке, видны снежные вершины гор, окружавших родимый залив.

Они вышли из хижины и потащили лодку дальше. Снег окончательно затвердел, и острый киль лодки легко скользил по нему, так что подвигались они быстро.

Так шли они целый день, время от времени отдыхая. К вечеру они добрались до мягкого снега. Уставши за день, они остановились, построили себе опять хижину из снега, развели перед нею костер, приготовили пищу и поели.

Утром оказалось, что снег еще мягче, чем накануне. Что стоит ступить на него, как проваливаешься по щиколотку. Лодку волочить по этому снегу невозможно.

— Мы не можем двинуться ни вперед, ни назад, — сказал Ви. — Значит, нам остается только одно: не сходить с места. Но где мы находимся — я сказать не могу, и гор не видно.

Тана заплакала, Моананга смотрел с грустью.

— Да, будем сидеть на месте, покуда не умрем. Ничего хорошего и не могло выйти из этого путешествия. Разве только Лалила научит нас летать, подобно птицам, — сказала Аака.

— Этого я не могу сделать, — сказала Лалила. — И мы все единогласно решили рискнуть на это путешествие. Смерть от нас еще далека. От холода мы можем укрыться в этой снеговой хижине, тюленьего мяса нам хватит надолго, а для питья нам поможет талый снег. Я надеюсь, что лед несет нас к югу, и мне кажется, что сегодня теплее, чем вчера.

— Разумно сказано, — заметил Паг. — Нужно увеличить хижину и ждать, что произойдет.

Так они и поступили.

* * *

После того как работа была окончена, Паг и Моанга принялись выпрашивать у Лалилы все подробности ее поездки на север и допытываться о том, где ее родина и каково там живет. Она отвечала на их вопросы как умела. Но Ви с нею почти не разговаривал, потому что Аака следила за ними ревнивыми глазами.

Так прошло четыре дня и четыре ночи.

За все это время произошло только одно изменение: воздух с каждым часом становился все теплее и теплее. Это им не только казалось: снег таял, и со стен их хижины капало. К концу четвертого дня они заметили позади, на западе огромную ледяную гору.

Айсберг все увеличивался и приближался. Казалось, что его гонит на них или их гонит к айсбергу. Из этого они заключили, что лед по-прежнему движется, хотя движение его они ощутить не могли. Всю ночь раздавались ужасающие шумы, а лед под ними трещал и колебался. Правда, таяло, но никто не решался выйти из хижины и посмотреть, откуда несется шум. К тому же с севера дул сильный ветер, который совершенно застлал луну густыми тучами.

К утру ветер стих, и солнце встало на чистом безоблачном небе. Паг отодвинул закрывавшую вход снежную глыбу и вышел. Он немедленно возвратился, молча взяв Ви за руку, вытащил его наружу и закрыл выход.

— Смотри, — сказал он, указывая на север.

Ви взглянул, зашатался и упал бы, если бы Паг его не подхватил.

Не дальше, чем в ста шагах от их хижины, возвышался тот самый айсберг, за которым они вчера следили. То был высокий ледяной шпиль. Наверху его сжатый ледяными глыбами и огромными валунами вздымался Великий Спящий!

Сомнений не было.

Солнце ярко освещало чудовище. Спящий стоял такой же, каким Ви видел его всю жизнь, только левая передняя лапа его была обломлена под самым коленом. Но Спящий был не один: вокруг него, между ледяными и каменными глыбами, лежали засыпанные снегом тела.

— Взгляни, вот старые друзья, — сказал Паг. — Узнаешь? Нгая здесь нет. Нгая Спящий растер в порошок. Но вот, видишь: Урк-Престарелый, рядом с ним Пито-Кити, а там Хотоя и Уока. Как тебе нравится?

— Отвратительно!

Позади него раздался голос Ааки:

— Вы думали, что ушли от старых богов, но они гонятся за вами. Я думаю, о, муж мой, что эта ледяная гора не сулит нам ничего доброго.

— Меня мало интересует, что обозначает появление этой ледяной горы, — спокойно отвечал ей Ви. — Вид, во всяком случае, омерзительный.

В это время и остальные вышли из пещеры. Моананга молчал, Тана закричала и торопливо закрыла лицо руками.

Лалила медленно произнесла:

— Гора эта грозит нам. Грозит тем, что обрушится. Но, кажется, мы плывем быстрее, чем она.

— Это еще вопрос, — сказал Паг.

В это мгновение ледяной пик, на который они смотрели, подтаявши, очевидно, в теплой воде, задрожал и стал склоняться к ним. Трижды наклонялся шпиль и наконец медленно и плавно перевернулся. Он скрылся под водой, и с ним вместе Спящий и все люди племени. На месте же, где подымался шпиль, показалось его подножье — лед, усеянный громадными черными валунами.

— Прощайте, Ледяные боги! — улыбнулась им Лалила.

Вдруг Ви крикнул:

— Назад! Назад! Волна!

Он схватил Ааку за руку и отбежал. Остальные бросились за ним.

Они только успели отскочить, как место, на котором они стояли, залила волна льда и воды, всколыхнутая перевернутым айсбергом. Волна дохлестнулась до самой хижины и стала отступать. Но весь лед, на котором они безмолвно стояли, затрясся, задрожал.

Фо, убегая от волны, проскочил дальше остальных и вернулся с криком:

— Лда впереди нет и вдалеке видна земля. Отец, смотри, там берег.

Все побежали за Фо, пробираясь по снегу, и увидели: между двумя ледяными берегами извивался поток воды. Он стремительно несся, гоня большие глыбы льда. Поток впа-

дал в большое открытое синее море, на котором льда не было.

И в отдалении за этим морем видна была земля, о которой говорил Фо. Между зелеными холмами змеилась впадающая в море река. Лесистые долины подымались к холмам. Эту чудесную землю они все видели несколько мгновений, затем ветер нагнал туман с того места, где затонул преследовавший их айсберг, и видение скрылось.

— Это моя родина. Эта река и эти холмы мне знакомы, — сказала Лалила.

— В таком случае нам нужно добираться туда возможно скорее, — заметил Паг. — Лед верой и правдой служил нам достаточно долго. Он уже трещит и тает.

Лед действительно таял.

Его со всех сторон подмывало теплое море, на берегу которого родилась Лалила. Лед таял на глазах. Уже появились трещины.

Внезапно льдина треснула посередине, и вся хижина нырнула в воду.

— В лодку! — крикнул Ви.

Они бросились к лодке и протащили ее к самому краю льдины, где лед уже расходился. Женщины и Фо сели в лодку, затем Моананга, затем Паг. Ви держал корму, направляя нос по течению, а Лалила и Моананга доставали весла.

Ви взглянул на лодку. Она была перегружена. Вода почти перехлестывала через борта. Ви понял, что, если еще один человек сядет в лодку и ветер хоть немного усилится или какая-нибудь льдина заденет челнок, лодка неминуемо перевернется, и все потонут.

— Прыгай скорее, Ви! — крикнула Аака.

— Прыгаю! — отвечал Ви и изо всех сил толкнул корму, так, что лодка соскользнула с подводного льда. Быстрое течение подхватило ее, и она понеслась.

Ви отступил на несколько шагов и уселся на льдине, следя за челноком.

Внезапно раздался плеск воды. Он опустил глаза и увидел, что Паг подплывает к нему.

Ви помог карлику выбраться на лед и спросил:

— Почему ты вернулся?

— А там слишком много женщин. Их болтовня мне надоедает.

Ви взглянул на Пага, Паг на него и оба больше не проронили ни слова. Они сидели на льду, плывя вслед за лод-

кой, и следили, как челнок уносится по течению. Туман начал закрывать его.

Но прежде чем туман окончательно сгустился, они успели заметить, что высокая женщина выпрямилась в лодке и прыгнула в воду.

— Кто это? Аака или Лалила? — простонал Ви.

— Это мы скоро узнаем, — ответил ему Паг спокойно.

Он улегся на льду и закрыл глаза, точно собираясь заснуть.

OHA

Перевод с английского

В. Н. Карпинской

Текст перевода
печатается по изданию:

Райдер Хаггард
ОНА

Издательство П. П. Сойкина
"Библиотека романов"
1902

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько лет тому назад я, издатель этой удивительной, необыкновенной истории приключений, редко выпадающих на долю простым смертным, находился вместе со своим закадычным другом в Кембриджском университете. Однажды я увидел двух людей, которые прогуливались рука об руку по улице, и был поражен их наружностью. Один из этих джентльменов был необыкновенно красивый молодой человек, высокого роста, широкоплечий, с природенной грацией в движениях и осанке, со спокойным и уверенным видом. У него было прекрасное, безукоризненно правильное лицо, а когда он снял шляпу, заведя какую-то даму, то я увидел, что волосы его вились золотистыми кудрями.

— Заметил ты этого человека? — спросил я моего друга. — Он походит на ожившую статую Аполлона... Какой красавец!

— Да, — ответил мой приятель, — это редкий красавец и милейший человек! Его прозвали "Греческим божком". Взгляни на другого! Это опекун и ангел-хранитель. Его называют "Хароном", вероятно, вследствие его отталкивающей наружности или потому, что он перевез опекаемое им детище по глубоким и мутным водам экзаменов. Не знаю наверное, почему!

Я посмотрел на старшего джентльмена, который интересовал меня не менее, чем его красивый спутник. Ему можно было дать около 40 лет; он был настолько безобразен, насколько был хорош шедший рядом с ним юноша. Коротенький, хромой, с впалой грудью и несоразмерно длинными руками, он имел темные волосы и маленькие глазки. Лоб его зарос волосами, а бакенбарды начинались чуть не от глаз, так что из-под волос почти не видно было лица. В общем, он напоминал мне гориллу, хотя глаза его

говорили о благородстве и уме. Помню, я сказал, что очень желал бы познакомиться с ним.

— Отлично! — ответил мой приятель. — Ничего нет легче! Я знаю Винцея и познакомлю тебя!

Он так и сделал, и через несколько минут мы уже весело болтали о том, о сем. В это время мимо нас прошла низенькая леди в сопровождении хорошенькой девушки. Мистер Винцей, очевидно, знакомый с дамами, сейчас же присоединился к ним. Мне было смешно, когда я заметил, как изменилось при виде дам лицо старшего джентльмена, имя которого, как я узнал, было Холли.

Он вдруг замолчал, бросил укоризненный взгляд на своего спутника и, кивнув мне, повернулся и один замаршировал по улице. Потом я узнал, что мистер Холли боялся женщин так же, как другие бояться бешеных собак. Этим и объяснялось его поспешное отступление. Не могу сказать, чтобы молодой Винцей выказал в данном случае отвращение к дамскому обществу. По своей натуре он был очень добродушен, не отличался самонадеянностью и себялюбием, как это обыкновенно бывает с красивыми людьми, делая их неприятными в товарищеском кругу.

В этот день вечером я уехал из Кембриджа и никогда более не видел обоих джентльменов; думал даже, что никогда и не увижу. Но месяц тому назад я получил письмо и два пакета, один из них с рукописью. Открыв письмо за подписью "Гораций Холли", я прочел следующее:

Кембридж. Мая 1

Дорогой сэръ!

Вас должно удивить мое письмо, так как знакомство наше было мимолетно. Я должен напомнить вам, что мы встретились несколько лет тому назад здесь, в Кембридже, когда мой ученик, м-р Винцей, познакомился с вами. Но перейду к делу. Я с большим интересом прочел вашу книгу, где описаны приключения в Центральной Африке. Полагаю, что в ней много правды, но много и фантазии. Ваша книга дала мне мысль. Из прилагаемой рукописи, которую я посылаю вам, вы увидите, что я и мой приемный сын, м-р Винцей, недавно путешествовали и пережили столь необыкновенное приключение, что, говоря правду, мне неловко и передать его вам из боязни, что вы мне не поверите. Мы оба сначала решили, что, пока живы, не будем печатать этой истории. Обстоятельства, однако, заставили нас изменить наше решение. Когда вы прочтете руко-

пись, то, вероятно, догадаетесь, что мы снова отправились в Центральную Азию и, вероятно, не вернемся назад. Относительно удивительного феномена, который мы встретили, я держался своего взгляда, Лео смотрел на дело иначе. После долгих прений мы пошли на компромисс, а именно: решили послать вам рукопись с разрешением напечатать ее, если хотите, но с одним условием: измените наши имена и все, что касается лично нас. Что еще сказать вам? Повторяю, что все написанное в рукописи действительно случилось с нами. День ото дня мы все более жалеем, что не собрали больших сведений об этой чудесной, таинственной женщине. Кто была она? Как явилась она в пещерах Кор? Какова была ее настоящая религия? Мы не знаем этого и, вероятно, никогда не узнаем! Много подобных вопросов тревожат меня, но к чему они теперь?

Возьмете ли вы на себя труд заняться рукописью? Мы даем вам широкое полномочие, а вашей наградой будет возможность представить миру чудесную историю самого романтического характера. Прочтите рукопись и известите меня.

С почтением, готовый к услугам

Гораций Холли*

P. S. Если вы напечатаете рукопись, и результаты будут благоприятны, мы предоставляем все в ваше распоряжение; если же, в худшем случае, вы потерпите убыток, я оставлю на этот счет нужные инструкции моим нотариусам, гг. Жоффрей и Джордан.

Можно себе представить, как удивило меня это письмо. Но я удивился еще более, прочитав рукопись, и написал об этом мистеру Холли, но через неделю получил письмо от его нотариусов, с извещением, что клиенты отправились в Тибет и не оставили адреса.

Это все, что я хотел сказать в предисловии. Пусть читатель сам судит о рассказе, который я преподношу ему с маленькими изменениями. Сначала я был склонен думать, что история этой таинственной женщины, облеченной величием бесконечной жизни, на которую падает тень вечности, подобно мрачному крылу ночи — только красивая аллегория, которой я не умел разгадать. Потом я бросил эту мысль! По моему мнению, вся история носит отпечаток правдивости. Пусть читатель сам разбирается в ней.

* Согласно желанию автора я изменил имена.

После этого короткого предисловия я познакомлю читателей с Аэшой и пещерами Кор.

Издатель

Р. S. Когда я прочитал рукопись, одно обстоятельство поразило меня. При ближайшем знакомстве с характером Лео Винцея он оказывается мало интересным и едва ли обладает свойствами, способными привлечь такую личность, как Аэша! Быть может, древний Калликрат был только великолепным животным, боготворимым за свою наследственную греческую красоту? Или, может быть, Аэша, в чудной душе которой таилась искра неземного предвидения, понимала, что, под влиянием ее жизнеспособности, ее мудрости, блеска всего ее существа, в сердце человека может распутиться, подобно пышному цветку, зародыш величия и мудрости, который засияет, как звезда, и наполнит мир светом и славой?!

I

ПОСЕТИТЕЛЬ

Бывают события, которые на всю жизнь запечатлеваются в памяти человека и забыть их невозможно. Двадцать лет тому назад я, Людвиг Горацій Холли, однажды ночью сидел у себя в комнате, в Кембридже, занимаясь какой-то математической работой. Наконец я устал, бросил книгу, прошелся по комнате, взял трубку и закурил ее о свечу, которая стояла на камине. Закуривая, я невольно взглянул в узкое длинное каминное зеркало, увидел свое лицо и задумался. Я стоял, смотрел на себя в зеркало, не замечая, что обжег себе пальцы.

— Ладно! — произнес я громко. — Надо надеяться, что содержимое моей головы много лучше внешнего вида.

Этим восклицанием я намекал, конечно, на недостатки моей наружности. В двадцать два года люди бывают, если не красивы, то одарены свежестью и миловидностью юности. У меня не было даже этого! Маленького роста, худой, с безобразно-впадой грудью, длинными руками, грубыми чертами лица, впалыми серыми глазами и низким лбом, заросшим черными волосами, — я был поразительно некрасив в юности и остался таким до сих пор. Как на Каина, природа наложила на меня клеймо безобразия и в то же время одарила меня железной силой воли и умом. Я был так безобразен, что щепетильные молодые товарищи мои по колледжу, хотя и гордились моей физической си-

лой и выносливостью, но не любили показываться со мной вместе на улице. Что же удивительного, если я сделался угрюмым мизантропом? Что удивительного в том, что я работал и занимался один и не имел друзей? Я был осужден природой на одиночество и должен был искать утешения только на ее материнской груди. Женщины не выносили моего вида. Я слышал, как одна назвала меня "чудовищем", не подозревая, что я слышу ее, и добавила, что я наглядно подтверждаю теорию происхождения человека от обезьяны. Правда, один раз в жизни женщина обратила на меня внимание, и я истратил на нее всю нежность, присущую моей натуре. Но, когда деньги, имевшиеся у меня, были также истрачены, она исчезла. Я горевал, тосковал о ней, как не тосковал ни об одном человеческом существе, умолял ее вернуться, потому что любил эту женщину и ее красивое лицо. Но вместо ответа она подвела меня к зеркалу и встала рядом со мной.

— Ну, — сказала она, — красота, кто же вы тогда?

Я поник головой. Мне было только 20 лет тогда. Итак, в этот вечер я смотрел на себя в зеркало, находя какое-то угрюмое наслаждение в сознании своего полного одиночества, так как никогда не знал ни родителей, ни брата, ни сестры.

Вдруг в дверь постучали. Я прислушался, не зная, открыть ли: была уже полночь. Но у меня был один друг в колледже или, вернее, во всем мире. Быть может, это он?

За дверью раздался кашель, и я поспешил открыть дверь. Высокий человек, лет около 30, с остатками замечательной красоты на лице поспешно вошел в комнату, сгибаясь под тяжестью массивного железного ящика, который он нес в руках. Поставив ящик на стол, посетитель сильно закашлялся. Он кашлял до тех пор, пока лицо его стало багровым, упал в кресло и начал плевать кровью. Я налил в бокал виски и дал ему выпить. Когда он выпил, ему стало немного лучше.

— Зачем вы так долго держали меня на холоде? — спросил он сердито. — Вы знаете, что сквозняки — чистая смерть для меня!

— Я не знал, что это вы! — ответил я. — Вы поздно пришли!

— Да, и думаю, что это мой последний визит к вам! — возразил он со слабой попыткой улыбнуться. — Все конечно, Холли. Я умираю и не знаю, доживу ли до завтра!

— Глупости! — сказал я. — Я сейчас схожу за доктором!

Он остановил меня повелительным жестом.

— Это верно, мне не надо доктора! Я сам изучал медицину и кое-что понимаю в ней. Никакой доктор не поможет мне. Последний час мой настал! Каким-то чудом я протянул целый год! Выслушайте меня, ради Бога, внимательно; я не в силах повторять моих слов. Два года мы были с вами друзьями, — скажите, что вы знаете обо мне?

— Я знаю, что вы богаты и поступили в колледж в том возрасте, когда люди обыкновенно покидают его. Знаю, что вы были женаты, и ваша жена умерла, что вы были для меня лучшим и вернейшим другом!

— Знаете ли вы, что у меня есть сын?

— Нет!

— Да, есть, ему 5 лет теперь. Его рождение стоило матери жизни, и я не мог видеть его, Холли! Скажу вам правду, я хочу поручить вам моего сына!

Я подскочил от удивления.

— Мне? — воскликнул я.

— Да, вам! Я достаточно изучил вас. Как только я понял, что мне недолго жить, я начал подыскивать человека, которому мог бы доверить сына и это!.. — Он стукнул рукой по железному ящику. — Вы настоящий мужчина, Холли, подобно старому дереву, у вас крепкая и здоровая сердцевина! Слушайте! Этот мальчик является единственным представителем древней фамилии. Вы будете смеяться теперь надо мной, если я вам скажу, что один из моих предков был египетский жрец богини Изиды, хотя был родом из Греции и назывался Калликратом*. Отец его был фараон двадцать девятой династии, а прадед, я полагаю, был тот Калликрат, о котором упоминает Геродот. В 339 году до Р. Х., в эпоху конечного падения фараонов, этот жрец Калликрат нарушил обет безбрачия и бежал из Египта с принцессой царственной крови, которая влюбилась в него. Корабль, на котором они бежали, разбился у берегов Африки, по соседству с бухтой Делагоа или еще севернее, и в живых остались только он со своей женой. Они перенесли много лишений и горя, пока им не помогла могущественная королева дикого народа, белая женщина поразительной красоты. В конце концов она убила моего предка Калликрата. Жена же бежала в Афины с ребенком, которого она назвала Тизисфенес, или могучий мститель.

Через пятьсот лет или более эта фамилия, эмигрировавшая в Рим, очевидно с целью мщения, оставалась здесь до

* Калликрат (сильный и красивый) был спартанец, упомянутый Геродотом, отличавшийся поразительной красотой и павший в битве при Платее, когда лакедемоняне и афиняне разбили персов.

700 года, когда Карл Великий овладел Ломбардией, и глава фамилии, глубоко преданный императору, вернулся с ним через Альпы, поселившись в Британии. Восемь позднейших поколений находились в Англии в царствование Эдуарда Исповедника и Вильгельма Завоевателя и достигли больших почестей и власти. С этого времени до настоящего года я легко могу проследить происхождение моего рода. Были между моими предками солдаты, купцы, но все они берегли и охраняли честь своего имени. Около 1790 года мой прадед составил себе значительное состояние торговлей и умер в 1821 году. Мой отец наследовал ему и растратил большую часть капитала. Он умер десять лет тому назад, оставив мне две тысячи ежегодного дохода. Тогда я совершил путешествие, имевшее связь с этой штукой (он указал на ящик), которое окончилось очень печально. На возвратном пути я путешествовал по югу Европы и добрался до Афин, где встретился с моей женой, которая была так же прекрасна, как мой предок. Я женился на ней, она родила мне сына и умерла! — Он помолчал немного, склонив голову на руку, потом продолжал:

— Моя женитьба отвлекла меня от моего намерения. меня нет времени, Холли! Когда-нибудь вы узнаете все. После смерти жены я снова обратился к моему проекту. Но для этого, я хорошо понимал, мне необходимо было знать восточные диалекты, особенно арабский язык.

Я приехал в Кембридж, чтобы облегчить себе изучение языков. Но болезнь моя развивалась, и теперь пришел конец!

Он снова страшно закашлялся.

Я дал ему еще виски, и он продолжал:

— Я никогда не видал моего сына Лео, с тех пор, как он был младенцем. Я не мог видеть его, хотя мне говорили, что Лео — красивый и милый ребенок. В этом пакете, — он вытащил из кармана пакет, адресованный на мое имя, — я наметил курс образования, необходимого мальчику. Это несколько своеобразно. Во всяком случае, я не могу доверить ребенка незнакомому человеку. Еще раз, возьметесь ли вы за это?

— Сначала я должен знать, за что возьмусь! — отвечал я.

— Вы должны взять к себе Лео и жить с ним, пока он

"Этот Калликрат, о котором упоминает Геродот, был также храбр, как красив, и похоронен с большой пышностью" (Геродот, IX, 72).

не достигнет 25 лет, но отнюдь не посылать его в школу, запомните это! Когда ему исполнится 25 лет, ваша роль телохранителя будет кончена, вы откроете этими ключами (он положил ключи на стол) железный ящик, покажете ему и дадите прочесть то, что найдете в нем, независимо от того, захочет ли он или нет исполнить написанное. Это не обязательно для него. Мой настоящий доход — 2200 фунтов в год. Половину этого дохода я завещаю вам, если вы возьмете к себе мальчика. Остальное пусть лежит, пока Лео не исполнится 25 лет, чтобы можно было вручить ему достаточную сумму для выполнения проекта, о котором я упоминал...

Я стал было отказываться, но приятель был неумолим. Мне пришлось согласиться.

Винцей нежно обнял меня, сказав, что видит меня в последний раз, — так он был уверен в близкой смерти, — и стремительно вышел.

Я долго сидел и протирал глаза, думая, что видел все это во сне, потом подумал, что Винцей был пьян... Положим, я знал, что он серьезно болен, но мне казалось невероятным, что можно быть уверенным в своей близкой смерти. Человек ждет смерти, но находит в себе силу идти ночью ко мне и тащить железный сундук! Я начал раздумывать... но наконец бросил все и лег спать. Убрав ключи и принесенное Винцеем письмо и спрятав железный сундук, я лег в постель и заснул. Не прошло и нескольких минут, как я проснулся. Кто-то назвал меня по имени. Я сел и протер глаза. Было светло — около 8 часов утра.

— Что случилось, Джек? — спросил я у слуги. — У тебя такое лицо, словно ты видел привидение!

— Да, сэр, я видел, — ответил он, — я видел мертвеца, а это еще хуже! Я пошел будить мистера Винцея, как всегда, а он лежит мертвый и холодный!

II

ГОДЫ ИДУТ

Как и надо было ожидать, внезапная смерть Винцея произвела страшное волнение в колледже. Но так как все знали, что он был болен, а доктор сейчас же дал нужное удостоверение, то следствия не было. Меня никто ни о чем не спрашивал, а я не чувствовал ни малейшего желания сообщить кому-нибудь о ночном визите Винцея.

В день похорон из Лондона явился нотариус, проводил до могилы бранные останки моего друга, забрал все его бумаги и документы и уехал. Железный сундук остался у меня. Больше недели я не имел никаких известий. Мое внимание было отвлечено в другую сторону, и я усиленно занимался. Наконец экзамены были кончены, я вернулся в свою комнату и упал в кресло со счастливым сознанием, что все окончилось благополучно. Скоро мои мысли обратились к смерти бедного Винцея. Я снова спрашивал себя, что все это значит, удивляясь, что не получаю никаких известий.

Вдруг в дверь постучали, и мне подали письмо в толстом голубом конверте. Инстинкт подсказал мне, что это было письмо нотариуса. Оно гласило следующее:

"Сэр! Наш клиент, покойный мистер Винцей, эсквайр, умерший недавно в Кембриджском колледже, оставил завещание, копию которого посылаем вам. Согласно этому завещанию вы получите половину состояния покойного мистера Винцея, в силу того, что вы согласны принять к себе его единственного сына, Лео Винцея, ребенка 5 лет от роду. Если бы мы не обязались повиноваться точным и ясным инструкциям мистера Винцея, выраженным им лично и письменно, если бы мы не были уверены, что он действовал в здравом уме и твердой памяти, то должны бы были сказать вам, что его распоряжения кажутся нам необычными и внушают желание обратиться на это внимание суда, чтобы удостоверить правоспособность завещателя при назначении блюстителя интересов его ребенка. Но так как нам известно, что мистер Винцей был джентльмен высокого и проницательного ума и не имел родных, кому бы мог доверить своего ребенка, то мы не считаем себя вправе поступить так.

Ожидаем ваших инструкций, которые вам угодно будет прислать нам, относительно ребенка и уплаты причитающегося вам дивиденда.

Готовые к услугам
Жоффрей и Джордан".

Я отложил письмо и пробежал завещание, составленное на строго законных основаниях. Оно подтверждало все то, что говорил мне Винцей в ночь своей смерти. Все это правда, и я могу взять мальчика к себе!

Вдруг я вспомнил о письме, которое Винцей оставил мне вместе с сундуком, и взял его. Оно содержало в себе указания относительно образования Лео, причем от него требовалось знание греческого языка, высшей математики

и арабского языка. В конце письма был постскрипtum, в котором Винцей добавлял, что если ребенок умрет ранее 25 лет — это едва ли, по его мнению, могло случиться, — тогда я должен был открыть сундук и выполнить то, что предписано, или уничтожить все бумаги. Ни в каком случае я не должен был передавать его в чужие руки.

Письмо не открыло мне ничего нового, и я сейчас же решил написать гг. Жоффрею и Джордану, выразив им мое желание исполнить волю моего умершего друга — принять на себя воспитание Лео. Отослав письмо, я отправился к начальству колледжа, в коротких словах рассказал всю историю и с трудом убедил позволить мальчику жить со мной. Разрешение было дано, но с условием, чтобы я нанял себе помещение на стороне. После усердных поисков я нашел отличные комнаты близ колледжа. Затем нужно было найти няньку. Мне не хотелось нанимать женщину, которая отняла бы у меня любовь ребенка, да и мальчик мог обходиться теперь без женских услуг, так что я решил подыскать слугу. Мне посчастливилось найти славного круглолицего молодого человека, который был когда-то охотником, числился семнадцатым членом своей семьи и очень любил детей. Он охотно согласился прислуживать Лео. Потом я отвез железный сундук в город, отдал его на хранение моему банкиру, купил несколько книг, трактующих об уходе за детьми, и прочитал их, сначала один, а потом вслух Джону — так звали моего нового слугу.

Наконец мальчик приехал в сопровождении пожилой женщины, которая горько плакала, расставаясь с ним. Лео был очень красивый ребенок. В самом деле, я никогда не видел такой совершенной красоты в ребенке! У него были большие, глубокие серые глаза, прекрасно развитая голова и лицо, похожее на камею. Но прекраснее всего были его волосы, настоящего золотистого цвета, красиво выющиеся вокруг головы. Он немножко покричал, когда его няня ушла и оставила его у нас. Никогда не забуду я этой сцены! Лео стоял у окна, луч солнца играл на его золотых кудрях, один кулачок он прижал к глазу, а сквозь другой внимательно рассматривал нас. Я сидел в кресле и протягивал ему руку, чтобы привлечь его к себе, тогда как Джон, в углу комнаты кудахтал по-куриному и заставлял бегать взад и вперед деревянную лошадку, что по его мнению, должно было привлечь внимание и доверие мальчика.

Прошло несколько минут. Вдруг ребенок протянул свои маленькие ручки и бросился ко мне.

— Я люблю вас! — произнес он. — Вы некрасивы, но очень добры!

Через десять минут Лео с довольным видом уплетал хлеб с маслом. Джон хотел угостить его вареньем, но я напомнил ему книги, которые мы прочли, и строго запретил это.

Скоро мальчик сделался любимцем всего колледжа, и все правила, установленные для обитателей колледжа, им безбожно нарушались.

Годы шли. Мы с Лео все более привязывались друг к другу, дорожили нашей привязанностью. Я любил его, как родного сына, он выказывал мне глубокую и сильную привязанность.

Мало-помалу ребенок превратился в мальчика, мальчик — в юношу. Годы летели, Лео вырастал, возрастала вместе с ним и его удивительная красота! Когда Лео было 15 лет, ему дали прозвище "Красота", а мне "Животное". Эти слова летели нам вслед, когда мы ежедневно выходили гулять. Когда Лео сделался старше, для нас придумали новые прозвища. Меня прозвали "Хароном", а его "Греческим божком"; в двадцать один год он походил на статую Аполлона. О себе я ничего не говорю, потому что был всегда безобразен; что же касается его, то ум его так блестяще развился и окреп, хотя вовсе не в школьном духе. Мы строго следовали предписаниям его отца относительно его образования, и результаты оказались весьма удовлетворительными. Я изучал арабский язык с целью помочь Лео, но через 5 лет он знал язык не хуже нашего профессора.

Я спортсмен по натуре, это моя единственная страсть, и каждую осень мы ездили стрелять дичь и ловить рыбу в Шотландию, в Норвегию, даже в Россию. Несмотря на то, что я хорошо стреляю, он скоро превзошел меня в стрельбе.

Когда Лео исполнилось 18 лет, я вернулся опять в свои комнаты в колледже, а он поступил в университет и в двадцать один год получил первую ученую степень. В это время я рассказал ему кое-что из его истории и тайну, которая его окружала. Понятно, он очень заинтересовался, но я объяснил ему, что не могу пока удовлетворить его любопытства. Затем я посоветовал ему подготовиться к адвокатуре, он послушался, продолжал учиться в Кембридже, уезжая в Лондон обедать.

Одно только сильно беспокоило меня. Каждая женщина, встречавшая Лео, или большая часть из них, непременно

но влюблялись в него. Отсюда возникли разные затруднения и недоразумения, весьма тревожившие меня.

Но в общем Лео вел себя прекрасно, и я ничего не могу сказать. Годы шли. Наконец Лео достиг 25-летнего возраста, когда и начинается настоящая ужасная история.

III

ТАИНСТВЕННЫЙ СУНДУК

Накануне дня рождения Лео, мы с ним отправились в Лондон и извлекли таинственный сундук из банка, куда я отдал его на хранение 20 лет тому назад. Я помню, тот же самый клерк, который принял сундук от меня, принес мне его обратно, сказав, что хорошо помнит сундук, иначе не нашел бы его скоро, так как он весь был покрыт паутиной.

Вечером мы вернулись домой с драгоценной поклажей и всю ночь не могли уснуть. На рассвете Лео явился ко мне в комнату, совсем одетый, и заявил, что нам пора приниматься за дело, потому что сундук ждал двадцать лет. Я возразил, что он может еще подождать, пока мы не позавтракаем.

Но вот завтрак был кончен, Джон принес сундук, поставил его на стол, опасливо поглядывая на него, затем приготовился уйти.

— Погодите минуту, Джон! — сказал я. — Если мистер Лео ничего не имеет против этого, я желал бы иметь вас посторонним свидетелем этого дела, тем более что вы умеете держать язык за зубами!

— Разумеется, дядя Горас! — ответил Лео. Я просил его называть меня дядей, хотя иногда он варьировал это название, величая меня "старым дружищем".

Джон дотронулся до своей головы за неимением шляпы.

— Заприте дверь, Джон, — приказал я, — и принесите мне мою шкатулку!

Он повиновался. Я открыл шкатулку и достал из нее ключи, которые отдал мне бедный Винцей в ночь своей смерти. Их было три. Один — обыкновенный ключ, второй — очень старинный, третий — настоящий серебряный ключ.

— Ну, готовы ли вы? — спросил я Лео и Джона. Они молчали. Я взял большой ключ, натер его маслом, и после нескольких неудачных попыток, потому что мои руки дрожали, отпер замок. Лео наклонился, и с большим усилием, так как шарнир заржавел, мы открыли сундук и увидели в

нем другой ящичек, покрытый пылью. С трудом вытащили мы его из железного сундука и очистили от накопившейся годами грязи и пыли.

Это был ящик из черного дерева, скрепленный железными полосами, вероятно, очень древний, так как дерево начало уже крошиться от старости.

Я отворил ящик вторым ключом. Джон и Лео наклонились в выжидательной позе. Откинув крышку ящика, я громко вскрикнул, так как увидел внутри его великолепную серебряную шкатулочку, несомненно, египетской работы, потому что четыре ножки ее представляли собой сфинксов, да и на куполообразной крышке находился также сфинкс. Конечно, шкатулочка с годами потускнела и запылилась, но в общем сохранилась отлично. Я взял шкатулочку, поставил ее на стол и при гробовом молчании открыл ее маленьким серебряным ключиком. Она была наполнена до краев чем-то вроде растительных волокон, которые я осторожно отодвинул в глубину, и извлек письмо в обыкновенном конверте, надписанное рукой моего покойного друга:

"Моему сыну Лео, когда он откроет шкатулку!"

Я передал письмо Лео, который взглянул на конверт и положил его на стол, сделав мне знак продолжать исследование шкатулки.

Первое, что я нашел в ней, был тщательно свернутый свиток пергамента. Я развернул его и увидел, что рукой Винцея было написано: "Перевод греческих писем", я отложил пергамент к письму. Затем я нашел еще древний свиток пергамента, пожелтевший и сморщившийся от времени, и развернул его. Это был такой же перевод греческого оригинала, но латинскими буквами. Насколько я мог судить по первому взгляду, стиль и характер букв относились к началу XVI столетия. Сейчас же под свитком пергамента лежало что-то твердое и тяжелое, завернутое в пожелтевшее полотно, под слоем растительных волокон. Тихо и осторожно развернули мы полотно и извлекли большой грязно-желтого цвета сосуд, несомненно, относившийся к глубокой древности. По моему мнению, этот сосуд представлял собой часть обыкновенной амфоры среднего размера. Выпуклая сторона была покрыта письменами греческого характера, стертыми уже там и сям, но все еще достаточно разборчивыми. Очевидно, надпись была сделана очень тщательно с помощью тростниковой палочки, часто употребляемой в древности. Не могу не упомянуть, что этот удивительный обломок амфоры был разбит надвое и

склеен цементом. На внутренней стороне ее тоже много надписей довольно странного характера, очевидно, сделанных разными руками и в различное время.

— Есть еще что-нибудь? — спросил Лео возбужденным шепотом.

Я порылся в шкатулке и достал что-то твердое, завернутое в небольшой полотняный мешок. Из этого мешка мы достали прелестную миниатюру на слоновой кости и маленькую шоколадного цвета скарабею с символическими изображениями. Мы разобрали их и прочитали "Suten se Ra", что значит в переводе "Царственный сын Ра", то есть солнца. Миниатюра представляла собой портрет матери Лео, прелестной, темноокой женщины. На оборотной стороне рукой Винцея было написано: моя обожаемая жена.

— Теперь все! — заявил я.

— Отлично, — ответил Лео, который долго и с нежностью вглядывался в миниатюру, и положил ее на стол, — давайте теперь читать письмо!

Он сломал печать и прочитал следующее:

"Мой сын! Когда ты прочтешь это письмо, достигнув возмужалости, я уже буду давно забыт всеми в моей могиле. Читая его, вспомни обо мне... Я простираю к тебе руки из страны мертвых, и мой голос звучит тебе из недр холодной могилы. Хотя я умер и ты не помнишь меня, но в эту минуту, когда ты читаешь письмо, я с тобой. Со дня твоего рождения я почти не видел твоего лица. Прости мне это. Твое рождение отняло жизнь у той, которую я любил так, как редко любят женщин, и мне было тяжело видеть тебя. Если бы я остался жив, то, наверное, победил бы это глупое чувство. Мои физические и нравственные страдания невыносимы, и если те распоряжения, которые я сделал для твоего будущего благосостояния, будут выполнены — я доволен! Пусть Бог простит мне, если я ошибаюсь!"

— Он убил себя! — воскликнул я. — Я так и думал!

"Теперь, — продолжал Лео читать, — довольно обо мне! Холли, мой верный друг (которому я поручил тебя), расскажет тебе о необычайной древности нашего рода. В этой шкатулке ты найдешь достаточные доказательства этой древности. Странную легенду, написанную на сосуде, которую ты прочтешь, сообщил мне мой отец на своем смертном ложе. Она произвела на меня громадное впечатление. Когда мне было 19 лет, я хотел исследовать дело, узнать правду и видел многое собственными своими глазами. Я отправился путешествовать, пристал к берегу Африки в неисследованной области, к северу от Замбези. Там

есть возвышенность, на оконечности которой высится горная вершина, похожая на голову негра. Я узнал там об одном туземце, который совершил преступление и был изгнан своим народом из страны, огромные горы которой походят на чашки, а глубокие пещеры окружены безграничными болотами. Я узнал также, что народ этой страны говорит по-арабски и управляется "прекрасной белой женщиной", которая редко показывается, но имеет огромную власть над всем живым и мертвым. Через два дня все это подтвердил мне человек, который умер от болотной лихорадки. Я был вынужден, за недостатком провизии и в силу первых симптомов моей болезни, которая потом довела меня до могилы, уехать оттуда. Корабль, на котором я ехал, разбился, я был выкинут на берег Мадагаскара и спасен английским кораблем, который доставил меня в Аден. Отсюда я переправился в Англию, намереваясь при первой возможности снова приняться за поиски. На пути своем я побывал в Греции, где встретил твою красавицу мать и женился на ней. Потом родился ты, а она умерла. Болезнь захватила меня в свои когти, и я вернулся домой умирать. Все же я не терял надежды, изучал арабский язык с целью отправиться на берег Африки и раскрыть тайну, которая пережила несколько столетий в нашем роду. Но мне становилось все хуже, и конец был близок! Ты, мой сын, только начинаешь жить, и я передаю тебе результат моих трудов вместе с доказательствами древнего происхождения нашего рода.

Я не думаю, чтоб это была пустая басня. Если есть жизнь, почему не может быть средств для бесконечного продления ее? Но я не хочу внушать тебе чего-либо. Читай и суди сам. Если ты захочешь предпринять исследование, я распорядился, чтобы ты не ощущал недостатка в средствах. Если ты решишь, что легенда — не что иное, как химера, тогда заклинаю тебя, уничтожь этот сосуд, письма и забудь все! Быть может, это будет умнее всего! Тот, кто захочет познать великие и тайные силы природы, оживляющие мир, может пасть их жертвой! Но если ты захочешь раскрыть тайну и выйдешь из испытания прекрасным и юным, не знающим постепенного увядания духа и тела, если самое время и зло будет бессильно против тебя, кто может сказать, будешь ли ты счастлив? Выбирай, сын мой, обдумай! Пусть вечная сила, управляющая миром, руководит тобой и твоим решением для твоего собственного блага и для блага всего мира, которым, в случае твоего успеха,

ты будешь когда-нибудь управлять силой высшего разума и накопленного веками опыта! Прощай!"

Этим заканчивалось письмо.

— Что вы скажете об этом, дядя Горас? — спросил Лео, положив бумагу на стол.

— Что я скажу? Твой покойный отец был помешан! — ответил я серьезно. — Я догадался об этом еще в ту памятную ночь, двадцать лет назад, когда он пришел ко мне! Он сам ускорил свою кончину, бедняга! Это абсолютный вздор!

— Верно, сэр! — подтвердил Джон торжественно.

— Хорошо, посмотрим, что скажет этот сосуд! — сказал Лео, взяв в руки перевод греческих писем.

"Я, Аменартас, из царственного дома фараонов Египта, жена Калликрата (прекрасного и сильного), жреца Изида, любимца богов, которому повиновались демоны, умершего теперь, — завещаю это моему маленькому сыну Тизисфену (Могучий мститель). Я бежала с твоим отцом из Египта во времена Нект-небфы*, потому что ради любви ко мне он нарушает свой священный обет: мы бежали к югу, плыли по воде, странствовали 24 луны по берегу Ливии (Африка) навстречу восходящему солнцу, там, где у самой реки находится большая скала, похожая на голову эфиопа. На расстоянии 4 дней пути от устья реки мы были выброшены на берег, многие утонули и умерли. Какие-то дикие люди пришли через болото и степи, взяли нас и несли 10 дней, пока не очутились у крутой горы, где стоял когда-то большой город, от которого остались развалины, и где было много пещер и скал. Они принесли нас к королеве народа, которая имеет обыкновение надевать раскаленные горшки на голову чужестранцев и, будучи волшебницей, обладает сверхъестественными познаниями, вечной, неумирающей жизнью и красотой! Эта королева обратила взор любви на твоего отца Калликрата и хотела убить меня и взять его в мужья, но он крепко любил меня и боялся ее. Тогда благодаря своему искусству в черной магии она перенесла нас в какое-то ужасное место и показала нам огненный столб жизни, который никогда не угасает, чей голос походит на голос грома. Там она стояла, объятая пламенем, и вышла из него невредимая, блещущая возрожденной красотой.

Она клялась, что твой отец никогда не умрет, если согласится убить меня и отдаться ей, так как она сама не

* Нект-небфа — последний фараон Египта.

смела убить меня. Меня спасла от нее магия моего народа, которую я также хорошо знала. Твой отец прикрыл глаза рукой, чтобы не видеть ее красоты. Тогда разъяренная королева умертвила его с помощью магии, и он умер. Но она горько оплакивала его и, испуганная, отослала меня к устью большой реки, где я села на корабль и вскоре родила тебя. После долгих странствий мы очутились в Афинах.

Теперь завещаю тебе, мой сын, узнай эту женщину, и если найдешь средство, убей ее, отомсти за своего отца. Если же ты испугаешься или окажешься слабым, я завещаю это всем твоим потомкам, если между ними найдется смелый человек, который очистится в огне и сядет на престол фараонов*.

— Да простит ее Бог за это! — проворчал Джон, слушавший с открытым ртом это удивительное сочинение.

Я ничего не сказал; моей первой мыслью было, что мой бедный друг сам сочинил всю эту историю, и, чтобы рассеять свои сомнения, я взял сосуд и начал разбирать греческие письма; английский перевод их, который прочитал нам Лео, был точен и красив.

Кроме этих надписей, на краю амфоры был нарисован темной краской скипетр, символы и иероглифы на котором были стерты, как будто на них был наложен воск. Принадлежал ли он Калликрату* или царственному роду фараонов, от которых происходила его жена, Аменартас, я не знаю, как не могу сказать, когда это было написано на сосуде, одновременно ли с греческими надписями, или же это было скопировано кем-нибудь со скарабеи уже позднее. Это еще не все. Внизу находилось очертание головы и плеч сфинкса, украшенного двумя перьями, символами величия, чего я никогда не видел на сфинксах.

На правой стороне сосуда написана была синей краской следующая надпись: "Странные вещи совершились тогда на земле, на небе и на море". Доротей Винцей.

Удивленный, я повернул обломок сосуда. Он был покрыт сверху донизу надписями на греческом, латинском и английском языках. Первая надпись была; "Я не могу идти. Тизисфен своему сыну Калликрату". Далее следовало факсимиле.

Этот Калликрат (вероятно, по греческому обычаю, он назван так в честь деда), очевидно, делал попытку отве-

* Скипетр не мог принадлежать Калликрату, как полагает мистер Холли, так как был прерогативой только царской власти в Египте.

тить, потому что его надпись гласит: "Я перестал думать о путешествии, так как боги против меня. Калликрат своему сыну".

Затем следовали 12 латинских подписей, разбросанных там и сям. Эти подписи, за исключением трех, оканчивались именем "Виндекс", или "Мститель".

Римские имена, написанные на сосуде, упоминались в истории. Насколько я помню, это были следующие имена: Миссивс, Виндекс Секс, Варивес, Мариллис и др.

За этой серией имен идет перечисление многих столетий. Потом идет самая любопытная надпись на этой необычайной реликвии прошлого. Она сделана черными буквами поверх мечей крестоносцев и помечена 1445 годом. Мы нашли английский перевод этой надписи на втором пергаменте, который находился в ящике.

Хорошо, — сказал я, когда прочел и заботливо разглядел все надписи, — вот и заключение всего дела. Лео, и ты можешь составить о нем свое собственное мнение. Я уже обдумал все!

— И что же? — спросил Лео спокойно.

Я полагаю, что сосуд не поддельный и перешел к вашей семье за 4 столетия до Р.Х. Надписи подтверждают мое мнение. Затем я молчу. Я не сомневаюсь, что египетская принцесса или какой-нибудь писец, по ее приказанию, написал все, что мы видим здесь, не сомневаюсь также и в том, что страдания и потеря супруга поразили ее так, что она была не в своем уме, когда писала это!

— Каким же образом отец мог видеть и слышать все это?

— Совпадение. Нет сомнения, что на берегу Африки имеется скала, похожая на человеческую голову, и народ, который говорит на староарабском наречии, и болота, и топи. Но, Лео, хотя мне очень больно сознаться в этом, я думаю, что твой бедный отец был не в своем уме, когда писал письмо!

Джон, со своей стороны, лаконически ответил: чушь!

Но Лео уже составил решение и выразил твердое намерение ехать в Африку.

А так как я и Джон души не чаяли в нем, да к тому же Лео умел нарисовать мне соблазнительные картины охоты, которая ожидала нас в Африке, то и неудивительно, что мы согласились, а через три дня все трое уже плыли по океану в Занзибар.

Какое разнообразие впечатлений! Какая разница с нашей прежней жизнью! Прощайте, тихие комнаты колледжа, мирно шелестящие английские вязы, знакомые книги на полках шкапа! Новая картина перед нами! Бесконечная гладь великого океана, залитая серебристым светом полного африканского месяца. Легкий ветерок надувает паруса нашего корабля, и вода музыкально журчит вокруг нас. Большая часть пассажиров спит, потому что теперь скоро полночь, но дюжий смуглый араб по имени Магомет стоит на палубе, меланхолично глядя на звезды. В трех милях от нас виднеется какая-то темная полоса. Это восточный берег Африки.

— Завтра в 10 часов, — говорю я, — мы должны увидеть таинственную скалу в виде головы, если капитан верно рассчитал. Там мы поохотимся!

— ... И начнем искать разрушенный город и Огонь Жизни! — добавил Лео, вынимая из рта трубку и улыбаясь.

— Глупости! — возразил я. — Сегодня после полудня ты достаточно упражнялся в арабском языке с этим арабом. Что он сказал тебе? Он занимался торговлей и хорошо знает эти широты, как необитаемую страну, и даже побывал на знаменитой скале. Слышал ли он что-нибудь о разрушенном городе и пещерах?

— Нет, — ответил Лео, — он говорит, что страна представляет собой сплошное болото, где кишат змеи, особенно питоны, где масса дичи и вовсе нет людей. Но вдоль всего восточноафриканского берега тянутся болота, а за ними неизведанная область...

— Да, да, — возразил я, — где можно заразиться малярией! Ты знаешь и слышал, что сказал этот араб о стране! Никто не хочет идти туда с нами, все они думают, что мы помешались, и честное слово, я начинаю думать, что это правда. Я буду очень удивлен, если мы увидим когда-нибудь нашу старую Англию. В мои лета это неважно, но я боюсь за тебя, Лео, и за нашего Джона. Право, это чистое сумасшествие, мой мальчик!

— Верно, дядя Горас! Что касается меня, я хочу попытаться счастья. Смотри! Что это за облако?

Он указал на темное облако, заслонившее звездное небо в нескольких милях от нас.

— Пойди и спроси у араба! — сказал я.

Лео встал, ушел и сейчас же вернулся.

— Он говорит, что это шквал, который пронесется в стороне от нас!

В это время к нам подошел Джон, выглядевший молодцом, в охотничьей куртке из коричневой фланели, с некоторым смущением на честном круглом лице, которое не покидало его с тех пор, как он плывал по чужеземным водам.

— Позвольте мне, сэр, — произнес он, дотронувшись до своей легкой шляпы, которая самым забавным образом сидела у него на затылке, — так как мы сложили все наши ружья и вещи в шлюпку, не говоря уже о провизии, — позвольте мне влезть туда и там спать. Мне не нравятся эти черные парни! — Он понизил голос до шепота. — Они отлично умеют воровать. Что, если кто-нибудь из них заберется ночью в нашу лодку, перережет канат и удерет? Прекрасная будет вещь!

Я должен пояснить, что наша лодка была специально для нас сделана в Шотландии. Мы взяли ее с собой, зная, что этот берег нарезан бухтами и заливами, и лодка будет нужна нам. Это была хорошенькая парусная лодка 30 футов в длину. Капитан корабля сказал нам, что когда мы доберемся до таинственной скалы, то едва ли возможно будет для него подойти к ней близко по причине мелей и бурюнов. Мы употребили целых три часа в это утро, хотя море было спокойно и ветер затих, переправляя большую часть имущества в нашу лодку, размещая в ней ружья, амуницию, провизию, так что, когда вдаль показалась знаменитая скала, нам оставалось только сесть в лодку и переправиться на берег.

Другая причина, которая заставила нас принять всякие предосторожности, было опасение, что капитан мог пройти мимо скалы или по небрежности, или по ошибке, а моряки хорошо знают, что корабль, который бежит по муссону, не может повернуть назад. Мы приготовили нашу лодку и ждали.

— Да, Джон, — сказал я, — у нас много одеял, позаботься закрыться им от месяца, он может подействовать на твою голову или ослепить тебя!

Мы сидели на палубе, курили, болтали и шутили.

Ночь была так прекрасна, что нам не хотелось идти спать. Около часу сидели мы и, вероятно, задремали. Я смутно припоминаю сквозь сон, как Лео объяснял мне, что самое лучшее — ударить буйвола по голове, если хочешь

схватить его за рога, или пустить ему пулю в горло и еще что-то вроде этого.

Вдруг — сильнейший рев ветра, крик ужаса; вода брызнула нам в лицо! Люди побежали спускать паруса, крича и волнуясь. Я вскочил на ноги и бросился к канату. Небо потемнело, но месяц светил ярко. Огромнейший бурун в 20 футов вышиной несяся прямо на нас. Прищулив глаза, я увидел, что наша лодка взлетела на вершину огромного вала. Затем сильный удар воды, кипящая пена, я уцепился за что-то и упал. Мне казалось, что я пробыл несколько минут под водой. Когда я взглянул перед собой, то увидел, что большой парус был оторван бурей и болтался в воздухе, словно большая раненая птица. С минуты царила тишина, и я услышал голос Джона:

— Идите в лодку, скорее!

Измученный, я едва нашел в себе силы броситься вперед.

Шхуна была полна водой и тонула. Нашу лодку отчаянно бросало во все стороны, араб Магомет успел прыгнуть в нее и старался поставить руль. С усилием я прыгнул в лодку, Джон схватил меня за руку, и я покатился на дно. Шхуна погружалась. Магомет выхватил свой кривой нож и обрезал канат, которым была прикреплена к ней наша лодка.

— Великий Боже! — вскричал я. — Где же Лео? Лео! Лео!

— Помогите ему Боже, он, наверное, утонул! — прокричал мне в ухо Джон, но такова была ярость бури и рев ветра, что его голос казался шепотом.

В отчаянии я стиснул руки. Лео утонул, а я остался оплакивать его.

— Смотрите! — закричал Джон. — Тут есть кто-то!

Я обернулся. Огромный вал снова поднял нашу лодку, и я почти желал, чтобы он потопил нас. Месяц скрылся за облака, только робкий луч его скользил по воде. Было тепло, и вода заливала лодку. Слава Богу, она была так хорошо построена, что скользила и выплывала снова, словно лебедь. Среди пены и бурунов я заметил что-то черное, стремившееся прямо ко мне. Я хотел оттолкнуть от себя темный предмет и схватил человеческую руку. Я очень силен вообще, но едва мог сдержать это плавающее человеческое тело и втащить его в лодку.

— Гребите, гребите хорошенько! — кричал Джон.

В это время слабый луч света упал на лицо человека, которого я держал... Это был Лео, принесенный волной, — живой или мертвый, но вырванный из когтей смерти.

— Работайте веслом! — кричал Джон. — Или мы потонем.

Буря свирепствовала около нас, лодка качалась взад и вперед, ветер выл, вспышки молнии ослепляли нас. Мы работали среди этого хаоса, словно демоны, с диким отчаянием. Одна минута, три, шесть минут! Стало светлее! Вдруг, сквозь рев урагана, до нас донеслось глухое ворчанье...

— Великий Боже! Это бурун!

В эту минуту месяц выплыл из облаков и озарил бушующий океан.

В зияющем мраке ясно виднелась белая полоса пены. То были буруны. Однако благодаря ловкости Магомета, хорошо знакомого с морем и этими опасными берегами, мы ускользнули от них.

А вскоре и буря прекратилась. Месяц ослепительно сиял, освещая скалистую возвышенность, у подножия которой шумели буруны. В это время Лео открыл глаза, заявив, что платье его очень измято, а между тем пора идти в часовню. Я велел ему закрыть глаза и лежать спокойно. Его слова о том, что пора идти в часовню, заставили меня задуматься, напомнив удобные комнаты в Кембридже. Болезненное тяжелое чувство овладело мной. Зачем я был так глуп и поехал сюда? С этой самой ночи мне часто приходила в голову эта мысль.

Опять буруны... бушующая пена, рев и шум. Наконец мы благополучно пробились чрез них и тихо приближались к берегу.

На востоке появилась яркая полоса — предвестник зари. Море стихло, легкий туман окутывал его, словно успокаивая его тревоги.

V

ГОЛОВА НЕГРА

Наступило утро. Солнце поднялось и залило землю теплом и светом.

Я сидел в лодке, прислушиваясь к рокоту воды, наблюдая за восходом солнца, пока лодка не коснулась таинственной странной скалы, у оконечности которой мы перенесли столько опасностей, и которая заслонила теперь от меня величественное зрелище.

Я продолжал смотреть на скалу и заметил, что верхушка ее действительно походила на голову и лицо негра, поражавшее своим яростным выражением. Были ясно видны толстые губы, жирные щеки, приплюснутый нос, круглый череп головы негра, целые тысячи лет обмываемой волнами и ветром. Для довершения сходства на колоссальной голове негра виднелась какая-то тощая растительность и казалась при лучах солнца густой шерстью. Конечно, это было очень странно, так странно, что я предположил, что это вовсе не игра природы, а гигантский монумент, сделанный, подобно египетскому сфинксу, каким-нибудь забытым народом на вершине скалы, как символ презрения к врагам, которые могут приблизиться к гавани. К несчастью, мы не могли узнать этого наверное, потому что скала была малодоступна. Разглядев скалу при солнечном свете, я решил, что голова сделана человеком. Тоит она из года в год, вечно обмываемая изменчивым океаном, — стояла и тысячу лет тому назад, когда Аменартас, египетская принцесса, жена Калликрата, смотрела на это дьявольское лицо, — и будет стоять еще много столетий, когда все мы будем забыты.

— Что ты думаешь об этом, Джон? — спросил я нашего слугу, сидевшего на краю лодки и выглядевшего очень печально, указывая ему на голову негра.

— О, сэр! — ответил Джон, только что успевший заметить оригинальную скалу. — Я думаю, что старый джентльмен сделал свой портрет с этой скалы!

Я засмеялся, и мой смех разбудил Лео.

— Ого! — сказал он. — Что такое со мной случилось? Я весь иззяб. Где же шхуна? Дайте мне, пожалуйста, водки!

— Благодари Бога, мальчик, что ты не окостенел навеки! — ответил я. — Шхуна затонула, с ней утонули все люди, за исключением нас четверых. Твоя жизнь спасена чудом!

Джон отыскал водку, пока я рассказывал Лео наше ночное приключение.

— Великий Боже! — произнес он. — Как мы могли уцелеть?

Потом мы выпили водки и почувствовали себя лучше. Солнце начало сильно припекать и согрело нас, иззябших, промокших до костей.

— Да! — сказал Лео, поставив в сторону бутылку с водкой. — Это действительно такая скала, как написано там.. Похожая на голову негра...

— Верно! — ответил я.

— Значит, — возразил он, — все это правда?

— Из этого ровно ничего не следует! — ответил я. — Мы знали, что такая скала существует, отец твой видел ее. Но это ровно ничего не доказывает!

Лео снисходительно улыбнулся.

— Ты — Фома неверующий, дядя Горас! — сказал он. — Поживем — увидим!

— Конечно, — ответил я, — ну а теперь мы находимся у самого устья реки. Возьми весло, Джон, мы поищем местечко, где можно пристать к берегу!

Устье реки, в которое мы вошли, было нешироко, хотя, благодаря густому туману, окутывавшему берега, мы не могли хорошо разглядеть окрестности. Через 20 минут мы пристали к берегу с большими усилиями и с помощью попутного ветра.

Туман рассеялся, солнце пекло, и на болотистых берегах лежали крокодилы, похожие на огромные чурбаны. За милю от нас тянулась полоса твердой земли, и через четверть часа мы очутились там, прикрепили лодку к дереву и вышли на берег. Затем мы разделись, помылись и повесили наше платье сушиться на солнце.

Приютившись под листвою громадных деревьев, мы позавтракали мясом, которое захватили с собой в изрядном количестве, радуясь, что успели заблаговременно перенести до начала бури в нашу лодку всю провизию и все имущество.

Когда мы покончили завтрак, наше платье успело высохнуть, и мы поспешили надеть его. Осмотревшись кругом, мы заметили, что находимся на узкой полосе земли, окаймленной с одной стороны рекой, а с другой — бесконечными унылыми болотами, которые тянулись вдаль.

— Здесь, наверное, была гавань! — сказал Лео.

— Пустяки! — возразил я. — Кто будет строить гавань посреди ужаснейших болот в необитаемой стране?

— Быть может, здесь не было болот и страна была обитаема! — сухо возразил Лео. — Посмотри, — указал он на место, где вчерашний ураган вырвал с корнями огромное дерево магнолии, — разве не человеческая работа этот камень?

— Глупости! — отвечал я.

Мы подошли к поваленному дереву.

— Ну, что же? — спросил он.

Я промолчал и только свистнул. Несомненно, передо мной лежал огромный камень, разбитый на небольшие

Глыбы, крепко склеенные цементом. Это еще не все. Я дотронулся рукой до разрыхленной земли и увидел огромное каменное кольцо около фута в диаметре, и около трех дюймов толщины. Это открытие поразило меня.

— Разве это непохоже на гавань, где стояли корабли? — спросил Лео.

Я хотел возразить, но слова застряли у меня в горле.

— В давно прошедшие века здесь приставали корабли, и это кольцо, несомненно, остаток когда-то существовавшей солидно построенной гавани. Вероятно, и самый город похоронен в болотах. Наша история начинает походить на правду! — сказал неутомимый Лео.

— Страна, подобная Африке, — сказал я, — конечно, полна реликвий давно умерших и забытых народов. Никто не знает, когда началась цивилизация Египта. Были вавилоняне, финикияне, персы и другие народы, более или менее цивилизованные, не говоря уже об евреях. Вспомни персидские могилы, которые консул показывал нам в Кильва*!

— Хорошо, — заметил Лео, — но раньше ты говорил совсем другое...

В это время мы дошли до края болота и посмотрели вдаль. Оно было необозримо, и целые стаи птиц летали над ним. Ядовитые испарения поднимались с поверхности болот.

— Мне ясно одно, — сказал я, обращаясь к моим спутникам, — во-первых, что мы не можем пройти через эту топь, а во-вторых, если мы останемся здесь, то непременно умрем от лихорадки!

— Да, это верно! — подтвердил Джон.

— Тогда перед нами два пути: или попытаться добраться до какой-нибудь гавани в нашей лодке и пересечь на корабль, что, конечно, рискованная вещь, или же поднять паруса и плыть дальше по реке! Я не знаю, что решите вы, — сказал Лео, сжав губы, — но я поеду по реке!

Джон закатил глаза и заворчал, араб пробормотал "Аллах" и тоже заворчал. Что касается меня, я мягко заметил, что так как мы находимся между дьявольским болотом и морем, то, в сущности, все равно, куда бы ни идти. На самом деле колоссальная голова негра и каменное коль-

* Около Кильва, на восточном берегу Африки, существует утес, на вершине которого находятся персидские могилы. Ниже могил есть развалины древних городов, которые существовали много столетий тому назад.

но возбудили мое любопытство, которого я в тайне стыдился. Осмотрев и, насколько возможно, поправив лодку, мы зарядили винтовки и поплыли. К счастью, ветер дул с океана, и мы могли поднять паруса. Мы скоро подметили, что в этой широте, на рассвете, ветер всегда дует с океана, к берегу, а на закате солнца от берега в океан. Воспользовавшись этим благоприятным ветром, мы отлично плыли по реке три или четыре часа.

Около полудня стало очень жарко. Зловоние, доносившееся до нас с болот, было просто ужасно, и мы поспешили проглотить предохранительную дозу хинина. Скоро ветер совсем утих, и мы с удовольствием выбрались из лодки под тень деревьев, которые росли у реки, и легли там, ожидая заката солнца, а с ним конца наших мучений от жары. Когда мы готовились снова сесть в лодку, я оглянулся. Солнце близилось к закату. Вправо и влево от нас, насколько хватал глаз, тянулись смертоносные болота, прерываемые прудками темной стоячей воды, блестящей как зеркало в лучах заходящего солнца. Впереди и позади нас лениво струилась река, кончавшаяся лагуной, на поверхности которой последние лучи солнца боролись с тенями ночи. На западе огромное красное солнце исчезало на туманном горизонте, и небо рдело кровавым отблеском. Если я проживу еще 100 лет, и тогда никогда не забуду этой печальной и волшебной картины, она глубоко запечатлелась в моей памяти.

Стемнело. Проплыв некоторое время, мы бросили якорь, хотя не смели выйти на берег, не зная, найдем ли удобное место для ночлега, и боясь ядовитых испарений болота, которые не могли так убийственно действовать на воде. Зажгли походную лампу, поужинали и хотели лечь спать. Но спать оказалось невозможным. Привлеченные светом или необычным запахом белых людей, целые массы огромных moskitov напали на нас. Тучами летели они, немилосердно кусая и жаля нас до того, что мы готовы были взбеситься. Только табак немного разгонял их. В конце концов мы закутались одеялами с головой и сидели неподвижно, ругаясь и проклиная moskitov. Вдруг в тишине, словно гром, раздался невдалеке от нас дикий рев льва! — Ай, ай! — произнес Лео, высовывая голову из одеяла. — Не лучше ли будет выйти на берег, дядя? Проклятие! Moskit укусил меня за нос! — голова исчезла в одеяле.

Скоро взмошел месяц, и, несмотря на рычание льва, мы задремали.

Не знаю, что заставило меня высунуть голову из одеяла, и я услышал испуганный шепот Джона.

— О, звезды небесные, взгляните-ка туда!

Сейчас же мы взглянули все по указанному направлению и при свете месяца увидели около берега светящиеся точки и два темных предмета.

— Что это такое? — спросил я.

— Это проклятые львы, сэр! — отвечал Джон испуганным тоном. — Они плывут сюда, чтобы съесть нас!

Несомненно, это были львы. Я видел их яростно сверкающие глаза. Лео взялся за винтовку, я посоветовал ему подождать, пока они подойдут ближе.

В пяти шагах от нас показалась львица и яростно заревела. В этот момент Лео выстрелил. Пуля попала ей в открытый рот и прошла в затылок. Раздался сильный всплеск воды, и львица упала мертвой.

Позади нее находился лев, который положил свои передние лапы на берег. Вдруг произошло что-то странное. Лев испустил страшный рев и прыгнул на берег, таща за собой что-то темное.

— Аллах! — завопил Магомет. — Смотрите! Крокодил схватил его за ногу!

Это было верно. Мы увидали длинную морду крокодила, его пасть и туловище. Затем последовала удивительная сцена. Лев пытался вытащить крокодила на берег и страшно рычал, а крокодил впился зубами в его заднюю ногу. Тогда лев с диким ворчаньем повернулся и ударил лапой по голове крокодила. Пресмыкающееся медленно двинулось вперед, и лев схватил его за горло. Оба катались по берегу в этой отвратительной борьбе. Трудно было уследить за их движениями, но скоро мы заметили, что крокодил, весь покрытый кровью, держал в своих железных челюстях туловище льва, крепко сжимая его. Измученный зверь бился и ревел в агонии, бешено ударяя лапой по голове врага, и успел ранить нежное горло крокодила. Вскоре голова льва упала на крокодила, и он, с ужасающим ревом, издох. Крокодил медленно пополз, таща за собой перегрызенный пополам труп зверя. Эта борьба была ужасным и потрясающим зрелищем. Когда все было кончено, мы оставили Магомета сторожить, а сами провели остаток ночи сравнительно спокойно, насколько позволили москиты.

VI В ПЛЕНУ

На следующее утро мы проснулись с рассветом и начали готовиться к дальнейшему путешествию. Я должен сказать, что, когда рассвело и можно было разглядеть лица моих спутников, я готов был расхохотаться. Полное и добродушное лицо Джона страшно распухло от укусов moskitov, да и Лео был не в лучшем положении. Из нас троих меньше всех был искусан я, вероятно, вследствие грубости кожи, покрытой волосами, тем более что со времени отъезда из Англии я отпустил бороду и предоставил ей полную свободу. Магомета москиты вовсе не пожелали трогать, вероятно, почуяв запах правоверного. Как часто в продолжение этой недели мы желали пахнуть так же, как наш араб! Пока мы рассматривали друг друга и смеялись, насколько нам позволяли распухшие губы, стало совсем светло, и утренний ветер разогнал туман, поднимавшийся с болот. Мы подняли парус и, тщательно рассмотрев убитых львов и крокодила, поплыли по направлению к лагуне, следуя течению реки. В полдень, когда ветерок затих, нам посчастливилось найти удобное место, где можно было расположиться лагерем и развести огонь; мы зажарили и приготовили дикую утку, хотя не очень аппетитно, но вполне удовлетворительно. Остаток мяса мы нарезали полосами и развесили на солнце.

В этом гостеприимном уголке мы оставались до следующего утра и провели ночь без особых тревог, если не считать moskitov. Следующие два дня прошли таким же образом, без всяких приключений. Нам удалось подстрелить какую-то необыкновенную дичь и найти несколько разновидностей водяной лилии в полном цвету, замечательной красоты.

На пятый день нашего путешествия ветер упал в 11 часов утра, и мы вынуждены были остановиться, выбрав для остановки группу деревьев на берегу, под которыми и расположились. Погуляв по берегу, мы убили еще несколько штук водяных птиц. Не успели мы пройти 50 ярдов, как поняли, что дальше ехать по реке невозможно, так как впереди, почти на 200 ярдов, тянулась отмель.

Повернув назад, мы долго шли по берегу и скоро пришли к заключению, что это вовсе не река, а прорытый в древности канал, вроде того, который находится около Момбаза, на берегу Занзибара. Берега его были подмыты водой, а поверхность покрыта зарослями. Было очевидно,

что если мы не можем ехать по реке, то можем плыть по каналу или вернуться в море. Оставаться здесь было невозможно из опасения сжариться на солнце, быть съеденными москитами или умереть от болотной лихорадки.

— Что ж, попытаемся! — сказал я, и все остальные согласились со мной: Лео с великим удовольствием, Джон с почтительным негодованием, а Магомет, взывая к пророку и проклиная всех неверных.

Как только солнце село, мы отправились в путь. Около двух часов мы усердно работали, Магомет, Джон и я, тогда как Лео сидел на носу лодки и мечом Магомета отталкивал от лодки обломки дерева и всякий хлам, плававший в воде. Когда стемнело, мы остановились отдохнуть и доставить удовольствие москитам, но около полуночи снова поплыли, пользуясь свежестью ночи. На рассвете, отдохнув три часа, мы отправились в путь и работали до 10 часов, когда вдруг разразилась буря, сопровождавшаяся страшным ливнем, и мы провели около шести часов буквально под водой.

Думаю, что нет надобности описывать подробности нашего путешествия в течение следующих четырех дней, ужасных по своей монотонности, тяжелой работе, жаре и москитам. Мы находились в поясе безграничных болот, и то обстоятельство, что избежали лихорадки и смерти, я приписываю только постоянным дозам хинина и очистительного, которые мы глотали, и непрерывной физической работе. На третий день нашего пути по каналу мы заметили вдали круглый холм, видневшийся сквозь испарения болот.

Мы чувствовали себя настолько истощенными, что готовы были лечь и умереть в этом ужасном месте. Я бросился на дно лодки, чтобы уснуть и немного отдохнуть от страшного истощения, горько проклиная свою глупость, которая побудила меня принять участие в этом сумасшедшем предприятии. Помню, я впал в забытие. Мне грезилось, что наша лодка наполняется водой, что мы умираем и вода смывает наши останки; тогда наступит конец всему. Мне слышалось журчанье воды около нас, и я увидел мертвого араба, который вдруг выпрямил свой скелет и, сверкая на меня своими пустыми впадинами глаз, скрежеща челюстями, начал проклинать меня, христианскую собаку, за то, что я потревожил последний сон правоверного.

Я открыл глаза, содрогаясь от ужасного сна, и вдруг увидел два глаза, которые смотрели на меня в темноте. Вскочив на ноги, я закричал от ужаса, все мои спутники вскочили разом, перепуганные, сонные.

Затем я почувствовал прикосновение холодной стали к моему горлу. Позади сверкнули еще два копья.

— Тише! — сказал чей-то голос по-арабски. — Кто вы такие и как пришли сюда? Говори, или умрешь! — снова сталь прикоснулась к моему горлу.

— Мы путешественники! — отвечал я по-арабски, и, очевидно, был понят, потому что человек, державший меня, повернул голову и, обратившись к какой-то высокой фигуре, державшейся в стороне, спросил:

— Отец, нужно ли убить их?

— Какой цвет кожи у этих людей? — спросил глубокий голос.

— Белый!

— Не убивай! — был ответ. — "Та, которой все повинуются", прислала мне сказать: придут белые люди, а когда они придут, не убивай их! Веди их в дом "Той, которой все повинуются"!

— Пойдем! — сказал мне человек, таща меня из лодки.

Та же участь постигла моих спутников.

На берегу стояла кучка из 50 человек. Я заметил, что они были вооружены огромными копьями, очень рослы, крепко сложены и обнажены, если не считать шкуры леопарда, повязанной около пояса.

Лео и Джон очутились около меня.

— Что такое случилось? — спросил Лео, протирая глаза.

— О, сэр, с нами случилось что-то странное! — вскричал Джон.

В эту минуту к нам подбежал Магомет, преследуемый человеком с поднятым копьем.

— Аллах! Аллах! — вопил Магомет. — Защитите меня! Защитите!

— Отец, тут есть один черный человек! Что сделать с ним?

— "Она" ничего не сказала. Не убивай его, иди сюда, мой сын!

Человек подошел, высокая фигура склонилась над ним и прошептала что-то.

— Да, да! — ответил тот и захохотал ужасным образом.

— Там трое белых людей?

— Да, трое, отец!

— Тогда несите их и захватите с собой все, что нужно!

Едва он успел произнести эти слова, как к нам подошли какие-то люди, держа на своих плечах крытые паланкины. У каждого паланкина было четыре носильщика и двое запасных.

— Хорошо, — сказал Лео, — очень хорошо, что о нас теперь заботятся другие!

Делать было нечего, я влез в носилки и устроился там очень комфортабельно. Вероятно, носилки были сделаны из волокон травы, которая гнулась и вытягивалась при каждом движении тела, поддерживая на должной высоте голову и шею.

Едва я успел усесться в носилки, как носильщики двинулись ровным и быстрым шагом. Около полудня я лежал спокойно, размышляя о нашем приключении и о том, как изумились бы мои почтенные друзья в Кембридже, если бы я, чудесным образом, очутился сидящим за обеденным столом среди них! Я лежал и думал, чем все это кончится, пока не заснул.

Думаю, что я проспал семь или восемь часов, в первый раз отдохнув как следует с той ночи, когда затонул наш корабль, и проснулся, когда солнце стояло высоко на небе. Мы мирно подвигались вперед, делая четыре мили в час.

Выглянув из-за плотных занавесок, я заметил, что мы миновали пояс болот и теперь шли по зеленеющей местности, по направлению к куполообразному холму. Я не знаю, тот ли это был холм, который мы видели издали, и не узнал позднее, потому что народ мало знаком с этой местностью. Потом я взглянул на своих носильщиков. Это были превосходно сложенные, около 6 футов ростом, люди с желтоватым цветом кожи, в общем, очень похожие на сомалийцев Восточной Африки, за исключением волос, которые вились локонами по их плечам. Черты лица у них были правильные и даже красивые, нос орлиный, зубы белые и прекрасные. Но, несмотря на красоту, я никогда не видел таких злых физиономий. Холодная жестокость ярко запечатлелась на них.

Была еще одна странная черта, которую я подметил у дикарей: они, казалось, вовсе не умели улыбаться. Иногда они запевали монотонную песню, остальное время молчали, и ни одного раза улыбка не озарила их мрачных и угрюмых лиц. К какой расе принадлежал этот народ? Они говорили на арабском языке, но вовсе не были арабами. Это — наверное. Не могу сказать, почему, но вид их внушал мне какое-то болезненное ощущение страха. В это время я увидел другие носилки, рядом со мной. Там сидел — занавески были подняты, — старик в белой одежде, сделанной, очевидно, из грубого холста, — та самая высокая, мрачная фигура, которую называли "Отцом". На вид он был очень стар, с длинной снежно-белой бородой, концы

которой висели по бокам носилок, с крючковатым носом и парой холодных и острых, как у змеи, глаз. В общем, на лице его отражалась глубокая мудрость и юмор.

— Ты проснулся, чужеземец? — сказал он низким и глухим голосом.

— Да, отец мой! — отвечал я любезно.

Он погладил свою прекрасную белую бороду и улыбнулся.

— Из какой бы страны ты ни пришел к нам, — произнес он, — но там, наверное, знают наш язык и учат детей вежливости, мой чужеземный сын! Скажи мне, зачем ты и те, что с тобой, пришли к нам, куда не проникала нога чужеземца? Или вам надоела жизнь?

— Мы пришли искать нового и любопытного! — отвечал я смело. — Нам надоело старое. Пришли с моря узнать неведомое, потому что происходим от храброго народа, который не боится смерти, мой уважаемый отец! Но мы желали бы прежде узнать кое-что, чем умереть!

Старик издал какое-то непонятное восклицание.

— Пожалуй, это правда, если ты не лжешь, мой сын. Во всяком случае, скажу, что "Та, которой повинуются все", исполнит твои желания надлежащим образом!

— Кто эта "Та, которой повинуются все"? — спросил я с любопытством.

Старик взглянул на носильщиков и улыбнулся.

От этой улыбки вся кровь прилила к моему сердцу.

— Ты скоро узнаешь это, мой сын, — произнес он, — если "Она" захочет увидеть тебя во плоти!

— Во плоти? — переспросил я. — Что хочет сказать этим мой отец?

Старик молчал и снова улыбнулся своей ужасной улыбкой.

— Как называется народ моего отца?

— Народ наш называется Амахагтер, или народ Утесов!

— Если сын может спросить тебя, как твое имя, отец мой?

— Мое имя — Биллали!

— Куда же мы идем?

— Скоро узнаешь!

Он сделал знак носильщикам, которые побежали бегом, пока не догнали носилок, в которых сидел Джон (перекинув ногу за ногу на бок носилок). Затем носильщики Джона быстро нагнали носилки Лео.

Убаюканный ровным качанием носилок, я снова заснул, потому что чувствовал себя смертельно усталым; проснув-

шлись же, увидел, что мы шли по утесистой тропинке, около которой росли прекрасные деревья и цветущие кусты. Тропинка вдруг повернула в сторону, и нашим глазам открылся прелестный вид. Перед нами возвышалась земляная насыпь в виде римского амфитеатра. Бока ее были скалисты, заросли кустарником, а центр представлял собой зеленеющий луг с великолепными деревьями и растениями, омываемый журчащими ручьями. На лугу паслись стада рогатого скота, хотя я не заметил между ними баранов. Я не мог представить себе, что это за место. Меня поразило в особенности то обстоятельство, что, несмотря на пасущиеся стада, я не видел нигде признака человеческого жилья. Где же они жили? Скоро мое любопытство было удовлетворено. Носилки повернули влево и остановились. Видя, что Биллали вылез из носилок, я последовал его примеру, так же поступили Лео и Джон.

Первое, что мне бросилось в глаза, — это несчастный араб Магомет, лежавший на земле. Для него не было приготовлено носилок, и он вынужден был бежать все расстояние, так что находился теперь в полном изнеможении. Оглянувшись, мы увидели, что находимся на площадке у входа в большую пещеру, где было свалено в кучу все наше имущество, даже весла и парус лодки. Около входа стояли люди, все — высокого роста, красивые, хотя с различным цветом кожи, черные, как Магомет, или желтые, как китайцы. Все они были обнажены и держали копья в руках.

Между ними были и женщины, удивительно красивые на вид, с большими темными глазами и вьющимися волосами. Вместо шкуры леопарда на них была одета короткая юбка из красной кожи. Некоторые носили одежду из желтоватого холста. Впрочем, как мы узнали потом, это было различие их общественного положения. В общем, наружность женщин не была так свирепа, как у мужчин, многие даже улыбались.

Как только мы вышли из носилок, дикари столпились вокруг, с любопытством рассматривая нас. Высокая, атлетическая фигура Лео, его классически красивое лицо, очевидно, привлекли всеобщее внимание, а когда он вежливо снял шляпу и показал свои золотистые кудри, ропот восхищения пробежал в толпе. Затем произошло нечто удивительное. Самая хорошенькая из молодых женщин, одетая во что-то, похожее на платье, с пышными коричневыми волосами, оглядев Лео с ног до головы, свободно подошла к

нему, обняла его руками за шею и поцеловала прямо в губы.

Я остолбенел, ожидая, что Лео оттолкнет ее, в то время, как Джон громко закричал: "Вот шлюха!"

Но Лео, конечно, удивленный, понял, что мы находимся в стране, которая следует обычаям древних христиан, наклонился и возвратил ей поцелуй.

Я задыхался, ожидая чего-нибудь необычайного, но, к моему удивлению, хотя многие из молодых женщин и выказывали некоторое раздражение, старухи и мужчины только усмехнулись. Когда мы освоились с обычаями народа, тайна разъяснилась. Женщины народа Амахатгер живут в полной равноправности с мужчинами. Происхождение рода считается по материнской линии, и люди гордятся длинным рядом женских предков, как гордимся мы нашими предками в Европе. В каждом племени имеется почетный представитель, которого называют "Хозяин" или "Отец". Биллали был "отцом" своего племени, которое состояло из семи тысяч душ.

Когда женщина народа Амахатгер желает избрать себе мужа, она должна подойти к нему и публично обнять его, таким же образом, как это сделала красивая и быстрая молодая леди, которую звали Устана, поцеловавшая Лео.

Если он вернул ей поцелуй, это значило, что он согласен взять ее в жены. Вязь продолжается до тех пор, пока не наскучит одному из молодых людей. Я должен прибавить, что разрыв и перемена супругов случается далеко не так часто, как можно было бы ожидать. Редко случаются и ссоры между мужчинами, когда их жены дезертируют к соперникам.

VII

ПЕСНЯ УСТАНЫ

Когда совершился обмен поцелуев *согат роуло** — кстати скажу, что ни одна молодая женщина не подумала почтить меня поцелуем, хотя я видел одну из них около Джона, к величайшему ужасу последнего, — старик Биллали подошел к нам и грациозно повел нас в пещеру, в сопровождении Устаны, которая, очевидно, не хотела понять моих намеков на то, что мы не привыкли к женскому обществу. Не прошли мы и пяти шагов, как меня поразила мысль, что эта пещера вовсе не дело природы, а вырыта

* По-... (там!).

руками человека. Она была очень обширна и низка, и от нее тянулись коридоры, которые, вероятно, вели в маленькие комнаты. В пятидесяти шагах от входа в пещеру был разложен огонь, вокруг которого виднелись три огромные тени. Здесь Биллали остановился и пригласил нас садиться, добавив, что сейчас нам принесут есть. Мы уселись на кожи и ждали. Сейчас же молодые девушки принесли нам пищу, которая состояла из козьего мяса, свежего молока в глиняном горшке и лепешек из индейского жита. Мы уже проголодались и съели дочи́ста все, что нам принесли. Полагаю, что никогда в жизни не ел я с таким удовольствием.

Когда мы поели, Биллали, который молча смотрел на нас, встал и обратился к нам с речью.

Он сказал, что случилась удивительная вещь. Никто никогда не слышал, чтобы белые чужестранцы проникли в эту страну! Иногда, хотя редко, сюда приходили черные люди, которые рассказывали о существовании белокожих людей, плававших по морю на чудесных кораблях, но никто не думал, что они явятся сюда. Нас заметили, когда мы спускали лодку в канал. Биллали откровенно признался, что сначала дал приказание убить нас, но явился вестник от "Той, которой повинуются все", с приказанием пощадить жизнь белых людей и доставить нас сюда.

— Прости меня, отец мой, — перебил я, — но если я верно понимаю, "Она, которой повинуются все", живет не здесь, как могла она знать о нашем приближении?

Биллали обернулся и, заметив, что мы одни, — Устана исчезла, когда он начал говорить, — произнес со странной усмешкой:

— Разве в вашей стране нет никого, кто видит не одними глазами и слышит не одними ушами? Не спрашивай! "Она" знала и знает все!

Я пожал плечами. Биллали продолжал говорить о том, что не получил дальнейших инструкций относительно нас, и должен повидать "Ту, которой повинуются все", чтобы узнать ее желание.

Я понял, что "Она" — это королева народа Амахаггер, и спросил старика, долго ли он будет в отсутствии? Биллали отвечал, что вернется только на пятый день, потому что нужно пройти много миль по болоту, чтобы добраться туда, где живет "Она". Затем он добавил, что в его отсутствие о нас будут заботиться и что он твердо уверен, что принесет благоприятный для нас ответ. В то же время он не скрыл от нас, что всякий чужестранец, появлявшийся в

стране, за все время жизни его бабки, матери и его самого, сейчас же осуждался на смерть, описывать которую он не хочет, чтобы не оскорблять наших чувств. Это делалось по приказу королевы, которая никогда не пыталась спасти чужеземцев.

— Как это может быть? — возразил я. — Вы уже стары, каким же образом "Она" могла осудить на смерть кого-нибудь при жизни вашей бабки, когда она сама еще не родилась тогда?

Вместо ответа Биллали только улыбнулся своей странной улыбкой и молча, отвесив нам низкий поклон, ушел. Мы не видели его целых пять дней.

По уходе его мы начали обсуждать наше положение. Мне вовсе не нравились упоминания о таинственной королеве "Она, которой повинуются все", так беспощадно убивавшей несчастных иностранцев. Лео тоже был подавлен, но утешал себя мыслью, что "Она" была, несомненно, той личностью, которая упоминается в письмах на сосуде и в письме его отца, судя по намекам Биллали на ее могущество и возраст.

Я был так поражен всем происшедшим, что не мог и не хотел говорить о таком абсурде и предложил идти выкупаться, в чем все мы очень нуждались.

Выразив наше желание какому-то человеку средних лет с необыкновенно злой физиономией, который, очевидно, был приставлен для надзора за нами в отсутствие "Отца" племени, мы зажгли свои трубки и вышли из пещеры. Около входа стояла толпа народа, очевидно, поджидая нас. Когда они увидели нас с дымящимися трубками во рту, то немедленно исчезли, полагая, что мы — могущественные волшебники. Наше огнестрельное оружие не произвело здесь такой сенсации, как табачный дым*. Мы поспешили к ручью и отлично выкупались, хотя многие из женщин, не исключая Устаны, выказывали намерение последовать нашему примеру.

Пока мы купались и вернулись обратно в пещеру, солнце закатилось. Пещера была полна людей, которые собрались около огня, так как теперь было зажжено несколько костров, и ели свой ужин при свете ламп, висевших на стенах пещеры. Эти глиняные лампы были грубо сделаны, всевозможных фасонов, а некоторые довольно красивы на

* Табак растет в этой стране, хотя народ Амахагтер обыкновенно употребляет его в лечебных целях, не имея понятия о курении.

вид. Они состояли из красного глиняного горшка, наполненного растопленным жиром, со светильней, пропущенной через деревянный круг, прикрепленный к верхней оконечности горшка. Этот род лампы требует постоянного наблюдения, потому что огонь гаснет сейчас же, как сгорит светильня.

Некоторое время мы сидели, наблюдая угрюмых людей, мрачно и молча поедавших свой ужин, наконец нам надоело созерцать их, и я предложил всем отправиться спать.

Наш надзиратель безмолвно встал с места, вежливо взял меня за руку и направился в один из маленьких переходов, примыкавших к пещере. Мы прошли несколько шагов и очутились в маленькой комнате, вырубленной в скале. По одну сторону комнаты находился большой камень, трех футов вышины, как бы закрывавший вход в нишу, где мой проводник назначил мне спать. В комнате не было ни окна, ни мебелировки. Приглядевшись внимательно, я пришел к заключению, что эта ниша была гробницей для умерших; эта мысль заставила меня содрогнуться, но, решив, что я должен где-нибудь спать, я подавил ощущение страха насколько мог и вернулся в пещеру, чтобы захватить свое одеяло, которое было принесено сюда вместе с другими вещами. Там я встретил Джона, который получил в свое распоряжение такую же комнату, и решил лучше ночевать на улице, чем пойти в "это ужасное место". Он попросил позволения ночевать со мной, и я был очень доволен этим.

В общем ночь прошла спокойно, если не считать моего кошмара. Мне чудилось, что я похоронен здесь, и просто задыхался от ужаса.

На рассвете нас разбудил громкий звук трубы. Мы встали и пошли к ручью умыться, потом нам подали завтрак, во время которого одна из женщин, не особенно молодая, подошла к нам и публично поцеловала Джона. Никогда не забуду я выражения ужаса и отвращения на лице Джона. Он, как и я, не любит женщин, и все его чувства отразились на физиономии, когда женщина поцеловала его, без всякого повода с его стороны и в присутствии его господ. Он вскочил на ноги и оттолкнул от себя женщину.

— Никогда, ни за что! — воскликнул он, когда женщина, полагая, что он очень скромен, обняла и поцеловала его вторично.

— Уйдите прочь, прочь! — крикнул он, махая деревянной ложкой, которой он ел, перед лицом влюбленной дамы.

— Прошу прощения, джентльмены, но уверяю вас, я ничего не знал. О, Боже, она опять идет ко мне! Держите ее, мистер Холли! Пожалуйста, держите ее! Со мной никогда не случалось ничего подобного! Это против моих правил!

Он умолк и изо всей силы бросился бежать из пещеры. В первый раз я услышал смех дикарей. Что касается женщины, ей было не до смеха. Она вся дрожала от ярости, подзадориваемая насмешками других женщин. Она буквально тряслась и шипела от злости, и при виде ее я невольно пожелал, чтобы нравственные принципы Джона были не так возвышенны, так как его образцовое поведение могло навлечь на нас опасность. Обстоятельства подтвердили мою догадку.

Женщина ушла, а Джон вернулся в крайнем нервном возбуждении и с ужасом смотрел на всякую приближавшуюся женщину. Я воспользовался случаем, чтобы объяснить нашим хозяевам, что наш Джон — женатый человек, несчастный в своей семье, что заставляет его бояться всякой женщины. Мое объяснение было выслушано молча, а женщина, следуя примеру своих цивилизованных сестер, продолжала злиться и беситься на всех.

После завтрака мы пошли гулять, намереваясь осмотреть стада скота и возделанные поля народа Амахагтер... У них существовало две породы рогатого скота. Одна порода — большая, безрогая, дающая превосходное молоко, другая — маленькая, жирная, годная на убой. Около коров бродили длинношерстные, косматые козы. Здесь в большом употреблении козье мясо, но я не видел козьего молока. Что касается обработки полей, то единственным орудием является железная лопата, поэтому полевая работа очень трудна и тяжела. Обработкой полей занимаются мужчины, так как женщины совершенно свободны от всяких работ.

Сначала законы и обычаи этого необычайного народа очень поражали нас. Но со временем — четыре дня прошло без особых событий, — мы многое узнали от подружки Лео, Устаны, которая следовала как тень за юным джентльменом. Она сообщила нам, что близ того места, где жила "Она", находились каменные ограды и колонны, называемые Кор, где прежде, говорят, были дома и жили люди, от которых произошел народ Амахагтер. Никто не смеет подходить к этим развалинам, они прокляты, на них можно смотреть только издали. Есть и другие подобные развалины в разных частях страны, одна из гор высится над болотом. Пещеры вырублены в скалах людьми, теми же са-

мыми, которые выстроили города. В их стране нет писаных законов, но есть строгие обычаи, и если человек нарушит эти обычаи, его осуждают на смерть.

На мой вопрос, какой род смерти существует у них, Устана улыбнулась и сказала, что я скоро узнаю это. У них есть королева, "Она", которая появляется очень редко, один раз в два или три года, всегда закутанная, так что никто не видит ее лица. Говорят, что она прекрасна, прекраснее всех женщин, бессмертна и имеет огромную власть над всем. От времени до времени королева выбирает себе супруга, и как только родится от этого союза дитя женского пола, супруга королевы сейчас же умерщвляют. Дитя растет и наследует королеве-матери. Обо всем этом, наверное, никто ничего не знает. Королеве повинуются вся страна, послушаться ее значит умереть. Королева окружена стражей, хотя не держит регулярной армии.

Я спросил Устану, как велика страна и сколько народу живет в ней. Она ответила, что в стране десять "хозяйств", включая и "хозяйство" королевы. Иногда племена воюют друг с другом, пока "Она" не прекратит войну одним своим словом. Войны и болотная лихорадка сокращают число народонаселения, которое не имеет никаких сношений с другими народами, так как болота непроходимы. Однажды со стороны большой реки пришло чужеземное войско и хотело напасть на них, но половина его погибла в болотах, остальные умерли от голода и лихорадки. Болота непроходимы, только они одни знают тропинки через них, добавила Устана, и я верю, что мы никогда не попали бы сюда, если б нас не принесли на носилках.

Много разных вещей узнали мы от Устаны в продолжение этих четырех дней. Вся история была удивительна, почти невероятна и вполне соответствовала древним письменам на сосуде. Очевидно, была какая-то таинственная королева, облеченная бессмертием! Я не понимал этого, так же как и Лео, хотя он торжествовал, потому что я постоянно смеялся над легендой. Что касается Джона, он оставил всякие попытки уразуметь это. Магомет, араб, на которого здесь смотрели с презрением, находился в большом страхе, хотя я не мог понять, чего он боялся. Он сидел весь день, согнувшись, в углу пещеры, непрестанно призывая аллаха и пророка. Когда я упорно хотел добиться, в чем заключалась причина его страхов, он заявил мне, что мы попали в заколдованную страну, где нет людей, а живут лишь дьяволы. Честное слово, несколько раз я готов был согласиться с ним!

Между тем время шло, и ночью на четвертый день, после ухода Биллали, случилось событие.

Мы, все трое, и Устана сидели вокруг огня в пещере, перед тем как лечь спать. Вдруг Устана, сидевшая тихо, встала и положила руки на золотые кудри Лео. Даже теперь, закрыв глаза, я вижу ее гордую стройную фигуру перед нами, когда она заговорила певучим тоном:

— Ты мой избранник! Я ждала тебя давно.

Ты прекрасен. Кто другой имеет такие чудные волосы, такую белую кожу?

У кого такая сильная рука, кто так мужествен, как ты?

Твои глаза — это небо, в котором отражаются звезды!

Ты прекрасен, и сердце мое рвется к тебе!

Когда мои глаза увидели твое лицо, я пожелала тебя!

И я взяла тебя, о, мой возлюбленный!..

Так продолжится короткое время: до тех пор, пока не наступит несчастный день.

Что случится в этот день? Увы, мой возлюбленный, я не знаю!

Но я не увижу тебя более и затеряюсь во мраке!

Она сильнее меня и возьмет тебя, потому что она прекраснее Устаны, тогда...

Удивительная женщина вдруг оборвала свое пение, которое было необыкновенно музыкально, хотя мы не понимали ни слова, и устремила свои сверкающие глаза в темноту. Эти глаза выразили ужас и отчаяние. Она сняла руку с головы Лео и указала в темноту. Мы взглянули туда же, но ничего не увидели. Но, вероятно, Устана видела что-либо такое, что потрясло даже ее железные нервы, потому что она без звука упала около нас. Лео, успевший привязаться к молодой женщине, страшно испугался и огорчился. Говоря правду, я сам испытывал суеверный ужас.

Скоро Устана пришла в себя и села, конвульсивно содрогаясь.

— Что с тобой, Устана? Кого ты видела? — спросил Лео, отлично говоривший по-арабски.

— Ничего, мой возлюбленный! — ответила она, пытаясь улыбнуться.

Она повернулась к Лео и, взглянув на него с выражением величайшей нежности, какой я никогда не видел на лице женщины, охватила его голову руками и поцеловала его в лоб, как любящая мать.

— Когда я уйду от тебя, мой возлюбленный, — сказала она, — когда ночью твоя протянутая рука не встретит

мою, тогда вспоминай обо мне иногда, потому что я крепко люблю тебя, хотя и недостойна мыть тебе ноги. А теперь будем любить друг друга, будем счастливы! Кто знает, что будет завтра?

VIII

ПИР

На другой день после этой замечательной сцены, которая произвела на нас глубокое впечатление, нам возвестили, что вечером в честь нас состоится пир. Мне хотелось уклониться от него, и я заявил, что мы — скромные люди и не питаем пристрастия к пирам, но, заметив, что мои слова возбудили неудовольствие, счел за лучшее молчать.

Незадолго до заката солнца мне сообщили, что все готово, и я в сопровождении Джона пошел в пещеру, где встретил Лео, а с ним Устану. Оба они гуляли и ничего не знали о предполагаемом пиршестве. Когда Устана узнала об этом, ее красивое лицо исказилось страхом. Хватив за руку какого-то человека, она что-то спросила у него повелительным тоном. Его ответ как будто успокоил ее немного. Немного погодя она снова пыталась заговорить с этим человеком, который представлял собой важную особу, но он сердито сказал ей что-то и оттолкнул, затем вдруг взял ее за руку и посадил около огня, и я видел, что она ради собственных целей подчинилась этому.

В эту ночь огонь ярко горел в пещере. Около 35 мужчин, две женщины, Устана и та особа, которая поцеловала Джона, собрались вокруг огня.

Мужчины сидели молча, по своему обыкновению каждый с копьем в руке. Только двое из них были одеты в холщовую одежду, на остальных не было ничего, кроме шкуры леопарда.

— Что ж будет дальше? — спросил Джон. — Спаси нас Боже, эта женщина опять здесь. Наверное, она не будет лезть ко мне, так как я вовсе не подаю повода. Все они противны мне. Они приглашают Магомета обедать. Эта женщина разговаривает с ним очень вежливым образом. Я очень рад, что не со мной!

Мы взглянули на женщину, которая старалась вытащить несчастного Магомета из угла, где он сидел, ворча и призывая аллаха. Его приглашали есть — это была необычная честь, потому что обыкновенно пища подавалась ему в стороне. Магомет был испуган, едва держался на ногах, но согласился пойти есть, скорее из страха перед

воином, который стоял с копьем в руке позади него, чем из желания исполнить любезную просьбу женщины.

— Послушайте, — сказал я своим спутникам, — мне очень не нравится все это, но надо смотреть в лицо опасности. Захватили вы свои револьверы? Посмотрите, заряжены ли они?

— У меня с собой, — возразил Джон, — но мистер Лео захватил с собой только охотничий нож!

Делать было нечего, мы смело двинулись вперед и уселись перед огнем. Едва мы успели сесть, как нам передали глиняный кувшин с крепкой жидкостью неприятного цвета, способной вывернуть наизнанку желудок. Этот кувшин был очень замечателен по своей первобытности. Такие сосуды находят в древних гробницах, и я думаю, что они употреблялись при погребении умерших, согласно обычаю Египта.

На одной стороне кувшина, из которого мы пили, был нарисован белый человек, нападающий с копьем на слона, а на обратной стороне находился рисунок, изображавший охотника, пускающего стрелу в антилопу.

Мы сидели молча, смотрели на огонь и на тени, бросаемые лампами. Никто не произносил ни слова. Между огнем и нами, на земле, стояло большое деревянное корыто. Около него пара больших железных щипцов. Мне вовсе не нравились эти вещи. Я сидел, смотрел на них и на свирепые лица мужчин, размышляя о том, что все это ужасно, что мы находимся в полной власти этого народа, страшного в своем молчании и таинственности. Может быть, они были лучше, чем я думал о них, или хуже.

Мне казалось, что они были хуже, чем я думал, и я не ошибался. Это был странный пир, потому что есть было положительно нечего.

Наконец один из мужчин, сидевших перед огнем, громко произнес:

— Где же мясо, которое мы будем есть?

Остальные, вытянув правую руку по направлению к огню, ответили размеренным, певучим тоном:

— Мясо скоро будет!

— Что ж, это козел?

— Козел без рогов, лучше чем козел, и мы убьем его! — ответили дикари в один голос, схватились за копыя правой рукой и подняли их.

— Что ж, это бык?

— Это бык без рогов, лучше, чем бык, и мы убьем его! — был ответ, и снова копыя поднялись вверх.

Наступило молчание, и я заметил с ужасом, что женщина, сидевшая около Магомета, начала ласкаться к нему, трепала его по щекам и называла его ласковыми именами, в то время, как ее злые глаза блестели и перебегали по его дрожащим членам. Я не знаю, почему это зрелище испугало меня, как испугало всех нас, особенно Лео. Ее движения и ласки так напоминали змею, что нам стало страшно*.

Я видел, что Магомет побелел от страха.

— Все ли готово для стряпни? — опять спросил голос.

— Все готово, готово!

— Горшок хорошо ли нагрелся? — продолжал голос с каким-то визгом, страшно зазвучавшим под сводами пещеры.

— Накалился, накалился!

— Праведное небо! — воскликнул Лео. — Это народ, который надевает раскаленные горшки на головы чужеземцев!

Не успел он произнести этих слов, как два высоких негодяя схватили огромные щипцы, сунули их в огонь, в то время как женщина, ласкавшая Магомета, достала откуда-то петлю из растительных волокон и, скользнув, как змея, набросила ее на ноги араба. Тогда злодеи вытащили щипцами из огня большой глиняный горшок, раскаленный добела, и быстро направились к тому месту, где лежал Магомет. Тот барахтался и боролся отчаянно, крича во всю мочь, несмотря на опутывавшую его петлю и на все усилия державших его за ноги людей, так что злодеи не могли выполнить своего замысла: "падет ему на голову раскаленный горшок".

С криком ужаса я вскочил на ноги, схватил револьвер и выстрелил в дьявольскую женщину, ласкавшую Магомета, которая теперь держала его руки. Пуля попала ей в затылок, убив наповал. Магомет же нечеловеческим усилием вырвался из рук мучителей и, подпрыгнув вверх, упал мертвым на ее труп: пуля из моего револьвера задела несчастного араба и убила его, избавив от более ужасной смерти.

С минуту продолжалось изумленное молчание. Народ Амахаггер никогда не слышал выстрелов и был поражен

* Познее мы узнали, что это делалось, чтобы усыпить чувства жертвы, которая должна была умереть в состоянии покоя и счастья.

этим. Затем один из дикарей опомнился и, схватив копье, бросился на Лео, который стоял возле него.

— Беги скорее! — крикнул я, показывая ему пример и удирая из пещеры во всю силу моих ног. Но около входа стояла толпа, загораживая мне дорогу. Я все-таки выбрался из пещеры. За мной бежали Лео и Джон, а позади них ревели и вопила толпа каннибалов, разъяренная смертью женщины. Когда я перескочил через распростертое тело Магомета, то чувствовал жар от раскаленного горшка под ногами и заметил, что руки араба слабо двигались. Наконец мы все трое достигли площадки у входа в пещеру и решили дорого продать свою жизнь. Через несколько минут толпа, бежавшая по нашим следам, окружила нас. Джон стоял слева у скалы, Лео в центре, я справа.

Лео наклонился вперед и взглянул в темноту, откуда на нас неслись дикари, блестя своими копьями, страшные в своей молчаливой ярости, как бульдоги. Во мраке виднелся раскаленный шипящий горшок. Занесенный блеск появился в глазах Лео, и красивое лицо его словно закаменело.

В правой руке он держал тяжелый охотничий нож и ласково обнял меня.

— Прощай, старый дружище! — произнес он. — Мой дорогой друг, ты был для меня более, чем отец! Нам ничего не поделать с этими мошенниками, они покончат с нами в несколько минут, а потом съедят. Прощай, Джон, прощай!

— Божья воля! — произнес я, стиснув зубы и приготовляясь к смерти. В этот момент Джон вскрикнул, поднял револьвер и выстрелил.

Дикари бежали на нас с шумом. Мы с Джоном не переставали стрелять, пока не истратили заряды. Заряжать вновь было некогда.

Огромный дикарь вскочил на площадку, и Лео положил его на месте ударом своей сильной руки. Я убил другого, но Джон промахнулся; какой-то дикарь схватил его за туловище и повалил. Что было дальше с Джоном, я не знаю, потому что вступил в отчаянную борьбу с двумя злодеями, которые, на мое счастье, были без копий. В первый раз в жизни моя физическая сила оказалась мне услугой. Я воткнул свой большой охотничий нож, острый, как меч, в голову дикаря с такой силой, что сталь прошла насквозь, и нож выскользнул из моей руки.

Двое других прыгнули на меня, мы свалились на пол и начали кататься взад и вперед. Они были очень сильны, но

я обезумел от ярости и дрался как лев. Я обхватил их обеими руками, а они извивались, шипели, как змеи, и колоутили меня кулаками. Лежа на спине, так что тела дикарей защищали меня от ударов копьем, я почему-то вспомнил Кембридж, моих товарищей. Если бы они могли видеть меня теперь! Скоро мои противники ослабели и перестали бороться, дыхание их остановилось, и они затихли, но я не решился уйти от них, боясь, что они оживут.

Остальные дикари, вероятно, думали, что мы были мертвы, и не вмешивались в нашу трагедию.

Я повернул голову и увидел Лео, освещенного светом лампы на площадке. Он еще был на ногах, но находился в центре кучи рассвирепевших дикарей, которые готовы были растерзать его, как волки. Над ними виднелось его прекрасное бледное лицо с золотыми кудрями; я видел, что он боролся с энергией отчаяния. Дикари так тесно сплотились вокруг него, что не могли убить его копьями, а ножей у них не было. Наконец нож выпал из руки Лео, и он остался безоружным. Я думал, что конец его настал. Нет еще! Снова отчаянным усилием он оттолкнул дикарей, схватил труп убитого человека и, подняв его кверху, начал им махать вправо и влево. Пять или шесть человек свалились на землю, но скоро поднялись и, как волки, бросились на Лео. Еще раз Лео убил одного дикаря кулаком, но это было больше, чем мог сделать один человек против многих. Наконец силы оставили его, он упал на землю, уронив с собой всех, кто повис на нем.

— Копье! — кричал один дикарь. — Копье! Надо перерезать ему горло! Дайте сосуд, чтоб собрать его кровь!

Я закрыл глаза. Вдруг что-то произошло. Я невольно открыл глаза и увидел странную сцену. Устана бросилась на распростертую фигуру Лео и закрыла его своим телом, охватив его шею своими руками. Дикари пытались оттащить его, но она обвилась вокруг тела Лео и стерегла его, как собака. Тогда дикари пытались ударить его в бок, не задев ее, но она помешала им, и Лео был только ранен. Наконец дикари потеряли терпение.

— Проткни копьем вместе и человека, и женщину! — сказал голос. — Пусть они будут повенчаны!

Я видел поднятое копье и снова закрыл глаза.

Вдруг раздался чей-то громовой голос, далеко раздавшийся кругом.

— Довольно!!

Смертная слабость овладела мной, я потерял сознание.

МЕРТВАЯ КРАСАВИЦА

Когда я открыл глаза, то увидел, что лежу недалеко от костра, вокруг которого несколько времени тому назад сидели дикари, приготавливая к ужасному пиршеству. Около меня лежал Лео, а над ним склонилась высокая фигура Устаны, которая обмывала глубокую рану в боку, готовясь перевязать ее. Позади нее стоял Джон, невредимый, но испуганный и дрожащий. По другую сторону огня валялись трупы убитых нами людей, около 12 человек, не считая женщины, и тело бедного Магомета, которого убила моя пуля. Слева несколько новых людей связывали руки оставшихся в живых людоедов и скрепляли их по двое.

Негодяи покорились своей участи, по-видимому, спокойно, хотя это спокойствие мало согласовалось с их горевшими яростью глазами. Перед пленниками стоял старик Биллали, следивший за операцией. Он выглядел усталым, но походил на патриарха, со своей развевающейся бородой, и смотрел на пленников так холодно и безучастно, словно перед ним были быки, которых готовились вести на бойню.

Потом он обернулся и, заметив, что я сижу, подошел ко мне и очень любезно выразил надежду, что мне лучше. Я ответил, что у меня болит и ноет все тело. Он наклонился и осмотрел рану Лео.

— Скверный удар! — произнес он. — Но копье не задело внутренностей! Он оправится.

— Я рад, что ты вернулся, отец! — отвечал я. — Еще минута, и все было бы покончено! Эти дьяволы хотели убить нас, как убили нашего слугу.

Я указал на Магомета.

Старик стиснул зубы, и страшная злоба сверкнула в его глазах.

— Не бойся, сын мой! — ответил он. — Их постигнет такая участь, о которой страшно говорить. Они пойдут туда, где живет "Она", и их мучение будет достойно ее величия. Этот человек, — он указал на Магомета, — умер прекрасной смертью в сравнении с той, которая ожидает этих шакалов. Расскажи мне, пожалуйста, как это случилось?

В нескольких словах я передал ему все, что произошло.

— Так! — произнес он. — Да, сын мой, у нас существует обычай: если чужестранец приходит в нашу страну, убить его, надев ему на голову раскаленный горшок, и потом съесть!

— Странное гостеприимство, — возразил я, — в нашей стране мы ласково встречаем чужестранца, поим и кормим его. А здесь вы съедаете его!

— Таков обычай! — отвечал Биллали. — Я сам думаю, что это дурной обычай! Мне не нравится вкус мяса чужеземцев, особенно, когда они долго бродили по болотам и питались дичью! — добавил он, помолчав. — Когда "Она, которой повинуются все", приказала пощадить вашу жизнь, то ничего не сказала о черном человеке, а эти люди, настоящие гиены, захотели попробовать его мяса, и эта женщина, — ты верно сказал, — внушила им надеть на него раскаленный горшок. Лучше бы этим злодеям не родиться на свет, чем увидеть ужасный гнев "Той, которой повинуются все"!

— Счастливы те, которые умерли от нашей руки!

— Да, — продолжал он, — вы хорошо дрались. Знаешь ли ты, длиннорукая обезьяна, что ты раздавил все кости у твоих обоих противников, словно скорлупу от яйца? А молодой лев, он боролся с целой толпой. Трех он убил, а четвертый умирает, потому что его голова раздроблена. Это был чудесный бой, и я стал вашим другом, потому что люблю храбрых людей. Скажи мне, сын мой, твое лицо так напоминает обезьяну, как это случилось, что вы убили этих людей? Мне сказали, что вы сделали шум и убили их...

Я объяснил Биллали все, что мог, в коротких словах, потому что чувствовал себя усталым и говорил только потому, что боялся обидеть его. Растолковал ему, что такое порох и ружье. Тогда он попросил меня выстрелить в одного из пленников, чтоб показать ему на деле действие пороха и, кстати, воспользоваться случаем отомстить одному из негодяев. Биллали был очень удивлен, когда я пояснил ему, что мы не привыкли спокойно стрелять в людей, что мы предоставляем мщение закону и Высшему Могууществу. Я добавил: что когда отправлюсь, то возьму его с собой на охоту, где он убьет какое-нибудь животное. Он обрадовался моему предложению, словно дитя обещанной новой игрушке.

Лео открыл глаза под влиянием водки, которую Джон влил ему в горло, и мы замолчали.

Потом мы снесли Лео, который был в очень плохом состоянии, и положили в постель. Джон и Устана поддерживали его. Я готов был расцеловать добрую девушку за ее мужество, за то, что она рисковала своей жизнью, спасая моего мальчика. Но Устана была строгая молодая особа, с

которой нельзя было позволить себе никакой вольности. И я подавил свои чувства. Разбитый духом и телом, измученный, но с сознанием безопасности, я залег в свою нишу, не забыв поблагодарить Провидение от всего сердца за свое спасение. Немногие из людей были так близко от смерти и так счастливо избежали опасности!

Даже в спокойное время я плохо сплю вообще, а в эту ночь мои сны не были особенно приятны. Меня преследовала во сне фигура Магомета, убегающего от раскаленного докрасна горшка. В конце концов передо мной постоянно появлялась закутанная фигура, которая, от времени до времени, сбрасывала с себя покрывало и стояла передо мной или прекрасной цветущей женщиной, или безобразным скелетом, который произносил следующее изречение:

"Все живущее познало смерть; то, что мертво, не может никогда умереть, потому что в мире Духа жизнь есть ничто, и смерть — ничто. Да, все живущее вечно, хотя временами засыпает и забывается!"

Рассвело наконец. Я чувствовал, что совсем закоченел, и пытался встать. В семь часов явился Джон, сильно хромавший. Его круглое лицо походило на недозрелое, помятое яблоко. Он сказал мне, что Лео спал хорошо, но был очень слаб.

Через два часа Биллали (Джон называл его Билли-козел, потому что его белая борода придавала ему сходство с козлом) пришел к нам, держа в руке лампу, почти упираясь головой в своды маленькой комнаты. Я притворился спящим и сквозь опущенные веки наблюдал за его насмешливым, но красивым старческим лицом. Он устремил на меня свои совиные глаза, поглаживая свою огромную бороду.

— Ага! — забормотал он (Биллали имел привычку бормотать про себя). — Он безобразен, безобразен настолько, насколько молодой красив, настоящая обезьяна! Но я люблю этого человека. Пословица говорит: "Не доверяй людям и убей того, кому ты меньше всех доверяешь! Что касается женщин, беги от них, потому что они — зло и в конце концов погубят тебя!" Это хорошая пословица и перешла к нам из древности. Но мне нравится эта обезьяна, и я надеюсь, что "Она" не околдует его. Бедная обезьяна! Он устал после борьбы! Я уйду, чтобы не разбудить его!

Я подождал, пока он повернулся к входу, и позвал его.

— Отец мой, это ты?

— Да, сын мой, это я. Я уйду, чтобы не беспокоить тебя, хотя и пришел посмотреть, как ты себя чувствуешь, и

сказать тебе, что негодяи уже на пути к "Той, которой повинутся все". "Она" сказала мне, чтобы вы все также пришли туда, но я боюсь, что вы не в состоянии идти!

— Да,— ответил я,— надо подождать, пока мы оправимся. Прошу тебя, отец мой, помоги мне выйти на воздух. Мне нехорошо здесь!

— Да, да, — ответил он, — здесь тяжелый воздух! Я помню, когда был еще мальчиком, то нашел на том месте, где ты лежишь, мертвое тело прекрасной женщины! Она была так хороша, что я прокрался сюда с лампой, чтобы рассмотреть ее. Она была прекрасна. Цвет кожи ее был белый, а золотистые волосы висели до ног. Каждый день приходил я сюда, чтобы любоваться на нее, — не смеялся надо мной, чужестранец, — и в конце концов полюбил мертвую красавицу. Я часто целовал ее холодное лицо и думал о том, как счастлив был человек, который любил ее и обнимал. Да, это мертвое тело научило меня мудрости, говорило мне о суетности жизни, о величии смерти, о том, что все в мире имеет конец и забывается. Так шло время. Моя мать, очень наблюдательная женщина, заметила, что я изменился, стал серьезнее, начала следить за мной, увидела мертвую красавицу и испугалась, что я околдован ею. Пожалуй, это была правда! Моя мать взяла лампу, прислонила мертвую женщину к стене и подожгла ее волосы. Она сгорела вся до ног. Смотри, сын мой, след дыма еще остался под сводами!

— Она сгорела вся до самых ног, — продолжал Биллали мерным тоном, — одну ногу я спас, отрезав ее от кости, и спрятал под этим камнем, завернув в кусок холста. Затем, до сегодняшнего дня, я не входил сюда. погоди, я посмотрю!

Встав на колени, Биллали стал шарить своей длинной рукой под камнем. Вдруг лицо его вспыхнуло, и он вытащил что-то, покрытое пылью и завернутое в сгнившую тряпку. Когда он развернул, я увидел, к моему удивлению, красивую, чудной формы, женскую ногу, совершенно свежую и крепкую, как будто она была положена только вчера.

— Видишь, сын мой! — произнес Биллали печальным голосом, — я говорил тебе правду. Посмотри на эту ногу!

Я взял холодную ногу и долго рассматривал ее при свете лампы со странным чувством удивления, страха и очарования. Она была бела, белее, чем при жизни, и тело осталось телом, хотя от него исходил слабый аромат. Мертвая нога не сморщилась, не почернела, как у египетских

мумий, а осталась прекрасной, полной, хотя была немного опалена огнем. Бедная маленькая нога!

Я завернул в тряпочку эту реликвию и спрятал в свою сумку — странное место упокоения, потом с помощью Биллали пошел к Лео. Он был весь разбит, выглядел хуже меня, страшно ослаб от потери крови, но зато весел и просил поесть. Джон и Устана положили его на носилки и с помощью старого Биллали понесли к входу в пещеру. Там мы все позавтракали и провели весь день. Наутро третьего дня Джон и я совершенно оправились. Лео также чувствовал себя лучше, и я согласился отправиться в равнину Кор, где, как нам сказали, жила таинственная "Она".

Х

В ДОРОГЕ

Через час после этого было приготовлено у входа в пещеру пять носилок. У каждого носилок стояли четыре носильщика и двое людей на запас, а с ними кучка вооруженных воинов, которые должны были сопровождать нас и нести поклажу. Эти носилки предназначались для нас и для Биллали, который пожелал отправиться с нами. Я подумал, что пятые носилки были приготовлены для Устаны.

— Ведь девушка отправится с нами? — спросил я Биллали.

Он пожал плечами.

— Если желает! У нас женщины делают, что хотят. Мы преклоняемся перед ними, а если они сделаются невыносимы, то убиваем старух в поучение молодым, чтобы доказать, что мы сильнее их. Моя бедная жена была убита три года тому назад. Это очень печально, но сказать правду, сын мой, моя жизнь стала лучше с тех пор!

Через 10 минут мы находились уже в пути. Час с лишком шли мы по вулканической равнине. Дивный пейзаж открылся перед нами. Зеленеющая глубокая равнина раскинулась далеко кругом, кое-где прерываемая кучками деревьев. В глубине, под откосом равнины, дремало болото, над которым висели в воздухе испарения. Наши носильщики легко спустились по откосу, и к полудню мы добрались до окраин болот. Здесь остановились закусить, а потом по извилистой тропинке спустились в болото. Эта тропинка была почти не приметна для непривычного глаза, и я до

сих пор не понимаю, каким образом носильщики нашли дорогу по болоту.

Мы подвигались вперед, пока солнце село, и добрались по оазиса сухой земли, где Биллали предложил расположиться на отдых. Мы уселись на землю, вокруг костра, который развели из сухого дерева и тростника, принесенного с собой, с аппетитом поели и покурили. Странное дело! В этой стране было жарко, но временами мы зябли! Как бы то ни было, мы были очень довольны, что могли посидеть около огня, тем более что москиты боялись дыма.

Завернувшись в наши одеяла, мы приготовились уснуть, но необыкновенный шум, производимый тысячами бекасов, не допускал и возможности сна. Я повернулся и взглянул на Лео. Он дремал, лицо его было красно. При свете костра я увидел Устану, лежавшую рядом с ним, которая время от времени подымалась на локте и заботливо смотрела на него.

Проснулся я, когда уже светало, и наши носильщики двигались взад и вперед в тумане, как привидения, готовясь к дальнейшему путешествию. Костер погас. Я встал, дрожа всем телом от утреннего холода, затем посмотрел на Лео. Он сидел, держа голову обеими руками, лицо его было красно, глаза блестели, веки пожелтели: очевидно, у него была лихорадка, да и у Джона — также. Я сделал все что мог: дал им обоим по 10 граммов хинина и сам принял маленькую дозу, затем пошел к Биллали, объяснил ему, в чем дело, и спросил, что надо сделать. Он пошел со мной, взглянул на Лео и Джона, которого за его толщину и круглое лицо прозвал "свиньей".

— Ага! — произнес он. — Лихорадка! Я так и думал! У молодого льва тяжелый приступ болезни, но он молод и выживет. Что касается "свиньи", у него легкая лихорадка, которая всегда начинается болью в затылке!

— В состоянии ли он двигаться вперед? — спросил я.

— Да, сын мой, они должны двигаться вперед. Если они останутся здесь, то, наверное, умрут. Им будет лучше в носилках, чем на земле. К ночи, если все пойдет хорошо, мы перейдем болото и выберемся на чистый воздух. Ну, сядемте в носилки и отправимся, потому что нездорово оставаться здесь, в этом тумане. Поесть мы можем дорогой.

Мы так и сделали. С тяжелым сердцем я сел на носилки. Первые три часа все шло хорошо, потом случилось происшествие, благодаря которому мы едва не лишились нашего почтенного друга Биллали. Мы переходили наиболее опасную топь, где наши носильщики брели по колена в

воде. Я не понимал, как они ухитрились тащить тяжелые носилки, идя по болоту, которое ежеминутно грозило засосать нас. Вдруг раздался резкий крик восклицания, плеск воды, и весь караван остановился.

Я выскочил из носилок и побежал вперед. В двадцати ярдах от нас находился пруд стоячей воды, куда провалились носилки Биллали. Его не было видно нигде.

Оказалось, что один из носильщиков Биллали нечаянно наступил на змею, которая укусила ему ногу. Он схватился за носилки, чтобы не упасть. Носилки перевернулись, носильщики убежали, а Биллали и человек, укушенный змеей, покатались в прудок. Когда я подбежал к воде, несчастный носильщик не показывался более. Наверное, он стукнулся обо что-нибудь головой или топь засосала его, он исчез. Хотя Биллали также не было видно, но вода волновалась на том месте, куда упали носилки, и где, запутавшись в занавесках, лежал Биллали.

— Он там! Наш отец там! — заявил мне один из людей, но не пошевелил и пальцем, чтобы помочь ему так же, как и остальные, которые стояли и смотрели в воду.

— Прочь, скоты! — крикнул я по-английски и, сбросив шляпу, прыгнул прямо в стоячую зеленую воду пруда. Не знаю, как мне удалось освободить старика, но его почтенная голова, вся покрытая зеленой тиной, скоро показалась на поверхности воды. Дальше все пошло хорошо. Биллали был человек бывалый и помогал мне и себе выбраться из болота. Он не хватался за меня, как это делают обыкновенно утопающие, и не мешал мне. Я схватил его за руки и потащил к берегу, с трудом пробираясь среди ила и зелени. И, несмотря на то, что старик был весь покрыт илом и тиной, с растрепанной бородой, кашлял и чихал, он все же выглядел почтенным и внушающим доверие.

— Собаки! — обратился он к носильщикам, как только был в состоянии говорить. — Вы оставили меня, вашего отца, тонуть. Если бы здесь не было этого чужеземца, я, наверное, погиб бы! Хорошо, я вам припомню это!

Он устремил на них свои блестящие глаза с таким выражением, которое не обещало им ничего хорошего.

— А ты, мой сын, — продолжал Биллали, пожимая мне руку, — будь уверен, что я — твой друг и в счастье, и в несчастье. Ты спас мне жизнь; может быть, наступит день, когда я спасу твою!

После этого мы почистились сколько могли, сели в носилки и отправились далее. Несмотря на то, что один носильщик утонул, никто не был особенно огорчен этим об-

стоятельством. Не знаю, зависело ли это от темперамента или привычного ко всему равнодушия этого народа, но никто из них не пожалел безвременно погибшего человека.

XI

РАВНИНА КОР

За час до заката солнца, к моему удовольствию, мы выбрались из болот на сухую землю, которая представляла собой ряд волнистых возвышенностей, и на вершине одного из холмов остановились на ночлег. Моей первой заботой было посмотреть на Лео. Ему стало хуже. Началась рвота и продолжалась до рассвета. Ни минуты не уснул я в эту ночь, помогая Устане, усердной и неутомимой сиделке, ухаживать за Лео и Джоном. Воздух был теплый, и москиты исчезли. Мы находились теперь выше уровня болотистых испарений, так что положение наше было недурно.

Наутро у Лео начался жар, он стал бредить, что его разрезали на две половины. Мне было очень тяжело. Пока я смотрел на него с болью в сердце, ко мне подошел Биллали и сказал, что мы должны двинуться вперед, в особенности потому, что Лео нуждается в покое и уходе, иначе смерть его, несомненно, будет вопросом одного или двух дней. Я не мог не согласиться с ним. Мы положили Лео на носилки и отправились. Устана шла около носилок, отгоняя мух и наблюдая, чтобы больной не выбросился на землю.

За полчаса до восхода солнца мы достигли вершины холма. Внизу, у наших ног, расстилалась богатая страна, утопавшая в зелени и цветах. На расстоянии 18 миль от того места, где мы стояли, высилась огромная и необычайная гора. У основания горы находился зеленоющий откос, а на 500 футов выше уровня равнины я заметил огромную скалу над глубокой пропастью. Форма горы, которая носила отпечаток вулканического происхождения, казалась круглой. Вид этого большого натурального замка представлял собой величественное и внушительное зрелище, возвышаясь над уровнем равнины. Уединенность придавала ему еще более грандиозный вид, и его высокие утесы, казалось, целовались с небом, окутанным в большинстве случаев тяжелыми облаками. Я сел в носилки и смотрел на равнину.

— Смотри, вот дом "Той, которой повинуются все", — сказал мне Биллали. — Есть ли у другой королевы такой трон?

— Да, это удивительно, отец мой! — ответил я. — Но как мы войдем? На эти утесы нелегко взобраться!

— Увидим, Обезьяна! Посмотри, вот тропинка под ногами. Как ты думаешь об этом? Вот, смотри!

Я взглянул и увидел тропинку между скалами, обложенную дерном, по сторонам которой высились огромные утесы.

— Я думаю, что тут есть дорожка, отец мой, — отвечал я, — иначе можно было бы подумать, что это русло реки или канала!

Биллали кивнул головой.

— Ты прав, мой сын! Это канава, прорытая теми, кто жил до нас, чтобы отвести воду. Когда-то тут было большое озеро, пока те люди, что жили прежде нас, с удивительным искусством не вырыли тропинку в скалах. Но сначала они прорыли канал через равнину. Тогда вода бросилась в канал и затопила равнину: вероятно, от этого образовалось болото, по которому мы шли. Когда озеро высохло, народ выстроил тут прекрасный город, от которого теперь остались только развалины да название Кор!

— Может быть! — ответил я. — Отчего же озеро не наполняется вновь водой от дождей и ручьев?

— Сын мой! Народ, о котором я говорю, обладал мудростью и устроил водосточную канаву. Видишь ли ты эту реку, направо? — Он указал на ручей, пересекавший равнину, в четырех милях от нас. — Это и есть водосточная канава. Сначала, вероятно, вода стекала в канал, но позднее народ повернул ее сюда!

— А есть ли еще тропинка, по которой можно подняться на гору, — спросил я, — кроме этой канавы?

— Есть, — ответил Биллали, — но это тайна. Ты можешь искать целый месяц тропинку и не найдешь ее. Она сделана не более года тому назад!

— "Она" живет там всегда? — спросил я. — Или приходит сюда из-за горы?

— Да, мой сын, "Она" здесь и везде!

Мы находились теперь в равнине, и я залюбовался красотой тропических цветов и деревьев. Тут были дубы и пальмы удивительной высоты и какое-то поразительно красивое дерево с блестящими медовыми цветами, усыпанное длиннокрылыми бабочками. Между деревьями и в траве копошилась масса дичи и зверья, от зайца до носорога. Я заметил носорога, буйвола, антилопу, трех страусов, которые бросились бежать, услышав наше приближение.

В носилках лежала моя винтовка "Мартини". Заметив жирного оленя, я бросился за ним. Он подпустил меня к себе на восемь ярдов и повернулся, чтобы бежать. Я выстрелил. Животное подпрыгнуло и упало замертво. Носильщики остановились, вскрикнули от удивления. Биллали пришел в восторг.

Затем мы отправились дальше, без всяких приключений, пока наконец не добрались до пропасти, очутившись перед входом в мрачный туннель, который напомнил мне такие же сооружения в Европе, устроенные инженерами. Из туннеля вытекал ручей. Мы остановились у входа, и, пока люди зажигали лампы, которые захватили с собой, Биллали вылез из носилок и вежливо, но твердо заявил мне, что "Она" приказала завязать нам глаза, чтобы мы не знали потаенного пути через скалы. Я согласился на это, но Джон огорчился, полагая, вероятно, что это преддверие к церемонии "раскаленного горшка". Он несколько утешился, когда я уверил его, что ни у кого нет с собой горшка, также и огня, чтобы накаливать его. Что касается бедного Лео, то, промучившись несколько часов, он заснул тяжелым сном, и ему не было надобности завязывать глаза. Нам надели на глаза кусок желтого полотна, закрепили позади головы и концы завязали под подбородком, чтобы повязка не соскользнула. Устане, не знаю почему, также завязали глаза. Потом мы двинулись, и по звуку шагов носильщиков, и по шуму воды я понял, что мы вошли внутрь ущелья. Это было странное ощущение — находиться в недрах горы, но я ничему не удивлялся, потому что привык здесь ко всему. Я лежал молча, прислушиваясь к мирным шагам носильщиков, к шуму воды. Люди запели какую-то унылую песню, которую я слышал в тот вечер, когда нас взяли в плен. Скоро спертый воздух сделался так удушлив и тяжел, что я боялся задохнуться. Но вдруг носилки повернули куда-то, шум воды прекратился, свежий воздух пахнул мне в лицо. Снова поворот, еще и еще, я, с завязанными глазами, чувствовал себя прекрасно и старался представить себе этот путь, если нам придется бежать здесь, но не мог.

Около получаса мы шли так, как вдруг я почувствовал, что мы вышли на открытое место и сквозь повязку увидел свет и почувствовал свежесть воздуха. Через несколько минут носилки остановились, и я слышал, как Биллали приказал Устане снять с нас повязки. Не дожидаясь ее, я развязал узел и сбросил тряпку.

Как я полагал, мы прошли через пропасть и очутились на другом конце ее, на огромной скале, так что я мог различить мрачную линию противоположных утесов. Большая часть равнины была возделана и огорожена каменной стеной от вторжения скота в чудесные сады и зеленеющие поля.

У меня не было времени разглядывать окрестности, потому что нас окружила толпа народа и с любопытством разглядывала. Затем появились вооруженные люди под предводительством начальников, которые держали в руках мечи. На них была надета шкура леопарда. Это был, как я узнал, отряд телохранителей королевы.

Начальник их подошел к Биллали, раскланялся и что-то спросил. Биллали коротко ответил ему. Тогда стража повернула и направилась вдоль утеса, а наши носилки последовали за ними. Пройдя полмили, мы остановились у входа в ужасную и мрачную пещеру в 60 футов вышиной.

Биллали сошел с носилок и пригласил меня и Джона следовать за ним. Лео, конечно, был слишком болен для этого. Я повиновался и вошел в пещеру, наполовину озаренную лучами заходящего солнца. По стенам тускло мерцали лампы, словно газовые фонари на пустой лондонской улице.

Первое, что я заметил, были скульптурные украшения на стенах. Тут изображены были любовные сцены, охотничьи подвиги и мучения преступников под раскаленным горшком. Последнее, вероятно, нередко практиковалось у дикарей. Сцены битвы встречались очень мало, из чего я заключил, что этот народ нечасто подвергается нападению врагов, вероятно, в силу особенностей этой болотистой страны или собственной храбрости. Между скульптурными изображениями я заметил странные надписи, но не мог разобрать их стиль. Конечно, это не был ни греческий, ни египетский, ни еврейский, ни ассирийский стиль, они походили скорее всего на китайский характер письмен.

Отряд телохранителей королевы остановился у входа в пещеру, чтобы пропустить нас туда. При входе нас встретил человек в белой одежде, который молча и смиренно поклонился. Это был глухонемой.

На двадцать футов расстояния от входа в пещеру вправо и влево тянулась широкая галерея. У входа в левую галерею стояли два воина, из чего я заключил, что это, вероятно, вход в апартаменты королевы. Вход в правую был не защищен, и немой пригласил нас жестом отправиться туда. Пройдя несколько ярдов по галерее, освещенной лам-

нами, мы вошли в комнату, с тяжелой занавесью у входа. Немой отдернул ее и провел нас в новое помещение, вырубленное в скале, но ярко озаренное солнцем, к моему облегчению. В этой комнате находилось каменное ложе, сосуды с водой для мытья и шкуры леопарда вместо одеял.

Здесь мы оставили Лео и Устану. Я заметил, что немой дикарь бросил на нее острый взгляд, как бы спрашивая: кто ты такая и зачем пришла сюда?

Затем он провел нас в следующую такую же комнату, которую занял Джон, а потом указал еще две, в которых поместились мы с Биллали.

XII

"ОНА"

Первой моей заботой было немного помыться и почистить платье, которое мы не сменяли со времени гибели шхуны. К счастью, все наше имущество и платье, находившееся в лодке, было принесено сюда носильщиками. Я был очень доволен, что наше платье сделано из крепкой серой фланели, так как она была весьма пригодна для путешествия. Простой жакет и пара штанов — все это очень тепло и удобно для тропической страны, хорошо противостоит лучам солнца и не охлаждается быстро при внезапных переменах температуры.

Никогда не забуду я, как хорошо почувствовал я себя, когда помылся и переоделся в чистую фланель. Единственно, чего мне не доставало для полного комфорта, это куска мыла.

Потом я узнал, что народ Амахаггер употребляет для мытья кусок жженой земли, который имеет неприятный вид, но отлично заменяет мыло.

Я оделся, расчесал свою бороду, чтоб не походить совсем на обезьяну, как называл меня Биллали, и почувствовал голод. Поэтому я остался очень доволен, когда занавеска у входа в мою комнату без шума отдернулась, и вошла немая девушка, которая знаками показала мне, — открыв рот и указывая туда, — что для нас приготовлена закуска. Я последовал за ней в следующую комнату, где застал Джона, которого привела сюда, к его великому смущению, красивая немая девушка. Бедняга не мог забыть женщины с "раскаленным горшком" и подозревал в дурном намерении всякую приближавшуюся к нему женщину.

Комната, в которую мы вошли, была большая и, вероятно, когда-нибудь служила местом бальзамирования умерших. По бокам ее находились большие каменные столы и отверстия для воздуха. Я заметил, когда рассмотрел их внимательнее, что стол, находившийся слева, очевидно, предназначался для человеческого тела, потому что на нем было сделано возвышение для головы и поддержка для шеи. Скульптура, которой были украшены стены комнаты, изображала смерть, бальзамирование и похороны старика с длинной бородой, вероятно, древнего короля или сановника страны.

Третий рисунок изображал похороны умершего.

Эти скульптурные изображения были замечательны. Я рассматривал их с живым интересом. Но вот мы уселись за прекрасный обед, состоявший из козьего мяса и лепешек. Все это подавалось на чистых деревянных блюдах.

После завтрака мы пошли навестить бедного Лео, а Биллали ушел, сказав мне, что должен ожидать королеву и выслушать ее приказания. Лео был очень болен и бормотал что-то несвязное. Устана придерживала его. Я заговорил, и мой голос, казалось, успокоил его, он согласился принять хинин. Около часу просидел я у него. Наконец стало темно, и я едва различал его голову, лежавшую на подушке,— которую мы устроили, завернув мешок в одеяло,— как вдруг явился Биллали и с важным видом сообщил мне, что "Она" выразила желание видеть меня — редкая честь, нечасто выпадавшая на долю смертных. Мне кажется, он ужаснулся той холодности, с которой я принял эту честь, но, по правде говоря, я не чувствовал особой радости при мысли о встрече с дикой и мрачной королевой людоедов, как ни была она таинственна, тем более что голова моя была занята болезнью Лео. Я встал, чтобы последовать за Биллали, но в это время увидел что-то блестящее на полу. Может быть, читатель помнит, что в шкатулке Винцея вместе с обломком амфоры находилась еще скарабея, с изображением гуся и другого курьезного иероглифа "Suten se Ra", то есть "Царственный сын Ра". Так как эта скарабея была очень мала, то Лео пожелал вдеть ее в массивное золотое кольцо. Это кольцо я и нашел теперь на полу. Лео сбросил его на пол в пароксизме лихорадки. Опасаясь, что кольцо затеряется, я надел его на свой маленький палец и последовал за Биллали.

Мы прошли левый коридор и вошли в коридор по другой стороне пещеры, где у входа, словно две статуи, стояли два воина. Они склонили голову в знак приветия. Мы прош-

ли мимо них и очутились в галерее, которая была ярко освещена. Нас встретили четверо немых людей — двое мужчин и две женщины, — которые поклонились нам, потом женщины встали впереди нас, а мужчины — позади. В таком порядке наша процессия двинулась вперед, миновала несколько входов с занавесами, похожими на наши, которые вели в помещение прислужников королевы. Еще несколько шагов, и мы дошли до конца галереи. Два стража, в одеждах из желтоватого полотна, также поклонились нам и пропустили нас в следующее помещение, где восемь или десять желтоволосых женщин, по большей части, молодых и красивых, сидели на подушках, работая над чем-то вроде вышивки. Все они были глухонемые. На дальнем конце комнаты находился еще вход, завешанный тяжелым, в восточном вкусе, ковром, где стояли две очень красивых девушки. Когда мы подошли к ним, они отдернули тяжелый занавес. Тут Биллали проделал курьезную вещь. Этот почтенный джентльмен лег на живот и в такой некрасивой позе, с длинной белой бородой, которая волочилась по полу, пополз на руках и коленках в следующую комнату. Я последовал за ним на ногах. Взглянув через плечо, он заметил это.

— Ляг на пол, сын мой! Ползи! — произнес он. — "Она" присутствует здесь, и если ты не будешь скромн, "Она" поразит тебя на месте.

Я остановился и почувствовал ужас. Мои колени начали сгибаться, но разум пришел мне на помощь. Зачем я, англичанин, буду ползать, подобно дикарю, в присутствии дикой королевы? Я не мог сделать это, хотя бы от этого зависела моя жизнь!

Подкрепив себя размышлением, я смело пошел вперед и очутился в маленькой комнате, стены которой были завешены богатыми тканями, — работой, как я узнал после, немых женщин. Там и сям в комнате стояли стулья из черного дерева с украшениями из слоновой кости, пол был покрыт ковром. В конце комнаты я заметил уединенный уютный уголок, завешенный занавесом, сквозь который пробивались лучи света.

Биллали не был мастером по части ползанья, и мы медленно двигались по комнате, так как я соразмерял свои шаги с его движениями.

Наконец мы добрались до занавеса, Биллали ткнулся в него, протянув вперед руки, словно собираясь умирать. Я, не зная, что делать, оглядывал комнату и вдруг почувствовал, что кто-то смотрит на меня из-за занавеса.

Страх овладел мной. Кругом царила тишина, Биллали, как труп, лежал перед занавесом, комната, озаренная светом ламп, была напоена чудным ароматом. Минута шла за минутой. Все было тихо: ни признака жизни, ни одного движения. Я чувствовал на себе чей-то взгляд, пронизывавший меня насквозь, и был так испуган, что дыхание спиралось у меня в груди.

Наконец занавес пошевелился. Кто был там?

Занавес снова пошевелился, и между складками его появилась прелестная, белая, как снег, рука с длинными тонкими пальцами и изящными ногтями. Рука приподняла занавес, и я услышал удивительно нежный серебристый голос.

— Чужестранец,— сказал голос на чистейшем и классическом арабском языке,— отчего ты так испугался?

Я сохранил настолько самообладания, что не выдал своего удивления. Но прежде чем я ответил, из-за занавеса вышла и остановилась высокая фигура.

Все тело ее и лицо было закутано белым газом, так что напомнило мне мумию в могильном одеянии.

Я испугался еще более при появлении этого призрачного существа, и волосы зашевелились на моей голове, хотя я мог ясно различить в этой мумии высокую и прекрасную женщину, обладающую удивительной, почти змеиной гибкостью и грацией.

— Отчего ты испугался, чужестранец? — снова повторил нежный голос, звучавший как музыка, но проникавший до самого сердца. — Разве я так страшна, что могу испугать мужчину? Надо полагать, что мужчины сильно изменились!

С легким и кокетливым движением стана она обернулась, словно желая показать всю свою красоту и роскошные волны черных волос, спускавшихся до полу, до обутых в сандалии ног.

— Твоя красота поразила меня, о, королева! — ответил я скромно, не зная, что сказать, и мне послышалось, что старый Биллали, лежавший на полу, пробормотал: "Хорошо, моя обезьяна, хорошо!"

— Я вижу, что мужчины умеют льстить женщинам! — ответила она со смехом, звеневшим, как серебряный колокольчик. — Ты испугался, чужестранец, потому что мой взгляд проник в твое сердце. Но так как я женщина, то прощаю тебе ложь, сказанную так любезно! Теперь скажи мне, как вы попали в эту страну, в страну пещер, болот, злодеяний и теней смерти? Зачем вы пришли сюда? Как

решились вы вручить свою жизнь в руки Хийя, или "Той, которой повинуются все"? Почему ты знаешь мой язык? Это древний язык, сладкозвучное дитя старой Сирии. Что делается в мире? Я живу в пещерах, среди мертвецов, и ничего не знаю о людях и не забочусь об этом. Я живу, чужестранец, моими воспоминаниями, и эти воспоминания лежат в могиле, вырытой моими собственными руками!

Ее чудный голос дрогнул и зазвенел. Вдруг глаза ее упали на фигуру Биллали, и она вспомнила о нем.

— А, это ты, старик! Скажи мне, как случилось это безобразие в твоём хозяйстве? Кажется, мои гости были в опасности? Одного из них хотели убить и съесть твои дети, эти скоты, и если бы чужестранцы не дрались с такой смелостью, то были бы убиты, и я не могла бы ничего поделать. Что это значит, старик? Не должна ли я наказать тебя за это?

Голос ее звучал гневно и холодно. Биллали, который вовсе не был трусом, замер от ужаса.

— О, Хийя, великая королева! — вопил он, лежа на полу. — Будь милостива, я твой верный слуга! Это не моя вина. Женщина, над которой посмеялся один из белых гостей, внушила им следовать старинному обычаю и съесть толстого черного молодца, который пришел с твоими гостями, Обезьяной и Львом, — бедный Лев, он очень болен. Обезьяна и Лев убили женщину и черного слугу, чтобы спасти его от ужасной смерти. Тогда эти скоты, опьяненные жаждой крови, набросились на твоих гостей. Но белые храбро боролись с ними. О, Хийя! Они дрались, как мужи, и убили многих, и я пришел и спас их, а злодеев послал сюда, в равнину Кор, чтобы ты, великая, судила их! Они здесь теперь!

— Да, старик, я знаю. Завтра я сяду в большом зале и буду судить их! А тебя прощаю. Смотри, чтобы впредь этого не случилось у тебя! Иди! *

Биллали поднялся с полу и, стоя на коленях, трижды поклонившись до земли, пополз из комнаты и исчез за занавесом, оставив меня одного с этой ужасной, но очаровательной женщиной.

ХІІІ

АЭША

— Ушел! — произнесла "Она". — Ушел седебородый глупец! Как мало познаний приобретает человек в жизни. Подобно воде, жизнь проскальзывает у него между паль-

цев, и если пальцы его чуть-чуть мокры, как от росы, целое поколение глупцов кричит: вот истинно мудрый человек! Разве это не верно? Но, скажи мне, как зовут тебя? "Обезьяна" — так называет тебя Биллали...— Она засмеялась. — Это манера дикарей — давать имена животных людям! Как называют тебя в твоей стране, чужестранец?

— Меня зовут Холли, королева! — отвечал я.

— Холли! — повторила она, с трудом выговорив слово, но произнеся его с красивым акцентом. — Что такое "Холли"?

— Холли — значит колючее дерево! — ответил я.

— Так. Ты выглядишь действительно крепким и колючим деревом. Ты силен и безобразен, и если я не ошибаюсь, честен в сердце своем, на тебя можно положиться. Ты привык много думать! Но чего же ты стоишь, Холли? Войди и садись! Я не хотела бы видеть тебя ползающим, как раб! Мне противны их поклонение и страх передо мной!

Она откинула занавес своей прекрасной рукой, чтобы я мог войти.

Я вошел, содрогаясь. За занавесом находился уголок, где стояло ложе и стол. На столе были фрукты и прозрачная вода в вазе. В конце комнаты находился каменный сосуд в виде купели, также наполненный водой. Освещенный светом ламп, этот уголок комнаты был полон аромата.

Благоухание исходило также от блестящих волос и белого одеяния королевы.

Я сел в ногах ложа, "Она" опустилась на другой конец его.

— Теперь, Холли, — произнесла "Она", — каким образом ты умеешь говорить по-арабски? Я родилась в Аравии, это дорогой для меня язык! Моя родина — древний и прекрасный город Озаль, я родилась от народа нашего отца Гараба, сына Катана. Ты не умеешь так говорить, как мы. Твой язык звучит музыкой сладкого наречия племен Ха-миар... Некоторые слова изменены здесь, у народа Амахагер, и я говорю с ними на другом наречии!

— Я изучал этот язык много лет, — отвечал я. — На этом языке говорят в Египте и еще во многих странах!

— На нем говорят в Египте и теперь? Фараоны все еще царствуют там? А персы?

— Персы ушли из Египта две тысячи лет тому назад. С тех пор владычествовали Птолемеи, римляне и многие другие процветали на берегах Нила, пока не пришло время их падения!

— А Греция? — произнесла она. — Существует ли Греция? Я любила греков. Они были красивы, как ясный день, и умны, но жестоки и вероломны!

— Да, — сказал я, — Греция существует, существуют и греки. Но нынешние греки вовсе не похожи на древних греков, и теперешняя Греция кажется насмешкой над прежней богатой страной!

— Так! А евреи все еще в Иерусалиме? Существует ли храм, выстроенный мудрым королем? Какому Богу поклоняются они теперь? Пришел ли Мессия, о котором они громко пророчествовали? Он ли управляет землей теперь?

— Иудеи разбиты и ушли, остатки великого народа разбились повсюду и Иерусалима больше нет. Что касается храма, выстроенного Иродом...

— Ирод! — прервала она. — Я не знаю Ирода. Говори!

— Римляне сожгли его, и римские орлы летали над его развалинами. Иудея представляет собой пустыню!

— Так. Эти римляне были великим народом и шли прямо к своей гибели!

— *Solitudinem faciunt, pacem appellant**, — добавил я.

— Ага, ты можешь говорить и на латинском языке? — произнесла "Она" с удивлением. — Как странно звучит он в моих ушах после стольких лет. Мне кажется, я встретила ученого мужа, чьи руки умели держать воду мудрости! Ты знаешь и греческий язык?

— Да, королева, и еврейский, но не могу говорить на них. Это мертвые языки теперь!

"Она" радостно захлопала в ладоши.

— Это верно, хотя ты безобразное дерево, но приносишь плоды мудрости, о Холли! — произнесла Аэша. — Но скажи мне про этих иудеев, которых я ненавидела, потому что они называли меня "язычницей", когда я хотела научить их моей философии, пришел ли их Мессия?

— Их Мессия пришел, — отвечал я, — но пришел бедный и простой, и они не захотели Его, оскорбляли и смеялись над Ним и распяли Его наконец, Его дела и слово вечно живы, потому что Он был Сын Божий и теперь управляет миром!

— Ах, эти жестокосердые волки! — произнесла она. — Приверженцы суеты, жадные до денег! Я, как сейчас, вижу их мрачные лица! Так они не признали Мессию? Я верю этому. И Он был Сыном Вечного Духа и пришел без пышности и величия? А они, этот избранный народ Того,

* Они создают пустыню и называют это миром (лат.).

Кого они звали Иегова, этот сосуд Ваала, Астарты, египетских богов, прожорливый народ, жаждущий богатства и власти, они не признали своего Мессию, потому что Он был беден и скромен, и рассеялись по всей земле!

— Да, да, я помню, об этом говорили пророки. Пусть их! Эти иудеи разбили мне сердце, смотрели на меня злыми глазами, и когда я хотела научить их мудрости, их белобородые лицемеры и раввины внушали народу, у ворот храма, побить меня! Смотри, вот знак, оставшийся с тех пор!

Она внезапным движением отвернула газ, окутывавший ее прекрасную руку, и показала мне шрам, красневший на молочной белизне руки.

Я испуганно отскочил назад.

— Прости меня, королева, — сказал я, — но я ничего не понимаю. Две тысячи лет прошло с тех пор, как Иисус был распят на Голгофе. Как же ты могла учить иудеев философии, прежде чем Он пришел на землю? Ты — женщина, а не дух! Может ли женщина жить 2000 лет? Зачем ты дурачишь меня, королева?

Она откинулась назад, и я почувствовал блеск ее взгляда, который проник в мое сердце.

— О, человек! — произнесла она тихо и спокойно. — Это тайна, которой ты не знаешь! Почему ты думаешь, что все живущее умирает? Ничто и никогда не умирает! Смерти нет, есть только Перевоспложение! Смотри, — она указала на скульптурные изображения, — шесть тысяч лет прошло с тех пор, как великая раса погибла под дыханием разрушительной болезни... Но они живут и теперь. Может быть, их души присутствуют здесь с нами, в этот час! — Она оглянулась кругом. — Иногда, мне кажется, я вижу их!

— Да, но для мира они умерли навсегда!

— Нет, на время, и возродились снова и снова... Я, Азша, — так меня зовут, чужестранец, — говорю тебе, что я жду возрождения любимого человека, и знаю наверное, что он придет сюда, ко мне! Ты знаешь, я всемогуща, моя красота превосходит красоту греческой Елены, которую воспели поэты, моя мудрость выше мудрости Соломона, я знаю тайны земли, могу устроить все для своей пользы, зачем, скажи мне, чужестранец, я остаюсь здесь с этими варварами, которые хуже животных?

— Не знаю! — отвечал я скромно.

— Потому, что я жду того, кого люблю! Быть может, жизнь моя была злом, я не знаю, потому что кто может сказать, что такое зло или добро?

На минуту я растерялся и не мог отвечать. Это было выше всякого понимания.

— О, королева, — произнес я наконец, — если мы, люди, не умираем, а только меняем оболочку и снова родимся... то, как же те, которые никогда не умирали?..

— Да, — ответила она с блеском в глазах, — я разгадала одну из величайших загадок мира. Скажи мне, чужестранец, жизнь существует — почему не может она длиться бесконечно? Что такое десять, двадцать, пятьдесят тысяч лет в истории жизни? Почему гора стоит десятки тысяч лет под бурей и дождем? Эти пещеры не изменились за две тысячи лет, не изменились и животные, и человек, который подобен животному. В этом нет ничего удивительного. Природа имеет живительную силу, а человек — дитя природы и должен проникнуться этой силой и жить ее жизнью! Он не будет жить вечно, потому что сама природа не вечна и должна умереть или заснуть, пока не наступит время ее пробуждения. Но когда она умрет? И пока она живет, человек, познавший ее тайны, живет с ней. Для тебя, несомненно, это великая загадка. Скажи мне, был ли ты удивлен, что я узнала о вашем приезде сюда и спасла вашу жизнь?

— Да, королева, — отвечал я.

— Смотри в воду! — Она указала мне на сосуд, похожий на купель, наклонилась и подняла над ним свою руку. Я встал и смотрел. Вода потемнела, потом просветлела, и я совершенно ясно увидел нашу лодку на этом ужасном канале. На дне ее спал Лео, прикрыв лицо от moskitov, около него сидели я, Джон и Магомет.

Я отскочил назад, вскричав, что это колдовство, потому что узнал каждую подробность сцены.

— Нет, нет, Холли, — ответила она, — это не колдовство! Это твое невежество! Я не умею колдовать, я знаю только тайные силы природы. Эта вода — мое зеркало, и в ней я вижу все, что мне нужно. Я могу показать тебе твое прошлое, или припомни какое-нибудь лицо, и я покажу его тебе в воде! Я далеко не знаю всех тайн природы, я не умею читать в будущем. В Аравии и Египте колдуны умели разгадывать его несколько веков тому назад!

Однажды я вспомнила о старом канале, по которому плавала 20 лет тому назад, и захотела увидеть его. Взглянув в воду, я увидела лодку, троих людей и еще одного

молодого человека, спавшего на дне лодки, и приказала пощадить вас. Теперь прощай! Погоди, скажи мне что-нибудь об этом юноше, о Льве, как его называет старик. Я хотела бы взглянуть на него, он болен лихорадкой и ранен?

— Он очень болен! — ответил я печально. — Не можешь ли ты, королева, помочь ему?

— Конечно. Я могу вылечить его. Но отчего ты так печально говоришь о нем? Ты любишь юношу? Он сын твой, может быть?

— Он мой приемный сын, королева. Можно принести его сюда к тебе?

— Нет. Давно ли он заболел лихорадкой?

— Третий день сегодня.

— Хорошо. Оставь его полежать еще день. Быть может, молодость и сила одержат верх над болезнью, и это лучше, чем мое лечение. Если завтра ночью, в тот самый час, когда началась с ним лихорадка, он не почувствует себя лучше, я приду и полечу его. Кто ходит за больным?

— Наш белый слуга, которого Биллали называет "свиной" и еще, — добавил я нерешительно, — женщина по имени Устана, красивейшая из женщин этой страны. Она подошла и поцеловала Лео, как только увидела его и осталась с ним с тех пор, по обычаю твоего народа, королева!

— Моего народа! Не говори мне о моем народе! — ответила она сурово. — Эти рабы не могут быть моим народом, собаки, приставленные ко мне, пока не наступит день моего освобождения! Что касается их обычаев, я не имею ничего общего с ними! Не зови меня королевой, мне надоело это, а зови Аэшой. Это имя так хорошо звучит в моих ушах. Устану я совсем не знаю. Не тот ли это юноша, которого я жду? Ну, увижу потом!

Наклонившись, она провела рукой над водой.

— Смотри, — произнесла она, — эта женщина?

Я посмотрел в воду и увидел силуэт Устаны, которая стояла, нагнувшись, с бесконечной нежностью глядя на что-то, и локон ее волос опустился на правое плечо.

— Это она! — произнес я тихо. — Она бережет сон Лео!

— Лео? — повторила Аэша. — Лео значит лев по-латыни. Старик удачно назвал его львом. Странно, странно, — продолжала она, — так похож! Это невозможно! — Нетерпеливым жестом она провела рукой над водой.

— Не желаешь ли ты чего-нибудь спросить у меня, Холли? — заговорила Аэша после минутного раздумья. —

Тебе тяжело жить там, среди дикарей? Посмотри, чем я питаюсь! — Она указала на фрукты. — Я не ем ничего, кроме фруктов, хлеба и воды. Мои служанки ожидают тебя! Они глухонемые, но верны и преданы мне, и я умею понимать их! Я сама воспитывала их. Это продолжалось несколько столетий и стоило многих хлопот. Первое поколение моих воспитанниц оказалось безобразным, и я позволила им умереть! Теперь, как ты видишь, все они красивы. Я хотела воспитать целую расу великанов, но природа не допустила этого. Что ты хочешь спросить у меня?

— Только одно, Аэша, — ответил я смело, — позволь мне взглянуть на твое лицо!

Она засмеялась звенящим смехом.

— Подумай, Холли, подумай! Ты, наверное, знаешь древние мифы греческих богов. Разве Актеон не погиб, увидев необыкновенную красоту? Если я покажу тебе мое лицо, ты, наверное, погибнешь, или тебя охватит жгучая страсть ко мне! Но я не для тебя, я — для другого человека, который еще не пришел!

— Как хочешь, Аэша, — произнес я, — но я не боюсь твоей красоты. Сердце мое давно отвернулось от женщин, красота которых мимолетна, как цветок!

— Ты ошибаешься, — возразила она, — красота не мимолетна! Моя красота не исчезнет, пока я живу. Если хочешь, безрассудный человек, я исполню твое желание, но не сердись, если страсть твоя превысит рассудок! Никогда мужчина, увидев мою красоту, не забудет ее! Я должна скрывать мое лицо даже от дикарей. Смотри!

— Я хочу видеть твое лицо! — отвечал я, так как мое любопытство превозмогло страх.

Она подняла свои белые, прекрасные руки и медленно, очень медленно раз дотронулась до своих волос. Вдруг длинная пелена, окутывавшая ее глаза, упала на пол, и моим глазам явилась дивная, царственная фигура, одетая в прозрачную белую одежду, под которой видны были царственные формы тела. На ногах ее были надеты сандалии, застегнутые золотыми пряжками. Я никогда не видел ног такой совершенной красоты. Ее белая одежда была скреплена у пояса двухголовой золотой змейкой, и прекрасная грудь сияла снежной белизной. Я взглянул в ее лицо и отступил, пораженный и ослепленный. Мне приходилось слышать о небесной красоте, но это было не то. В красоте Аэши не было идеальной чистоты и невинности. Это была красота зла, иначе я не знаю, как назвать ее. Я не в силах, не могу описать ее. Не родился тот человек, который

мог бы описать ее! Великолепные глубокие и нежные черные глаза, точно изваянное лицо, благородный, чистый лоб, изящные классические черты и роскошные волосы, — вот все, что я могу сказать. Но захватывающая красота Аэши состояла не в прекрасном лице, а в необыкновенном величии, царственной грации, в божественном отпечатке могущества на всей ее фигуре. Никогда не мог я предполагать, что может быть такая возвышенная и мрачная красота! Это было лицо молодой женщины, не старше 30 лет, в расцвете сил и созревшей красоты, с отпечатком пережитых страстей и страданий. Даже прелестная улыбка, скользившая иногда в углах ее губ, не могла сгладить этой тени греха и печали

Охваченный магнетической силой, которой не мог противостоять, я смотрел в ее необыкновенные глаза и чувствовал, словно ток пробежал по моему телу и парализовал меня.

Она засмеялась и кивнула мне маленькой головкой с кокетливым видом, достойным самой Венеры.

— Безрассудный человек! — произнесла она. — Я исполнила твоё желание, будь осторожен, чтобы не погибнуть, как Актеон. Я подобна богине, Холли!

— Я видел твою красоту и ослеплен ею! — произнес я, прикрывая глаза рукой.

— Красота подобна молнии, Холли! Она очаровывает и убивает!

Она снова кивнула головой и засмеялась.

Вдруг сквозь пальцы я заметил, что лицо ее изменилось. Большие глаза были устремлены вперед с выражением ужаса. Прекрасное лицо сделалось суровым.

— Человек! — произнесла она, полушипя, откинув назад голову, как собравшаяся прыгнуть на жертву. — Человек! Откуда у тебя эта скарабея на руке? Говори, или, клянусь Духом Жизни, я поражу тебя на месте! — Она сделала шаг ко мне, и в глазах ее загорелся зловещий огонь. В ужасе я упал перед ней на пол, бормоча про себя что-то несвязное.

— Успокойся! — сказала она, снова меняя тон, прежним мягким голосом. — Я испугала тебя! Прости меня! Иногда в раздражении я невольно злоупотребляю своей силой! Ты был близок к смерти... Но скарабея, говори, откуда ты ее взял?

— Я нашел ее, — пробормотал я слабо, так как совершенно забыл в эту минуту, что нашел кольцо в комнате Лео.

— Странно, — произнесла Аэша с видимым волнением и дрожью, — я видела такую же скарабею на шее того, кого я любила! — И она зарыдала, как самая обыкновенная женщина. — Быть может, она похожа на ту, — продолжала она, — а тот, кто носил ее, так глубоко дорожил ею*. Скарабея, которую я видела прежде, не была вделана в кольцо. Теперь иди, Холли, и постарайся забыть, что видел красоту Аэши!

Отвернувшись от меня, она бросилась на ложе и спрятала лицо в подушки. Я не помню, как ушел от нее и добрался до своей пещеры.

XIV

ЗАКЛИНАНИЯ АЭШИ

Было около 10 часов вечера, когда я бросился на свою постель, старался собрать свои мысли и обдумать все, что я слышал и видел. Но чем более я думал, тем меньше понимал. Был ли я пьян, с ума сошел или грезил наяву? Возможно ли, чтобы я, человек положительный, имеющий кое-какие познания в науке, абсолютно не доверявший всяким фокусам, которые в Европе называются "сверхъестественным явлением", мог допустить, что в течение нескольких минут беседовал с женщиной, имевшей от рода 2000 лет! Была ли это мистификация или что другое? Что же такое эти фигуры, которые я видел в воде, это необыкновенное знакомство с древностью и положительное неведение настоящего? Что я должен думать об этой удивительной поражающей красоте?

Я схватил себя за волосы, вскочил с ложа, чувствуя, что схожу с ума. Что подумала она о скарабее?

Эта скарабея, взятая из ящика Винцея, который он принес мне двадцать один год тому назад, принадлежала Лео. Возможно ли, что вся эта история верна? Если так, то, может быть, Лео тот человек, которого ждет "Она", — умерший человек, который должен возродиться! Невозможно! Но если женщина может прожить 2000 лет, тогда возможно и все остальное! Быть может, я сам перевоплотился из какого-нибудь забытого лица или далекого предка. К несчастью, я ничего не помнил из прошлого! Эта

* Один ученый египтолог, которому я показал эту красивую скарабею, сказал мне, что никогда не видел подобной. Я думаю, что эта скарабея играла видную роль в трагической истории принцессы Аменартас и ее возлюбленного Калликрата, жреца Изиды.

мысль показалась мне до того нелепой, что я разразился хохотом и, обратившись к скульптурному изображению мрачного воина на стене, громко произнес:

— Кто знает, старый дружище! Быть может, я жил в одно время с тобой! Клянусь Иовом! Быть может, я был тобой, а ты — мной! — Затем я снова засмеялся, и звуки моего смеха странно раздались под сводом, словно дух воина смеялся вместе со мной.

Я вспомнил, что не видал еще Лео, и, взяв лампу, проскользнул ко входу в его спальню. Ночной воздух колыхал занавес, словно невидимые духи шевелили его. Я проскользнул в комнату и огляделся. При свете лампы я увидел Лео, лежавшего на ложе. Он спал. Рядом с ним, держа его в руку в своих руках, облокотившись на ложе, полулежала Устана и дремала. Оба они представляли прекрасную и трогательную группу. Бедный Лео! Его щеки пылали, под глазами залегла тень, и дыхание было прерывисто.

Он был тяжело болен. Меня охватил страх, что он может умереть, и я останусь один на свете. Тогда я начал молиться в сердце своем, чтобы Бог спас моего мальчика и сохранил ему жизнь.

Я вышел из комнаты и вернулся к себе, но не мог уснуть. Мысли, видения, образы — все это мешалось в моей голове. И над всем этим неотступно стоял образ ужасной, очаровательной женщины с ее поразительной красотой.

Вдруг я заметил, что в стене было узкое отверстие, которого я не видел раньше. Взяв лампу, я начал рассматривать его: отверстие вело в узкий проход. Конечно, это было не особенно приятно, в нашем положении, найти потасканный ход в свою спальную комнату, по которому могут войти люди и застать тебя спящим. Я направился в проход, походивший на коридор, который привел меня к каменной лестнице; я спустился по ней и очутился в туннеле, вырытом в скале, находившемся как раз под нашими комнатами. Тут было тихо и пустынно. Я шел вперед, бесшумно ступая по полу и, пройдя около 50 ярдов, добрался до третьего коридора. Вдруг лампа моя погасла, и я остался в полнейшем мраке. Что делать? Ужасно было идти вперед в темноте, но нельзя было и стоять тут всю ночь. Я оглянулся. Ни звука, ни шороха. Я двинулся вперед... вдали мне почудился слабый свет. Медленно пробирался я по туннелю, держась за стену и боясь упасть куда-нибудь. Еще тридцать шагов — там виднелась широкая полоса света, пятьдесят шагов — близко, рукой подать! Шестьдесят шагов... О, праведное Небо!

Я находился у занавеса и мог ясно видеть маленькую пещеру, похожую на могильный склеп и освещенную белым пламенем огня, горевшего в центре пещеры. Слева находилось каменное ложе, на котором лежал, как мне показалось, труп, прикрытый белым. Справа — такое же ложе, покрытое вышитой тканью. Над огнем склонилась фигура женщины, смотревшей на пламя. Она встала на колени, боком ко мне, вся закутанная в темный плащ, делавший ее похожей на монахиню. Я не знал, что делать. Вдруг конвульсивным движением женщина встала на ноги и сбросила темный плащ. Это была "Она".

Одетая в белую одежду, она была так же прекрасна, как во время беседы со мной. Ее роскошные волосы тяжелой волной падали до полу. Мои глаза приковались к ее лицу, словно я был околдован. Отчаяние и страсть исказили ее прелестные черты. Глаза были полны несказанной муки. С минуту она стояла неподвижно, потом подняла руки над головой, и белая одежда соскользнула к ее ногам, обнажив ослепительную красоту тела. Она стояла, стиснув руки, и выражение злобы появилось на ее лице. Я подумал о том, что случилось бы, если бы она увидела меня, и чуть не упал от ужаса. Но, если бы мне грозила смерть, я не в силах был пошевелиться и уйти. Руки ее опустились, опять поднялись над головой, и я видел, как белое пламя двигалось за ними, до самого свода пещеры, бросая призрачный отблеск на ее фигуру, на труп, лежавший на камне, и на всю пещеру.

Прекрасные руки снова опустились, и она заговорила или, вернее, зашипела по-арабски слова, от которых кровь застыла в моих жилах и сердце замерло в груди.

"Проклятие ей, пусть она будет проклята навеки!"

Руки поднялись и упали, так же, как и пламя.

"Проклятие ее памяти! Проклята будь память египтянки!"

"Проклятие ей, дочери Нила, за ее красоту!"

"Проклятие ей за то, что ее волшебство сильнее моего!"

Аэша закрыла глаза руками и вскричала:

— Какая польза в этом проклятии? Она оказалась сильнее и ушла от меня! — Потом, с новой ужасающей энергией, она заговорила:

"Проклятие ей, где бы она ни была! Пусть мое проклятие застигнет ее везде и отравит ей час смерти!"

"Проклятие ей, через огромные звездные пространства! Пусть будет проклята ее тень!"

Пламя упало. Аэша закрыла глаза руками.

— Это безумие! — произнесла она. — Как может коснуться проклятие того, кто спит сном смерти?

И снова она начала свои заклинания.

"Проклятие ей, если она возродится вновь! Пусть она родится уже проклятой!"

Пламя поднималось и падало, отражаясь в измученных глазах Аэши. Страшный шепот ее проклятий раздавался в стенах пещеры и замирал под сводами. Свет и мрак попеременно отражались на белой зловещей фигуре, распростертой на камне.

Наконец Аэша, видимо, устала и умолкла. Она села на пол, закрыв лицо и грудь своими дивными волосами и начала горько, отчаянно рыдать.

— Две тысячи лет, — бормотала она, — две тысячи лет я ждала и терпела. Века ползут медленно, время тянется бесконечно, искра надежды угасает. О, прожить две тысячи лет, терзаясь страстью, которая гложет сердце! О, как бесконечны эти скучные годы! Любовь моя! Любовь моя! Зачем чужестранец вернул мне эту страсть? Долгих пять веков я не страдала так, как теперь! Если я согрешила против тебя, то не омыла ли мой грех слезами раскаяния? Когда ты придешь ко мне, мой возлюбленный? Почему я не умерла с тобой, когда убила тебя? Увы! — Она упала лицом на пол и так отчаянно зарыдала, что я боялся, что ее сердце разорвется.

Вдруг Аэша умолкла, встала на ноги, поправила платье и, откинув назад непослушные волосы, подошла к труп у на каменном ложе.

— О, Калликрат! — вскричала она, и я вздрогнул при этом имени. — Я должна взглянуть в твое лицо, хотя оно мертво и неподвижно!.. Сколько времени прошло с тех пор, как я убила тебя, убила своей собственной рукой!

Дрожащими пальцами она схватилась за покров и умолкла. Когда она вновь заговорила, это был страшный хриплый шепот.

— Я могу, имею силу заставить тебя встать! — прошептала она и положила руки на покров, хотя лицо ее было сурово и ужасно на вид, а глаза расширились и горели. В ужасе я отскочил назад, волосы поднялись на моей голове, мне показалось, что труп под покровом зашевелился. Вдруг Аэша опустила руки, и тело осталось неподвижным.

— Но зачем? — продолжала она печально. — Для какой цели? Зачем оживлять тело, если я не могу оживить души? Даже если бы ты стоял передо мной теперь, ты не узнал

бы меня! Да, твоя возрожденная жизнь была бы моей жизнью, а не твоей, Калликрат!..

Аэша остановилась, потом опустилась на колени, прижалась губами к покрову и заплакала. Это зрелище — горе ужасной женщины, отдавшей всецело своей страсти к мертвецу, — было так ужасно, что я не мог долее выносить сго и, повернувшись, пополз назад по темному переходу, дрожа всем телом.

Не знаю, как я полз. Дважды я падал и полз около 20 минут, пока добрался до маленькой лестницы. Совершенно истощенный и до смерти перепуганный, я лег на пол и забылся.

Когда я очнулся, то заметил луч света позади себя, спустился с лестницы, кое-как добрался до комнаты, бросился на ложе и заснул тяжелым сном.

XV

СУД АЭШИ

Первое, что я увидел, открыв глаза, была фигура Джона, который совершенно оправился от лихорадки. Он стоял в луче света, проникавшем в пещеру, и чистил мое платье; аккуратно сложив его, он положил около меня, потом, боясь, что я во сне столкну платье, он уложил его на леопардовую шкуру на полу и отошел, любуясь на свою работу. Затем он взглянул, есть ли вода в горшке для мытья.

— Ах, — бормотал он, — в этом диком месте не водится горячей воды!

— Как чувствует себя мистер Лео, Джон? — спросил я.

— Все так же, сэр! Если ему не будет лучше сегодня, он умрет. Я могу сказать, что эта дикарка Устана усердно ходит за ним, словно христианка. Она не отходит ни на минуту и наблюдает за ним; жалко смотреть на нее. Схватится за волосы и проклинает все и клянется на своем диком языке!

Я оделся, закусил в следующей комнате и потом отправился взглянуть на бедного Лео, который даже не узнал меня. Я спросил Устану о нем, она покачала головой и зарыдала. Очевидно, она потеряла всякую надежду, и я решил, что "Она" должна прийти полечить его, если может. В это время вошел Биллали.

— Он умрет к ночи! — произнес старик.

— Спаси Бог, отец мой, — ответил я с болью в сердце.

— "Она" хочет тебя видеть, Обезьяна, — произнес старик, — но будь осторожен, мой сын! Вчера я так и думал,

что "Она" убьет тебя за то, что ты не хотел ползти, как я. "Она" будет судить в большом зале тех, кто хотел убить тебя и Льва. Иди к ней, мой сын, иди скорее!

Я повернулся и пошел за ним. Когда мы шли, я заметил толпу народа, спешившую на суд. Некоторые были одеты, на других не было ничего, кроме шкуры леопарда.

Наконец мы добрались до большой пещеры с площадкой, где находился огромный, странной формы камень, вероятно, служивший алтарем для разных религиозных церемоний и специальных обрядов. По обеим сторонам площадки тянулись коридоры, и Биллали сказал мне, что все другие пещеры полны мертвецами.

Около камня-алтаря собралось множество народа обоего пола, который стоял в мрачном молчании. На площадке стояло кресло черного дерева, украшенное слоновой костью с деревянной скамеечкой для ног.

Вдруг раздался крик: "Она"! "Она"!

Вся толпа упала ниц. Дикари лежали, как мертвые, оставив меня стоять, словно я один уцелел от страшной резни. В эту минуту слева появился отряд телохранителей и выстроился по сторонам алтаря. Затем появились немые мужчины в сопровождении немых женщин, которые несли лампы, а за ними высокая белая фигура, закутанная с головы до ног, в которой я узнал королеву. Она взошла на площадку, села в кресло и заговорила со мной по-гречески, вероятно, для того, чтобы никто не понял ее.

— Иди сюда, Холли! — сказала она. — Садись у моих ног и смотри, как я буду судить тех, кто хотел убить вас! Прости меня, если мой греческий язык похож на хромого человека. Я давно уже не слыхала этого языка и говорю плохо!

Я поклонился и сел на скамейку у ее ног.

Тогда, обратясь к начальнику телохранителей, "Она" сказала на арабском языке:

— Привести сюда преступников!

Начальник низко поклонился и ушел вправо.

Наступила тишина. "Она" оперлась головой на руку и глубоко задумалась, а толпа продолжала лежать перед ней, изредка поглядывая на нас. Королева появилась так редко перед народом, что дикари не могли упустить случая, даже с риском для себя, посмотреть на ее закутанную фигуру, потому что ни один человек, кроме меня, не видал ее лица. Наконец мы услышали шаги, появилась стража, а с ней наши псевдоубийцы, на лицах которых ужас боролся с рав-

модушием. Их поставили около меня. Когда они хотели лечь на пол, "Она" остановила их.

— Нет, — произнесла "Она", — стойте, пожалуйста, стойте! Скоро настанет время, когда вам надоест лежать...

"Она" рассмеялась. Раболепный ужас исказил лица несчастных, и мне стало жаль их.

Прошло несколько минут. "Она" внимательно разглядывала каждого осужденного, наконец заговорила, обращаясь ко мне:

— Узнаешь ли ты этих людей?

— Да, королева, приблизительно! — ответил я.

— Расскажи мне и всему собранию то, что рассказывал мне про них!

В нескольких словах я рассказал историю пира и попытку замучить нашего бедного слугу. Рассказ выслушали молча. Когда я кончил, Биллали, лежавший на полу, поднял голову и подтвердил мой рассказ.

— Что вы скажете на это? Не заслуживаете ли вы моего гнева и мести? — произнесла "Она" холодным, металлическим голосом. Одной из особенностей этого необыкновенного существа был ее удивительный голос, имевший свойство меняться согласно данному моменту.

Ответа не было; наконец один из виновных, крепкий и рослый парень средних лет, заговорил.

Он сказал, что они не получали никаких распоряжений относительно черного слуги и, поддавшись внушению злой женщины, которая теперь умерла, хотели поступить с ним по обычаю страны и потом съесть его. Нападение на нас было сделано в припадке ярости, и они очень сожалеют об этом. Он кончил, умоляя о пощаде или, в крайнем случае, об изгнании их на болота. Но я видел, что сам несчастный мало надеялся на пощаду.

Наступило тяжелое молчание. Мрачная пещера, слабо освещенная светом ламп, казалась еще угрюмее и суровее. Лежавшие на земле зрители наконец совершенно затерялись во мраке. Впереди них стояли осужденные, стараясь скрыть свой страх под видом равнодушия. Направо и налево, неподвижные, как изваяния, в своей белой одежде, с длинными копьями в руках, стояли воины и немые слуги, озираясь кругом любопытными глазами. Возвышаясь над толпой на своем варварском троне, сидела закутанная женщина, красота и могущество которой, казалось, окружали ее сверхъестественным сиянием.

— Псы и гады! — начала "Она" тихим голосом, который постепенно возвышался. — Людоеды! Над вами тяго-

теют две вины! Первая ваша вина — вы напали на чужеземцев, белых людей, и хотели убить их слугу! За одно это вы заслуживаете смерти! Но это не все. Вы осмелились ослушаться меня. Разве я не прислала вам приказание через Биллали, отца вашего? Разве не приказала вам оказать гостеприимство чужеземцам, которые оказались храбрыми и сильными людьми и сумели защититься от вас? Разве ваши отцы не учили вас повиноваться мне с детства? Но вы — негодяи, злодеи в сердце своем! Вы достойны смерти! Вас поведут в пещеру пыток* и предадут мучениям!

"Она" умолкла, и ропот ужаса пробежал в толпе. Что касается осужденных, то, как только они узнали, что их ожидает, они бросились на пол и плакали, моля о пощаде. Я повернулся к Аэше и просил ее пощадить их или назначить им менее ужасное наказание, но та была непреклонна и холодна, как камень.

— Холли, — произнесла она по-гречески, — Холли, это невозможно! Если я пощажу этих волков, ваша жизнь будет в опасности среди этого народа! Каким образом управляю я этим народом? Только внушая им ужас и страх. Мое владычество — все это одна фантазия. Не думай, что я жестока или хочу мстить им. Какая польза мне от смерти этих людей?

Затем, повернувшись к начальнику телохранителей, она добавила:

— Пусть будет так, как я сказала!

XVI

ДРЕВНИЕ МОГИЛЫ

Когда пленников увели, Аэша махнула рукой, и зрители, повернувшись кругом, поползли вон из пещеры. Очувтившись на некотором расстоянии от пещеры, они встали на ноги и пошли, оставив меня с королевой, если не считать немых слуг и нескольких людей из стражи, большая часть которой ушла с осужденными. Пользуясь удобным случаем, я попросил Аэшу посетить Лео, добавив, что он серьезно болен. Она ответила, что он не умрет ранее вечера, так как люди, страдающие лихорадкой, всегда умирают ночью или на рассвете.

* Я видел это ужасное место, наполненное глыбами камня, в которых видна еще кровь несчастных. В центре находилась печь для нагревания исторического "горшка".

— Лучше было бы, — добавила она, — если бы болезнь шла своим путем!

Тогда я встал, чтобы уйти, но Аэша велела мне следовать за собой, так как хотела говорить со мной и показать мне чудеса пещер.

Я был слишком очарован ею, чтобы отказаться, и поклонился в знак согласия. Она встала с кресла, сделала знак немым слугам и пошла. Четыре немые девушки взяли лампы и выстроились в ряд: две впереди королевы и две позади, тогда как остальные вместе со стражей ушли.

— Хочешь ли ты, Холли, видеть чудеса пещер? — произнесла она. — Посмотри на эту пещеру! Она вырыта руками народа, жившего когда-то здесь, в городе, находившемся на равнине. Это был великий народ, но, подобно египтянам, они думали больше о мертвых, чем о живых. Как ты думаешь, сколько народа работало здесь и сколько лет им понадобилось, чтобы вырыть эту пещеру и ее бесконечные галереи?!

— Десять тысяч лет, я думаю! — ответил я.

— Да, Холли. Это был древний народ, живший раньше египтян. Хотя я нашла ключ к их письменам, но все же едва могу прочесть их!

Повернувшись к скале, находившейся вблизи, она сделала знак немым девушкам осветить. На камне была вырезана фигура старика, сидящего в кресле, с посохом в руке, а внизу кресла, похожего на то, в котором сидела Аэша на судилище, мы увидели короткую надпись. Письмена более всего походили на китайские иероглифы. С трудом Аэша разобрала и перевела мне эту надпись.

"В 4259 году от основания царственного города Кор вырыта была эта пещера по приказанию Тизио, царя Кор, три поколения народа и невольников работали над ней, устраивая могилы для сограждан. Пусть благословение неба почиет на этой работе, пусть сон великого монарха Тизио будет тих и спокоен до того дня, когда он проснется! Пусть мирно спят его слуги и народ!"

— Ты видишь, Холли, — произнесла Аэша, — народ основал город, развалины которого еще сохраняются там в равнине, за 4000 лет до того времени, когда окончена была эта пещера! Две тысячи лет тому назад я в первый раз увидела ее, она была такая же, как теперь. Суди, какой это древний был город! Теперь иди за мной, я покажу тебе, как погиб этот великий народ!

Она пошла к центру пещеры и остановилась на том месте, где круглый камень закрывал какое-то отверстие в полу.

— Видишь, — произнесла она. — Что это такое?

— Не знаю, — ответил я.

Она подошла к левой стороне пещеры и сделала знак посветить. На стене была надпись, которую Аэша перевела мне.

"Я, Джунис, жрец великого храма Кор, пишу это на скале гробницы в 4803 году от основания Кор.

Царственный Кор погиб! Не будет больше великолепных пиров в его залах, и не будет он управлять миром, и торговые корабли его не поедут в чужие страны! Кор погиб! С ним погибли все его великие работы, великие города и гавани, и каналы! Все это останется на добычу волкам, совам, диким лебедям и варварам, которые придут сюда! Двадцать пять лун тому назад тяжелая туча нависла над городами Кор. Из этой тучи родилась моровая язва, которая погубила народ: и богатых, и бедных, женщин и мужчин, князей и рабов, и не щадила никого. Все они почернели и умерли. Чума не прекращалась ни днем, ни ночью, убивала людей без разбора. Те, которые уцелели от чумы, умерли с голоду. Число трупов было так велико, что не было возможности набальзамировать их, согласно древнему обычаю, и поэтому все умершие были брошены в большую яму под пещерой, через отверстие в полу. Тогда остатки великого народа, бывшего светочем мира, отправились к берегу, сели на корабли и отплыли на север.

Только я, жрец Джунис, пишу это потому, что один уцелел от великого народа. Не знаю, остался ли еще кто в живых в других городах! В глубокой скорби я пишу эти строки, прежде чем умру, потому что царственный Кор погиб, храмы опустели, дворцы затихли, и его князья и воины, и торговцы, и прекрасные женщины ушли в землю!"

Я был удивлен. Меня поразило горькое отчаяние, которое чувствовалось в этой надписи. Что переживал этот старик, уцелевший от всеобщей гибели, готовясь к смерти?

— Не думаешь ли ты, Холли, — сказала Аэша, положив руку на мое плечо, — что эти люди, отплывшие на север, были предками египтян?

— Не знаю, — ответил я, — мир мне кажется очень древним!

— Да, он стар, очень стар. Века идут за веками, богатые, сильные нации вымирают и забываются, и о них не остается даже воспоминания. Кто знает, что было прежде

на земле и что будет? Под солнцем нет ничего нового, и мудрые евреи писали об этом давно. Я думаю, что от народа Кор кто-нибудь остался в живых. Пришли варвары с юга, может быть, мой народ, арабы, и смешались с ними, взяли женщин себе в жены, и народ Амахаггер породнился с народом Кор! Смотри, вот их кости лежат вместе в этой общей могиле*. Я не знаю, кто может знать это? Мои познания не могут проникнуть во мрак времен. Это был великий народ. Пойдем, я покажу тебе эту яму. Никогда ты не видел ничего подобного!

Я последовал за ней в боковой переход по ступеням. Когда переход кончился, Аэша остановилась, приказав немым держать лампы. Мы стояли над огромнейшей ямой, которая была полна человеческих скелетов и костей, лежавших в виде пирамиды. Ужасное зрелище! В сухом воздухе значительное количество трупов высохло, и эти мертвецы, лежа лицом вверх, казалось, смотрели на нас из-за груды белых костей!

Я вскрикнул, и эхо моего голоса, казалось, потревожило эти трупы, лежавшие здесь несколько тысяч лет. Пыль полетела вверх. Казалось, что вся яма задвигалась, и скелеты начали вставать, чтобы приветствовать нас.

— Пойдем! — сказал я. — Пойдем отсюда! Эти люди умерли от заразной болезни... Не так ли?

— Да. Дети царственного Кор всегда бальзамировали своих покойников, и искусство их стояло выше египетского бальзамирования. Погоди, ты увидишь!

Она остановилась у входа, который вел в коридор, и мы вступили в маленькую комнату, похожую на ту, в которой я спал первое время, хотя здесь стояли два каменных ложа, на которых лежали фигуры, покрытые желтым полотном. В течение долгих лет на них накопилось немало пыли.

— Сними с них покров, Холли! — сказала Аэша.

Я протянул руку и сейчас же отдернул назад.

Мне казалось это святотатством, которого я ужаснулся.

Усмехнувшись над моим страхом, Аэша сдернула покров с тела, и через многие тысячи лет человеческие глаза увидели лицо мертвеца. Это была женщина лет 35 или менее, сохранившая следы красоты. Даже теперь спокойные черты лица, оттененные длинными ресницами, носили отпечаток удивительной красоты. Одета в белую одежду, с

* Название народа Амахаггер происходит от "ама" — что значит "народ", и арабского слова "хаггер", что значит камень.

распущенными иссиня-черными волосами, она спала вечным сном, прижимая к груди маленького ребенка. Это зрелище было так ужасно и трогательно, что я едва мог сдерживать слезы, потом благоговейно взял покров и со вздохом закрыл покойницу.

Мы пошли дальше и видели много могил. Описывать их и долго, и невозможно. Все трупы благодаря искусному бальзамированию сохранились прекрасно, словно положены были только вчера. Ничто не могло потревожить их в пещере: их не касалась ни жара, ни холод, ни сырость; ароматические вещества, которыми они были пропитаны, предохраняли их от разрушения*.

Последняя могила, которую мы посетили, возбудила во мне глубокое сочувствие... Там лежали два трупа. Я снял покров и увидел молодого человека и цветущую девушку, крепко прижавшихся друг к другу. Ее голова покоилась на его руке, а его губы прижались к ее лбу. Раскрыв полотняную одежду мужчины, я нашел глубокую рану в сердце; девушка также умерла от кинжала. Над ними была короткая надпись: "Повенчаны смертью!"

Что случилось с этой молодой парочкой, которых не разлучила и смерть?

— Вот какова участь человека! — обратилась ко мне Аэша, и голос ее дрожал. — Все мы обречены могиле и забвению! Даже я, хотя живу так давно! И за то, что я жила так долго, познав тайну смерти и обманув природу, она должна жестоко отомстить мне!

— Мы все заснем и проснемся, будем жить и снова заснем, через долгие периоды пространства и времени, пока самый мир не умрет, пока не исчезнет с лица Земли все живущее! Но для нас обоих будет ли конец жизнью или смертью? Когда же день, и ночь, и жизнь, и смерть — все кончится и исчезнет, какова будет наша участь, Холли? Кто может знать это?

Вдруг, изменив голос и манеру говорить, она добавила:

— Довольно ли ты видел, мой чужеземный гость, или желаешь, чтобы я показала тебе еще чудеса могил? Хо-

* Позднее Аэша показывала мне дерево, из которого получается жидкость, употребляемая при бальзамировании трупов. Это низкорослое дерево, которое растет по склонам гор и похоже на лавр. Его листья длинные и узкие, ярко-зеленого цвета, они осенью краснеют. Когда листья зелены, они издают слабый запах, но если вскипятить эту ароматическую жидкость, то запах ее трудно вынести. Лучший сок добывается из корней дерева.

чешь, я поведу тебя и укажу тебе место, где лежит Тизио, могущественный король Кор... и роскошь его могилы, кажется, смеется над ничтожеством человека!

— Я довольно видел всего, королева! — отвечал я. — Мое сердце подавлено могуществом смерти. Человечество слабо и не выносит вида праха и разрушения, который ожидает его в конце концов! Пойдем отсюда, Аэша!

XVII ОБЪЯСНЕНИЕ

Сопровождаемые немymi слугами, которые несли лампы так осторожно, словно воду в сосуде, мы пошли к лестнице, которая вела в помещение королевы. Здесь я хотел проститься с ней, но "Она" удержала меня.

— Пойдем ко мне, Холли, — сказала она, — мне доставляет удовольствие побеседовать с тобой! Подумай только: целых 2000 лет мне не с кем было сказать слова! Откинь занавес, садись около меня, мы будем есть фрукты и болтать. Смотри, я снова покажу тебе мое лицо! Я предостерегала тебя, Холли, ты не хотел слушать!

Она сбросила газовое покрывало и стояла передо мной, сияя своей ослепительной красотой, гибкая, грациозная, как блестящая змея. Устремив на меня свои чудные глаза — глаза ужаснее глаз василиска, — она положительно околдовала меня своей красотой, и смех ее звенел как серебряный колокольчик!

Новое настроение охватило ее. Она не была теперь ужасной, гневной женщиной, которую я видел проклинающей свою соперницу, или убийственно холодной, как на суде, или мрачной и торжественной, как в гробницах пещер. Она походила теперь на торжествующую Афродиту. Жизнь, лучезарная, удивительная, сияла в ее лице, во всей ее фигуре.

Но я был настолько очарован ее волшебной красотой, что готов был позабыть свое безобразие, если бы Аэша не отрезвила меня, сурово заявив, что ее красота не для меня.

Однако, сжалившись над охватившим меня волнением, она, чтобы успокоить меня, стала расспрашивать про Христа. Я рассказал, затем добавил, что у арабов есть другой пророк, Магомет, который проповедовал новую веру и имел массу последователей.

— Ага! Понимаю! — произнесла Аэша. — Две новые религии! Я знала столько религий... Заметь, Холли, каждая религия обещает последователям будущую жизнь!

Религии появляются и исчезают, цивилизации являются и погибают, все проходит и забывается, неизменными остаются мир и человеческая природа. Ах, если бы человек питался этой надеждой, он сам работал бы для своего спасения!..

Я молчал. Аэша заметила это.

— Холли, я надоела тебе, — сказала она, — почему ты сидишь молча? Хочешь, я научу тебя своей философией? Ты сделаешься тогда моим ревностным учеником, и вдвоем мы откроем и найдем такую религию, которая затмит все остальные. Ах, да! Пойду взглянуть на больного юношу, на Льва, как называет его Биллал! Не бойся, Холли! Я не буду лечить его колдовством. Я уже говорила тебе, что не умею колдовать, а только умею управлять тайными силами природы. Иди, теперь я только приготовлю лекарство и приду!*

Я сейчас же пошел к Лео и нашел Джона и Устану в отчаянии. Лео умирал, и они долго искали меня повсюду. Я бросился к ложу и взглянул на больного.

Да. Лео умирал! Он был без сознания и дышал тяжело, хотя губы его шевелились и дрожь пробегала по телу. Я видел, что пройдет еще несколько минут, — и никакая помощь не будет нужна ему. Боже мой! Как я проклинал безумие, свой эгоизм, которые держали меня около Аэши, в то время, как умирал мой дорогой мальчик!

Я сжал от отчаяния руки и оглянулся. Устана сидела около Лео, и в глазах ее светилась тяжелая скорбь. Джон выл, положительно выл в углу, иначе я не умею назвать его плача, но, заметив, что я смотрю на него, ушел. Вся надежда моя была на Аэшу. Только она одна могла помочь Лео. Я пойду и буду умолять ее!

Вдруг Джон влетел в комнату с искаженным от страха лицом.

— Помоги нам, Боже! — зашептал он, весь дрожа. — Там, в переходе, идет покойница!

На минуту я ошеломлен от ужаса, но затем сейчас же сообразил, что Джон, вероятно, видел Аэшу, закутанную, как всегда, и принял ее за покойницу. В это время Аэша показалась у входа, Джон обернулся, увидел ее и, вскрикнув: "Вот она!" — прыгнул в угол и уткнулся лицом в стену, тогда как Устана распростерлась на полу.

* Аэша хорошо знала химию, которая служила ей и занятием, и развлечением. Одна из пещер представляла собой ее лабораторию, и результаты, которых достигла Аэша в своих опытах, просто поразительны.

— Ты пришла вовремя, Аэша! — сказал я. — Мой мальчик близок к смерти!

— Если он еще не умер, — произнесла она мягко — то я верну ему жизнь, Холли! Этот человек твой слуга? Разве ваши слуги таким образом приветствуют чужестранцев?

— Он испугался тебя, — ответил я, — ты закутана, как покойница!

Аэша засмеялась.

— А девушка? Вижу, вижу! Ты о ней говорил мне! Скажи им обоим, чтобы они ушли отсюда, я должна посмотреть больного!

Я сказал Устане по-арабски, а Джону по-английски, чтобы они вышли из комнаты; Джон остался очень доволен, так как не мог преодолеть своего страха. Но Устана посмотрела на дело иначе.

— Что "Она" хочет делать? — прошептала девушка, колеблясь между страхом перед королевой и желанием остаться с Лео. — Жена имеет право остаться при умирающем муже. Нет, я не уйду, господин!

— Почему эта женщина не ушла, Холли? — спросила Аэша, стоявшая на другом конце пещеры и разглядывавшая скульптуру на стене.

— Она не хочет оставить Лео! — ответил я, не зная, что сказать.

Аэша повернулась к Устане и произнесла только одно слово:

— Уходи! — Этого было достаточно; Устана поползла вон из комнаты...

Аэша же скользнула к ложу, где лежал Лео, отвернувшись лицом к стене.

Вдруг ее высокая, статная фигура пошатнулась и вздрогнула, словно ее ударили, а из уст вырвался такой дикий, ужасный крик, которого я никогда не слышал в жизни.

— Что такое Аэша? — вскричал я. — Он умер?

Она повернулась и, как тигрица, прыгнула ко мне.

— Собака! — вскричала она страшным шепотом, напомиравшим шипенье змеи. — Зачем ты скрыл это от меня?

Аэша вытянула руку, как будто намереваясь убить меня.

— Что скрыл? — вскричал я в ужасе. — Что такое?

— Ах, может быть, ты не знаешь! — сказала она тише.

— Узнай же, Холли, узнай! Здесь лежит мой Калликрат, который вернулся ко мне наконец!

Она рыдала и смеялась в одно и то же время, словно помешанная, бормоча про себя: "Калликрат! Калликрат!"

"Глупости!" — думал я про себя, но не смел сказать этого, боясь только одного, чтобы Лео не умер, пока Аэша придет в себя и успокоится.

— Можешь ли ты помочь ему, Аэша? — сказал я смиренно.— Твой Калликрат скоро уйдет от тебя. Смотри, он умирает!

— Это правда,— произнесла она,— зачем, зачем я не пришла сюда раньше? Я вся дрожу, моя рука трясется... Возьми, Холли, этот фиал... — Она достала из складок одежды оловянный кувшинчик.— И вылей ему в горло всю жидкость. Это вылечит его, если он не умер! Скорее! Скорее! Он умирает!

Я взглянул на Лео, у него начиналась уже предсмертная агония. Лицо его посинело, дыхание остановилось и в горле хрипело. Я вытащил зубами пробку фиала, и капля жидкости попала мне на язык. Я ощутил сладкий вкус, моя голова закружилась, и в глазах потемнело, но, к счастью, все это сейчас же прошло.

Лео умирал, его золотистая голова металась на подушке, и рот был открыт. Я попросил Аэшу поддержать его голову, и она осторожно сделала это, хотя дрожала вся, с головы до ног. С трудом разжав челюсти больного, я влил жидкость ему в горло. Легкий пар пошел от жидкости, и хрип в горле больного сейчас же прекратился. Лицо Лео смертельно побледнело, и сердце, казалось, прекратило свою деятельность, только веки задрожали. Я взглянул на Аэшу: газ свалился с ее головы, пока она поддерживала голову Лео, и лицо было так же бледно, как у больного.

Она смотрела на Лео с непередаваемым выражением отчаяния и страха, очевидно, сомневаясь в том, что он останется жив. Прошло пять минут. Лицо ее вдруг осунулось, глаза потускнели, она перестала надеяться. Коралловые губы побелели и задрожали. Жаль было смотреть на нее.

— Поздно? — пробормотал я.

Аэша закрыла лицо руками и не ответила. Вдруг я заметил, что Лео стал дышать ровнее, и краска появилась на его лице. О, чудо! Человек, который умирал, теперь спокойно повернулся на бок.

— Видишь? — произнес я шепотом.

— Вижу, — ответила она хрипло, — он спасен! Я думала, что уже поздно, еще немного, и он бы умер!

Она залилась слезами и стала еще прекраснее.

— Прости мне, Холли, мою слабость! — сказала она. — Ведь я — женщина с ног до головы! Подумай это! Сегодня утром ты говорил о месте, где мучаются грешники. Ты на-

звал его адом... Целых две тысячи лет я жила в таком аду, мучимая воспоминанием о своем преступлении, терзаясь неудовлетворенным желанием, без друзей, без удобств, даже не имея возможности умереть... Подумай, Холли, никогда ты не услышишь этого и не увидишь такого зрелища, если проживешь еще 10 000 лет. Наконец мой избавитель пришел, тот, кого я ждала через многие поколения... В назначенное время он явился ко мне, и я знала, что он должен прийти: моя мудрость не ошибается! Но как малы мои познания, как слабы мои силы! Он лежал здесь больной, при смерти, и я не чувствовала этого, хотя ждала его две тысячи лет! Если бы он умер, мне пришлось бы снова переживать ряд скучных веков и ожидать моего возлюбленного!.. Но теперь он остался жив, проспит 12 часов, и болезнь совершенно пройдет... Он вернется к жизни и ко мне!

Аэша умолкла, тихо положила руку на золотые кудри Лео, нагнулась и поцеловала его в лоб с такой целомудренной нежностью, что мне стало больно. Я ревновал ее к Лео.

XVIII

УЙДИ ПРОЧЬ, ЖЕНЩИНА!

С минуту длилась тишина. Лицо Аэши, погруженной в счастливый экстаз, напоминало теперь лицо ангела. Вдруг, очевидно, какая-то мысль поразила ее, лицо ее изменилось и утратило свое ангельское выражение.

— Я забыла, — произнесла она, — про эту женщину, Устану. Что, она служанка Калликрата или...

Она умолкла, и голос ее задрожал. Я пожал плечами.

— Не знаю! Полагаю, что она обвенчана с Лео, по обычаю народа Амахаггер! — ответил я.

Лицо Аэши потемнело; она, очевидно, умела ревновать.

— Тогда конец! — произнесла она. — Эта женщина должна умереть!

— За что? За какое преступление? — воскликнул я испуганно. — Она невиновна ни в чем, и если любит Лео, то он сам захотел принять ее. Какой же ее грех?

— Право, Холли, ты просто глупец! — ответила Аэша. — Какой грех? Грех ее в том, что она осмелилась встать между мной и моей любовью!

Мне пришлось долго уговаривать эту странную женщину, стращать ее последствиями ее преступления, говорить,

что "зло родит одно зло", пока наконец Аэша согласилась пощадить жизнь бедной Устаны.

Довольный успехом, я направился в проход и позвал Устану, белую одежду которой я заметил невдалеке. Она подбежала ко мне.

— Мой господин умер? О, не говори, что он умер! — вскричала она, обратив ко мне свое красивое, облитое слезами лицо, с выражением безграничного отчаяния, которое глубоко тронуло меня.

— Он жив! — ответил я. — "Она" спасла его. Иди!

Устана глубоко вздохнула, вошла в пещеру и упала ниц в присутствии королевы.

— Встань! — произнесла Аэша холодным тоном. — Иди сюда! Видишь этого человека? — Она указала на Лео. — Говорят, он муж твой. Но я требую, чтобы ты забыла его. Ступай!..

Устана, однако, не двинулась с места.

— Нет, королева, я не уйду, — произнесла она дрогнувшим голосом, — этот человек — мой супруг, я люблю его, люблю и не покину его! Какое право имеешь ты приказывать мне покинуть моего супруга?

Я видел, как изменилось лицо Аэши, и содрогнулся.

— Будь милосердна! — произнес я по-латыни. — Ведь она повинуется только природе!

— Я милосердна! — ответила холодно Аэша. — Если бы я не жалела ее, она умерла бы теперь! — И, обратившись к Устане, она сделала быстрое, как молния, движение; мне показалось, что она слегка ударила рукой по голове Устаны. Я взглянул и в ужасе отшатнулся. На волосах Устаны, на ее золотистых косах, ясно виднелись следы трех пальцев, следы, белые, как снег.

— Великий Боже! — простонал я, пораженный этим ужасным проявлением нечеловеческой власти.

"Она" усмехнулась.

— Ты полагаешь, бедная невежественная женщина, что я не имею власти убить тебя? — обратилась Аэша к неподвижно стоявшей женщине. — Посмотри, вот зеркало! — Она указала на круглое зеркало, принадлежавшее Лео. — Холли, передай его женщине!

Я взял зеркало и поднес его к глазам Устаны. Она взглянула, схватила за голову, снова взглянула и упала на землю с громким рыданием.

— Уйдешь ли ты теперь, или я должна коснуться тебя еще раз? — насмешливо произнесла Аэша. — Я наложила

на тебя печать, так что могу узнать тебя, пока твои волосы не побелеют совсем. Уходи прочь!

Пораженная и разбитая горем, бедная Устана, отмеченная этой ужасной печатью Аэши, поползла вон из комнаты, горько плача.

— Не смотри так испуганно, Холли! — сказала Аэша после ухода девушки. — Уверяю тебя, это не волшебство. Я обладаю силой, которой ты не понимаешь! Я хотела только испугать, а могла убить ее! А теперь я прикажу слугам перенести моего господина в комнату, соседнюю с моей, чтобы я могла ходить за ним и приветствовать его, когда он проснется. Ты, Холли, также должен переселиться туда, а с тобой твой белый слуга! Но помни одно! Не говори ничего Калликрату об этой женщине... Смотри, я предупредила тебя!

Она ушла, оставив меня в полном смущении. Я был так потрясен, взволнован всеми этими событиями, что боялся сойти с ума. К счастью, у меня не было времени размышлять, потому что скоро явились немые слуги и понесли спящего Лео и все наши пожитки в помещение королевы. Наши новые комнаты находились позади комнаты или, как мы называли, будуара Аэши.

Эту ночь я провел в комнате Лео, который спал мертвым сном. Я также уснул, проснувшись незадолго перед тем, как наступил час, когда, по словам Аэши, должен был проснуться Лео. "Она" появилась сама, по обыкновению закутанная с ног до головы.

— Ты увидишь, Холли! — произнесла Аэша. — Он проснется совсем здоровый, лихорадка покинула его!

Едва она успела произнести эти слова, как Лео повернулся, потянулся, зевнул, открыл глаза и, заметив склонившуюся женскую фигуру, обнял ее и крепко поцеловал, думая, что это Устана.

— Устана! — произнес он по-арабски. — Зачем ты закутала себе голову? Не болят ли у тебя зубы? — и добавил по-английски: — Я очень голоден... Джон, старый сын ружья, скажи мне, что тут случилось?

— Уверяю вас, что сам не знаю, мистер Лео, — сказал Джон, подозрительно обходя Аэшу, на которую смотрел с отвращением и ужасом, убежденный, что она сверхъестественное создание, — вы не должны много говорить, потому что были очень больны, страшно испугали нас и эту леди, — кивнул он на Аэшу, — сейчас я принесу вам суп!

Лео повернулся и взглянул на молчавшую "леди".

— Как! Да это не Устана, а где же она?

Тогда Аэша в первый раз заговорила с ним, и ее первые слова были ложью.

— Устана ушла в гости, — произнесла она, — а я осталась здесь вместо нее твоей служанкой!

Серебристые звуки голоса Аэши поразили Лео, который еще не успел опомниться. Но он промолчал, выпил принесенный суп и заснул. Проснувшись уже вечером, он начал расспрашивать меня о том, что случилось с ним, но я заставил его замолчать и снова уснуть. На другой день он проснулся рано и чувствовал себя значительно лучше. Я рассказал ему о его болезни, но умолчал о многом, так как Аэша находилась около Лео.

Я нашел нужным объяснить ему, что Аэша — королева страны, в которой мы находились, очень расположена к нам и любит ходить закутанной с головы до ног. Хотя мы говорили по-английски, я боялся, что она поймет, о чем мы говорили, по выражению наших лиц, так как не мог забыть ее предостережения.

На следующее утро Лео встал почти совсем здоровый. Рана на боку зажила, и крепкий организм быстро оправился от болезни, что я приписываю главным образом чудесному лекарству Аэши. Вместе со здоровьем к нему вернулась память. Он вспомнил все свои приключения до того времени, как потерял сознание, вспомнил об Устане, к которой был очень привязан, и забросал меня вопросами о ней, на которые я не смел отвечать. Аэша еще раз напомнила мне, чтобы я не говорил ему ни слова об Устане, деликатно намекнув, что иначе мне угрожает опасность и что она сама, когда будет нужно, все расскажет Лео.

"Она" очень изменилась. Я ожидал, что при первом удобном случае Аэша объяснится с Лео и потребует его любви. Но она молчала, неустанно заботилась о нем и относилась к нему с почтением и скромностью, представлявшими разительный контраст с ее обычным повелительным тоном и суровостью. Конечно, любопытство Лео было сильно возбуждено, и он страстно желал увидеть лицо загадочной женщины. Если бы он не страдал еще от последней болезни и не вспоминал постоянно в трогательных выражениях об Устане, о ее любви и самоотвержении, я уверен, что он влюбился бы в Аэшу и забыл все на свете! Хотя никто не говорил ему ничего о годах Аэши, он начал отождествлять ее с той же белой королевой, о которой было написано на обломках амфоры. На третий день, когда Лео поставил меня в тупик своими вопросами, я решительно заявил ему, что ничего не знаю об Устане. Позавтракав,

мы отправились к Аэше, так как ее слугам было отдано приказание впускать нас во всякое время дня и ночи.

По обыкновению она сидела в комнате, которую мы окрестили будуаром, и, завидя нас, встала, протянула обе руки, чтобы приветствовать Лео, потому что ко мне теперь относилась довольно холодно.

Ее закутанная фигура грациозно скользнула навстречу Лео, одетому в серую фланелевую пару.

— Приветствую тебя, мой гость и господин! — тихо произнесла Аэша. — Я очень рада видеть тебя на ногах. Поверь, если бы не мое лекарство, ты никогда не стоял бы так передо мной! Опасность миновала, и я позабочусь, чтобы она не вернулась!

Лео поклонился, затем на изысканном арабском языке поблагодарил ее за доброту и любезность к чужеземцу.

— Нет, — ответила Аэша мягко, — не благодари! Судьба плохо берегла тебя, а красота — редкий дар! Я счастлива, что ты пришел ко мне!

— Ура, старый дружище! — обернулся ко мне Лео по-английски. — Эта дама очень вежлива и образованна. Надеюсь, что ты сделал все, что возможно, для нас. Клянусь Иовом! Какие дивные руки!

Я сделал ему знак замолчать, потому что подметил подозрительный блеск в глазах Аэши.

— Надеюсь, — произнесла она, — что мои слуги сумели угодить тебе! Все, что похоже на комфорт в этой жалкой стране, все это в твоём распоряжении. Желает ли ты еще что-нибудь?

— Да, королева, — ответил Лео, — я хотел бы знать, куда исчезла женщина, которая была со мной?

— А! Эта девушка, да, я видела ее. Я не знаю, она сказала, что уйдет, но куда — неизвестно. Может быть, она вернется, может быть, нет. Ведь это скучная вещь — ухаживать за больным, а эти дикарки очень ленивы!

Лео посмотрел на нас обоих, огорченный и расстроенный.

— Это очень странно! — сказал он мне по-английски и, обратившись к Аэше, добавил: — Я не понимаю, не могу понять! Эта девушка и я были близки друг другу!

Аэша рассмеялась своим музыкальным смехом и переменила разговор.

ХІХ

ТАНЦЫ ДИКАРЕЙ

Дальнейшего нашего разговора я не помню. Помню только, что Аэша заявила Лео, что в эту ночь мы увидим

танцы, которые она устроит для нашего развлечения. Я был удивлен, так как полагал, что угрюмый народ Амахаггер вовсе не способен на веселье и танцы. Потом выяснилось, что танцы народа Амахаггер не имели ничего общего с весельем и забавой других стран.

Когда мы собрались уходить, Аэша предложила Лео взглянуть на чудеса пещер, и мы отправились туда в сопровождении Джона и Биллали.

Мы посетили несколько пещер и пирамиду костей, которую я видел раньше. Лео очень заинтересовался этим странным зрелищем, но Джон испугался ужасно.

Окончив осмотр пещер, мы вернулись и пообедали, так как было уже 4 часа пополудни, и все мы, а особенно Лео, нуждались в пище и отдыхе.

В 6 часов мы отправились к Аэше, которая окончательно перепугала нашего Джона, показав ему в воде всех его братьев и сестер, собравшихся в отцовском коттедже. Некоторые лица он видел очень ясно, другие были как бы в тумане. Искусство Аэши в этом смысле было ограничено: она могла только с фотографической точностью воспроизводить на воде то, о чем думали присутствующие люди. Например, она показала мне на воде очень ясно внутренность часовни колледжа, насколько я помнил ее. Мы пытались, для развлечения Аэши, показать ей лондонские здания, собор св. Павла и здание парламента, но результат оказался слабый. Хотя мы имели общее представление об этих зданиях, но не могли припомнить архитектурных деталей, необходимых для полного воспроизведения картины.

Джон отнесся к делу иначе, и, не умея объяснить его себе естественным путем, решил, что это — результат черной магии. Никогда не забуду я того вопля, который вырвался у Джона, когда он увидел в воде членов своей семьи, и того веселого смеха, которым Аэша ответила на его ужас. Даже Лео запустил пальцы в свои золотые кудри и заметил, что это пугает его.

Целый час мы забавлялись таким образом, пока немые слуги не показали нам знаками, что Биллали ожидает аудиенции. Он явился по обыкновению ползком и объявил, что танцы сейчас начнутся, если "Она" и белые чужеземцы удостоят пир своим присутствием. Аэша накинула на себя темный плащ, и мы отправились на площадку перед входом в большую пещеру, так как танцы должны были происходить на открытом воздухе.

В пятнадцати шагах от входа были поставлены три стула, на которых мы и уселись. Стемнело, но месяц еще не взошел, и мы недоумевали.

— Каким образом мы увидим танцы в темноте?

— Сейчас узнаешь! — ответила с улыбкой Аэша на вопрос Лео.

Едва она успела произнести эти слова, как мы увидели какие-то темные фигуры, появившиеся неизвестно откуда, с огромными зажженными факелами в руках. Тут было около пятидесяти человек. Озаренные ярким светом факелов, они походили на дьяволов, выскочивших из ада.

— Великий Боже! — воскликнул Лео. — Да это мертвецы горят вместо факелов!

Я посмотрел и заметил, что он был прав. Вместо факелов горели человеческие мумии из пещер! В двадцати шагах от нас люди устроили из своих факелов огромный костер. Боже мой! Как горел и шумел этот костер! Вдруг я увидел громадного дикаря, который схватил горящую человеческую руку и швырнул ее в темноту. Огромный столб огня поднялся в воздухе и озарил мрак ночи. Затем дикарь поджег волосы мертвой женщины, которая была привязана к столбу у входа в пещеру, коснулся другой мумии, третьей, четвертой, и в конце концов мы были окружены с трех сторон кольцом ярко горевших трупов. Состав, которым были пропитаны эти мумии, делал их несогораемыми, так что огромные языки только лизали их, озаряя темноту ночи. Нерон освещал свои сады, обливая смолой и зажигая живых христиан. Мы присутствовали на подобном же зрелище, хотя наши факелы не были живыми людьми!

Это было ужасное зрелище... Горевшие мертвецы освещали оргию живых... Насмешка над живыми и мертвыми!

Как только мумия сгорала до самых ног, другую сейчас же ставили на ее место. Костер горел, с шумом и треском, отбрасывая полосы света в темноту, где мрачные фигуры дикарей двигались взад и вперед, словно дьяволы, поддерживающие адский огонь. Мы стояли, смотрели, пораженные, словно околдованные невиданным зрелищем.

— Я обещала тебе необычайное зрелище, Холли, — засмеялась Аэша, нервы которой были вполне спокойны, — и не обманула тебя! Это поучительно! Не верь в будущее, потому что никто не знает, что оно принесет тебе! Живи настоящим! Думали ли эти давно забытые благородные мужчины и женщины, что их нежные кости будут гореть

теперь и озарять танцы дикарей? Вот идут танцоры... веселая толпа, пусть начинают!

Мы заметили, что вокруг костра двигались два ряда человеческих фигур — мужчин и женщин, одетых только в шкуру леопарда. Молча встали они лицом к нам и к огню и начали танец — что-то вроде адского канкана. Описать его невозможно. Хотя дикари топали ногами, махали руками, мы скоро поняли, что это представление какая-то дикая игра, понятная, впрочем, среди народа Амахагтер, который жил в мрачных пещерах, в постоянном соседстве с мертвецами.

Сначала дикари представляли убийство, потом похороны жертвы; ее борьбу в могиле; каждый акт ужасной драмы оканчивался дикими танцами над жертвой, лежавшей на земле и освещенной красноватым отблеском костра.

Вдруг представление было прервано. Из толпы вышла высокая, сильная женщина, которую я заметил, как одну из самых энергичных танцорок; опьяненная каким-то диким возбуждением, она, подпрыгивая и пошатываясь, двинулась к нам, крича во всю мочь:

— Мне нужно черного козла, я хочу черного козла, принесите мне черного козла!

Она упала на землю, крича с пеной у рта, и требовала черного козла.

Танцоры столпились около нее.

— В нее вошел дьявол! — сказал один из них. — Бегите и достаньте козла! Погоди, дьявол, погоди! Сейчас тебе дадут козла!

Из соседнего крааля притащили за рога ревущего черного козла.

— Это черный козел? Черный козел? — кричала бесноватая.

— Да, да, дьявол! Козел черный, как ночь! — отвечал ей кто-то и добавил в сторону: — Держи позади себя, чтобы дьявол не увидел белых пятен на задку и на брюхе козла! В одну минуту, дьявол! Режьте козлу горло! Где же чашка для крови?

— Козел! Черный козел! Дайте мне крови черного козла!

В эту минуту дикий рев возвестил нам, что бедное животное зарезано. Одна из женщин принесла чашку, наполненную свежей кровью козла. Тогда бесноватая схватила чашку, выпила всю кровь и встала совершенно здоровая. Всякий след истерии или беснования совершенно пропал. Она вытянула руки, улыбнулась и пошла обратно к танцорам, которые снова выстроились в два ряда.

Я чувствовал себя очень скверно и хотел просить Аэшу позволить нам уйти, как вдруг какое-то существо, которое я принял за обезьяну, бежало вокруг костра и встретилось со львом или, вернее, с человеком, одетым в львиную шкуру. Затем на сцене появился козел, потом человек, закутанный в бычью шкуру, за ним всевозможные животные, включая и девушку, зашитую в блестящую кожу удава, которая тащилась за ней на несколько ярдов. Собравшись вместе, замаскированные начали какой-то дикий танец, подражая звукам, издаваемым животными, которых они изображали. Скоро воздух наполнился ревом, блеяньем, шипением змей.

Это продолжалось довольно долго. Наконец мне наскучила бесконечная пантомима, и я попросил Аэшу позволить нам пройти — посмотреть на человеческие факелы. Она не возразила ни слова. Мы прошли, взглянули на горевшие трупы и хотели вернуться к Аэше, утомленные грубым зрелищем, как вдруг наше внимание привлек танцующий леопард, который отделился от толпы и старался держаться около нас, заботливо прячась в тени.

Привлекаемые любопытством, мы последовали за леопардом и вдруг услышали шепот.

— Иди! Иди! — шептал голос Устаны.

Не ожидая повторения, Лео повернулся и пошел за ней в темноту. Полный страха, я поспешил за ним. Леопард прополз около 50 шагов и остановился вдали от костра. Тут Лео нагнал его и узнал Устану.

— О, господин мой! — услышал я ее шепот. — Наконец-то я увидела тебя! Слушай. Моя жизнь в опасности. Знаешь ли, "Она" прогнала меня от тебя? Если ты любишь меня, то должен бежать со мной сейчас же, через болота, быть может, мы успеем скрыться!

— Ради Неба, Лео! — начал я, но Устана перебила меня:

— Не слушай его! Скорее, скорее бежим! Смерть витает в воздухе, которым мы дышим. Быть может, "Она" слышит нас...

Не прибавив больше ни слова, Устана бросилась в его объятия, как бы желая подкрепить свои аргументы.

В это время шкура леопарда соскользнула с ее головы, и я увидел на ее волосах три белых отпечатка пальцев. Я стоял, не зная, что делать, потому что Лео не умел рассуждать, когда дело касалось женщины.

Вдруг позади меня раздался серебристый смех.

Я повернулся... о, ужас! Это была Аэша, а с ней Биллали и двое немых слуг. Задыхаясь от страха, я ожидал трагической развязки... Устана закрыла лицо руками, а Лео, не понимая сути дела, сконфузился, покраснел и стоял, совсем растерянный, как человек, застигнутый на месте преступления.

XX

ТОРЖЕСТВО АЭШИ

Наступила минута тяжелого молчания. Аэша прервала молчание, обратившись к Лео.

— Мой господин и гость! — произнесла она нежным тоном, хотя голос ее звенел. — Не смотри так сконфуженно! Зрелище было прекрасное — леопард и лев!

— О! Как мне это надоело! — пробормотал Лео по-английски.

— А ты, Устана, — продолжала Аэша, — я, вероятно, прошла бы мимо и не узнала тебя, если бы не эти знаки на твоих волосах, которые бросились мне в глаза при свете месяца! — Она указала на месяц, появившийся на горизонте. — Хорошо! Танцы кончены, факелы спорели, все кончается мраком и землей! Ты выбрала удобное время для любви, Устана, я и не подозревала, что ты хочешь обмануть меня, думая, что ты далеко отсюда!

— Не шути так! — взмолилась несчастная женщина. — Убей меня, и все будет кончено!

Но Аэша сделала знак слугам, которые сейчас же схватили Устану за руки. С громким проклятием Лео подбежал к ближайшему, сшиб его на землю и встал над ним с поднятым кулаком.

Аэша засмеялась.

— Ловкий удар, мой гость! У тебя сильная рука, хотя ты едва оправился от болезни. Прошу тебя, будь любезен и позволь слугам моим исполнить мое приказание. Они не тронут девушку. Ночной воздух свеж, и я хочу принять ее у себя. Ты любишь ее, следовательно, и я должна полюбить ее!

Я взял Лео за руку и оттащил его от немого слуги. Мы пошли в пещеру через площадку, где не было и следа недавних танцоров, и только куча пепла напоминала о ярко пылавшем огне.

Скоро мы достигли комнаты Аэши. Она села на подушки, отпустила Джона и Биллали, сделала знак немым уй-

ти, всем, за исключением одной девушки, ее любимой прислужницы. Мы трое остались стоять, и несчастная Устана встала несколько левее нас.

— Теперь, Холли, — начала Аэша, — скажи мне, как это случилось, после того как ты слышал мое приказание, данное этой злодейке, — она указала на Устану, — чью жизнь я пощадила только ради тебя, как это случилось, что ты принимал участие в том, что я сейчас видела? Отвечай!

— Это вышло случайно, королева! — ответил я. — Я ничего не знал!

— Верю тебе, Холли, — отвечала Аэша холодно, — и это твое счастье! Вся вина падает на нее! — Потом она обратилась к Устане. — Что скажешь теперь, женщина? Ты негодная солома, ничтожное перо, вздумавшее лететь против ветра моей воли! Говори, как ты осмелилась на это?

Тут в лице Устаны я увидел удивительнейший образец нравственного мужества и смелости. Несчастная, осужденная девушка, хорошо понимавшая, какая участь ожидает ее, зная по опыту силу соперницы, стояла спокойно перед королевой, почерпнув мужество и силу из глубины своего отчаяния.

— Я сделала это, королева, — ответила Устана, выпрямляясь во весь свой высокий рост и сбросив шкуру леопарда с головы, — потому, что моя любовь глубже могилы, которую ты готовишь мне. Этот господин — мой. Хотя твоя красота сияет, как солнце, он останется моим!

Дикий крик ярости и ужаса прервал ее.

Я повернул голову и увидел, что Аэша встала и стояла, протянув руку по направлению Устаны, которая сразу замолчала. Я смотрел на бедную женщину и видел, что на лице ее появилось выражение ужаса, глаза широко раскрылись, ноздри задрожали, и губы побелели.

Аэша не произнесла ни одного звука, только медленно двигалась, протянув руку, дрожа всем телом и пристально смотря на Устану. Бедная женщина закрыла обеими руками свою голову, испустила пронзительный вопль и с шумом упала на пол. Лео и я бросились к ней. Она была мертва, убитая насмерть какой-то таинственной силой, которой обладала ужасная королева.

Сначала Лео не мог понять, что случилось, но, когда опомнился, на него страшно было смотреть. С диким проклятием он бросился на Аэшу. Но она наблюдала за ним и протянула к нему руку. Он зашатался и упал бы, если бы

я не подхватил его. Потом Лео рассказывал мне, что почувствовал сильный удар в грудь и лишился сил.

— Прости мне, гость мой, — заговорила мягко Аэша, обращаясь к нему, — если я испугала тебя своей строгостью и правосудием!

— Простить тебя, дьявол! — крикнул Лео, яростно ломая руки. — Простить тебя, убийца! Я хотел бы убить тебя!

— Нет, нет, ты не понял, — ответила она мягко, — со временем все поймешь! Ты — моя любовь, мой Калликрат, моя красота и сила! 2000 лет я ждала тебя, Калликрат, и наконец ты пришел ко мне. Что касается этой женщины, — она указала на труп Устаны, — она стояла между мной и тобой, и я уничтожила ее, Калликрат!

— Это ложь! — кричал Лео. — Мое имя вовсе не Калликрат. Я — Лео Винцей. Мой предок был Калликрат, это правда!

— Ты сам говоришь — твой предок был Калликрат! А ты — возрожденный Калликрат, ты вернулся ко мне, мой дорогой господин!

— Я вовсе не Калликрат и не хочу быть твоим господином! Если бы мне пришлось выбирать, я согласился бы быть господином дьявола из преисподней, чем твоим!

— Что говоришь ты, Калликрат? О, Калликрат! Ты так давно не видел меня и забыл! Я очень красива, Калликрат!

— Я ненавижу тебя, убийца, и не желаю смотреть на тебя! Что мне за дело до твоей красоты! Ты мне ненавистна!

— Калликрат, ты через несколько часов будешь ползать у моих ног и клясться, что любишь меня! — возразила Аэша насмешливо. — Здесь, перед трупом мертвой девушки, которая любила тебя, я докажу тебе это. Посмотри на меня, Калликрат!

Быстрым движением она сбросила с себя газовое покрывало и встала перед нами, сияя дивной красотой, как Венера, вышедшая из пены, как ожившая Галатея, как лучезарный дух, явившийся из могилы. Она стояла, устремив свои глубокие, блестящие глаза на Лео, и я видел, как разжались его кулаки, как он весь успокоился и затих под ее взглядом. Его удивление возросло до восхищения, до очарования, и чем более он боролся, тем сильнее захватывала его эта ужасная красота и влекла к себе.

— Великий Боже! — простонал Лео. — Да женщина ли ты?

— Женщина, настоящая женщина и твоя собственная супруга, Калликрат! — ответила Аэша, протягивая к нему

свои прекрасные руки и улыбаясь... О, как нежно она могла улыбаться!

Лео смотрел на нее, не отрываясь, и подвинулся ближе. Вдруг глаза его упали на труп Устаны, он вздрогнул и отвернулся.

— Могу ли я? — произнес он хрипло. — Ты убийца, а она так любила меня!

Очевидно, Лео уже забыл, что сам любил ее.

— Это вздор! — пробормотала Аэша, и голос ее прозвучал, подобно шелесту ветерка между деревьями. — Это пустяки! Если я согрешила, пусть моя красота отвечает за этот грех! Я совершила преступление из любви к тебе, забудь и прости мой грех!

Аэша снова протянула к нему руки и нежно прошептала.

— Иди!

И Лео не устоял...

Вдруг Аэша грациозным, змеиным движением освободилась от его объятий и засмеялась торжествующим смехом.

— Разве я не говорила тебе, что ты будешь ползать у моих ног, Калликрат? — произнесла она, указывая на мертвую Устану. — Немного времени прошло с тех пор!

Лео застонал от горя и стыда. Хотя он был подавлен и не владел собой, но понимал всю глубину своего падения, и все лучшие качества его природы возмущались против этого.

Аэша засмеялась в третий раз и сделала знак немой девушки, которая с любопытством наблюдала всю эту сцену. Та вышла и сейчас же вернулась в сопровождении двух немых слуг. По данному знаку все трое схватили тело бедной Устаны и потащили вон из комнаты. Лео следил за ними, потом закрыл лицо руками.

— Наконец-то тот, кого я ждала так долго, явился ко мне! — произнесла Аэша, обращаясь к Лео. — Возьмите по лампе и идите за мной!

Не задумываясь ни на минуту, мы повиновались. Проскользнув в конец комнаты, Аэша подняла занавес и указала нам маленькую лестницу вниз, ступени которой, как я заметил, были истоптаны и потерты. Этот факт привлек мое внимание, потому что мелочи поражают нас сильнее, когда мозг подавлен сильными ощущениями.

У подножия лестницы я остановился и взглянул на истертые ступени.

— Тебя удивляет, Холли, что эти каменные ступени так потерты? — спросила Аэша. — Это я сделала своими

собственными ногами! Я помню эти ступени новыми и чистыми, но за две тысячи лет я истоптала их, потому что каждый день спускалась по ним. Мои сандалии истерли прочный камень.

Я промолчал и молча смотрел на твердый гранит, потертый ее нежными, маленькими ногами.

Лестница вела в туннель. В нескольких шагах от входа я увидел завешенную дверь и узнал ту пещеру, где я видел Аэшу в то время, когда она делала заклинания посредством огня.

Невольная дрожь пробежала по мне при этом воспоминании. Аэша вошла в гробницу; мы последовали за ней.

XXI

ЖИВОЙ И МЕРТВЫЙ КАЛЛИКРАТ

— Смотрите, вот здесь я спала все эти две тысячи лет! — сказала Аэша, взяв лампу из рук Лео и подняв ее над головой. Свет лампы озарил отверстие в полу, на том месте, где я видел пламя в ту памятную ночь. Мы увидели белую фигуру человека, распростертую на каменном ложе. По другую сторону пещеры находилось еще такое же каменное ложе.

— Здесь, — продолжала Аэша, положив руку на ложе, — здесь я спала все долгие ночи, в течение бесконечных лет, покрываясь плащом, по соседству с моим мертвым супругом. Здесь лежала я без сна целые ночи, и этот камень истерся от моего тела. Я была верна тебе, Калликрат. А теперь, господин мой, ты увидишь удивительную вещь. Живой — ты увидишь себя мертвым! Готов ли ты?

Мы молча смотрели друг на друга испуганными глазами. Аэша подвинулась вперед и подняла руку.

— Не пугайтесь, — произнесла она, — хотя это кажется странным! Все мы, живущие теперь, жили когда-то прежде, хотя не знаем и не помним того времени. Благодаря моему искусству, которому я научилась от жителей царственного Кор, я вернула тебя обратно, Калликрат, вернула из праха могилы, чтобы видеть чудную красоту твоего лица! Смотрите, мертвый Калликрат встретился с живым!

Быстрым движением она сдернула покрывало с трупа и осветила его лампой. Я взглянул и отступил назад, пораженный. Мертвец, лежавший на камне, в белой одежде, отлично сохранившийся, был также Лео Винцей. Я перево-

дил глаза от Лео живого к мертвому и не находил различия между ними. Мертвый выглядел только старше живого. Те же красивые черты лица, те же золотые кудри! Мне казалось, что выражение лица умершего человека особенно походило на лицо Лео, когда он был погружен в сон.

Лео находился в каком-то столбняке. Несколько минут он стоял молча.

— Закройте его и пойдите отсюда! — вскричал он наконец.

— Нет, погоди, Калликрат! — сказала Аэша, походившая скорее на сибиллу, чем на обыкновенную женщину, когда стояла, подняв лампу над головой, в блеске своей чудной красоты, склонясь над холодным трупом. — Я покажу тебе еще кое-что. Холли, открой платье на груди мертвого Калликрата, быть может, господин мой побойтся тронуть его!

Я повиновался, хотя дрожавшие пальцы плохо слушались меня. На мертвой обнаженной груди зияла рана, очевидно, сделанная кинжалом.

— Видишь, Калликрат! — произнесла Аэша. — Это я убила тебя. Вместо жизни я дала тебе смерть. Я убила тебя из-за египтянки Аменартас, которую ты любил; ее я не могла убить, потому что она была сильнее меня. В раздражении и гневe я убила тебя и все эти долгие годы оплакивала свое преступление и ждала тебя! Теперь пусть труп превратится в прах: он не нужен более!

Аэша взяла со своего ложа большой стеклянный сосуд с ручками, наклонилась, тихо поцеловала холодное чело мертвеца, откупорила сосуд и начала лить из него какую-то жидкость на труп, видимо, остерегаясь, как я заметил, чтобы ни одна капля ее не попала на нас или на нее, потом остатки жидкости вылила на грудь и голову мертвого человека. Сейчас же показался пар, и пещера наполнилась удушливым дымом, который помешал нам видеть что-либо. Послышался странный продолжительный звук — легкий треск и шипенье, которые скоро прекратились. Наконец все исчезло, осталось только маленькое облачко дыма над трупом. Через несколько минут исчезло и это облачко, и каменное ложе, на котором много столетий покоились останки Калликрата, было пусто. На нем лежала только кучка дымящегося пепла. Аэша взяла горсть пепла и бросила его в воздух.

— Прах обратился в прах! Конец прошлому! Конец всему. Калликрат умер и возродился снова. Теперь ступайте и оставьте меня! — произнесла Аэша. — Спите, если може-

те. Я буду бодрствовать и думать, потому что завтра ночью мы уйдем отсюда!

Мы поклонились и ушли, когда же пришли в свое помещение, я заглянул к Джону, который ушел раньше. Он крепко спал, этот добрый, честный слуга, и я порадовался за него, так как его нервы, как у всех простых людей, были не особенно крепки и порядком расстроены от всех впечатлений этого ужасного дня. Когда мы очутились в нашей комнате, бедный Лео, все еще не успевший опомниться от ужасного зрелища, разразился гневом. Теперь он освободился от присутствия королевы, и сознание вернулось к нему. Он вспомнил об убитой Устане, и, как буря, поднялись в нем угрызения совести и стыда. Лео проклинал себя, проклинал ту минуту, когда увидел письма на сосуде, которые оказались правдивыми, проклинал свою слабость. Но Аэшу он не проклинал, да и кто осмелился бы проклинать такую женщину, как "Она"?

— Что мне делать, старый дружище? — простонал он, положив голову на мое плечо в припадке горя. — Я допустил, чтобы Устану убили и через пять минут целовал ее убийцу. Я — жалкий скот, но, право, не могу противиться ей, — голос его оборвался, — этой колдунье. Завтра будет то же самое, я навсегда в ее власти! Я продан в рабство, старый дружище, и "Она" возьмет мою душу у меня!

Тут в первый раз я сказал ему, что находился не в лучшем положении, и Лео пожалел меня, быть может, потому, что не мог ревновать. Мы начали соображать, нельзя ли убежать отсюда, но скоро отбросили этот проект, и, по чести говоря, я не думаю, чтобы каждый из нас был в силах уйти от Аэши.

Что же Лео оставалось делать? Подчиниться власти таинственного существа, каким была Аэша, но ведь это могло случиться с ним и в обыкновенном супружестве с простой женщиной! Но эта обыкновенная супруга не принесла бы ему такой чудной красоты, такой мудрости, такой власти над тайными силами природы, силы, могущества, царской короны и бесконечной молодости — всего, что могла дать Аэша, если говорила правду. Поэтому понятно было, что Лео, даже рассерженный и раскаивающийся, не согласился бежать от Аэши. И, я полагаю, было бы глупо, если бы он согласился на это!

Больше двух часов просидели мы с Лео, беседуя о чудесных событиях, которых мы были свидетелями. Все это казалось нам сном, сказкой. Кто бы мог подумать, что все написанное на сосуде окажется правдой?

ПРЕДЧУВСТВИЕ ДЖОНА

Было 9 часов утра, когда Джон пришел будить меня и выразил свою радость, найдя нас в постели живыми и бодрыми. Когда я сказал ему о трагической смерти Устаны, он еще более обрадовался, что мы остались живы. Хотя он не любил Устану, но пожалел ее. Обыкновенно она называла его "свиньей" по-арабски, он величал ее "шлюхой" по-английски. Но теперь все это было забыто.

— Я хочу сказать вам кое-что, сэр, — произнес Джон, выслушав мой рассказ, — знаете, я думаю, что "Она" — это сам черт или его жена, если у него есть такая. Нельзя же думать, что черт холостой! Азндорская волшебница — дура перед ней, сэр! Это страна дьяволов, сэр, а "Она" их госпожа. Я не смею ожидать, что мы когда-нибудь выберемся отсюда. Эта колдунья не выпустит из рук такого красивого молодого человека, как мистер Лео.

— погоди, — возразил я. — она спасла ему жизнь!

— Да, и за это возьмет его душу! Она заколдует его. Разве хороший человек может жить среди людоедов? Но это последняя страна, которую я вижу на земле. Прошлой ночью мне снился сон... Я видел моего покойного старика отца, одетого во что-то вроде ночной рубашки, с пучком травы в руке, собранной им на дорожке сада. "Джон! — сказал он мне тихо и торжественно, — Джон, время настало, но я не ожидал увидеть тебя в таком ужасном месте. Нехорошо было заставлять старого отца бежать сюда и оставлять его одного среди этих людей..."

— Правильно! — подтвердил я.

— Конечно, сэр, правильно! Я знаю, уверен теперь, что этот раскаленный горшок не минует меня! — ответил Джон печально. — Отец сказал, что время мое пришло, и ушел, сказав, что мы увидимся с ним очень скоро, и я знаю, что не пройдет трех дней, как уйду к нему!

— Ну, конечно! — возразил я. — Ты уверен, что умрешь, потому что видел во сне отца. Что же должно случиться с тем, кто увидит во сне свою мать?

— Ах, сэр, вы смеетесь надо мной, — сказал Джон, — но вы не знали моего отца. Он не любил шутить. Нет, сэр, он говорил правду, и я ничем не могу тут помочь!

— Глупости! — проговорил я.

— Нет, сэр! — печально ответил Джон тоном глубокого убеждения и ушел.

Нам принесли завтрак, пришел и Лео, который ходил гулять, чтобы освежить свои мысли, по его словам. Я был рад видеть и Лео, и Джона, потому что они рассеяли мои мрачные мысли. После завтрака мы снова пошли гулять и посмотреть, как работают в поле дикари. Курьезно было видеть этот угрюмый, дикий народ за таким занятием — засевом полей, и делали они это самым примитивным образом.

Когда мы вернулись, Биллали встретил нас, сообщив, что "Она" желает видеть чужеземцев. Мы сейчас же пришли к ней, хотя не без внутреннего содрогания.

По обычаю, немые слуги доложили о нас, и, когда они ушли, Аэша сбросила свое газовое покрывало и приказала Лео обнять и поцеловать себя. Лео повиновался и сделал это с большим жаром и удовольствием, чем прежде. "Она" положила свою белую руку на его голову и посмотрела ему в глаза.

— Ты хотел бы знать, Калликрат, когда ты можешь назвать меня своей, — произнесла Аэша, — и когда мы всецело будем принадлежать друг другу? Я скажу тебе. Во-первых, ты должен быть таким же, как я, не бессмертным, нет, но застрахованным от разрушительной силы времени! Я не могу быть твоей супругой, потому что мы оба — слишком различны между собой, и чрезмерный блеск моего существа может дурно отозваться на тебе. Ты не в силах будешь долго смотреть на меня, твои глаза будут болеть, твои чувства притупятся, и мне придется закрываться от тебя! Слушай! Сегодня вечером, за час до заката солнца, мы уйдем отсюда, и завтра на рассвете, если все пойдет хорошо и я не забыла дороги, мы будем стоять у утеса жизни, ты омоешься в огне жизни и выйдешь из него победоносным. Тогда, Калликрат, ты можешь назвать меня своей женой, а я назову тебя своим супругом и господином!

Лео пробормотал что-то в ответ на это удивительное предложение. Аэша засмеялась его смущению.

— И ты, Холли, также! — продолжала она. — Я сделаю это для тебя, и ты будешь вечно юным и сильным!

— Благодарю тебя, Аэша, — ответил я с достоинством, — но если в том странном месте, куда ты хочешь вести нас, можно избавиться от смерти, которая приходит за каждым человеком, — благодарю, мне не нужно этого! Мир не был так ласков ко мне, чтобы я хотел жить в нем долго! Земля — жестокосердая мать, она кормит детей своих камнями и утоляет их жажду горькой водой. Кому за-

хочется продлить надолго свою жизнь? Кто захочет нести бремя воспоминаний о прошедшей любви, о прошлых печалях и скорбях, о мудрости, которая не дает утешения?

И как ни убеждала меня Аэша, я решительно отказался. Тогда она переменяла разговор.

— Теперь, — обратилась "Она" к Лео, — скажи мне, Калликрат, как ты нашел меня? Вчера ночью ты сказал, что мертвый Калликрат был твоим предком? Расскажи мне все подробно!

Лео рассказал ей всю удивительную историю ящика и амфоры. Аэша выслушала внимательно.

— Видишь, — обратилась она ко мне, — эта египтянка Аменартас, царственная дочь Нила, ненавидела меня так же, как я ненавижу ее, и сама привела своего возлюбленного в мои объятия. Я убила его, а теперь он снова вернулся ко мне! Ты, мой Калликрат, захочешь ли мстить мне за свою прабабку? Вот, — продолжала она, опустившись к ногам Лео и открыв платье на груди, — ударь меня в сердце, кинжал у тебя под рукой, длинный и острый, отличный нож, чтобы убить такую женщину, как я. Убей же, убей меня!

Лео взглянул на нее, протянул руку и поднял ее.

— Встань, Аэша, — печально произнес он, — ты хорошо знаешь, что я не трону тебя. Я весь в твоей власти, твой верный раб! Как я могу убить тебя? Скорее я покончу с собой!

— Ты уже любишь меня, Калликрат! — ответила она улыбаясь. — Скажи мне что-нибудь о твоей стране, о твоём великом народе. Ты, наверное, захочешь вернуться туда, и я рада этому, потому что ты не можешь жить в этих пещерах. Мы уйдем отсюда, не бойся, я знаю дорогу, — поедем в твою Англию и будем там жить! Две тысячи лет ожидала я того дня, когда могу покинуть эти ужасные пещеры и мрачный народ! Ты будешь управлять Англией...

— Но у нас есть королева в Англии! — прервал ее Лео.

— Это ничего не значит! — возразила Аэша. — Ее можно свергнуть с трона!

Мы объяснили ей, что этого сделать нельзя, что мы сами погибнем тогда.

— Странная вещь! — произнесла Аэша с удивлением. — Королева, которую любит народ! Вероятно, мир очень изменился с тех пор, как я живу здесь!

Мы пытались объяснить ей, что наша монархиня любима и уважаема всеми, что настоящая власть находится в руках народа, что Англия подчиняется своим законам.

— Закон! Что такое закон? — проговорила она насмешливо. — Разве ты не понимаешь, Холли, что я выше всякого закона, так же, как и Калликрат? Все человеческие законы для нас то же, что северный ветер для горы! Теперь идите оба, прошу вас! Я должна приготовиться к путешествию. Приготовьтесь и вы да возьмите с собой вашего слугу. Не берите только с собой ничего лишнего: через три дня мы вернемся. Ты, Калликрат, можешь поцеловать мою руку!

Мы ушли к себе. Очевидно, ужасная королева задумала отправиться в Англию. Я содрогался при мысли об этом, потому что знал, что Аэша непременно пустит в ход свою ужасную силу.

Ее гордая, честолюбивая душа захочет возместить все эти долгие столетия одиночества. Умереть она не может, убить ее нельзя*, что может остановить ее? В конце концов она заберет в свою власть Британские владения, а может быть, и всю землю и ценой ужасных злодеяний сделает Англию богатейшей и цветущей империей во всем мире. После долгих размышлений я пришел к заключению, что это удивительное создание, вероятно, явится орудием в руках Провидения, чтобы изменить порядки одряхлевшего мира и в материальном смысле направить его на лучший путь.

XXIII

ХРАМ ИСТИНЫ

Приготовления к путешествию были несложны. Мы засунули в ручной мешок перемену платья и несколько пар сапог, взяли с собой револьверы, одну винтовку вместе с запасом амуниции. Все остальное оставили в пещерах.

За несколько минут до назначенного времени мы вошли в комнату Аэши и нашли ее уже готовой, одетой в темный плащ.

— Идем! — сказала она.

Мы вышли из пещеры на свет Божий. На площадке нас ожидали носилки и шесть немых носильщиков. Между ними находился старый Биллали, к которому я очень привязался. Очевидно, Аэша решила, что, за исключением ее, все мы пойдем пешком. Мы пошли с удовольствием после долгого пребывания в пещерах. Случайно или по приказа-

* Я жалею, что не мог хорошенько узнать, действительно ли Аэша застрахована от случайностей и неуязвима. Когда она предложила Лео убить ее, это, вероятно, было только испытанием его влечения к ней.

нию Аэши, но у входа в пещеру не было видно ни одного человека, исключая немых слуг, которые умели держать язык за зубами.

Через несколько минут мы переходили большую, возделанную равнину, окаймленную угрюмыми скалами, здесь полюбовались чудесной природой местности, удивительной системой орошения, придуманной народом царственного Кор. Пройдя около получаса, наслаждаясь прохладой, доносившейся к нам с моря, мы начали ясно различать вдали строения. Биллали объяснил нам, что это развалины большого города.

Даже на далеком расстоянии мы могли заметить красоту руин. Город вовсе не был велик в сравнении с древним Вавилоном или Фивами, но стены его вполне сохранились и были очень высоки. Несомненно, что народ Кор был защищен от всякого внешнего нападения огромными скалами и утесами и выстроил эти стены только для виду и из предосторожности от гражданских раздоров.

Эти стены были толсты, сделаны из камня и окружены рвом, наполненным водой. За десять минут до заката солнца мы добрались до этого рва и перешли через него по обломкам когда-то прочного моста и взобрались без труда на стену. Мое перо не в силах описать красоты пейзажа. Тысячи руин — колонны, храмы, дворцы, окруженные густой порослью кустарника, купались в красных лучах заходящего солнца. Крыши строений пришли в упадок, разрушились, но большая часть стен и колонн осталась в целости*.

Прямо перед нами возвышалось что-то похожее на главные ворота города, выстроенные из прочного камня, но заросшие травой и кустарником. Парки и сады сделались непроходимыми, так что трудно было даже найти след дороги в их густой чаще. По сторонам ворот находились обломки развалин. По-видимому, ни одна человеческая нога не проходила здесь целые тысячи лет.

Биллали сказал мне, что народ Амахаттер считает этот разрушенный город проклятым. Сам он согласился идти сюда только под покровительством Аэши. Курьезно, что народ, не боявшийся жить среди мертвецов, боялся подойти близко к разрушенному городу.

Затем мы увидели огромное строение, которое походило на храм, с удивительными колоннами очень красивой ар-

* Город народа Кор не мог быть сожжен или разрушен неприятелем или землетрясением, поэтому дома остались нетронутыми. Климат равнины очень ровный и сухой, дождя и ветра бывает очень мало, и все реликвии уцелели от разрушительного влияния времени.

хитектуры. Сначала мы думали, что форма колонн символизирует женскую фигуру по обыкновению древних архитекторов.

На следующий день, взобравшись на откос горы, мы заметили здесь целую рощицу величественных пальм, и я понял, что архитектор заимствовал свое вдохновение от грациозных форм этих пальм или, вернее, их предков.

У фасада огромного храма наша маленькая процессия остановилась, и Аэша вышла из носилок.

— Тут была комната, Калликрат, — сказала она Лео, — где мог спать один человек. Две тысячи лет тому назад ты, я и эта египтянка отдыхали здесь, но с тех пор я не была здесь, и все пришло в упадок!

Затем Аэша поднялась по изломанным ступеням в наружный двор и огляделась кругом, как бы стараясь что-то припомнить. Сделав несколько шагов, она остановилась.

— Здесь все по-старому! — произнесла она, сделав знак немым слугам подойти ближе. Один из них подошел, зажег лампу, и мы пошли дальше. Перед нами была маленькая келья, вырубленная в стене, где находился каменный стол, которая, по-видимому, была жилой комнатой для сторожей храма.

Здесь мы решились отдохнуть и, устроившись возможно комфортабельнее, поели холодного мяса, все, кроме Аэши, которая не прикасалась никогда ни к чему, кроме плодов, воды и хлеба. Пока мы закусывали, взошел месяц и своими серебристыми лучами залил всю окрестность.

— Знаешь ли, Холли, зачем я привела вас сюда ночью? — спросила Аэша, которая сидела, положив голову на руку, и наблюдала за месяцем, величественно выплывшим над мрачными колоннами разрушенного храма.

— Я привела вас сюда, чтобы вы могли видеть удивительное зрелище — полный месяц над развалинами Кор. Вы кончили есть, я хотела бы, чтобы ты не брал в рот ничего, кроме фруктов, Калликрат, но это придет позже. Когда-то и я ела мясо, как зверь! Ну, если вы кончили есть, мы пойдем, я покажу вам храм и бога, в честь которого он выстроен!

Мы встали и пошли. Я не в силах описать подробностей всего храма, его великолепия и роскоши. Мрачные дворы, стройные колонны со скульптурными украшениями, пустынные комнаты говорили воображению человека красноречивее всяких шумных улиц.

И над всем этим — мертвая тишина, тишина смерти: казалось, только дух прошлого обитал здесь.

Как все тут было красиво и пустынно! Мы не смели говорить громко, даже Аэша смутилась перед лицом величавой древности. Мы говорили шепотом, и наш шепот перелетал от колонны к колонне и замирал вдали. Лунный свет ярко озарял развалины храма, скрывая все изъяны долгих тысячелетий. Это было чудесное зрелище. Постепенно свет луны исчезал, и мрачные тени медленно заползали в поросшие травой притворы храма, словно призраки старых жрецов, слетевшиеся в храм для поклонения божеству...

— Идите, — произнесла Аэша, пока мы не отрываясь смотрели и смотрели, — я покажу вам каменный цветок красоты, который словно смеется над временем и наполняет тоской и желанием сердце человека! — И, не ожидая ответа, она повела нас через два притвора в древний храм.

Посередине необъятного двора стояло величайшее в мире произведение искусства. На большом камне находился огромный каменный шар, а на шаре колоссальная крылатая фигура такой поразительной, божественной красоты, что, когда я увидел ее, озаренную серебристым сиянием месяца, мое дыхание остановилось и сердце перестало биться в груди. Статуя была сделана из чистого белого мрамора и имела около 20 футов в высоту. Крылатая женская фигура, поражающая красотой и нежностью форм, стояла, склонившись вперед, с распростертыми руками, словно собираясь обнять возлюбленного. Она была обнажена, хотя лицо было плотно закутано, так что мы едва могли различить ее черты. Газовое покрывало окутывало ее голову, два конца его падали на левую грудь, а третий развевался в воздухе позади.

— Кто это? — спросил я, не отрывая глаз от статуи.

— Разве ты не догадался, Холли? — возразила Аэша. — Где же твоё воображение? Это — Истина, парящая над миром и призывающая его детей раскрыть свое закутанное лицо! Смотри, вот и надпись на пьедестале. Несомненно, это взято из Священных писаний народа Кор!

В самом деле, у подножия статуи были выгравированы письмена, похожие на китайские иероглифы.

Аэша перевела их так:

— "Есть ли в мире такой человек, который откинул бы мое покрывало и взглянул бы в мое лицо, хотя оно прекрасно? Я буду жить в том человеке, кто откинет мое покрывало, я дам ему душевный мир и нежных детей познания и труда! И голос крикнул: — Хотя все, кто ищет тебя, жалеет тебя, но смотри! Ты — девственна и будешь всегда девственной, пока не кончится все. Нет человека, рожден-

ного от женщины, который откинул бы твое покрывало и остался жить, и никогда не будет! Только смерть сорвет твою вуаль!

Истина простерла руки и заплакала, потому что те, что стремились к ней, не могли найти ее и взглянуть ей в лицо!"

— Ты видишь, — заметила Аэша. — Истина была богиней народа Кор, в честь ее они строили храмы, к ней они стремились, хотя знали, что не найдут ее!

— Да, — добавил я печально, — люди ищут и не находят истины, и никогда не найдут. Только в смерти есть истина!

Бросив последний взгляд на статую — эту поэтическую грезу красоты, сделанную из камня, которую я никогда не забуду, — повернулись и пошли назад. Я не видел больше статуи, о чем очень жалею. Во всяком случае, я знаю и убедился, что эти давно умершие поклонники Истины вполне признавали факт, что земля круглая.

XXIV

ЧЕРЕЗ ПРОПАСТЬ

На следующее утро немые слуги разбудили нас еще до рассвета. Пока мы успели очнуться от сна и освежиться водой, вытекавшей из обломков мраморного бассейна в центре одного двора, Аэша уже стояла около носилок, готовая в путь, а Биллали помогал слугам собирать багаж. По своему обыкновению, Аэша была закутана в газовое покрывало, и мне пришло в голову, что она могла заимствовать эту мысль — прятать свою красоту — у мраморной статуи Истины. Я заметил, что Аэша казалась очень расстроенной и потеряла свой гордый и царственный вид, который отличил бы ее из тысячи таких же закутанных, как она, женщин. Она смотрела вниз, когда мы подошли к ней. Лео спросил, как она спала эту ночь.

— Дурно, мой Калликрат, — отвечала она, — дурно! Меня преследовали странные и ужасные сны, и я не знаю, что они предвещают мне. Я чувствую, что-то дурное будет со мной... Но как? Разве зло может коснуться меня? Я желала бы знать, — добавила она с выражением глубочайшей нежности, — если что случится со мной, будешь ли ты думать обо мне? Я желала бы знать, мой Калликрат, будешь ли ты ждать меня, как я ждала тебя много столетий?

Не дожидаясь ответа, она продолжала:

— Посидим здесь: нам далеко идти, и раньше рассвета следующего дня мы будем уже близ Утеса жизни!

Через пять минут мы шли по разрушенному городу, который в лучах рассвета представлял собой величественное и подавляющее зрелище.

Когда первый луч восходящего солнца золотой стрелой спустился на руины, мы добрались до крайних ворот городской стены. Бросив еще один взгляд на древний город, мы, за исключением Джона, который не любил развалин, — вздохнули, сожалея, что не могли подробнее осмотреть его, миновали ворота и вышли на равнину.

Вместе с солнцем воспрянула духом Аэша и смеялась над своей тоской, приписывая ее влиянию печального места, где она спала.

— Эти варвары уверяют, что город проклят, — сказала она, — и, право, я верю им, потому что никогда не чувствовала себя так дурно, как сегодня ночью... Впрочем, нет, была еще одна ужасная ночь... Я помню. Это было, когда ты лежал мертвым у моих ног, Калликрат! Никогда не приду я сюда, это проклятое место!

После короткой остановки и завтрака мы пошли дальше и в два часа находились у подножия скалы, образующей жерло вулкана, который возвышался на 1500 футов над нами. Здесь мы опять передохнули, и я не понимал, каким способом мы можем двигаться вперед.

— Теперь, — произнесла Аэша, выйдя из носилок, — начинаются наши испытания, потому что сюда мы пришли с этими людьми, а отсюда пойдем одни! Ты останься со слугами здесь и дожидайся нашего возвращения, — обратилась Аэша к Биллали, — завтра в полдень мы вернемся сюда, если нет, подождите!

Биллали смиренно поклонился и сказал, что ее приказание будет в точности исполнено и они будут ждать здесь, хотя бы пришлось ждать до глубокой старости.

— А этот человек, Холли, — сказала Аэша, указывая на Джона, — он лучше бы сделал, если бы ждал нас здесь. Он не обладает мужеством и смелостью, и с ним может случиться что-нибудь дурное. Потом, таинственное место, куда мы направляемся, не предназначено для простых глаз непосвященного!

Я перевел эти слова Джону, но он начал со слезами умолять меня взять его с собой, уверяя, что не может быть ничего хуже того, что было, что он боится умереть среди "этих диких людей", которые воспользуются случаем и наденут на него "раскаленный горшок".

— Пусть идет, мне все равно! — сказала Аэша, когда я перевел ей просьбу Джона. — Сам будет виноват! Он понесет лампу и это... — она указала на узенькую доску шестнадцати футов в длину, привязанную к ее носилкам и предназначенную для какой-то неизвестной мне цели.

Джон понес эту доску и одну из ламп. Я взял другую лампу и кувшин с маслом, а Лео нагрузил себя провизией и водой. Затем "Она" приказала Биллали и носильщикам отойти назад, в рощицу цветущих магнолий, и оставаться там, под страхом смерти, пока мы не исчезнем из виду. Они поклонились и ушли. Уходя, Биллали дружески пожал мне руку и шепнул, что очень доволен тем, что "Она" не берет его в экспедицию, а оставляет здесь.

Коротко спросив нас, готовы ли мы, Аэша повернулась и посмотрела на огромный утес.

— Праведное Небо! — вскричал я. — Неужели мы полезем на эту скалу?

Лео, совершенно подавленный зрелищем, пожал плечами. В этот момент Аэша быстро прыгнула вперед и начала карабкаться на утес, куда мы последовали за ней.

Удивительно было смотреть, с какой грацией и легкостью она прыгала со скалы на скалу. Подъем не был так труден, как казалось, но оглядываться назад было страшно.

Таким образом без особого труда, нас смущала только доска, которую нес Джон, мы поднялись вверх на 50 футов и достигли узкого выступа скалы, который расширялся внутри и образовал что-то вроде прохода, так что мы постепенно опускались вниз и наконец скрылись совершенно из виду тех, кто стоял на холме. Этот узкий проход заканчивался пещерой. Перед входом в эту пещеру Аэша остановилась, велела нам зажечь лампы и взяла одну из них.

С лампой в руке она двинулась по пещере, заботливо оглядывая путь, так как пол был очень неровен, усеян глубокими дырами, где можно было легко сломать ногу. Мы прошли пещеру в 20 минут, наконец остановились на дальнем конце ее. Я старался разглядеть что-либо в сумраке пещеры, как вдруг неожиданный приток воздуха погасил обе лампы.

Аэша крикнула нам, чтобы мы шли за ней, и мы поспешили на зов. Перед нами была огромнейшая, зиявшая в скале пропасть, а над ней узенькая каменная тропинка.

— Мы должны пройти здесь! — сказала Аэша. — Будьте осторожны, остерегайтесь головокружения и ветра, который может столкнуть вас вниз!

Не дожидаясь ответа, Аэша начала пробираться по выступам скалы, предоставляя нам следовать за собой. Я шел ближе к ней, за мной Джон, тащивший доску, а за ним Лео в арьергарде. Интересно было смотреть на смелую женщину, легко скользящую по камням. Что касается меня, я, пройдя несколько ярдов, встал на четвереньки и пополз. Моему примеру последовали другие, Аэша не хотела ползти. Она шла вперед, отклоняясь от порывов ветра, не теряя головы и равновесия. В несколько минут мы перешли ужасную тропинку над пропастью.

Вдруг сильный ветер поднялся из ущелья. Я видел, как покачнулась Аэша, но удержалась на ногах. Ветер сорвал с нее плащ и унес в пропасть.

Я цеплялся за утес, а камни, словно живые существа, колыхались под нами. Мы висели в темноте между небом и землей. Под нашими ногами, внизу, чернела бездонная пропасть, над головой — необъятное пространство удушливого воздуха и сверху — кусочек голубого неба. Внизу, в ущелье, дико ревел и завывал ветер.

В самом деле, положение наше было очень неприятное и удваивало наш страх.

— Вперед! Вперед! — кричала белая фигура впереди нас.

Потеряв плащ, Аэша осталась в белой одежде и казалась призраком, летевшим над пропастью.

— Вперед! Или вы упадете и разобьетесь вдребезги. Осторожнее! Держитесь за скалу!

Мы повиновались и ползли, цепляясь за скалу, борясь с ветром. Не знаю, сколько времени мы ползли, пока не добрались до огромного камня. Мы улеглись на этот камень и оглянулись вокруг себя. Аэша стояла впереди нас, не обращая внимания на зияющую внизу пропасть, и боролась с ветром, который развеивал ее роскошные волосы. Теперь мы поняли, на что была нужна доска, которую Джон тащил за собой. Впереди зияло пустое пространство, на другой стороне которого находилось что-то, чего мы не могли разглядеть в окружающем мраке.

— Здесь мы должны подождать! — крикнула Аэша. — Скоро будет светло.

Я не понял ее слов. Откуда возьмется свет в этом ужасном месте? Пока я раздумывал, вдруг целый сноп лучей заходящего солнца, подобно огненному мечу, ворвался в окружавший нас мрак и озарил сиянием прекрасную фигуру Аэши. Я не знал, откуда взялись эти лучи, и предположил, что в противоположном утесе, вероятно, было отвер-

стие, сквозь которое проскользнули сюда солнечные лучи. Зрелище было удивительное! При ярком солнечном свете мы разглядели то, что было перед нами. В двенадцати ярдах от камня, на котором мы лежали, находился конус, напоминавший формой сахарную голову. На краю вершины этого конуса находилась какая-то огромная масса, похожая на льдину. Эта масса была гигантским камнем скалы, качавшимся на краю конуса. При ярком свете мы ясно видели, как он колыхался под порывами ветра.

— Скорее! — произнесла Аэша. — Давайте доску! Пока светло, мы должны перейти туда. Надо идти сейчас же!

— Господи! — простонал Джон. — Не хочет ли она заставить нас прогуляться по этой дощечке?

— Это верно, Джон! — ответил я ему с деланным спокойствием, хотя мысль о прогулке через пропасть не особенно улыбалась мне.

Я передал доску Аэше, которая перекинула ее через бездну, так что один конец ее остался на скале, а другой упирался в оконечность колебавшегося камня.

Поставив ногу на доску, Аэша повернулась ко мне.

— С тех пор как я была здесь, Холли, этот живой камень едва держится, и я не уверена, выдержит ли он нашу тяжесть. Во всяком случае, я переправлюсь первая, потому что со мной ничего не может случиться!

Она легко, но твердо ступила на доску и в следующую секунду была уже на другой стороне.

— Готово! — крикнула она. — Держите доску! Я встану на ее конец, чтобы она была устойчивее. Иди, Холли, скоро свет исчезнет!

Колени мои подогнулись, и я действительно испугался и, сознаюсь, сильно колебался...

— Неужели ты испугался? — кричало странное создание, стоя, подобно птице, на вершине скалы. — Ну, иди же, ради Калликрата!

Эти слова заставили меня решиться. Лучше упасть в пропасть и умереть, чем слышать насмешки из уст этой женщины! Я стиснул зубы и пошел по доске. О, какое ужасное ощущение от этой качающейся под ногами доски! Голова кружилась, по спине ползали мурашки, мне казалось, что я падаю. Наконец я очутился на камне и от души поблагодарил Провидение за спасение своей жизни.

Наступила очередь Лео. Он побледнел как полотно, но легко пробежал по доске, словно канатный плясун. Аэша протянула ему руку, и я слышал, как она сказала ему:

— Смелее, любовь моя! В тебе живет еще дух древних греков.

Остался один бедный Джон. Он полз по доске и вопил: "Не могу, не могу, сейчас упаду! Ой, ой!"

— Ты должен, Джон, — ответил я повелительным тоном, — ты должен идти, это вовсе не трудно!

— Пусть он идет или пусть погибает там! — произнесла Аэша. — Свет исчезает! Через минуту будет темно!

С страшным воплем несчастный Джон бросился к доске и, не решаясь идти по ней, начал ползти, тогда как ноги его висели над пропастью. Его неровные движения заставили закачаться большой камень самым ужасным образом, и, что всего хуже, когда он был уже на полдороге, солнечные лучи исчезли, и мы погрузились в полнейший мрак.

— Иди же, Джон, ради Бога! — крикнул я в испуге, чувствуя, что камень сильно шатается.

— Спаси меня, Боже! — кричал бедный Джон из темноты. — Ох, доска скользит! Ай!

Я слышал крик, борьбу и думал, что Джон упал. Но в этот момент его протянутая рука встретила с моей, и я принялся изо всех сил тянуть его к себе, пока он не очутился на скале, около меня. Но доска! Я слышал, как она скользнула, ударилась о скалу и упала в пропасть.

— Праведное Небо! — воскликнул я. — Как же мы вернемся назад?

— Не знаю, — отвечал Лео. — Я так доволен, что очутился здесь!

Аэша весело окликнула меня, взяла за руку и велела следовать за собой.

XXV

ОГОНЬ ЖИЗНИ

Я повиновался, чувствуя, что меня ведут по самому краю камня.

— Я упаду, падаю! — пробормотал я.

— Падай, но не бойся и верь мне! — ответила Аэша. — Падай же!

Не имея другого выбора, я упал, соскользнул по поверхности скалы, пронесся по воздуху и решил, что погибаю. Нет, мои ноги уперлись в пол, и я очутился стоящим на твердой почве. Я стоял и благодарил Бога, как вдруг Лео очутился рядом со мной.

— Славно, старый дружище! — воскликнул он. — Здесь ли ты? Ведь это интересный полет, не правда ли?

Раздался вопль, появился Джон и изрядно толкнул нас обоих. Пока мы старались встать на ноги покрепче, Аэша очутилась около нас, велела зажечь лампы, которые, к нашему счастью, оказались невредимыми, так же, как кувшин с маслом.

Я нашел коробок со спичками, чиркнул спичку. Она весело загорелась в этом ужасном месте, словно в лондонской гостиной.

Зажженные лампы озарили курьезную сцену. Мы находились в небольшой комнате и выглядели очень измученными. Одна Аэша стояла спокойно, сложив руки и глядя куда-то вдаль. Комната была вырублена в скале, и в ней было сухо и тепло.

— Хорошо! — заговорила Аэша. — Сюда мы добрались благополучно, а я думала, что камень не выдержит вашей тяжести и вы полетите в пропасть. Этот человек, — она кивнула на Джона, который сидел на полу, обтирая свое лицо красным носовым платком, — заслуживает название "свиньи", потому что он глуп, уронил доску, и я должна теперь придумывать, как вернуться назад. Посмотрите сюда, на эту комнату! Что это такое?

— Не знаю! — отвечал я.

— Поверишь ли, Холли, когда-то здесь жил один человек много лет, только изредка выходя отсюда, чтобы взять пищу и воду, которые ему приносил народ!

Я посмотрел на нее вопросительно. Она продолжала:

— Да. Этот человек был Нут, мудрейший из народа Кор. Отшельник, философ, познавший многие тайны природы, он открыл огонь жизни, который я покажу вам! Тот, кто омоется в этом огне, будет жить до тех пор, пока живет природа. Но этот Нут не хотел никому открыть своих познаний. "Человеку плохо живется, — говорил он, — потому что он рожден, чтобы умереть!" Он остался жить здесь, и его почитали как святого и отшельника. Знаешь, каким образом я попала сюда, в эту страну, Калликрат? В другой раз я расскажу тебе это. Я слышала о мудром философе и пришла сюда к нему, хотя очень боялась переходить через пропасть. Я очаровала отшельника своей красотой и мудростью, сумела польстить ему языком, так что он свел меня в пещеру и показал мне огонь жизни. Но, понимая, что он не хочет более выносить моего присутствия, и опасаясь, что он убьет меня, я ушла, но знала, что он был очень стар и должен был скоро умереть. Я узнала от Нута о чудесном духе мира и услышала многие тайны. Нут был очень мудр и стар, его воздержание, чистота, созерцатель-

ная жизнь подняли перед ним завесу, которая скрывает от человеческих глаз много великих истин, весь чуждый ему невидимый мир. Через несколько дней я встретила тебя, Калликрат, поняла в первый раз в жизни, что такое любовь, и решила прийти сюда с тобой и получить дар жизни. Мы пришли сюда все трое, вместе с египтянкой, которая не хотела отстать от тебя, и нашли старика Нута мертвым. Он лежал здесь неподвижно, и белая борода закрывала его, как платье!

Аэша указала на то место, где я сидел. Я наклонился, положил руку на пол, и пальцы мои прикоснулись к чему-то твердому. Это был человеческий зуб, пожелтевший, но крепкий. Я взял его и показал Аэше. Она засмеялась.

— Да, — произнесла она, — это его зуб, несомненно! Все, что осталось от Нута и его мудрости — один зуб! Между тем он умел управлять высшими силами природы!

— Итак, он лежал мертвый, а мы пошли туда, куда я хочу вести вас теперь. Собрав все свое мужество, я встала среди пламени! Неведомая вам жизнь влилась в мои жилы, и я вышла из огня невредимой и прекрасной! Я протянула свои руки тебе, Калликрат, я твоя бессмертная невеста, а ты? Слепленный моей красотой, ты отвернулся от меня и спрятал глаза на груди Аменартас. Страшная ярость охватила меня, я, вероятно, потеряла рассудок и, схватив твой кинжал, поразила тебя, и ты упал вот здесь и умер у моих ног. Я не подозревала тогда, что обладаю силой убивать одним взглядом!

Когда ты умер, я горько плакала о тебе! Я так долго плакала здесь о тебе и так страдала, что если бы была обыкновенной женщиной, то сердце мое, наверное, разорвалось бы! Она, хитрая египтянка, прокляла меня именем всех своих богов, именем Озириса, Изиды, Секхета и др., призывая на меня всякое зло, всякое несчастье. Я и сейчас вижу ее мрачное лицо, она не могла повредить мне! Я не пыталась убить ее, я все забыла, мы понесли тебя отсюда вместе с ней! Потом я отослала египтянку прочь, и она, кажется, родила сына и написала те строки, что привели тебя, ее супруга, ко мне, ее спутнице и твоей убийце! Вот, что я хотела рассказать тебе, моя любовь!

Я ничего не скрывала от тебя! Погоди, еще одно слово перед испытанием! Мы входим теперь в присутствие смерти, потому что жизнь и смерть неразлучны, и кто знает, что может случиться и разлучить нас с тобой? Я женщина, а не пророчица, и не умею читать в будущем. Но вот, что я знаю, я научилась этому от мудрого Нута, что жизнь моя

может долго тянуться и быть блестящей. Теперь, прежде чем мы пойдем, скажи мне, Калликрат, скажи правду: простил ли ты меня и любишь ли меня всем сердцем? Я сделала много зла... я убила девушку, которая любила тебя и умерла за свою любовь, но она не хотела повиноваться мне, раздражала меня, предсказывая мне несчастье, и я убила ее!

Она замолчала. Бесконечная глубокая нежность, звучащая в ее голосе, искренне тронула меня, потому что это было совсем по-женски и так понятно!

Лео был также тронут. Он был очарован, вопреки своей воле, очарован, как птица змеей, но потом он говорил мне, что действительно любил это странное и чудесное создание. Увы! Я также любил ее.

Я видел, как глаза Лео наполнились слезами.

Он тихо подвинулся к ней, отбросил ее покрывало и, взяв за руку, нежно взглянул ей в лицо.

— Аэша, я люблю тебя всем сердцем, — произнес он, — и насколько могу, прощаю тебе смерть Устаны. Остальное не мое дело, я ничего не знаю. Знаю только, что люблю тебя, как никого не любил прежде, и останусь с тобой до конца!

— Теперь, — сказала Аэша, — когда мой господин с царской щедростью простил меня и осыпал дарами своей любви, я счастлива! Смотри!

Она взяла руку Лео и, положив ее на свою прекрасную голову, склонилась перед ним так, что колени ее коснулись земли.

— В знак моей покорности я кланяюсь до земли моему господину! Теперь Вечным Духом, от которого все исходит, к кому все возвращается, клянусь в этот священный для меня час, что оставляю путь зла и буду стремиться к добру и благу!

Итак, я поклялась, и ты, Холли, был свидетелем моей клятвы. Здесь мы обвенчались, супруг мой, под этим мрачным свадебным балдахином, обвенчаны на всю жизнь. Ветер слышал наши брачные обеты, он унесет их к небу и развеет по всему миру. Вместо свадебного подарка я подарю тебе дивную красоту, долгую жизнь, безмерную мудрость и богатство! Великие земли будут пресмыкаться у ног твоих, а женщины не оторвут глаз от твоего лица! Вся земная мудрость будет ничто перед твоей. Ты будешь читать в сердцах людей, как в открытой книге. Подобно древнему египетскому сфинксу, ты будешь долгие годы за-

гадочно смотреть на мир человеческий и смеяться над ним в твоём великом и таинственном молчании!

Взяв одну из ламп, Аэша пошла в конец сводчатой комнаты и там остановилась.

Мы последовали за ней и увидели, что в стене сделано было что-то, похожее на лестницу. Аэша начала легко карабкаться по ступенькам, мы шли за ней. Спустившись с пятнадцати ступеней, мы уткнулись в длинный скалистый откос и при свете лампы взобрались на него. Пока мы шли, я старался заметить дорогу, насколько мог; это не было трудно благодаря фантастичной форме утесов и камней; многие из них походили на мрачные, изваянные из камня человеческие лица.

Наконец я заметил, что мы добрались до самого высокого пункта конусообразного утеса и открыли узкий и низкий проход, по которому вынуждены были ползти.

Вдруг этот проход закончился пещерой, такой огромной, что мы не могли разглядеть ее сводов. Несколько минут мы шли в полном молчании. Аэша, как белый призрак, мелькала перед нами, пока мы не вошли в другой проход, закончившийся также небольшой пещерой, где мы ясно видели своды и стены. Из этой пещеры мы вступили в третий туннель, слабо озаренный неясным светом.

Я слышал, как облегченно вздохнула Аэша, завидев этот слабый, неизвестно откуда выходивший свет.

— Отлично! — произнесла она. — Приготовьтесь вступить в недра земли, в священное место зачатия жизни, живущей в каждом человеке и звере, в каждом дереве и цветке!

Аэша пошла вперед, а мы побрели за ней, охваченные тревогой. Что предстоит нам увидеть? Прошли туннель. Свет разгорался сильнее, бросая на нас яркий отблеск. И вместе с этим неведомым светом до нас доносился душу потрясающий звук, подобный отдаленному грому или шуму падающих деревьев. О, Небо!

Мы стояли уже в третьей пещере, усыпанной белым песком, стена которой потрескалась от действия огня или воды. В пещере не было темно. Ее наполнял какой-то красивый розоватый свет. Сначала мы не видели огня и не слышали грома. Потом вдруг случилась ужасная и удивительная вещь. Через отдаленный конец пещеры с оглушительным шумом, шум был так ужасен, что мы задрожали, а Джон упал на колени, ворвался столб огня, подобный ослепительной молнии или разноцветной радуге. Несколько секунд пламя клокотало и ревело, вращаясь кругом пеще-

ры; но потом мало-помалу шум стих, и все исчезло, оставив после себя розовый свет.

— Ближе, ближе! — воскликнула Аэша возбужденным, звенящим голосом. — Смотрите! Вот фонтан и сердце жизни, что бьется в груди великого мира!

Мы последовали за Аэшой и остановились у того места, где появлялось пламя, и вдруг почувствовали странное облегчение, прилив дикого веселья и жизнерадостности. То было действие огня жизни, уже повлиявшего на нас, одарившего нас силой гиганта и легкостью орла.

Мы посмотрели друг на друга и громко засмеялись. Засмеялся и Джон, не улыбавшийся по неделям. Мне казалось, что меня осенил гений, что весь интеллект человеческого ума соединился во мне. Я готов был заговорить стихами, по красоте и стилю не уступавшими поэзии Шекспира. Станные видения мелькали в моем мозгу. Узы плоти моей были сброшены, и дух царил в эмпиреях неизъяснимого могущества и силы! Не могу описать моих ощущений! Что-то странное, необъяснимое!

В то время как я испытывал сладостное ощущение бодрости и возрождения духа, мы услышали снова ужасный шум, с ревом и клочкотаньем долетавший до нас. Все ближе и ближе, словно громоносная колесница неба, на блистающих, как молния, конях. Лучезарное, ослепительное облако, переливавшееся тысячами радужных огней, остановилось недалеко от нас, потом с грохотом исчезло неведомо куда. Это было такое поразительное зрелище, что мы, за исключением Аэши, которая стояла, протянув руки к огню, упали и спрятали лицо в песок.

Когда все исчезло, Аэша заговорила.

— Калликрат! — сказала она. — Минута наступила! Когда пламя появится вновь, ты должен омыться в нем. Сбрось свое платье, оно сторит, но ты останешься невредимым! Ты должен стоять в огне, и когда пламя охватит тебя, постарайся впитать его сердцем, омой в нем каждый член своего тела. Слышишь ли ты меня, Калликрат?

— Я слышу тебя, Аэша, но... я не трус, но боюсь этого дикого пламени. Почему я знаю, не уничтожит ли оно меня, и я погибну, и потеряю тебя? — Нет, никогда, я не хочу!

Подумав с минуту, Аэша заговорила:

— Неудивительно, что ты боишься! Скажи мне, Калликрат, если ты увидишь меня стоящей в пламени, если я выйду из него невредимой, согласишься ли ты остаться в нем?

— Да, — отвечал Лео, — тогда я сделаю это, хотя бы оно убило меня. Я войду в огонь!

— И я тоже! — воскликнул я.

— Что такое, Холли? — засмеялась Аэша. — Ведь ты не хотел этого? Как же так?

— Не знаю, — отвечал я, — мое сердце зовет меня войти в огонь и начать новую жизнь!

— Хорошо! — произнесла Аэша. — Ты не совсем безумен. Смотри, во второй раз я омоюсь в пламени живительного огня. Если даже моя красота и жизнь не могут увеличиться еще, все же огонь не тронет меня! Потом, — продолжала она, — есть еще одна серьезная причина, в силу которой я хочу омыться в огне. Когда я вошла в него в первый раз, сердце мое было полно злых страстей, я ненавидела Аменартас, и все эти страсти наложили след на мою душу. Теперь я счастлива, стремлюсь к добру, полна чистых мыслей и намерений. Вот почему, Калликрат, я снова хочу омыться в огне, очиститься для тебя, любовь моя! Потом ты войдешь в огонь! Минута наступает! Будь готов, Калликрат!

XXVI

ЧТО МЫ ВИДЕЛИ

Последовало молчание. Казалось, Аэша собирала все свои силы для испытания, пока мы молчали и ждали. Наконец послышался ужасный грохочущий звук, который все приближался к нам. Услыхав его, Аэша тихо сбросила свое газовое покрывало, расстегнула золотую змею у пояса, завернулась своими великолепными волосами, которые окутали ее, как платье, и тихо спустила с себя белое одеяние! Так стояла она, как Ева перед Адамом, закрытая только волосами, божественно прекрасная в своей наготы. Ближе и ближе несло пламя.

Вдруг Аэша освободила одну свою точеную руку из массы волос и обвила ею шею Лео, потом, поцеловав его в лоб, пошла вперед и встала там, где должно было пройти пламя.

Что-то трогательное было в тихом поцелуе Аэши. Словно нежная мать поцеловала своего ребенка и благословила его!

Опять страшный, потрясающий шум, словно ветер вырывает деревья с корнем... Вот уже отблеск, предвестник огня, стрелой пролетел в воздухе... Вот и пламя...

Аэша повернулась и, протянув руки, низко поклонилась ему. Огонь охватил ее... всю ее фигуру... дивные формы... Я видел, как она подняла обе руки и полила огонь, словно это была вода, себе на голову, открыла рот и втягивала его в себя... Ужасное зрелище!

Потом она стояла тихо, вытянув руки, с небесной улыбкой на лице, словно сама была духом пламени. Таинственный огонь перебегал и играл на ее темных длинных локонах, лизал ее дивную грудь и плечи, с которых соскользнула волна волос, скользил по ее горлу и лицу загорелся ярким светом в сияющих глазах. Как прекрасна была она в пламени!

Вдруг странная перемена произошла в ее лице. Улыбка исчезла, глаза смотрели сухим, недобрым взглядом, правильное лицо вдруг удлинилось и осунулось, словно она испугалась чего-то, прекрасные формы тела потеряли свои дивные очертания и красоту.

Я протер глаза, думая, что сделался жертвой галлюцинации под влиянием сильного света. Но пламя с грохотом исчезло, и Аэша стояла на своем месте.

Она сделала несколько шагов к Лео, мне показалось, что ее походка утратила прежнюю грацию, и хотела положить руку на его плечо. Я взглянул на ее руки. Куда девалась их необычайная красота? Они были худы и костлявы. А ее лицо! Великий Боже! Лицо ее состарилось на моих глазах! Полагаю, что Лео заметил это, потому что попятился от нее.

— Что случилось, Калликрат? — произнесла Аэша хриплым и глухим голосом. Что случилось с ее серебристым музыкальным голосом! — Что такое, что такое? — проговорила она смущенно. — Действие огня, наверное, не изменилось? Скажи мне, Калликрат, что случилось с моими глазами? Я плохо вижу!

Аэша положила руку на голову и дотронулась до волос и о, ужас! Чудные волосы упали на землю.

— Смотрите! Смотрите! — закричал Джон каким-то диким фальцетом. — Смотрите! Она оплешивела! Она превратилась в обезьяну!

Джон упал на землю с пеной у рта, сжимая кулаки. Глаза его вышли из орбит.

Это была правда. Тяжело вспомнить об этом и теперь! Аэша лишилась своих чудных волос. Она становилась все меньше и меньше, кожа ее изменила свой цвет и походила теперь на старый пергамент, нежные руки превратились в лапы, фигура походила на высохшую мумию.

Казалось, она вдруг поняла, что произошло с ней и закричала, о, как страшно она закричала! Затем упала на пол и продолжала кричать.

Фигура ее все уменьшалась, пока не достигла размеров небольшой обезьяны. Кожа сморщилась; прекрасное лицо сделалось лицом дряхлой старухи. Я никогда не видел ничего подобного и думал, что потеряю рассудок.

Наконец она затихла. Две минуты тому назад Аэша, прекраснейшая, очаровательнейшая, мудрейшая женщина во всем мире, смотрела на нас, улыбаясь своими лучезарными глазами! Теперь перед нами лежало отвратительное существо величиной с обезьяну. И все-таки это была та же самая женщина! Она умирала. Мы видели это и благодарили Бога. Могла ли она жить теперь? Приподнявшись на костлявых руках, она медленно покачивала головой; глаза ее ничего не видели, но говорить она могла.

— Калликрат! — произнесла она хрипло. — Не забывай меня! Сжался над моим стыдом! Я не умру и снова вернусь, снова буду прекрасной, клянусь тебе! О..о..о! — Она упала ничком и умолкла.

На том самом месте, где двадцать столетий тому назад Аэша убила жреца Калликрата, она умерла сама.

Подавленные ужасом и страхом, мы упали на песок и потеряли сознание.

.....

Не знаю, долго мы пролежали так, вероятно, несколько часов. Когда же я открыл глаза, Лео и Джон лежали еще без чувств. Розоватый свет наполнял пещеру, но, когда я очнулся, пламя уже исчезло. Неподалеку лежало маленькое, отвратительное существо, похожее на обезьяну, с желтоватой, сморщенной кожей, когда-то блестящая, прекрасная Аэша. Увы! Это не был сон, а ужасный, непреложный факт.

Почему случилась с ней такая перемена? Изменилась ли сущность огня? Не посылал ли он иногда смерть вместо жизни? Я не сомневался, что лежавшая передо мной женщина могла бы жить еще много столетий, если бы жизнь сохранилась в ней.

Кто мог объяснить, что случилось с ней? Позднее я много размышлял об этом. Аэша, сильная, счастливая своей любовью, в ореоле неувядаемой молодости, божественной красоты, власти и мудрости, перевернула бы весь мир, противясь вечному, непреложному закону. И, несмотря на

свою силу и могущество, она умерла со стыдом и отчаянием. Не перст ли это Провидения?

Несколько минут я лежал, перебирая факты в своем уме, пока не оправился совершенно и не встал. Вспомнив о других, я, шатаясь, бросился к ним; по пути, подняв одежду Аэши, ее газовое покрывало, которым она закрывала от людей свою необыкновенную красоту, я прикрыл им труп.

Перешагнув через душистую массу волос, валившихся на песке, я подошел к Джону и тронул его. Но его рука упала назад, холодная и неподвижная. Ледяная дрожь пробежала по мне, я взглянул ему в лицо и по одному взгляду понял, что наш верный слуга был мертв. Пораженный всем виденным, он испытал сильнейшее нервное потрясение и умер от страха.

Это был новый удар для нас, хотя смерть бедного Джона была вполне естественна. Когда Лео пришел в себя и застонал, дрожа всеми членами, я сказал ему о смерти Джона. Он тихо произнес: "О!" — и умолк. Лео и Джон были крепко привязаны друг к другу, но теперь Лео не в силах был почувствовать свою потерю, так как был слишком потрясен и разбит, но вот мало-помалу он оправился, хотя был еще очень слаб. Я заметил, что золотистые кудри Лео сделались серыми, а когда мы вышли из пещеры, они совсем поседели. Он выглядел на 20 лет старше.

— Что такое случилось, старый дружище? — произнес он каким-то мертвенным голосом, когда оправился совершенно.

— Оправляйся и пойдем отсюда! — ответил я. — Пламя несется снова сюда!

— Я вошел бы в огонь, если бы знал, что он убьет меня насмерть! — ответил он с усмешкой. — Виновата моя проклятая нерешительность. Если бы я не сомневался, Аэша не вошла бы в огонь! Он мог сделать меня бессмертным, но, старый дружище, у меня не хватило бы терпения ждать две тысячи лет, пока она вернется ко мне. Я согласен скорее умереть, когда придет час мой. Омойся в огне жизни, если хочешь!

Я покачал головой. Мое возбуждение давно улеглось, и, кроме того, я не знал, как подействует на меня огонь жизни.

— Мальчик мой, — сказал я, — не можем же мы оставаться здесь и ждать смерти. — Я указал на труп Аэши, который прикрыл ее белой одеждой, и на тело бедного Джона. — Самое лучшее — нам надо уйти отсюда, но сначала зажечь лампы! — Я взял одну из ламп.

— В кувшине еще есть масло! — ответил Лео рассеянно. — Если только он не сломался!

Я осмотрел кувшин, налил в лампы масла и зажег одну из них. В это время мы услышали грохот и рев приближающегося огня.

— Посмотрим еще на огонь, — сказал Лео, — ведь никогда мы не увидим ничего подобного в жизни!

Хотя это было праздное любопытство, но мы стояли и ждали появления kloкочущего пламени. Я думал о том, сколько десятков тысяч лет этот феномен происходит здесь, в недрах земли, и никогда человеческие глаза не видели этого зрелища, человеческие уши не слышали этого величественного шума! Думаю, что мы — последние смертные, которые видели это зрелище. Когда пламя исчезло, мы повернулись, чтобы уйти из пещеры, но прежде этого я подошел и пожал холодную руку Джона. Только этим я мог выразить мое уважение к усопшему, мое глубокое чувство тоски и сожаления. На труп Аэши нам не хотелось смотреть, но каждый из нас взял себе по одному блестящему черному локону ее волос. Эти локоны хранятся у нас до сих пор — единственное, что осталось от Аэши, от всей ее красоты и грации, которую мы никогда не забудем. Лео прижал душистый локон к своим губам.

— Она просила меня не забывать ее, — произнес он хрипло, — и клялась, что мы снова встретимся с ней. Клянусь Небом! Я никогда не забуду ее. Клянусь, если мы благополучно выберемся отсюда, я буду ждать ее, как она ждала меня!

"Да, — думал я про себя, — если только "Она" вернется прекрасной, такой, как мы ее знали, но если она вернется такой ужасной? Тогда что?"

Мы ушли из пещеры, оставив два дорогих трупа в холодном сообществе смерти. Как одиноко и печально лежали они в пещере! Эта маленькая кучка была когда-то прекрасным и гордым созданием.

Бедный Джон! Его предчувствие оправдалось, и смерть пришла к нему. Он нашел себе странное место упокоения — эту дикую пещеру, — и лежал в одном склепе вместе с останками царственной Аэши.

В последний раз мы смотрели на них и на розоватый свет, наполнивший пещеру, потом с тяжелым сердцем, нравственно разбитыми людьми выбрались из нее, чувствуя, что, увидев и узнав Аэшу, уже не сможем никогда забыть ее, пока живы. Мы оба любили ее теперь и будем любить всегда! Она навеки запечатлелась в наших серд-

цах, и никакая другая женщина не могла интересоваться нас. Тяжелой ценой заплатил я за свою любовь к Аэше и часто завидовал Лео, которого она так нежно любила. Если бы ее мудрость и познания не обманули ее, он мог бы смело и с надеждой глядеть в будущее.

У меня не осталось ровно ничего, да мне и не нужно было! Воспоминания об Аэше, о ее дружеском отношении ко мне, ее чудесной улыбке... и Лео — вот все, что наполнило мое сердце, все, что осталось мне в жизни!

XXVII

МЫ ПОЛЗЕМ

Спокойно прошли мы пещеру, но когда подошли к откосу, то решительно не знали, куда идти далее. Если б я не заметил дороги по разнообразным и оригинальным формам утесов, уверен, что мы не нашли бы ее и умерли бы здесь от отчаяния и истощения. Ужасно было пробираться ползком в этом мраке и искать дорогу с помощью слабо горевшей лампы. Говорить мы не могли, тяжелая тоска давила сердце. Мы ползли вперед, словно собаки, порой падая и ушибаясь. Наш мозг был подавлен, и мы не думали о том, что делаем, повинаясь только инстинкту самосохранения. Около четырех часов ползли мы так, и я боялся, что мы погибнем и заблудимся, как вдруг я увидел огромную скалу, которую заметил еще, когда мы шли здесь с Аэшой. Затем мы скоро нашли лестницу и очутились в маленькой комнате, где умер ученый Нут.

Теперь новый ужас овладел нами. Как перейдем мы пропасть без доски, которую уронил Джон?.. Оставалось одно — попытаться перепрыгнуть ее или погибнуть здесь! Расстояние было невелико, около 12 футов, я думаю, а Лео перепрыгивал расстояние в 20 футов, когда был еще учеником колледжа. Но какая разница! Оба мы теперь были измучены, разбиты и едва ли были в силах прыгать через пропасть. Когда я сказал об этом Лео, он ответил мне, что нам нужно выбрать одно из двух: или верную смерть в этой комнате, или рискованный прыжок в воздухе. Чтоб решиться прыгнуть через пропасть, нужно было дождаться лучей света, которые проникали сюда при закате солнца. Мы поползли на верхушку громадного камня и легли на нем, ожидая света, так как лампа наша, за недостатком масла, должна была скоро погаснуть. В этот момент она действительно погасла.

Внизу, в комнате, мы слышали рев ветра издалека; а теперь, лежа на этом камне, были в его власти. Яростно налетал он на нас, носясь и завывая в пропасти и вокруг нас, словно тысячи грешников в аду. Час за часом лежали мы так в непроглядной темноте, прислушиваясь к дикому вою ветра. Никакой кошмар, никакое воображение романиста не может представить себе всего ужаса этого места, дикого вопля ночных голосов, когда мы лежали над бездной и смотрели в ее бездонную глубину. К счастью, ветер был теплый, и мы не озябли. Вдруг случилась необыкновенная вещь, которая сильно подействовала на наши нервы.

Читатель помнит, что, когда Аэша стояла на скале, ветер сорвал с нее темный плащ и унес его куда-то в темноту. Пока мы лежали на камне, этот самый плащ вынырнул из мрака, словно воспоминание об умершей Аэше, упал на Лео и покрыл его с ног до головы. Сначала мы не могли представить себе, что это такое, но скоро поняли, в чем дело, и в первый раз в жизни бедный Лео не выдержал и зарыдал. Несомненно, этот плащ висел где-нибудь на утесе и был унесен оттуда сильным порывом ветра. Странное и трогательное явление!

Скоро появился луч света, прорезавший окружавшую нас темноту.

— Теперь или никогда! — сказал Лео.

Мы встали, взглянули вниз и мысленно приготовились к смерти.

— Кто идет первым? — спросил я.

— Иди ты, старый дружище! — ответил Лео. — Я посижу на камне. Прыгай выше... и помоги нам Бог!

Я кивнул головой, повернулся, обнял его рукой и поцеловал в лоб. Этого я не делал никогда с самого детства Лео. Мне захотелось проститься с Лео, которого я любил больше, чем сына.

— Прощай, дорогой мальчик! — сказал я. — Надеюсь, что мы встретимся, что бы ни случилось!

Я не ожидал, что останусь жив.

Затем я отошел к краю скалы, переждал порыв ветра, разбежался и прыгнул в воздух.

О, какой леденящий ужас охватил меня, когда я понял, что прыжок мой короток! Моя нога не коснулась скалы, только руки и туловище дотронулись до нее. С воплем ухватился я за утес, но рука моя соскользнула, и я повис в воздухе над бездной, кое-как ухватившись за колеблющийся камень обеими руками. Несмотря на свою силу, я не

мог ничего поделывать. Мне предстояло висеть так с минуту и упасть в пропасть. Ужасное положение!

Лео вскрикнул, и я видел, как он прыгнул в воздух, словно серна. Это был великолепный прыжок, сделанный в минуту отчаяния и ужаса.

Легко перепрыгнув через пропасть, он очутился на скале и бросился вниз лицом на нее. Я чувствовал, как мой камень закачался под его тяжестью, а другой обломок скалы потерял равновесие, державшее его здесь в течение целых столетий, и с шумом покатился в комнату, где умер Нут, навеки заградив проход в пещеру Огня.

Затем я почувствовал, что Лео схватил меня за руку.

— Не держись так крепко, свободнее! — сказал он спокойно. — Я попытаюсь втащить тебя, или свалимся вместе в пропасть. Готов ли ты?

Я отпустил сначала правую руку, потом левую и всей тяжестью повис на руках Лео. Ужаснейшая минута! Он был очень силен, но мог ли он поднять меня на скалу?

Несколько секунд качался я взад и вперед, пока он собирался с силами, потом я слышал, как хрустнули его крепкие мускулы, и почувствовал, что меня подняли, как ребенка, и положили на утес.

Долго мы лежали на скале, рядом, дрожа, как листья, покрытые холодным потом.

Затем свет угас. Около получаса мы лежали молча, наконец поползли дальше в темноте. Порывы ветра ослабели, и мы добрались до входа в первую пещеру или туннель. Новое затруднение предстояло нам. Масла не было, лампы разбились, у нас не было ни капли воды, чтоб утолить жажду. Как мы пойдем дальше? Нужно было довериться своим чувствам и ползти в темноте, и мы ползли, боясь, что ослабеем и умрем от истощения. Что это за ужасный туннель! Он был усеян острыми обломками скал, мы спотыкались о них, ушибались и скоро были все изранены и покрыты кровью. Мы держались за стену туннеля, пока ползли, несколько раз возвращались назад и снова ползли, совсем растерянные, в окружавшем нас мраке. Так двигались мы час за часом, останавливаясь на несколько минут, чтобы отдохнуть и набраться сил. Один раз мы упали, заснули и проспали, я думаю, несколько часов, потому что, когда проснулись, наши члены несколько окрепли, и кровь из ран и царапин запеклась на коже. Снова потащились мы вперед и начали уже отчаиваться, как вдруг увидели дневной свет и очутились у выхода из туннеля.

Было раннее утро. Свежий воздух повеял нам в лицо, мы увидели ясное небо, которое не надеялись уже видеть более. Оказалось, что мы провели целую ночь в туннеле.

— Еще усилие, Лео! — пробормотал я. — И мы доберемся до того места, где остался Биллали. Иди соберись с силами!

Лео, совершенно выбившийся из сил, встал, и кое-как, поддерживая друг друга, мы отправились дальше. На руках и коленях поползли мы до рощицы, где Аэша приказала Биллали ожидать нашего возвращения. Не успели мы пройти 40 ярдов, как вдруг из-за деревьев выскочил немой слуга и побежал к нам, чтоб разглядеть необыкновенных четвероногих. Он посмотрел на нас, в ужасе поднял руки и упал на землю. Не удивительно, что он испугался при виде нас, так как мы представляли собой ужасное зрелище. Лео, золотые кудри которого совсем поседели, платье разорвалось, лицо измучено, руки в ранах и синяках, с трудом тащился по земле. Я, покрытый кровью и грязью, изнемогал. Когда, через два дня, я увидел свое лицо в воде, то едва узнал себя. Я всегда был некрасив, но теперь тоска и пережитое горе ясно запечатлелись на моей физиономии, придав ей какой-то дикий, растерянный вид, словно у человека, не успевшего очнуться от глубокого сна.

Скоро я увидел Биллали, который спешил к нам. Не могу вспомнить без улыбки растерянного выражения его почтенной физиономии.

— О, моя Обезьяна! — кричал он. — Дорогой мой сын, ты ли это и молодой Лев? Отчего его золотые волосы стали белыми? Откуда вы пришли? Где же Свинья? Где "Она", которой повинуются все?

— Умерли, оба умерли! — ответил я. — Не спрашивай, помоги нам, дай поесть и пить, или мы умрем здесь, на твоих глазах! Наш язык почернел от жажды. Разве мы можем говорить?

— Умерла? — пробормотал он. — Невозможно! "Она" бессмертна. Как могла она умереть?

Заметив, что немые слуги наблюдают за его лицом, он опомнился и сделал им знак снести нас в лагерь.

К счастью, когда мы очутились на месте, что-то кипело на огне. Биллали накормил нас, мы были не в силах есть, и спас от смерти. Затем он приказал слугам смыть с нас кровь и грязь и положил на кучку ароматной травы, где мы сейчас же уснули мертвым сном.

XXVIII
ПО ГОРАМ

Первое, что я почувствовал, когда очнулся, это ощущение околелости всего тела. В моем измученном мозгу родилась мысль, что я представляю собой ковер, который выбивали от пыли.

Я открыл глаза, и первое, что увидел — было почтенное лицо нашего старого друга Биллали, который сидел около меня, задумчиво поглаживая свою седую бороду. Его присутствие напомнило мне все, что случилось с нами. Потом я увидел бедного Лео, лежавшего около меня, с почерневшим лицом и с седыми кудрями*. Я закрыл глаза и застонал.

— Ты долго спал, мой сын! — сказал Биллали.

— Как долго, отец мой?

— Солнце сделало круг, и луна сделала круг, ты проспал день и ночь, так же, как и Лев. Смотри, он все еще спит!

— Да будет благословен этот сон! — сказал я. — Он поглощает воспоминания!

— Скажи мне, — произнес Биллали, — что такое случилось с вами и что это за странная история смерти "Ее", которая не может умереть? Подумай, сын мой! Если это правда, то ты и молодой Лев в большой опасности! Раскаленный горшок наденут вам на голову и съедят вас, потому что жаждут вашей крови! Разве ты не знаешь, что мои дети, народ Амахаттер, ненавидят вас? Они ненавидят вас, как чужеземцев, и за то, что "Она, которой повинуются все", отдала на мучения и смерть из-за вас многих из их братьев! Как только они узнают, что им нечего бояться Хийи, они сейчас же убьют вас! Ну, расскажи мне все, мой сын!

Я рассказал ему многое, хотя и не все, из чего он мог заключить, что Аэша не существует более и стореда в вулканическом огне. Я также рассказал ему все ужасы, которые нам пришлось пережить, когда мы убежали из пещеры. Мой рассказ произвел на него глубокое впечатление, хотя я думаю, он не верил в смерть Аэши. Мы могли думать, что хотели, а "Она" исчезла только на некоторое время.

* Курьезный факт: позднее волосы Лео приняли почти прежний цвет и теперь кажутся желтовато-серыми. Я надеюсь, что со временем они будут опять золотистыми.

— Однажды, — прибавил Биллали, — при жизни моего отца "Она" исчезла на целых 12 лет и снова появилась, убив женщину, которая вздумала провозгласить себя королевой.

Я промолчал и печально покачал головой, зная, что Азша никогда не вернется и Биллали никогда не увидит ее более.

— Ну, что ж ты будешь делать теперь, сын мой? — спросил Биллали.

— Не знаю, отец мой! — ответил я. — Не можем ли мы уйти отсюда, из вашей страны?

Он покачал головой.

— Очень трудно это. Через развалины Кор вам не уйти, вас увидят, а раз увидят, то сейчас же...

Биллали значительно усмехнулся и поднял руку, словно надевая шляпу себе на голову.

— Есть еще дорога через утесы, по которой гоняют скот на пастбище. За пастбищем тянутся болота на три дня пути, и я слышал, что дальше течет великая река, которая впадает в черную воду. Если бы вы могли добраться до берегов реки, тогда бы могли уйти, но как вы проберетесь туда?

— Биллали, — произнес я, — однажды я спас твою жизнь. Заплати мне долг, мой отец, и спаси нашу жизнь! Тебе будет приятно вспомнить, когда придет твой смертный час, что спас нас и этим искупил сделанное тобой зло. А если "Она", как ты говоришь, придет опять, то щедро наградит тебя за нас!

— Сын мой! — ответил старик. — Не думай, что у меня неблагодарное сердце. Я помню, что ты спас меня, когда эти собаки стояли и смотрели, как я тонул. Я отплачу мерой за меру и, если можно вас спасти, спасу. Слушай: завтра, на рассвете, будут приготовлены носилки, чтобы нести вас через горы и болота. Сделаю я это по приказу "Той, которой повинуются все", а кто не слушается ее слов, будет пищей гиенам и шакалам! Когда вас перенесут через болота, вы можете бежать и добраться до черной воды, о которой я слышал. Смотри, вот просыпается Лев, вы должны теперь поесть пищи, которую я приготовил для вас!

Положение Лео не было так печально, как можно было ожидать, и мы отлично поели, так как нуждались в подкреплении.

Потом мы пошли к ручью, вымылись, вернулись и проспали до вечера, когда снова поели. Биллали не видно бы-

ло в течение целого дня. Несомненно, он делал распоряжения относительно носилок и носильщиков. В середине ночи мы были разбужены появлением большого числа людей.

На рассвете Биллали пришел к нам и сказал, что только именем "Той, которой повинуются все" и с большим трудом ему удалось достать нужных носильщиков и двух проводников. Он предложил нам отправиться в путь, заявив, что хочет сам сопровождать нас, боясь измены со стороны дикарей. Я был очень тронут этой добротой старого дикаря, хотя путешествие по ужасным болотам в течение шести дней не могло быть приятно человеку его лет. Он решился на это только ради нас. Среди мрачных дикарей, с их дьявольскими жестокими обычаями, очевидно, были и с добрым сердцем. Несомненно, что у Биллали был и свой расчет, так как он надеялся, что "Она" появится снова и потребует у него отчета о нас. Могу сказать только, что до конца дней моих сохраню самое теплое воспоминание о Биллали, моем номинальном родственнике.

Позавтракав, мы уселись в носилки, физически оправившись и отдохнув от пережитого. Затем последовал ужасный подъем на утесы. Дикари гоняют по этому пути свой скот на пастбище, и надо полагать, что здешний скот обладает большой выносливостью и крепостью ног.

Носилки были бесполезны, нам пришлось идти. Около полудня мы достигли вершины огромной скалистой стены, с которой открывался дивный вид на равнину Кор, в центре которой мы ясно различили развалины храма Истины, а по другую сторону бесконечное болото. Эта стена, очевидно, была когда-то жерлом кратера, на ней не было никакой растительности, только изредка попадались лужи с водой. Мы спустились довольно спокойно, потому что спуск был удобнее подъема, и остановились для ночлега на одном широком откосе, спускавшемся в болото.

На следующее утро, в одиннадцать часов, началось ужасное путешествие по болотам. Целых три дня, задыхаясь от вони и тяжелых испарений болота, по колена в грязи, шли наши носильщики, пока мы не добрались до твердого грунта совершенно невозделанной и безлесной местности.

Здесь утром, не без сожаления, мы простились со старым Биллали, который торжественно благословил нас.

— Прощай, мой сын, — сказал он, — прощай и ты, Лев. Я не могу более ничем помочь вам. Но, если вы вернетесь благополучно в свою страну, примите мой совет и не пытайтесь попасть в незнакомую страну, откуда можете

никогда не вернуться и где ваши кости будут границей вашего путешествия. Прощайте еще раз! Часто я буду вспоминать вас. Не забывай меня, Обезьяна, сын мой; хотя лицо твое безобразно, но сердце честно и верно!

Биллали повернулся и ушел, а за ним высокие, мрачные носильщики. В последний раз в жизни мы видели дикарей Амахагтер. Долго следили мы за ними, за процессией пустых носилок, которая походила на погребальную процессию, пока они не скрылись в тумане. Мы остались одни среди обширной пустыни, печально осмотрелись вокруг и взглянули друг на друга. Три недели тому назад четыре человека в первый раз шли по болотам Кор. Теперь двое из нас умерли, а мы двое, оставшиеся в живых, вынесли столько горя, страданий, такие ужасные приключения, что сама смерть не могла быть ужаснее их.

Три недели — только три недели! Право, нужно измерять время событиями, а не часами. Нам казалось, что прошло 30 лет с того времени, как нас взяли в плен на нашей лодке.

— Нам надо добраться до Замбези, Лео, — сказал я, — Бог знает, попадем ли мы туда!

Лео только кивнул головой, он сделался очень молчалив. Мы отправились в путь, имея с собой только компас, револьверы и винтовки и то платье, в которое были одеты. Этим и заканчивается история нашего посещения древних руин великого и царственного Кор.

.....

На этих страницах я даю только краткий отчет нашего путешествия и наших приключений, которые свежи в моей памяти; что касается остальных, это никому не интересно. Достаточно сказать, что после неописуемых бедствий и лишений мы достигли Замбези, который находился на 170 миль южнее того места, где мы простились с Биллали. Здесь целых шесть месяцев мы находились в плену у дикого племени, которое считало нас сверхъестественными существами благодаря молодому лицу и седым волосам Лео. Мы бежали из плена и долго странствовали, пока нам не посчастливилось наткнуться на португальского охотника, сопровождавшего слонов куда-то внутрь страны. Этот человек отнесся к нам очень хорошо, и с его помощью мы достигли залива Делагоа через 18 месяцев с того дня, как покинули болота Кор. Наше путешествие в Англию было

благополучно, и мы очутились на набережной Соусемптона ровно через два года со времени отъезда в нашу оригинальную экспедицию.

Этим кончается вся история, но так как она началась более двух тысяч лет тому назад, то мы с Лео думаем, что она может продолжаться еще долго в туманной дали будущего.

Действительно ли Лео возродился в оболочке своего предка Калликрата? Или Аэша обманулась благодаря наследственному сходству? Быть может, Устана отождествляла собой Аменартас? Пусть читатель решает сам, а по моему мнению, "Она" не могла ошибиться. Часто не сплю я ночью, пытаюсь проникнуть во мрак времени и догадаться, чем закончится великая драма, какую роль будет играть прекрасная египтянка Аменартас, принцесса царственной крови фараонов, из любви к которой жрец Калликрат нарушил свой обет Изиде и, преследуемый гневом оскорбленной богини, бежал к берегам Ливии, чтобы умереть в развалинах царственного Кор от руки Аэши!

АЭША

Перевод с английского

К. А. Гумберт

Текст перевода
печатается по изданию:

Райдер Хаггард
АЗША

Издательство П. П. Сойкина,
"Библиотека романов"
1903

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гораций Холли и его друг Лео Винцей, возлюбленный божественной Аэши, отправились в Центральную Африку, надеясь там снова увидеть ее. С тех пор о них не было никакого слуха. Но вот почти двадцать лет спустя, как рассказывает Райдер Хаггард, среди представленных в редакцию рукописей ему попался невзрачный, серый пакет, из которого выпала рукопись романа "Аэша" и два письма на имя редактора. Но одним из писем он тотчас же узнал характерный почерк м-ра Холли. Гораций Холли писал, что вернулся после двадцатилетнего отсутствия в цивилизованный мир.

"Вы первый узнали о "Той, которой повинуетесь все", которая много тысячелетий ожидала в пещерах Кор возрождения своего друга, — писал он, — вы же первый должны узнать об Аэше. Вам надлежит узнать мистическую развязку чудесной трагедии, начавшейся в Кор, а может быть, еще раньше в Египте... Я очень болен и вернулся в свой старый дом, чтобы умереть. Поручаю своему доктору переслать вам эту рукопись, если не раздумаю и не сожгу ее еще при жизни, а также шкатулку, в которой вы найдете "систр" — древний жезл жрецов культа Изиды, или Хатор. О нем часто упоминается в моей рукописи, и он должен служить вещественным доказательством того, что все написанное мною — истина. Этот жезл — дар Аэши".

Второе письмо было от доктора, которого умирающий Холли выбрал своим посредником. "Дней десять тому назад, — писал доктор, — меня позвали в старый дом на утесе (в Кумберленде), который много лет стоял пустым. Экономка сказала мне, что ее барин недавно вернулся из Африки и очень болен сердцем. Я застал его сидящим в постели: когда он лежал, ему было хуже. Это был странный старик, с узкими, темными глазами, полными жизни

и огня. Длинная седая борода закрывала его могучую грудь. Седые волосы низко нависли на брови. Странное дело, он был безобразен и в то же время красив. В лице его было что-то необыкновенное. Он был недоволен, что меня позвали без его ведома, но мы скоро сошлись. Спасти его было невозможно, можно было только облегчить его страдания. Он много рассказывал о странах, в которых он бывал, иногда в бреду говорил по-гречески и по-арабски, обращаясь к какому-то существу, которому он поклонялся. Профессиональная тайна не позволяет мне рассказывать то, что он говорил. Раз он дал мне ваш адрес и поручил мне переслать эту рукопись и ящичек, которые я и препровождаю. Однажды вечером, зная, что пациенту недолго осталось жить, я пошел навестить его, но не застал его дома; экономка сказала, что он вышел за дом. Я поспешил по указанному направлению.

Луна освещала выпавший ночью снег, и я ясно различил на снегу следы босых ног; они вели к холму, за домом. На вершине холма есть древний памятник из монолитов, который окрестные жители называют "Чертовым Кольцом". Посреди колоннады, в высоком, грубо сложенном дольмене, есть изображение головы. Некоторые археологи считают его изваянием египетской богини Изиды и думают, что этот друидический памятник был некогда местом поклонения этой богине. Я вспомнил, что Холли спрашивал у меня недавно про этот памятник и говорил, что хотел бы умереть у его подножия. И вот теперь, приблизившись, я увидел его стоящим у кромлеха. Что-то странное было в этой сцене. Среди колоннады из грубых монолитов одиноко и величественно поднимался памятник из трех камней, а перед ним — Холли; он громко произносил какие-то арабские заклинания. В правой руке у него был жезл, на котором играли драгоценные камни и нежно звонили колокольчики.

Тут я заметил присутствие другого существа. В тени центрального дольмена что-то колыхалось. Это нечто приняло образ женщины, на лбу которой светился огонек. Не знаю, было ли то видение или что иное. Очевидно, Холли тоже видел что-то. У него вырвался радостный крик, и он бросился вперед с распростертыми объятиями. Когда я подошел, свет погас, а м-р Холли лежал на земле, сжимая в руке жезл...

Действительно, Р. Хаггард скоро получил ящичек. В нем оказался хрустальный "систрум" в виде *Soux ansata*, или египетской эмблемы жизни, этого сочетания жезла,

креста и петли. От петли тянулись три золотые проволоки с вделанными в них рубинами, сапфирами и бриллиантами. На четвертой проволоке висели четыре колокольчика, издававшие приятный, мягкий звук. Пусть читатель сам найдет в предлагаемом романе объяснение этого таинственного жезла.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ДВОЙНОЕ ЗНАМЕНИЕ

Прошло около двадцати лет с той ночи, когда Лео было видение, двадцать ужасных лет томительного искания и тяжелого труда привели к потрясающему душу чудесному концу.

Смерть моя близка, и я радуюсь этому, потому что хочу продолжать свои изыскания и в других сферах, как это мне было обещано. Я стремлюсь познать начало и конец драмы души.

Я, Гораций Холли, был очень болен. Меня принесли полумертвого с тех гор, которые виднеются из моего окна. Я нахожусь на границе северной Индии. Другой на моем месте умер бы, но меня хранит Судьба, может быть, для того, чтобы осталась эта книга. Я пробуду здесь месяца два и, когда вернутся силы, выйду в путь, потому что мне хочется умереть там, где я родился. А пока я напишу эту повесть, по крайней мере главнейшие страницы ее, потому что не все можно открыть. Начну с видения.

Когда мы с Лео Винцеем вернулись в 1885 году из Африки, желая отдохнуть от перенесенного страшного потрясения и собраться с мыслями, то поселились в старом домике моих предков в Кумберленде. Дом этот, если кто-нибудь, считая меня умершим, не завладел им, принадлежит мне и поныне, и я поеду туда умирать.

— Какое потрясение? — спросит читатель, если кто-либо будет читать эти строки.

Я — Гораций Холли, а друг мой, мой товарищ, мой духовный сын, о котором я с детства заботился — Лео Винцей.

Следуя указанию, найденному в одной древней рукописи, мы отправились с ним к пещерам Кор, в Центральной Африке. Там нам открылась та, которую мы искали, *"Она, которой повинуются все"*. В Лео она узнала своего возлюбленного, перевоплощенного Калликрата, греческого жреца Изиды, которого в порыве ревности убила два тысячелетия тому назад. Я тоже нашел в ней божество, которому стал с тех пор поклоняться не плотью — это давно умерло, отошло для меня, но, что ужаснее, душою и волей. Плоть умирает или, по крайней мере, изменяется, страсть телесная проходит: но страсть духа, стремление к слиянию воедино — вечны.

Чем заслужил я такое наказание? Но наказание ли это? Может быть, то лишь мрачная, ужасная Дверь, которая ведет в светлый дворец Награды. Она клялась, что я навсегда останусь ее и его другом, и мы будем жить вместе вечно. Я ей верю.

О! Сколько мы странствовали по ледяным вершинам и пустыням! Наконец явился Вестник и указал нам Гору. На той Горе мы нашли храм, в храме — Духа. Не поучительная ли это аллегория? Я думаю, я уверен, что да.

В Кор мы встретили бессмертную женщину. В огненных лучах Столпа Жизни она призналась в своей мистической любви, и на наших глазах была осуждена так ужасно, что я теперь содрогаюсь при одном воспоминании. Но какие были последние слова Аэши?

— Не забывайте меня... Сжальтесь над моим стыдом... Я не умру. Я вернусь еще раз во всей красе. Клянусь, что это правда!

Но не стану повторять повесть, уже напечатанную человеком, которому я ее доверил, и обошедшую весь свет: я читал ее даже в переводе на индостанский язык.

Мы прожили год в старом доме на пустынном берегу моря в Кумберленде, оплакивая утраченное, стараясь снова найти его. Силы вернулись к нам, и поседевшие от ужаса волосы Лео снова стали золотистыми. Лицо его по-прежнему прекрасно, только выражение его печальное и чистое-чистое.

Хорошо помню ночь и час видения. Сердце рвалось на части от отчаяния. Мы искали знамения и не находили. Смерть оставалась для нас смертью. Мы кричали и не получали ответа.

Был пасмурный августовский вечер. Мы гуляли по берегу, прислушиваясь к плачу волн и любуясь игравшей в

далеких облаках зарницей. Мы шли молча. Лео вздохнул — его вздох напоминал рыдание — и сжал мою руку.

— Не могу выносить долее этой муки, Гораций! — сказал он.

— Желание увидеть еще раз Аэшу сушит мне мозг. Я сойду с ума. А между тем я здоров и могу прожить еще лет пятьдесят.

— Что же ты намерен делать? — спросил я.

— Есть краткий путь к познанию и миру, — торжественно отвечал Лео. — Я хочу умереть и умру сегодня ночью.

— Лео, ты трус! — воскликнул я в ужасе и гневе. — Ты не хочешь переносить свою долю страданий, как другие.

— Ты хочешь сказать, как ты? — жутко захохотал он. — На тебе тоже тяготеет проклятие, но ты сильнее и выносливее меня, может быть, потому, что ты старше. Я же не перенесу этого. Я умру.

— Но это преступление, — сказал я. — С презрением отказаться, как от ненужной вещи, от жизни, этого дара Всемогущего, это оскорбление. Такое преступление может повлечь за собою ужасное наказание, например, вечную разлуку.

— Разве это преступление, если человек, которого пытаются в застенке, покончит жизнь самоубийством? Наконец, если это грех, он будет прощен. Растерзанная плоть, издерганные нервы просят пощады. Я — такой исстрадавшийся мученик. Она умерла, и смерть приблизит меня к ней.

— Может быть, Аэша жива, Лео.

— Если бы она была жива, то подала бы мне знак. Но я так решил. Не станем больше говорить об этом.

Я еще спорил с Лео, но безуспешно. Случилось то, чего я давно боялся. Лео сошел с ума от потрясения и горя. В противном случае такой глубоко верующий человек, каким он был, не помыслил бы о самоубийстве.

— Ты бессердечен, Лео, — продолжал я. — Ты хочешь покинуть меня. Так-то ты платишь за мою любовь, за мои заботы о тебе! Ты меня убьешь, и кровь моя будет на тебе.

— Почему твоя кровь, Гораций?

— Дорога широка. Мы пойдем рядом. Долго жили и страдали мы вместе, не расстанемся и теперь. Если ты умрешь, умру и я.

Лео испугался.

— Хорошо, — сказал он, — это будет еще не сегодня ночью.

Тем не менее я не успокоился. Желание умереть, проснувшись раз, будет все усиливаться, наконец Лео не устоит, а тогда, тогда незачем жить и мне, одинокому, покинутому...

— Аэша! — воззвал я в отчаянии. — Если можешь, докажи, что ты жива, спаси своего возлюбленного и меня! Сжался над ним, пробуди в нем надежду, без которой ни он, ни я не можем жить!

В эту ночь я заснул разбитый, измученный. Лео разбудил меня.

— Гораций! — позвал он вполголоса. — О! Слушай, друг мой, мой отец!

— Сейчас зажгу свечу, — отвечал я, и все билось и трепетало во мне от предчувствия.

— Не надо света, Гораций. В темноте лучше рассказывается. Мне снился яркий, как действительность, сон. Я стоял одиноко под темным, почти черным сводом неба, на котором не было ни звездочки. Вдруг далеко-далеко на горизонте замерцал свет. Он стал подниматься по своду все выше и выше и наконец очутился надо мною. Он имел форму огненного веера. Скоро он оказался в уровень с моей головой. Тогда я увидел фигуру женщины. Свет горел у нее на лбу. Гораций, то была Аэша. Я узнал ее глаза, ее милые черты, ее волосы. Она посмотрела на меня так печально, как будто хотела сказать: "Зачем ты сомневаешься?"

Я силился говорить, но уста мои онемели, обнять ее, но не мог поднять рук. Между нами была преграда. Она помашила меня за собою и полетела. Тогда душа моя, казалось, отделилась от тела и последовала за нею. Мы устремились на восток через моря и сушу. Дорога была мне знакома. Я взглянул вниз и увидел развалины дворцов Кор и залив. Вот мы над Эфиопской Головой, а внизу с серьезными лицами собрались наши спутники-арабы, которые утонули в море. Среди них был и Иов. Он печально улыбнулся и покачал головой, как бы сожалея, что не может следовать за нами.

Минуя моря, песчаные степи, опять моря, берега Индии, мы летели все на север, пока не очутились над увенчанными снегом горами. Мы остановились ненадолго над монастырем. Монахи шептали молитвы на террасе. Я узнаю этот монастырь. Здание выстроено в виде серпа луны, перед его фасадом стоит и смотрит вдаль исполинский ку-

мир. Мы достигли крайних пределов Тибета, а дальше расстилась девственная, никому не ведомая пустыня.

В равнине близ монастыря одиноко высился холм. Мы остановились на его снеговой вершине. И вот над горами и пустыней, расстилавшейся у наших ног, загорелся огонек. Мы стали держать путь по направлению этого маяка, пролетели над обширной равниной, деревнями, городами и очутились над остроконечной вершиной имевшей форму египетского Символа Жизни Сгук ansata. Я увидел, что свет, который привлек нас, исходит от кратера вулкана. Тень Аэши указала нам рукою вниз и исчезла. Тут я проснулся. Это было знамение, Гораций.

Голос Лео замер. Я думал о том, что только что слышал, и молчал.

— Ты спишь? — сердито схватил он меня за руку. — Что же ты молчишь?

— О, нет, я не сплю! — отвечал я. — Но дай мне собраться с мыслями.

Я подошел к открытому окну, поднял штору и стал смотреть на небо. Занималась заря. Лео тоже приблизился, и я чувствовал, как он весь дрожит от волнения.

— Знамение, говоришь ты? — спросил я. — По-моему, это просто сон.

— Не сон, — резко возразил он, — а видение.

— Если хочешь, видение. Но бывают видения, а бывают и галлюцинации. Слушай, Лео, твое расстроенное горем и тоскою воображение доводит тебя до сумасшествия. Тебе снилось, что ты один в необъятной Вселенной! Тебе чудилась тень Аэши. Но разве она когда-нибудь покидала тебя? Тебе грезилось, что ты летишь с нею над морем и сушей к таинственной неведомой горе. Так вела она тебя к вершине жизни по ту сторону Врат Смерти. Снилось тебе...

— Довольно! — прервал меня Лео. — Я видел то, что видел. Думай и поступай, как тебе угодно, Гораций, а я завтра же отправлюсь в Индию, и, если ты не хочешь следовать за мною, отправлюсь один!

— Не горячись, Лео, — сказал я. — Ты забываешь, что я-то не видел знамения, а кошмара больного человека, который несколько часов тому назад собирался покончить с собою, право, недостаточно, чтобы убедить меня идти умирать среди снегов Средней Азии. Ты предполагаешь, что Аэша перевоплотилась в Центральной Азии, как Великий Лама, не так ли?

— Я не думал этого, но отчего бы и нет? — спокойно возразил Лео. — Помнишь, как в пещере Кор живой

взглянул на мертвого, и мертвец и живой стали похожи друг на друга. Вспомни, как Аэша клялась, что вернется в этот мир, а как же иначе, если не через возрождение или, что то же, переселение души?

— Я не видел знамения! — настаивал я.

— Ты не видел. О! Как бы я хотел, чтобы ты увидел и убедился, Гораций!

Мы замолчали и смотрели на небо. Долго длилось молчание.

Утро было свежее. Облака причудливыми массами висели над морем, образуя гору, на вершине которой показался как бы кратер. Из кратера поднялся столп... Мало-помалу верхняя часть столпа растаяла, исказилась, и внизу осталось огромное черное облако.

— Смотри, — прошептал Лео, — это гора моего видения. Теперь ты тоже видишь знамение, Гораций!

Я смотрел на облако, пока оно не рассеялось на лазури неба, и сказал:

— Хорошо, Лео, я последую за тобою в Среднюю Азию!

II

БУДДИСТСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Прошло тринадцать лет с той бессонной ночи в кумберлендском домике, а мы с Лео все странствовали, все искали гору с очертаниями египетского Символа Жизни, искали и не находили.

Описания нашего путешествия хватило бы на целые тома, но к чему описывать? Пять лет мы провели в Тибете, останавливаясь в разных буддистских монастырях, изучая законы и традиции лам. Раз нас приговорили к смерти за посещение одного священного города, но нас спас китайский чиновник. Мы были на севере, востоке и западе и изучили много наречий. Мысль о возвращении никогда не приходила нам в голову, потому что мы дали клятву найти то, чего искали, или умереть.

Мы были в Туркестане, на берегах озера Балхаш, провели год в горах Аркарти-Тань и чуть не умерли от голода в горах Черга. Здесь нас застала зима. Мы слышали, что в этих горах есть монастырь, ламы которого отличаются своею святою жизнью. У нас не было более масла для светоча, и мы пошли ночью при свете луны. У нас остался только один як, другой пал. Поклажа была нетяжелая: винтовки, сто пятьдесят патронов, немного денег золотом и сереб-

ром, несколько овчинных одежд; но животное умирало от голода, как его хозяева. Выбившись из сил, як остановился. Мы завернулись в грубые шерстяные одеяла и сели на снегу.

— Нам придется убить яка и съесть его, — сказал я.

— Может быть, завтра мы убьем какую-нибудь дичь, — отвечал Лео.

— Если же нет, мы должны будем умереть.

— Умрем — и хорошо сделаем.

— Конечно, Лео, это будет наилучшее, что мы можем сделать после тринадцатилетних бесплодных странствий.

Стало светать. Мы со страхом взглянули друг другу в лицо, испытывая, каковы силы товарища. В глазах цивилизованного человека мы казались бы дикарями. Лео было за сорок лет; жизнь в пустыне закалила его; это был высокий, красивый мужчина с железной мускулатурой, длинными золотистыми кудрями и широкой, большой бородой. Смуглое от ветра и непогоды лицо было одухотворено мыслью. На этом грустном лице светились, как звезды, чистые, как хрусталь, серые глаза.

Я тоже оброс волосами, поседел, но, несмотря на шестидесятилетний возраст, был здоров и силен. Тяжелый, трудный путь укрепил наши силы, закалил нас, словно мы вдохнули в себя Эссенцию Жизни.

Перед нами расстилалась песчаная, безводная и бесплодная степь, покрытая блестящими кристаллами соли и выпавшим в ночь первым снегом. За нею открывалось множество гор, целое море гор со снеговыми вершинами. В глазах Лео сверкнули слезы от волнения.

— Смотри! — сказал он мне.

Лучи восходящего солнца, как волны прилива, заливали вершины холмов, у подножия которых мы сидели, свет скользил все ниже и ниже и осветил наконец плоскогорье в трехстах ярдах над нами. На этой горной площадке сидел и торжественно смотрел вдаль огромный кумир Будды. За ним полумесяцем обрисовывалось желтое здание монастыря.

— Наконец-то! — воскликнул Лео и пал ниц на землю, пряча лицо свое в снег.

Я понял, что должно было происходить в его сердце, и оставил его одного с его мыслями, а потом вернулся к Лео и тронул его за плечо.

— Идем, — сказал я, как только мог, властно. — Опять начинается метель. Если в монастыре есть люди, мы найдем у них пищу и пристанище.

Он беспрекословно встал. Я заметил на лице его выражение счастья и мира.

Мы поднялись вверх на террасу. Она была пустынна. Что, если это необитаемые развалины монастыря, какие часто встречаются в этой стране? Сердце заныло у меня при этой мысли. Но вот из одной трубы показался легкий дымок. В центре высилось здание храма; но ближе, там, где змеился дымок, была низкая дверь.

— Отворите! Отворите, святые ламы! — громко закричал я и постучал в дверь. — Помогите чужеземцам!

Послышалось шлепанье туфель, дверь заскрипела в петлицах. На пороге показался древний старец в каком-то желтом рубище.

— Кто это? Кто это? — спросил он, глядя на меня через роговые очки. — Кто нарушает тишину обители святых лам?

— Странники, святой отец, которые умирают от голода и которым, по закону Будды, вы не можете отказать в приюте!

Он взглянул в свои роговые очки на нашу изношенную одежду того же образца, как и его платье. Отчасти, чтобы не привлекать на себя ничего внимания, отчасти потому, что у нас не было другого, мы носили платье тибетских монахов.

— Вы тоже ламы? — спросил старец. — Из какого монастыря?

— Наш монастырь называется Светом, и в нем люди часто бывают голодны.

— У нас не принято принимать иноверцев, а вы, кажется, не нашей веры.

— Еще менее принято у вас, святой Хубильган, — так называют в Тибете настоятелей монастырей, — оставлять чужеземцев умирать от голода! — И я привел ему соответствующий текст из учения Будды.

— Я вижу, вы начитаны в Писании, — сказал монах. — Войдите же, братья обители, называемой Светом. Я позабочусь и о вашем яке.

Он ударил в гонг. Явился другой, еще более дряхлый монах. Старец поручил ему накормить нашего яка.

Ку-ен, так звали настоятеля, отвел нас в монастырскую кухню, служившую также жильем братии. Тут вокруг огня сидели и грелись двенадцать монахов. Один из них готовил утреннюю трапезу. Ку-ен представил нас, как "иноков монастыря, называемого Светом". Четыре года никто не заходил в монастырь, и братья радостно приветствовали нас.

Все они были старые. Младшему из них было шестьдесят пять лет.

Нам дали теплой воды, чтобы умыться, ветхое, но чистое платье, туфли вместо наших тяжелых сапог и отвели нам комнату. Переодевшись, мы вернулись на кухню, где нас ожидали горячая похлебка, молоко, вяленая рыба и местный деликатес — чай с маслом. Никогда еще не ели мы с таким аппетитом. Наконец я заметил, что Ку-ен смотрит на Лео с видимым удивлением, а монах-эконом начинает опасаться, что при таком способе запасы монастырской кладовой скоро истощатся. Я остановил Лео, и мы пропели буддистскую благодарственную молитву, что приятно поразило монахов.

— Ваши стопы на Пути! Ваши стопы на Пути! — сказали они.

— Да, мы вышли в путь тринадцать лет тому назад, — отвечал Лео, — но мы еще новички. Вы знаете, святые отцы, что путь далек, как звезды, широк, как океан, долог, как пустыня. Вещий сон указал нам вашу обитель. Вы самые святые и самые ученые ламы, которые могут научить нас, как идти этим путем.

— Конечно, мы самые ученые, — сказал Ку-ен, — далеко вокруг нет другого монастыря; но, увы, число наше все убывает.

Мы попросили позволения уйти в отведенную нам комнату и проспали двадцать четыре часа. Сон освежил нас.

Мы прожили в горном монастыре полгода, и добродушные монахи с первых же дней посвятили нас в историю своей обители.

Монастырь был древний и большой. В старину тут жило несколько сот монахов. Лет двести или больше тому назад дикое племя еретиков-огнепоклонников напало на обитель и перебило монахов. Уцелели немногие, и монастырь с тех пор опустел.

В молодости Ку-ену было откровение, что он есть перевоплощение одного из прежних монахов монастыря и что он должен идти в обитель. Собрав вокруг себя несколько ревнителей, он, с благословения своего настоятеля, пошел в горы и поселился в монастыре. Вот уже полстолетия живут они здесь, имея лишь случайные сношения с миром. Сначала от времени до времени приходили другие монахи, но теперь никто больше не приходит, и братия вымирает.

— А что же будет потом? — спросил я.

— Ничего, — отвечал Ку-ен. — Мы заслужили уважение. Мы имели много откровений, и, когда умрем, нас

ожидает более легкая доля. Мы так далеки от соблазнов мира, чего же нам желать большего?

Бесконечная молитва чередовалась с бесконечно долгими часами созерцания. В остальное время монахи обрабатывали плодородную полосу земли у подножия холма и пасли свое стадо. Так жили они, умирая в преклонных летах, чтобы, как они думали, снова возродиться где-нибудь и снова продолжать вечный круг жизни.

Зима была суровая. Пустыня скрылась под глубоким снегом. Идти дальше — значило погибнуть в снегу. Мы поневоле должны были остаться до весны и предложили Куэну перебраться в нежилую часть монастыря, обещая питаться рыбой, которую будем сами ловить в озере, и дичью, которую настреляем в низкорослом сосновом лесу на его берегах. Монах не захотел нас слушать, сказал, что братия хочет быть гостеприимной с иноками монастыря, называемого Светом, где так часто царит голод, не только телесный, но и духовный. Доброму старцу хотелось направить наши стопы на Путь Истины и сделать нас настоящими ламами.

И мы шли по Пути, участвовали в молитвах и читали библию буддистов Кенджур. В свою очередь, мы рассказывали им о своей вере, и они радовались, находя в ней родство с учением Будды. Если бы мы остались в монастыре лет семь, вероятно, многие из братьев примкнули бы к нашему учению. Мы рассказывали также о разных странах и людях, и это интересовало монахов, которые знали кое-что о России, Китае да и о некоторых полудиких племенах.

— Может быть, в одно из последующих перевоплощений нам суждено жить в этих странах, — говорили они.

Время шло. Нам жилось не худо, но сердце горело неугасимым огнем искания. Мы знали, что стоим на пороге, но не могли перешагнуть его. Вокруг все было занесено снегом.

Было у нас одно утешение. В одной из комнат монастыря мы нашли старинную библиотеку буддистских, сиваистских и шаманистских рукописей и житий многих бодисатв, или святых, на разных языках. Особенно интересным оказался дневник хубильганов, или настоятелей древнего буддистского монастыря. Вот, что было написано, например, на страницах последнего тома этого дневника, начертанного лет двести тому назад, незадолго до нападения варваров на обитель.

"Летом этого года один из наших братьев нашел в пустыне человека из племени, которое живет за Далекими го-

рами. Рядом с ним лежали трупы двух товарищей, погибших от жажды и свирепствовавшего накануне тайфуна. Он не сказал, как он попал в пустыню, но мы догадались, что товарищи его совершили преступление, за которое были осуждены на смертную казнь, и бежали. Он рассказал, что его родина плодородна и прекрасна, но часто страдает от землетрясений и наводнений. Жители этой страны воинственны, но занимаются также земледелием. Народом этим управляют ханы, потомки греческого царя Александра. Это очень возможно, так как две тысячи лет тому назад царь этот послал свою армию в эти края.

Чужеземец рассказал нам также, что народ его поклоняется жрице Хес или Хесеа, которая царствует из поколения в поколение. Она живет одиноко в горах, не вмешивается в правление, но ее все боятся и чтут. Ей приносят жертвы. Тот, кого она возненавидит, умирает.

Мы сказали ему, что он лжет, утверждая, что женщина эта бессмертна, и смеялись над ее могуществом. Он рассердился, сказал, что наш Будда менее могуч, чем его жрица, и грозил отомстить нам.

Тогда мы дали ему на дорогу припасов и проводили его из монастыря. Он ушел, сказав, что вернется и докажет, что говорил правду. Мы думаем, что это был злой дух, хотевший испугать нас, но это не удалось ему”.

Ничего больше не говорилось об этом пришельце, но через год дневник обрывался. Уж не исполнил ли чужеземец обещание и не навлек ли на монастырь мщение Хесеи?

Мы позвали в библиотеку Ку-ена и показали ему этот отрывок, спросив, не знает ли он чего-нибудь об этом событии. Он покачал головою и сказал, что знает только кое-что об армии греческого царя. Он видел, как проходило это войско, и только. Это было в его пятидесятое перевоплощение.

Лео засмеялся было, но я толкнул его под столом, и он сделал вид, что чихнул. Нельзя же было обидеть почтенного старца. Да и кому другому, как не нам, смеяться над учением о перевоплощении, которому верит четвертая часть населения земного шара?

— Как это может быть? — спросил я ученого мужа. — Ведь память угасает со смертью.

* Буддистские священники утверждают, что они помнят то, что было в их прежние воплощения.

— Это только кажется, брат Холли, — отвечал он. — Память возвращается у тех, кто ушел далеко вперед на Пути. Вот я совсем забыл об этой армии, а когда ты мне прочитал этот отрывок, вспомнил. Вижу, как сейчас, стою я с другими монахами у статуи Будды, а мимо идет войско. Оно невелико. Много солдат умерло в пустыне, убиты. Их преследуют дикие племена, и они бегут от них. Их смуглый полководец пришел и потребовал приюта для своей жены и детей. Тогдашний настоятель ответил, что по уставу мы не можем приютить под своей кровлей женщин. Тогда вождь грозил сжечь монастырь и убить всех монахов. Так как умершие насильственной смертью перевоплощаются в животных, мы предпочли нарушить правило устава и позже испросить у Великого Ламы отпущение греха. Я не видел царицу, но, увы! я увидел жрицу этого народа.

— Почему ты говоришь об этом с сожалением? — спросил я.

— Я забыл про войско, но про нее я не забыл. Она долго была препятствием на моем пути к берегу спасения. Я был в то время смиренный монах и убирал светлицу, когда она вошла и сбросила с себя покрывало. Она заговорила со мною и спросила, не рад ли я, что вижу женщину. Она была прекрасна, как заря, как вечерняя звезда, как первый весенний цветок. О! Я грешный, грешный человек! Вы считали меня святым, я — только низкое существо. Эта женщина, если только она женщина, зажгла в моем сердце пламя, которое не хочет погаснуть. — Слезы потекли из-под роговых очков Ку-ена. — Она заставила меня поклониться ей. Расспросив меня подробно о моей вере, она сказала:

— Итак, твой путь — Путь Отречения и твоя Нирвана — Ничто. Разве эта цель стоит такого тяжелого труда? Я покажу тебе более отрадный путь и богиню, более достойную поклонения.

— Какой это путь и какая богиня? — спросил я.

— Путь Любви и Жизни, который все создает, создал и тебя, искателя Нирваны. Моя богиня — Природа.

Когда я спросил, где эта богиня, женщина приняла царственную позу и сказала:

— Это я... Поклонись мне!

И я пал перед нею ниц и целовал ее ноги, а потом бежал от нее с разбитым сердцем и краской стыда. А она со смехом закричала мне вслед: "Вспомни меня, когда перейдешь в другой мир, о служитель святого Будды! Я меня-

юсь, но не умираю. Я найду тебя даже в Давашане, потому что ты мне поклонился”.

И это правда, братья мои. Мне отпустили мой грех, я искупил его страданиями, но я не могу избавиться от нее и не знаю мира.

С этими словами Ку-ен закрыл лицо руками и зарыдал. Странно было видеть восьмидесятилетнего старца, плачущим, как дитя, из-за прекрасной женщины, которую, как ему казалось, он видел в своей прошлой жизни две тысячи лет тому назад. Но мы с Лео глубоко сочувствовали ему. Больше мы от него ничего не могли добиться. Он не знал, какую религию исповедовала жрица. На следующее утро она ушла вместе с войском на север. На наши расспросы Ку-ен отвечал, что на севере по ту сторону живет племя огнепоклонников. Лет тридцать тому назад один из братьев, желая уединиться, взобрался на высокую вершину, откуда он видел огненный столб. В то же время в монастыре ощущали землетрясение. Ку-ен ушел и не показывался целую неделю и никогда не возвращался более к этому разговору. Мы же с Лео дивились всему, что узнали, и решились подняться на гору.

III

СВЕТОЧ

Снежные метели стали реже. Снег креп от сильных морозов. Стада горных баранов спустились с высоких гор в долины, откапывая свою пищу под снегом. Мы сказали, что пойдем на охоту. Хозяева уговаривали нас остаться, но, видя, что мы непоколебимы, указали нам в одном из склонов горы пещеру, где мы могли укрыться от непогоды. Навьючив своего яка, мы отправились в одно прекрасное утро. В полдень мы уже были в пещере и развели перед ее входом костер. В этот день мы увидели небольшое стадо баранов и подстрелили двух из них. Бедные животные никогда не видели людей и даже не бежали от нас. К ужину мы ели баранину. На следующий день мы поднялись на вершину утеса. Вид оттуда был великолепный: внизу расстилалась пустыня, за нею бесконечно тянулись горы.

— Я видел их точно такими во сне! — прошептал Лео.

— А где был огненный столп? — спросил я.

— Кажется, вот там! — указал он на северо-восток.

— Теперь там ничего не видно!

Мы вернулись засветло в пещеру. Следующие четыре дня мы повторяли свое восхождение и к вечеру спускались вниз. Наконец мне это надоело. На четвертую ночь Лео не лег спать, а сел перед входом в пещеру. Я спросил его, зачем он это делает.

— Оттого, что я так хочу! — отвечал он с раздражением.

Ночью он разбудил меня.

— Пойдем, Гораций. Я покажу тебе что-то.

Несмотря на то, что я выполз из-под одеяла и вышел из пещеры, Лео указал на север. Ночь была темная, но вдали, на темном небе, точно зарево, виднелась бледная полоска света.

— Что ты думаешь? — спросил он.

— Ничего. Это не луна и не заря. Это похоже на зарево пожара или погребального костра. Но это не может быть ни то, ни другое.

— Я думаю, что это только отражение. Если бы мы поднялись на скалу, мы увидели бы самый огонь.

— Но мы не можем идти туда ночью.

— Мы должны провести там следующую ночь, Гораций.

— Это будет наша последняя ночь, — отвечал я.

— Ничего не поделаешь, надо рискнуть. Смотри, огонь погас.

Действительно, ночь снова стала непроглядной. Мне хотелось спать, и я ушел обратно в пещеру. Лео остался. Когда я проснулся, завтрак был уже готов.

— Я тороплюсь выйти пораньше, — объяснил мне Лео.

— Ты с ума сошел! Как мы будем ночевать на вершине?

— Не знаю, но я должен идти, Гораций.

— То есть мы должны идти оба. А как же быть с яком?

— Возьмем его с собою.

Достигнув вершины, мы вырыли в снегу углубление и поставили палатку, в которую забрались сами и взяли яка. Уже темнело. Ледяной ветер пронизывал до костей. Если бы нас не согревало теплое тело животного, мы замерзли бы в своем шатре. Мы бодрствовали, потому что заснуть значило умереть. Наконец среди немой тишины ночи я стал дремать.

— Посмотри по направлению красноватой звезды, — разбудил меня Лео.

Я взглянул и увидел на небе тот же свет, который мы видели накануне. Несколько ниже, над хребтом противоположных гор, показался огонь. Он поднялся выше, стал яр-

че, сильнее. За ним чернел какой-то столп, на вершине которого ясно обрисовывался египетский Символ Жизни — *Sruh ansata*.

Символ исчез. Пламя погасло. Потом снова огонь вспыхнул и взвился высоко-высоко. Черный символ мелькнул еще раз и опять исчез. В третий раз пламя загорелось, как молния, и осветило все. Сквозь черное отверстие символа прорвался и достиг нашего утеса яркий, как свет маяка, луч. Он окрасил в красный цвет снег вокруг нас и наши лица. Передо мною лежал мой компас. Было так светло, что я разглядел его стрелку и увидел выползшую из норы за добычей белую лисицу. Луч погас так же быстро, как появился. Исчез и символ со своим огненным покрывалом.

Мы молчали. Наконец Лео нарушил молчание:

— Помнишь, Гораций, как ее плащ упал на меня и как она послала нам на прощанье луч, который указал нам дорогу, чтобы мы могли бежать из Обители Смерти? Теперь этот луч указывает нам путь к Обители Жизни, где живет Аэша.

— Может быть, — отвечал я коротко.

Доказывать и спорить было трудно, но я чувствовал, что мы действующие лица какой-то великой предначертанной судьбою драмы. Наши роли написаны, и мы должны их исполнить; наш путь уготован, и мы должны пройти его до неведомого конца. Нет больше места страху и сомнению, есть только место надежде. Видение стало действительностью. Посев дал жатву.

Утром поднялась снежная метель. Мы сошли с вершины с опасностью для жизни. Снег слепил нам глаза. Но час наш еще не настал, и мы вернулись, целы и невредимы, в монастырь. Ку-ен обнял нас, а остальные монахи вознесли молитву спасшему нас Будде, потому что считали нас погибшими и не надеялись более увидеть нас.

Бесконечно долго тянулась зима. У нас в руках был ключ от двери, которая находилась там за горами, но мы не могли вложить его в скважину. Надо было ждать, пока растают снега.

Но весна заглядывает даже в ледяные пустыни Центральной Азии. Стало теплее. Пошел дождь. Монахи стали готовить плуг. Снег растаял. С гор потекли потоки. Равнина почернела, а через неделю покрылась ковром цветов. Мы начали собираться в дальнейший путь.

— Куда вы пойдете? — уговаривал нас огорченный Ку-

ен. — Разве вам здесь нехорошо? Все, что здесь есть — ваше. И зачем вы нас покидаете?

— Мы странники, — отвечали мы, — и, когда видим перед собою горы, непременно хотим перейти их.

— Чего ищете вы за горами? — спросил Ку-ен строго. — Зачем вы скрываете от меня правду? Скрытность и ложь так похожи друг на друга.

— Святой отец, ты сделал нам признание там в библиотеке...

— Зачем ты мучишь меня, напоминая это? — поднял он руки, как бы оберегая себя.

— Я далек от этой мысли, добрый и добродетельный друг, — отвечал я. — Но твоя история очень напоминает нашу. Мы видели ту же жрицу.

— Говори! — заинтересовался лама.

Я рассказал ему все. Я рассказывал долго, часа два, а Ку-ен сидел напротив меня, слушал и качал головою.

— Пусть светильник твоей мудрости осветит нашу тьму, — закончил я. — Не находишь ли ты, что все рассказанное чудесно, или ты, может быть, считаешь нас лжецами?

— Зачем же мне не верить вам, о братья великой обители, называемой Светом? И что в вашем рассказе особенно чудесного? Вы только познали истину, которая открыта нам уже много-много лет. Вы думаете, что эта женщина возродилась снова там? Вероятно, это так и есть, и женщина эта та же, из-за которой я согрешил в своей прошедшей жизни. Только она не бессмертна, как вы думаете. Бессмертия нет. Только гордыня и собственное величие удерживают ее от перехода в Нирвану. Но гордость ее будет унижена, прах и смерть коснутся ее чела. Грешная душа должна очиститься страданиями и разлукой. Если ты найдешь ее, брат Лео, это будет для того, чтобы снова потерять ее. А там придется подниматься вторично по той же лестнице. Останьтесь со мною, будем молиться вместе! Зачем вам биться о скалу? Зачем вливать воду в разбитый сосуд и вечно томиться жаждой, выливая воду на песок?

— Вода делает почву плодородной. Жизнь зарождается там, где пролита вода. Из семян печали вырастает радость, — ответил я Ку-ену.

— Любовь есть закон жизни, — горячо заговорил Лео. — Без любви нет жизни. Я ищу любви, чтобы жить. Я верю в силу рока и исполняю волю судьбы.

— Ты замедляешь свое освобождение, брат. Что дала тебе эта жрица неправой веры в прошлом? Когда-то ты

служил богине природы Изиде. Потом тебя соблазнила женщина, с которою ты бежал. Обманутая богиня, или ее служительница, убила тебя. Но служительница эта — женщина она или злой дух — не хотела умирать, потому что полюбила тебя. Она знала, что в твою последующую жизнь увидит тебя снова, ждала тебя, встретила и умерла, или, по крайней мере, казалось, что умерла. Теперь она возродилась, и вы снова встретились для новых страданий. О! Друзья мои, не ходите за горы, останьтесь со мною!

— Нет, — отвечал Лео, — мы поклялись идти и пойдём.

— Идите же, братья, но вспомните мои слова, когда пожнете жатву. Вино, которое вы получите из собранного винограда ваших желаний, будет красное, как кровь, и вы не найдете в нем забвения и покоя. Ослепленные страстью, напрасно ждете вы радости от прекрасного зла. Лучше было бы вам жить одиноко, чтобы слиться с несказанным добром и вечной Нирваной. Вы улыбаетесь и не верите мне, но настанет день, когда вы скажете: "Брат Ку-ен, мудры были слова твои и безумны наши поступки".

Старец ушел, не убедив нас с Лео.

Мы почти не спали эту ночь. Ку-ен предсказал нам скорбь и пролитие крови, если мы пойдём по ту сторону гор; но никакие страдания не могли остановить нас. Итак, Ку-ен думал, что Аэша — богиня древнего Египта, жрецом которой был Калликрат. Он изменил богине и бежал с дочерью Фараона Аменартой. Тогда богиня, воплотившись в женский образ Аэши, настигла вероломного жреца и его возлюбленную в Кор и отомстила им. Но пущенная ею стрела поразила ее самое в следующем тысячелетии.

Я много думал, но не мог согласиться с мыслью, что Аэша богиня, а не женщина. Она может быть жрицей, да; но она все-таки женщина с живою надеждой и страстью. Правда, сама Аэша дала нам понять, что она когда-то была дочерью Неба. Старый шаман из Сибири тоже говорил о ее божественном происхождении... Но оставим это. Что-то ожидает нас за горами? Найдём ли мы там ее? С этими мыслями я заснул.

IV

ЛАВИНА

На следующий день, рано утром, мы покинули монастырь. Монахи плакали, провожая нас. Мы ушли далеко в степь, а Ку-ен все еще стоял, прислонившись к древней

статую Будды, и смотрел нам вслед. Только мысль о том, что мы встретимся в будущем, в одно из последующих воплощений, утешала доброго старца. "Если же суждено вам вернуться живыми, — сказал он нам на прощание, — вы всегда будете желанными гостями в моем монастыре".

Мы пошли на северо-восток. День стоял чудный. Равнина была покрыта ковром цветов. За весь день нам попались навстречу только несколько стад овец да диких ослов, которые спустились с гор в зеленые пастбища. К вечеру мы подстрелили антилопу, расположились под тамарисками и развели огонь. На ужин мы ели жаркое из мяса антилопы и пили чай.

Мы шли по равнине три дня и на четвертый достигли подножия гор, которые тянулись на ее окраине. До сих пор все шло, по выражению Лео, "как по часам", без препятствий и приключений; но тут путь наш стал труднее. Горы были крутые, подтаявший на солнце снег проваливался под ногами и страшно слепил нас своей белизною.

На седьмой день мы пришли к ведущему в глубь гор ущелью. Скоро мы убедились, что идем по настоящей дороге, всюду, даже на краю пропастей, она была плоская, ровная, а скалы носили на себе явный отпечаток заступа или иного инструмента. Местами были встроены галереи, они кое-где подгнили, обвалились, и нам приходилось возвращаться и идти в обход, минуя опасное место, но все же мы старались держаться этого проложенного руками человека пути и возвращались к нему.

Больше всего приходилось страдать нам по ночам от холода. Ледяной ветер завывал в ущелье. На десятый день мы вышли из ущелья и переночевали на страшном холоде. У нас не было топлива. Мы грелись, прижавшись к телу нашего яка, но все-таки зубы стучали, как кастаньеты. В довершение бед у нас не было воды, и, чтобы утолить жажду, приходилось глотать холодный снег. Когда рассвело, мы проползали сто ярдов дальше, чтобы согреть окоченевшие члены на солнце. Лео оказался за поворотом ущелья первым, я услышал его голос. Я догнал его. И что же? Перед нами открылась Обетованная земля.

Мы стояли высоко на горе, а много ниже расстилалась огромная плоская равнина. Должно быть, когда-нибудь это было дно одного из больших озер, которых так много в Центральной Азии, и из которого иные находятся в стадии пересыхания. Посреди этой обширной равнины высилась только одна увенчанная снегом гора, вершина которой дымила. У края кратера этого вулкана виднелся огромный

столпообразный утес, в верхней части которого было отверстие.

Итак, вот он символ наших видений, который мы искали столько лет! При виде его сердца наши забились. Гора эта была гораздо выше окружающих, вот почему свет вулкана, попадая в отверстие столба, достигал величайших вершин близ монастыря. В данный момент вулкан только дымился, но, просыпаясь по временам, он, очевидно, извергал и пламя — источник виденного нами таинственного света.

В долине же, на берегу широкой реки, виднелись белые кровли большого города. В подозрную трубу мы разглядели также хорошо обработанные, засеянные поля, с прорытыми по краям рвами.

Мы радовались, видя перед собой Обетованную землю и таинственную гору, и были далеки от предчувствия ужасов и страданий, которые мы должны были перенести раньше, чем достигнем Символа Жизни.

Наскоро закусив и проглотив немного снега, от чего заболели зубы и пробирала дрожь, мы навьючили своего бедного, измученного яка и тронулись в путь. Занятые собственными мыслями, мы почти не говорили. Мы спускались с горы по удобной дороге, проложенной людьми. Но, странное дело, кроме следов диких овец, медведей и горных лисиц, мы не видели ни одного следа человека. Мы утешали себя мыслью, что население равнины пользуется этой дорогой только летом или, привыкнув к оседлой жизни, и вовсе не поднимается в горы.

Уже стемнело, а мы еще не достигли подошвы горы и разбили для ночлега палатку под защитой утеса. На этой высоте было несколько теплее; мороз не превышал восемнадцати — двадцати градусов. На этот раз мы достигли воды, а наш як отыскал в проталинах, где солнце согнало снег, немного сухого горного мха.

Наутро мы пошли дальше, но горный кряж скрыл от нас и город, и вулкан. В одном месте было ущелье, и дорога вела туда. На полдороге, однако, перед нами, зияя, открылась глубокая пропасть. Внизу слышалось журчание воды. Дорога обрывалась на краю бездны. Что бы это значило?

— Вероятно, эта пропасть развернулась недавно — в одно из последних извержений вулкана, — сказал Лео.

— А может быть, прежде тут был деревянный мост, но обрушился, — отвечал я. — Но все равно, надо искать другую дорогу.

— И поскорее, если мы не желаем остаться здесь навсегда.

Мы взяли направо и прошли с милю расстояния. Тут мы увидели глетчер, напоминавший обледенелый, застывший водопад. Нечего было и думать спускаться по его склону. Пропась казалась еще глубже и отвеснее. Тогда мы вернулись вспять и пошли влево. Но и тут внизу зияла все та же пропасть. Вечером мы взобрались на вершину высокой скалы, надеясь увидеть где-нибудь дорогу, но и тут убедились, что бездна страшно глубока, имеет полмили в ширину, и глубоко внизу журчит вода.

Солнце село. Восхождение на утес так утомило нас, что мы не захотели спускаться в него в темноте и решили переночевать на его вершине. Позже мы узнали, что это спасло нас. Развьючив яка, мы разбили палатку, съели вяленую рыбу и хлеб, последние запасы, взятые из монастыря, и, завернувшись в одеяла, заснули, забыв о всех невзгодах.

Незадолго до рассвета нас разбудил страшный гул, как бы от пушечного выстрела. За ним послышались словно ружейные залпы.

— Господи! Что это? — воскликнул я.

Мы выползли из палатки. Як испуганно замычал. Не было возможности что-либо разглядеть. Глухие удары и треск сменились каким-то скрежещущим шумом и шорохом. В то же время подул какой-то странный ветер, под напором которого, как под напором волн, трудно было устоять.

Забрезжила заря, и мы увидели, что на нас надвигается лавина.

О, какой это был ужас! По склону горы сверху ползла, скользила, скатывалась снежная масса. Волны снега вздымались, образовывали впадины, насккивали одна на другую, и над этим морем стояло облако распыленного снега.

Мы с Лео в испуге прижались друг к другу. Вот первая волна дошла до нашего утеса. Под ее напором он задрожал, как лодка в бурном океане. Волна раскололась о скалу и с грохотом скатилась в пропасть. Это был лишь передовой гонец. За первой волной, медленно извиваясь, как змея, показалась вся снежная громада.

Волны снега подымались с яростью почти до вершины нашего утеса, и мы боялись, что вот-вот он сорвется с основания и, как камешек, полетит в бездну. В воздухе стоял невообразимый шум от падения глыб в пропасть.

То, что последовало за снежным обвалом, было еще страшнее. Сорванные с места огромные камни полетели по склону. Некоторые из них ударялись по пути о нашу скалу, и это производило резкий, как пушечный выстрел, удар. Иные срывали на пути другие каменные глыбы и уносили их с собою. Никакая бомбардировка не могла быть столь ужасна и разрушительна.

Это была грандиозная картина. Казалось, что какие-то скрытые силы природы вырвались на свободу, чтобы во всем своем величии разразиться над головою двух ничтожных человеческих существ.

При первом толчке мы отскочили к утесу и прижались к нему, легли на землю, цепляясь и стараясь удержаться, чтобы ветер не унес нас в пропасть, как унес нашу палатку. Разбиваясь об утес, полетели камни, и осколки их падали в пропасть, напевая свою дикую песню. Ни один из них, к счастью, не ударил нас, но когда мы оглянулись, то увидели, что наш бедный як лежит бездыханный с оторванной головой. Мы легли и покорно стали ждать смерти, думая, что нас или занесет снегом, или раздавит каменная глыба, или ветер унесет в бездну.

Не знаю, долго ли это продолжалось. Может быть, десять минут, может быть, два часа. То, что происходило, было вне времени. Наконец ветер утих; смолк грохот каменного града. Мы встали и осмотрелись: отвесный склон горы, который был раньше покрыт снегом, стоял теперь обнаженный. Наш утес местами раскололся, и в изломе его блестели слюда и другие минералы. Пропасть была засыпана снегом и камнями. И над этим хаосом спокойно сияло солнце.

Мы остались живы и невредимы, но не решались тронуться с места; переправляясь через пропасть, мы могли провалиться в рыхлом снегу; если же мы пошли бы по дороге, нас могло засыпать сверху еще падающими по временам снежными глыбами.

Мы сидели и вспоминали Ку-ена, который предостерегал нас. Наконец голод дал о себе знать.

— Сдерем шкуру с яка, — предложил Лео.

Мы содрали с животного шкуру и, нарезав кусочками, морозили в снегу и ели его мясо. Делая это, мы невольно

чувствовали себя каннибалами. О! Это был отвратительный обед! Но могли ли мы поступить иначе?

V

ГЛЕТЧЕР

Так как у нас не было палатки, то на ночь мы завернулись в одеяла и покрылись шкурой яка. Мороз был сильный.

Утром Лео сказал мне:

— Пойдем, Горадий. Если нам суждено умереть, все равно, где не умирать, здесь или на пути. Но я думаю, что наше время еще не настало.

— Отлично, — согласился я. — Пойдем! Если снег не выдержит нас сегодня, не выдержит и в другой раз.

Мы связали свои одеяла и шкуру яка в два тюка, взяли с собою несколько ломтиков мороженого мяса и начали спускаться. За ночь сильный мороз настолько скрепил снег, что он мог нас вынести. Только, когда мы добрались до половины пропасти, где давление при падении лавины было меньше, чем у краев, снег оказался менее твердым, и мы принуждены были распределить свой вес, подвигаясь вперед на четвереньках. Все шло прекрасно, пока мы не достигли самой середины. Лео и тут пробрался благополучно, но я взял ярда на два правее и почувствовал вдруг, что ко-ра подо мной поддается. Я начал биться и барахтаться. Это ухудшило дело: я успел испустить только один резкий вопль и провалился. Провалиться в рыхлый снег гораздо менее приятнее, чем погрузиться в воду. Я проваливался все ниже и ниже, пока наконец не уперся в утес; не случись этого, я исчез бы навеки. Между тем меня сверху засыпало снегом, и я очутился в темноте.

Я приготовился умирать. Говорят, что вся прошлая жизнь проносится перед глазами тех, кто умирает. Этого со мною не случилось, но я вспомнил про Аэшу. Она представилась мне в плаще, стоящую на утесе надо мною. Рядом с нею стоял какой-то человек. Ее прекрасные глаза выражали испуг.

— Что за несчастье случилось? — спросила она. — Ты жив, но что случилось с моим другом Лео? Отвечай, где ты его оставил или умри!

Видение было яркое, реальное, но быстро исчезло. Я лишился чувств.

Очнувшись, я увидел свет и услышал голос звавшего меня Лео.

— Держись за ствол ружья, Гораций! — кричал он.

Я почувствовал что-то твердое и уцепился руками. Лео потянул, но напрасно, я не пошевелился. Тогда отчаянным усилием я встал на ноги и уперся в утес, на котором лежал. Лео опять потянул, и на этот раз снег над моей головой подался, и я выскочил на поверхность, как лисица из своей норы. Я увидел Лео. Мы вместе докатились по склону до противоположного берега пропасти. Я вздохнул полной грудью. О! Как хорошо дышалось! Взглянув на свои руки, я убедился, что смерть моя была близко: синие жилы на руках надулись, как веревки. Я был под снегом минут двадцать, но они показались мне двадцатью веками. Проваливаясь, я поднял руки вверх, и Лео увидел мои посиневшие пальцы. Тогда он растянул на снегу шкуру яка и подполз на ней настолько, что мог протянуть мне ружье. К счастью, руки мои еще не совсем ооченели, и я мог уцепиться за якорь спасения. Счастье также, что мы с Лео были сильны.

— Благодарю тебя, старый друг Лео, — сказал я.

— За что? — улыбнулся он. — Мне вовсе не хотелось продолжать путешествие без тебя. Ну, отдышался ты? Тогда пойдем дальше! После холодной ванны полезно подвигаться. Мое ружье сломано, а твое провалилось в снег. Незачем нам в таком случае таскать с собою и патроны.

Мы пошли обратно к обрыву, от которого вернулись накануне. Вот на снегу наши следы и следы яка, вот и зияющая внизу пропасть. Но спуститься по отвесной ледяной стене глетчера по-прежнему было невозможно.

— Что нам делать? — спросил я. — Перед нами смерть, позади тоже смерть: не можем же мы предпринять обратное путешествие через горы, не имея ни пищи, ни оружия. Здесь тоже нас ожидает голодная смерть. Настал наш конец, Лео! Спасти нас может только чудо!

— Разве это было не чудо, что мы ушли на вершину утеса, в то время как внизу обрушилась лавина? — возразил Лео. — Разве не чудом спасся ты из снежной могилы? И сколько раз за эти семнадцать лет мы чудом избавлялись от опасности? Судьба хранит нас; какая-то неведомая Сила направляет нас и не изменит нам и теперь. Слушай, я ни за что не вернулся бы, даже будь у меня припасы и ружье. Не хочу быть трусом. Я пойду дальше.

— Куда?

— Вот этой дорогой! — указал он на глетчер.

— К смерти?

— Хотя бы и так, Гораций. Может быть, мы умрем, чтобы возродиться для новой жизни. Решайся!

— Я давно решил. Мы начали это путешествие вместе, вместе и кончим. Может быть, нам поможем Аэша! — засмеялся я с горечью.

Разрезав шкуру яка и свои одеяла, мы наделали из них веревок, которыми обмотали себя вокруг пояса, оставив один конец свободным, надели толстые кожаные рукавицы и обвязали колени кусками шкуры яка, чтобы немного было ползти по ледяному откосу. Поклажу свою мы связали покрепче и, привесив к ней для груза камни, бросили вниз, рассчитывая найти ее, когда спустимся с ледяной горы. После всех этих приготовлений мы молча обнялись. Признаюсь, слезы навернулись у меня на глаза при мысли, что мой лучший друг, мой сын, полный сил и здоровья, через несколько минут превратится в кучу костей и мяса. Мне-то уже пора умирать, я стар, но Лео мне было жаль. Я благословил его.

— Идем! — сказал он, и глаза его засверкали энергией.

Мы начали спускаться, рискуя каждую минуту, сделав неосторожное движение, перейти в вечность. Добравшись до небольшого выступа, мы остановились и оглянулись. Но голова кружилась при виде страшной крутизны разверзавшейся под нами пропасти: мы поспешили повернуться лицом к ледяной стене и стали спускаться дальше. Спуск становился труднее, так как вмерзших в ледяную массу камней попадалось меньше. Мы перебирались от одного к другому при помощи веревки, привязанной к уступу утеса. Таким образом мы достигли середины глетчера и сели отдохнуть на небольшой площадке.

— Держи меня за ноги, я перегнусь через выступ и посмотрю, что внизу, — сказал Лео.

Я исполнил его желание, но тут случилось нечто непредвиденное и ужасное. Я не удержал тяжелое тело перевесившегося через карниз товарища, и он полетел вниз.

— Лео! — кричал я в отчаянии. — Лео!

Мне послышалось, что в ответ он закричал мне: "Иди сюда!", и я тотчас же начал стремительно спускаться по крутой стене глетчера. Наконец я достиг узкого карниза, держась руками за шероховатости стены и представляя собой человека, распятого на ледяном кресте.

Кровь застыла в моих жилах от того, что я увидел. Немного ниже в пространстве качался на веревке Лео. Он не только висел, а вращался в воздухе. Внизу зияла черная

пасть пропасти, и только далеко-далеко на дне ее чуть белел снег.

Представьте себе меня распятым на ледяном кресте, держащимся за чуть заметные выступы, на которых впору поместиться птице, а подо мною Лео, качающегося над бездной, как паук на паутине. Наверх подняться невозможно; внизу нас ожидает гибель. Я видел, как натянулась веревка Лео. Вот-вот она не выдержит тяжести и оборвется.

Холодный пот выступил у меня на лбу. Волосы встали дыбом. А Лео все вертелся в воздухе. Он взглянул вверх, и глаза наши встретились. Он не кричал, не боролся, он молчал, и это молчание было ужаснее жалоб и вопля.

Руки мои ныли от напряжения, но я боялся пошевелиться. Вспомнилось мне, как раз в детстве я взобрался на высокое дерево и не мог ни подняться выше, ни спуститься вниз и как мне было тогда жутко. Потом у меня помутилось в глазах. Передо мною пронеслись, как в кошмаре, лавина, снежная ванна, которую я недавно взял, образ Аэши. Вокруг меня все было темно и тихо. Я дрожал как в лихорадке.

И вот, среди мрака — молния, среди молчания — звук. Это сверкнул нож, которым Лео, не будучи более в силах выносить это мучение, перерезал веревку, чтобы положить конец. Звук, который я услышал, это был крик Лео, крик презрения к смерти и в то же время крик ужаса. Верхний конец веревки, отскочив, ударил меня по лицу. Через секунду я услышал какой-то стук внизу: это Лео ударился о дно пропасти. Итак, Лео разбился. Его тело представляет груды мяса и костей...

— Иду! — закричал я, перестав держаться, поднял руки над голову, как бросающийся в воду пловец, и полетел в черную бездну.

VI

У ДВЕРЕЙ

Говорят, что при падении с высоты люди теряют сознание. Со мною этого не случилось. Только полет показался мне страшно продолжительным. Но вот передо мною мелькнул снег на дне пропасти, и все кончилось.

Послышался треск. Что это? Я еще жив! Я погружаюсь все глубже и глубже в холодную воду. Я задыхаюсь; но нет, вот я снова на поверхности. Падая, я проломил лед на

реке, и теперь, вынырнув, снова ударился об лед, но так как он был очень тонок, он треснул, и я очутился на свободе. Недалеко от меня вынырнул и Лео. Вода струилась с его волос и бороды. Лео жив и невредим! Вот он ломает ледяную пленку и направляется к берегу.

— Вот мы оба спаслись и перешли пропасть! — закричал он мне. — Разве я был не прав, говоря, что Судьба хранит и ведет нас?

— Куда только? — отвечал я, тоже направляясь к берегу.

Тут я заметил на берегу старика и женщину. Седовласый, согбенный летами старик опирался на посох. У него было злобное выражение лица, и он был желт, как воск. На нем было широкое похужее на монашеское одеяние. Женщина указала на нас своему спутнику.

Ближе к берегу река бежала быстрее и была свободна ото льда. Мы с Лео поплыли, стараясь держаться поближе, чтобы в случае надобности помочь друг другу. Действительно, силы скоро изменили мне. Члены окоченели от холодной воды, и, если бы не Лео, я пошел бы ко дну. Впрочем, не спасла бы нас и энергия Лео, если бы не помогли стоявшие на берегу люди. С необычайной для него поспешностью старик подбежал к выступавшему в реке утесу и протянул нам свою длинную палку. Лео уцепился за нее; но старик, несмотря на все усилия, не удержал палку, выпустил ее из рук, и быстрым течением нас отнесло от берега. Тогда женщина выказала много мужества и благородства. Она вошла по пояс в воду и, держась левою рукою за руку спутника, правую вытащила Лео за волосы из воды. Встав на мелкое место, Лео схватил меня. Страшно утомленные борьбою с течением, выбравшись на берег, мы легли и долго не могли отдышаться.

Женщина стояла над Лео и задумчиво смотрела на его бледное лицо. Из глубокой ранки на его голове сочилась кровь. Женщина была очень хороша. Вода струилась с ее платья и волос. Наконец, сказав что-то своему спутнику, она ушла по направлению утеса.

Между тем старик заговорил с нами сначала на каком-то незнакомом нам наречии, потом на ломаном греческом языке, на котором говорят в Средней Азии.

— Вы, должно быть, волшебники, — сказал он, — иначе, как бы вы проникли в нашу страну?

— Нет, — ответил я, — если бы мы были волшебниками, то пришли бы несколько иным путем.

Говоря это, я указал на пропасть и на ушибы и царапины на своем теле.

— Что ищете вы здесь, чужеземцы? — продолжал допрашивать старец.

Я не хотел открыть ему настоящую цель нашего путешествия, опасаясь, что, узнав, зачем мы пришли, он бросит нас обратно в реку; но Лео оказался менее осторожным.

— Мы ищем Огненную Гору, увенчанную Символом Жизни, — сказал он.

— Так вам все известно? — удивился старик. — Кого же, собственно, вам нужно?

— Ее, — не удержался Лео, — Царицу!

Он, вероятно, хотел сказать "жрицу" или "богиню", но, плохо зная греческий язык, нашел только слово "царица".

— Ах! Вы пришли к царице. Значит, вы именно те странники, навстречу которым нас послали?

— Теперь не время для расспросов, — нетерпеливо прервал его я. — Скажи нам лучше, кто вы сами?

— Меня зовут Стражем Двери, а женщину, которая была здесь, ханшей Калуна.

Между тем Лео сделалось дурно.

— Он болен, — сказал я Стражу Дверей. — Помогите нам и отведи нас в свое жилище.

Поддерживая Лео под руки, мы удалились от проклятой реки, похожей на древний Стикс, и вошли в ущелье. Тут мы увидели Врата, или Дверь страны. Подвигаясь по узкой тропинке, мы дошли до высеченной в скале крутой лестницы. Навстречу нам вышла женщина, которая спасла нас, и приказала двум слугам монгольского типа взять и нести Лео.

Мы пришли в дом, выстроенный из высеченных из скал каменных глыб. В кухне горел огонь. Нас провели в комнату, где стояли две кровати, подали нам теплой воды умыться, перевязали наши раны и ушибы и дали нам какого-то лекарства, от которого у меня по всему телу разлилась приятная теплота, и я впал в забытие. Что было после, я не помню. Знаю только, что мы с Лео были долго больны, если можно назвать болезнью слабость, которую испытываешь после сильной потери крови или страшного переутомления. Мы бредили и были в каком-то полусознании. Как сквозь сон помню, что надо мною склонился бледный старик с седой бородою.

— Нет никакого сомнения, что это они, — прошептал он, подошел к окну и долго смотрел на звезды.

В другой раз я услышал женский голос, шуршанье шелкового платья, открыл глаза и увидел женщину, которая спасла нас. У нее была благородная осанка, прекрасное, но усталое лицо и жгучие глаза с поволокой. Она подошла ко мне, равнодушно посмотрела, потом отошла к Лео. Голос ее зазвучал нежнее, когда она заговорила с привратником, расспрашивая его о больном. Старик вышел, тогда она опустилась на грубый стул у кровати моего товарища и долго-долго пристально вглядывалась в его черты. Мне стало жутко от этого пристального взгляда. Потом она встала и быстро стала ходить по комнате, прижимая руку то к сердцу, то ко лбу, точно мучительно силясь что-то вспомнить.

— Где и когда? — прошептала она.

Дальше я не мог наблюдать, потому что опять впал в беспамятство. С тех пор, когда я приходил в себя, я часто видел женщину в нашей комнате. По-видимому, она ухаживала за больным, кормила его, а когда он не требовал забот о себе, давала пить и есть и мне.

Раз это было ночью. Лунный свет падал на кровать Лео. Женщина с царственной осанкой стояла у его изголовья. Вдруг больной заговорил в бреду. Он произносил то английские, то арабские слова. Она жадно прислушивалась. Потом на цыпочках подошла ко мне, — я притворился, что сплю, потому что мне тоже хотелось знать, кто эта женщина, которую называют ханша Калуна. Уж не та ли это, которую мы ищем? Впрочем, если бы то была Аэша, мы сейчас же узнали бы ее.

Было тихо, так тихо, что, казалось, можно было слышать, как билось ее сердце. Она заговорила на искаженном греческом языке с примесью монгольских слов. До меня доносились лишь отрывки ее речи, но и то, что я услышал, испугало меня.

— Откуда пришел ты, о ком я мечтала? Кто ты? Зачем Гезея повелела мне встретить тебя? Ты спишь, но твои глаза открыты. Приказываю тебе: отвечай мне! Что нас соединяет? Отчего ты мне снился? Отчего я тебя знаю? — И голосок ее замер, как бы испуганный таким признанием.

Вывившаяся из-под повязки с самоцветными камнями прядь ее волос упала на лицо Лео и разбудила его. Он взял бледною рукою этот локон и спросил по-английски:

— Где я?

Глаза их встретились. Лео хотел подняться, но не мог.

— Ты женщина, которая спасла меня? — продолжал он уже по-гречески, — скажи, не та ли ты царица, которую я так долго искал?

— Не знаю, — отвечала она, и голос ее звучал нежно-нежно. — Но я, правда, царица, ханша.

— Помнишь ли ты меня, царица?

— Мы видели друг друга во сне, — сказала она. — Должно быть, мы встречались когда-нибудь давно, в далеком прошлом. Я хорошо помню твое лицо. Скажи, как тебя зовут?

— Лео Винцей.

— Никогда не слышала этого имени, но тебя я знаю.

Лео опять впал в забытие. Тогда женщина снова пристально взглядела в его черты и, как бы не в силах сдержать себя, припала к нему и поцеловала его. Краска залила ее лицо до корня волос. Ей было стыдно за свой безумный поступок. Она оглянулась и увидела меня сидящим на кровати. Дело в том, что, пораженный тем, что происходило, я забылся и привстал, чтобы лучше слышать и видеть.

— Как ты осмелился? — гневно спросила она и вынула из-за пояса кинжал.

Видя, что настал мой последний час, я очнулся.

— Пить! Пить! Я весь горю! — сказал я дико, как в бреду, озираясь вокруг. — Пить дай мне, о Страж Двери!

С этими словами я беспомощно упал на подушки. Женщина спрятала кинжал, взяла кувшин с молоком и подала мне его. Я жадно припал к нему и пил большими глотками, чувствуя на себе взгляд ее жгучих глаз, в которых боролись страсть, ярость и страх.

— Ты весь дрожишь — тебе что-нибудь приснилось? — спросила она.

— Да, друг, — отвечал я, — пропасть и наш последний прыжок.

— Что еще?

— Ничего. Разве этого мало? О! Какое ужасное путешествие, чтобы приветствовать царицу!

— Чтобы приветствовать царицу? — с удивлением повторила она. — Что ты хочешь этим сказать? Поклянись, что ты ничего не видел больше во сне.

— Клянусь Символом Жизни, Огненной Горою и тобою, о древняя царица! — воскликнул я и сделал вид, что снова лишился сознания.

— Хорошо, что он ничего не видел, — прошептала она. — Жаль было бы отдавать в добычу "собакам смерти" человека, который пришел издалека посетить нас. Правда,

он стар и безобразен, но у него вид неглупого человека, который умеет молчать.

Я не знал, что значит "собака смерти", но дрожь пробежала у меня при этих намеках. Послышался стук в дверь.

VII

ИСПЫТАНИЕ ПЕРВОЕ

— Что поделявают больные, племянница? — спросил вошедший привратник.

— Оба в обмороке.

— А мне казалось, что они проснулись.

— Что ты слышал, Шаман? — гневно спросила она.

— Слышал, как вынимали из ножен кинжал и вдали лаяли "собаки смерти".

— Что ты видел, Шаман? — продолжала она допрашивать.

— Странные вещи, племянница. Однако люди приходят в себя от обморока.

— Да, — согласилась она. — Поэтому, пока вот этот спит, вели-ка его перенести в другую комнату. Другому больному будет больше воздуха.

— В какую комнату, ханша? — спросил он двусмысленно.

— Я думаю, — сказала она, — его надо поместить так, чтобы он мог поправиться. Он что-то знает. Кроме того, было бы опасно причинить ему зло, так как нам дали знать с Горы о приходе обоих странников. Но почему ты спрашиваешь?

— Говорю тебе, что я слышал лай "собак смерти". Я тоже думаю, что он много знает. Ищущая меда пчела должна высосать сок из цветка, пока он не увял. Не следует шутить с некоторыми приказаниями, хотя бы смысл их был нам непонятен.

Он вышел и позвал слуг, которые довольно бережно перенесли меня вместе с постелью в другую комнату, немного поменьше первой. Привратник пощупал мой пульс, покачал головою и вышел, закрыв дверь на ключ. От слабости я заснул на самом деле. Когда я проснулся, было совсем светло. У меня не было лихорадки, и я чувствовал себя бодрым и свежим. Я стал обдумывать происшествия прошлой ночи и понял, что нахожусь в опасности. Я слишком много узнал, и ханша догадывается об этом. Не упоминай я

о Символе Жизни и Огненной Горе, ханша, наверное, приказала бы Шаману отправить меня на тот свет, а он, конечно, не задумался бы исполнить ее приказание. Во всяком случае, надо быть осторожным и притворяться и далее ничего не знающим. Дальше я задумался над нашим положением. Уж не достигли ли мы цели, и не Аэша ли эта женщина? Лео еще в бреду, его словам не следует придавать значения, но вот ей-то кажется, что между ними обоими есть какая-то связь. Зачем она его поцеловала? Ведь эта женщина не какая-нибудь распутная и не станет же она заигрывать при смерти с больным человеком. Какой-то импульс, какое-то воспоминание прошлого побудило ее обнять его. Но кто же, кроме Аэши, мог помнить Лео в прошлом? А что, если Ку-ен и десятки тысяч его единоверцев правы, если на свете существует лишь известное число душ, и они меняют от времени до времени свою брентную оболочку, как мы меняем изношенное платье на новое? Тогда Лео мог быть некогда Калликратом, жрецом Изида, "которого любили боги и которому повиновались демоны". Тогда его могла любить в прошлом дочь фараона Аменарта. Внезапная мысль осенила меня. Что, если ханша и Аменарта одно и то же? Она узнала в Лео своего возлюбленного и хочет отклонить его от поисков Аэши. Горе нам, если это так! Во всяком случае, надо узнать истину.

Мои размышления были прерваны вошедшим в комнату стариком, которого ханша называла Шаманом, то есть кудесником.

Осведомившись о моем здоровье, Шаман сказал мне, что его зовут Симбри. Он наследственный Страж Двери, а по профессии придворный медик. Его искусству обязаны мы с Лео жизнью. Шаман тоже спросил меня, как меня зовут. Я назвал себя и поинтересовался, что он делал на берегу реки. Очутился он там не случайно. Он был предупрежден о нашем появлении и ждал нас.

— Это очень любезно с вашей стороны, — сказал я. Лейб-медик отвесил мне низкий поклон.

— Скажи, Холли, — спросил он, — как нашли вы дорогу в нашу страну, куда не заходят путешественники? Кого вы ищете здесь? Твой спутник говорил нам на берегу реки о какой-то царице.

— Разве? Это странно после того, как он нашел женщину с царственной осанкой, которая вытащила нас из реки.

— Ханша и в самом деле царица, Холли. Но как мог узнать это твой друг, лишившийся чувств, не понимаю. Не

могу понять также, каким образом вы говорите на нашем наречии.

— Это язык очень древний, и мы ему обучались в детстве. Вы говорите по-гречески. Не знаю только, как греческий язык проник в эти края.

— Я объясню тебе, — сказал Шаман. — Много поколений тому назад в местность южнее нашей пришел великий завоеватель. Его отбили, но один из его полководцев, родом из Египта, перешел горы и покорил нас. Победители принесли в страну свой язык и религию. Окруженные высокими горами и пустынями, мы живем без сношений с внешним миром, и наша царствующая династия до сих пор ведет свой род от того полководца.

— Завоевателя звали Александром, не правда ли?

— Да, а его полководца Рассеном. Его кровь течет в жилах ханши.

— Богиню, которой поклонялись завоеватели, звали Изидой?

— Нет, ее звали Гез.

— Это та же Изиды. В Египте ее культ угас. Скажи, у вас ей продолжают поклоняться?

— На той горе есть выстроенный в честь ее храм. Там служат ей жрецы. Но жители этой страны — огнепоклонники. Задолго до прихода Рассена они поклонялись огню вот той горы, поклоняются ему и теперь.

— Не живет ли там на огнедышащей горе богиня?

— Чужеземец Холли, я ничего не знаю о такой богине, — отвечал мне Шаман, пытливо вглядываясь в мое лицо. — Это гора священная. Проникнуть в ее тайны — значит умереть. Но зачем тебе знать все это?

— Потому что я интересуюсь древними религиями. Мы увидели Символ Жизни вот над той вершиной и пришли сюда изучить вашу религию, о которой сохранилась традиция среди ученых.

— Откажитесь лучше от своего исследования. На пути к горе вас ждут копыта дикарей и пасть "собак смерти". Да и нечего там изучать.

— Скажи, Шаман, что это за "собаки смерти"?

— Собаки, на съедение которым обрекают, по обычаю страны, преступников и тех, кто оскорбил хана.

— Ваш хан женат?

— Как же, на своей двоюродной сестре, которой принадлежало полцарства. Поженившись, они соединили оба царства. Однако довольно разговоров. Сейчас тебе принесут обед.

— Еще один вопрос. Скажи, друг Симбри, как я попал в эту комнату?

— Тебя перенесли сюда, когда ты спал. Разве ты не помнишь?

— Ничего не помню, — серьезно отвечал я. — А где мой товарищ и что с ним?

— Ему лучше. Жена хана, Афина, кормит его.

— Афина? — сказал я. — Это древнеегипетское имя означает "диск солнца". Тысячи лет тому назад жила женщина, которая носила это имя. Она была красавица.

— Разве моя племянница не хороша?

— Не знаю, — отвечал я, — я видел ее мельком.

Шаман ушел. Вошли слуги и принесли мне обед. Несклько позже пришла жена хана. Она замкнула дверь на ключ.

— Не бойся, — сказала она, заметив, что я испугался, — я не сделаю тебе ничего дурного. Скажи, кем тебе приходится Лео? Сыном? Впрочем, не может быть. Он так же мало похож на тебя, как свет на тьму.

— Он мой приемный сын, и я его люблю.

— Зачем вы пришли сюда? — спросила она.

— Мы ищем того, что пошлет нам судьба вот на той Огненной Горе.

— Гибель найдете вы там, — сказала она, побледнев. — У подножия горы живут дикари. Но, если вы даже спасетесь от них, за оскорбление святыни вас ждет смерть в вечном огне. На горе есть конгрегация жрецов.

— Кто стоит во главе ее — жрица?

— Да, жрица. Я никогда не видела ее лица. Она так стара, что скрывает свое лицо под покрывалом.

— Она носит покрывало? — нетерпеливо спросил я, вспомнив другую, которая тоже "была так стара, что скрывала свое лицо под покрывалом". — Все равно мы пойдем к ней.

— Это запрещено законом, а я не хочу, чтобы кровь ваша была на мне. Я не пушу вас.

— Которая же из вас сильнее, ты или жрица?

— Я могу выставить шестьдесят тысяч воинов, у нее только ее жрецы да горцы-дикари. Я сильнее.

— Не только силы на свете, что меч, — отвечал я. — Посещает ли жрица когда-нибудь Калун?

— Никогда. Между конгрегацией и моим народом заключен договор, по которому она не должна переступать реку. Точно так же и ханы Калуна восходят на гору лишь

для погребения своих близких, но и то безоружные и без войск.

— Кто же настоящий хозяин страны, хан Калуна или глава конгрегации Гез? — спросил я.

— В делах гражданских — хан Калуна, в вопросах совести — жрица Гез, наш оракул и голос свыше.

— Ты жена хана, не так ли?

— Да, — покраснела она, — мой муж сумасшедший, и я его ненавижу.

— Я так и знал.

— Разве Шаман Симбри сказал тебе? — проницательно взглянула она на меня. — Ты видел все. Лучше было бы, если бы я убила тебя! Что ты обо мне думаешь?

Я сам не знал, что и думать. В то же время я опасался мести жены хана.

— Я всегда ненавидела мужчин. Мои уста чище горного снега. В Калуне меня называют ледяным сердцем. А ты, может быть, думаешь, что я бесстыдное существо. — Она закрыла лицо руками и зарыдала. — Ты много знаешь, чужеземец, узнай же больше. Я сошла с ума, как хан. Это случилось тогда, когда я в первый раз увидела лицо твоего друга и вытащила его из реки. Тогда я...

— Полюбила его? — подсказал я. — Что же, это случается и не с безумными.

— О! Это не любовь, это что-то сильнее. Мною овладела какая-то роковая сила. Я вся его и только его. И, клянусь, он будет мой!

С этими словами жена хана вышла из комнаты. Как случилось, что страсть овладела ею так внезапно? Кто эта жена хана? За кого принимает ее Лео? О! Если бы я мог повидаться с ним раньше, чем он скажет решительное слово или сделает решительный поступок!

Три дня не видел я жены хана. Симбри сказал, что она уехала в город, чтобы подготовиться к встрече гостей. Я просил Симбри пустить меня к Лео, но он вежливо отказался. Я попробовал написать записку, но монгол-слуга отказался ее передать, а привратник сказал, что не станет передавать записок на незнакомом ему языке. Я стал серьезно беспокоиться за судьбу Лео и на третью ночь решил во что бы то ни стало разыскать его.

В полночь я встал, оделся, открыл дверь ножом и вышел. Когда меня переносили в мою комнату, я сосчитал шаги несших меня слуг. И вот теперь, пройдя тридцать шагов, я повернул налево, потом отсчитал еще десять шагов и повернул направо. Таким образом, я очутился перед

своим прежним помещением. Перед дверью стояла жена хана и запирала ее на ключ. Первою моею мыслью было бежать. Потом я прижался к стене, решив, если она меня заметит, признаться, что искал Лео. Жена хана прошла мимо и стала подниматься по лестнице. Что мне было делать? В комнату к Лео не попасть. Дверь закрыта на ключ. Я последовал за ханшей, надеясь узнать что-нибудь новое; в случае встречи я сказал бы, что ищу Лео, а там, что ждет меня — все равно. Кинжал так кинжал.

VIII

"СОБАКИ СМЕРТИ"

Бесшумно, как змея, пробрался я по винтовой лестнице на площадку перед дверью. Дверь была старая. Сквозь щели виднелся свет и слышались голоса Шамана Симбри и его племянницы. Я припал к щели и увидел обоих. Ханша была одета в великолепное пурпурное платье. На ее роскошных выющихся волосах была маленькая корона. Должно быть, недаром она так нарядилась. Симбри смотрел на нее серьезно. Взгляд его выражал сомнение и страх.

— Что произошло между вами? — спросил он. — Что ты узнала?

— Немного. Я спрашивала о цели их прихода. Он сказал мне, что ищет какую-то прекрасную женщину, и только. На мой вопрос, красивее ли она меня, он вежливо, но уклончиво ответил, что она непохожа на меня. Тогда я сказала ему, что слышу за самую красивую женщину в Калуне, что я жена хана, что я вытащила его из реки и что сердце подсказывает мне, что я та, которую он ищет.

— И что же? — спросил Симбри нетерпеливо и, видимо, не одобряя племянницу.

— Он допустил, что это возможно, так как та женщина могла возродиться, потом пытливо посмотрел на меня и спросил "прошла ли я через огонь?". Он захотел посмотреть мои волосы, вытащил из мешочка, который носит на шее, прядь волос и сравнивал. О! Симбри, что это за волосы? Они во весь мой рост, до пола длиною, мягкие, как шелк, и черны, как вороново крыло.

— Твои волосы прекрасны, — отвечал он, — но непохожи на эти!

— Может быть, — ответила я, — ни у одной женщины нет таких волос.

— Правда,— согласился он,— она была больше, чем смертная женщина.

— И как я ни пыталась его, больше я ничего не узнала. Разверни свои книги, маг, и найди в них, кто эта женщина, где она живет, чтобы я могла убить ее, если можно.

— Вот то-то, если можно,— отвечал Шаман.

— Прочитай мне еще раз послание главного жреца Ороса! — попросила она.

— "От Гезеи из Дома Огня Афине, жене хана Калуна,— начал он читать начертанное на пергаменте послание.— Сестра моя, до меня дошло, что с запада пришли спросить мой Оракул два чужеземца. В первый день следующего месяца ты с мудрым Шаманом, Стражем Дверей, должна встретить их на берегу реки там, где кончается их древняя дорога. Окажите им всяческую помощь и проводите их до Горы. Не желая нарушать наш договор, сама я не могу выйти им навстречу". Итак,— продолжал Симбри,— это не случайные путешественники. Их ожидает сама Гезея.

— Я тоже ждала их. Сердце чуяло, что они придут. Но не может же быть, чтобы они искали Гезею.

— В горах есть и другие женщины,— сухо возразил Шаман.

— Не пойдет он на Гору! — упрямо сказала жена хана.

— Гезея могущественна. На земле и в воздухе у нее есть слуги, которые ей повинуются. Они предупредили ее о появлении чужеземцев, они же доведут до ее сведения об их дальнейшей судьбе. Я ненавижу Гезею, но не советую тебе навлекать на себя ее гнев: он ужасен. Династия Рассенов испытала его уже раз. Она говорит, что они должны пойти на Гору...

— А я говорю, что он не пойдет. Пусть идет другой, если ему угодно.

— Скажи, Афина, зачем тебе этот пришелец? — спросил Шаман.— Ты хочешь сделать его своим любовником?

— Нет, мужем! — отвечала она, дерзко выдерживая его взгляд.

— Но он-то, по-видимому, не хочет. К тому же у тебя уже есть муж.

— Ты знаешь, Симбри, что у меня нет мужа,— сказала Афина, положив руку на плечо кудесника.— Заклинаю тебя узами нашего кровного родства, свари мне опять волшебный напиток...

— Чтобы нас еще более связали узы участников убийства? Нет, Афина, не хочу. Твой грех и так тяготееет на

мне. Ты прекрасна. Опутай этого человека своими сетями, если можешь, если же нет, пусть он идет дальше.

— Я не могу его отпустить. Рада была бы, если бы могла. Я люблю его и ненавижу его спутника. Но его сердце не лежит почему-то ко мне. О, великий Шаман, ты знаешь прошлое и будущее. Скажи, что тебе говорят звезды?

— Вот, что я прочитал в книге звезд, Афина: судьба того человека переплелась с твоею, ты права; но между вами стоит высокая стена, через которую я не могу проникнуть взором. Знаю только, что смерть сблизит его и тебя, и меня также.

— Пусть же тогда скорее приходит смерть! — гордо воскликнула Афина.

— Не радуйся торжеству и там. Неведомая Сила царит и за гробом. Внешнее око Гезеи читает в тайниках души.

— Слушай, старик, завтра же пошли на Гору гонцов. Пусть скажут Гезее, что прибыли два старых чужеземца, заметь хорошенько, старых, но что они очень устали и больны. Месяца через три, когда поправятся, они пойдут спросить Оракула. Может быть, она поверит. Но я хочу спать, у меня мозг болит. Дай мне сонных капель. Я тоже чувствую на себе чьи-то глаза.

Она обернулась. Я отскочил от двери и пополз вниз по лестнице. Я слышал, как Афина открыла дверь.

На следующее утро ко мне пришел Симбри и осведомился, как я спал.

— Как чурбан, — отвечал я.

— А между тем вид у тебя усталый, друг Холли, — заметил он.

— Меня мучил кошмар; это со мною случается. Но сам ты, Симбри, кажется, вовсе не спал?

— Не спал всю ночь, — вздохнул он. — Я был на своем посту у Дверей.

— О каких Дверях говоришь ты? Не о тех ли, через которые мы пришли?

— Я говорю о Дверях Прошлого и Будущего. Пожалуй, это те, которыми вы перешли от чудесного прошлого к неизвестному будущему. Я пришел сказать, чтобы ты был готов: через час вы пойдете в город.

— Отлично. Я здоров и могу идти. Но что с моим приемным сыном?

— Поправляется, поправляется. Впрочем, ты его увидишь сегодня.

Рабы принесли мне платье, и я переоделся. Слуги проводили меня по лестнице. Внизу я встретил Лео. Он был

еще бледен, но выглядел лучше, чем я ожидал. Одет он был так же, как я, только одежда его была из сукна лучшего качества. Он бросился ко мне и стал меня расспрашивать, где я был и здоров ли я. Симбри наблюдал за нами. Нам подали два запряженных пони паланкина. Рабы взяли пони под уздцы, и мы двинулись в путь.

Целую милю шли мы по узкому горному ущелью. Наконец на повороте перед нами открылся, как на ладони, Калун. По долине протекала широкая река. На севере возвышалась та самая огнедышащая гора, которая издали служила нам маяком. На краю кратера высился гигантский столб с петлеобразной вершиной, мрачно черневший на фоне голубого неба и вековых снегов горы. Мы смотрели со страхом на этот светоч нашей надежды. Там должна решиться наша судьба. Все наши спутники поклонились Горе и, чтобы отогнать от себя нечистую силу, скрестили большие пальцы обеих рук. Даже Симбри поклонился.

— Был ты когда-нибудь на Горе? — спросил Лео.

Симбри уклончиво покачал головой.

— Жители равнины не ходят на Гору! — сказал он. — По ту сторону реки живут дикари, которые часто угоняют наш скот и опустошают наши поля. Кроме того, раскаленная лава и огонь пугают путешественников. Когда горное божество разгневается, оно засыпает пеплом даже нашу страну.

— Какое это божество? — спросил Лео.

— Не знаю. Люди не могут видеть духов.

— У тебя, Шаман, такой вид, как будто ты с ними знаешься.

— Ты приписываешь мне слишком много. Мое искусство не так велико. Однако вот лодки ожидают нас; дальше мы поедem рекою.

Лодки были вместительные и удобные и предназначались не для весел, а для конной тяги. Тех же пони, которые везли наши паланкины, перепрягли к лодкам. К счастью, нас с Лео посадили вместе, и, кроме рулевого, в нашей лодке не было никого. За нами, в другой лодке, поехали вооруженные луками и мечами рабы, по виду солдаты.

— Наконец-то мы одни! — сказал Лео. — Помнишь, Гораций, мы так же точно на лодке вступили в страну Кор. Ничто не ново, и все повторяется.

— Не знаю, долго ли нас оставят вместе, — отвечал я. — Спешу скорее рассказать мне все, что было с тобою за это время. Мы беспомощные мошки, попавшие в паутину, рас-

кинутую пауком — женою хана. Шаман Симбри стережет нас.

— Вернемся к тому моменту, когда я висел, как паук на тонкой паутине, на веревке над пропастью. Мне казалось, что я сойду с ума, и, чтобы умереть в своем разуме, я перерезал веревку и полетел в бездну. А ты?

— Я хотел умереть вместе с тобою и прыгнул в пропасть.

— Добрый друг Гораций, — сказал Лео, и слезы навернулись у него на глаза.

— Оставим это. Расскажи лучше, что с тобою было дальше.

— О, это не особенно интересно. — Лео покраснел. — Я спал, а когда просыпался, видел у своего изголовья красивую женщину. Сначала я подумал, что это та, ну, ты знаешь! Она поцеловала меня. Но, может быть, это был сон?

— Это не был сон. Я сам видел.

— Жаль, если это так. Жена хана красавица. Я говорил с нею по-гречески. Аэша тоже говорила по-гречески. Не странно ли это? Раз ханша стала спрашивать меня про то, как мы сюда попали. Я сказал, что мы путешественники и не стал вдаваться в подробности, а спросил о тебе. Она сердилась, что не может ничего выпытать от меня, но и о себе сообщила только, что она жена хана. Но почему она так заинтересовалась мною, иностранцем, я не знаю. Вчера вечером она вошла ко мне, одетая в королевскую мантию.

Она была хороша, как сказочная царица. На распущенных каштановых волосах красовалась корона.

Она смотрела на меня и вздыхала, говорила, что мы когда-то в прошлом были знакомы и надеялась возобновить нашу дружбу. Я защищался как мог, но ты понимаешь, что это нелегко, когда лежишь беспомощно в постели, а над тобою склонилась и шепчет ласковые речи красавица. Кончилось тем, что я признался ей, что ищу свою жену, которую потерял.

Ведь Аэша моя жена, Гораций. В ответ мне она только улыбнулась и сказала, что мне незачем искать далеко, что она и есть моя жена, она-то и спасла меня, когда я тонул. По уверенности, с которой она говорила, было видно, что она не шутит, да и сам я начинал думать, что Аэша могла измениться. Вдруг я вспомнил про прядь волос Аэши и сравнил ее с волосами жены хана. Волосы оказались непохожими и гораздо длиннее. Жена хана переменила тон от зависти. Все, что в ней было дурного, всплыло наружу. Го-

лос зазвучал грубо. Аэша могла быть ужасна в своем гневе, как молния, но никогда не могла она быть груба и вульгарна. С этого момента я убедился, что жена хана и Аэша — не одно и то же. Я дал ей волю сердиться и упрекать и лежал спокойно. Наконец она ушла и закрыла за собою дверь на ключ. Вот и все, что со мною было.

— Молчи же и слушай теперь, что я тебе расскажу. Только будем говорить тише. Наш рулевой, наверно, шпион, кроме того, я чувствую у себя на спине взгляд Симбри. Надо торопиться, потому что неизвестно, долго ли нас оставят одних.

И я рассказал все, что знал.

— Кто же эта Гезея, которая послала письмо с Горы? — воскликнул Лео. — Кто жена хана?

— А ты как думаешь?

— Аменарта! — прошептал Лео нерешительно.

— Я тоже так думаю.

— Если старый буддийский монах Ку-ен помнит свое прошлое, почему бы этой женщине не помнить своего прежнего земного существования?

— Берегись, однако, Лео, чтобы не ошибиться. Я очень боюсь, что это искушение, за которым последуют и другие испытания. Горе тебе, если ты ошибешься!

— Знаю, — отвечал он. — Но не бойся, чем бы ни была для меня в прошлом жена хана — вопрос еще, была ли — все кончено. Я ишу Аэшу и только ее. Сама Венера не в силах соблазнить меня.

С надеждой и страхом вспомнили мы о таинственной Гезее, которая приказала Шаману Симбри выйти нам навстречу, и о могучей жрице, у которой есть слуги в воздухе и на земле.

Между тем лодка причалила к берегу, и Симбри перешел из своей лодки к нам. Наступала ночь, и Шаман, вероятно, боялся, как бы мы не бежали под ее покровом. Лодка поплыла дальше. В нескольких милях уже виднелись плоские кровли города, куда мы должны были прибыть к ночи.

Город был выстроен на островке, образовавшемся между двумя рукавами реки. В центре возвышалось здание с башнями, должно быть, ханский дворец. Город, как и вся страна, исстари назывался Калун, тогда как территория Горы в честь древнеегипетской богини носила наименование Гез.

Шаман рассказал нам, что на Горе живут жрицы и жрецы, конгрегация которых сменила еще более древнюю

конгрегацию огнепоклонников, устроившую святилище и храм.

— Кому же поклоняются там?

— Богине Гез, — сказал Симбри, — но мы мало знаем об этом культе. Между нами и горцами — вечная вражда. Они убивают нас, мы их. Они ревниво оберегают свою святыню, позволяя восходить на гору только тем, кто желает спросить Оракула или принести жертву во время неурожая, засухи, землетрясения или другого народного бедствия. Мы же, если на нас не нападают, не трогаем их. Мы — трудолюбивый земледельческий народ и любим мир.

Действительно, на пастбищах спокойно паслись стада; поля были засеяны. Одетые в длинные серые одежды поселяне возвращались после трудового дня в свои обсаженные тополями деревни. Какой контраст представляла эта плодородная равнина с бесплодными пустынями, которые мы недавно прошли! Утопавший в лучах заходящего солнца пейзаж несколько напоминал Голландию. Вполне понятно, что проникшие через кольцо увенчанных снегами гор в эту прелестную страну завоеватели не хотели идти дальше, а поселились здесь, взяли себе жен из покоренного племени и решили жить здесь и умереть.

Стемнело. Клубы дыма над Огненной Горой озарились светом вулкана. Чем гуще становился мрак, тем ярче горело зарево. Из гигантского ока Символа Жизни струились лучи и, бросая далеко-далеко полоску света, освещали вершины гор. Полоска эта тянулась высоко на небе, над крышами города Калуна, через реку, через горы. Зрелище было великолепное. Наши спутники-туземцы испуганно зашептали молитвы. Они считали пламя над Горою дурным предзнаменованием.

— Разве это пламя не всегда светит? — спросил Лео.

— Нет, редко. Много лет не видели мы его. Три месяца тому назад оно показалось впервые и сегодня во второй раз, — отвечал Симбри. — Мы молимся, чтобы какое-нибудь бедствие не посетило Калун.

Через несколько минут пламя погасло, но на небе еще несколько минут оставалось отражение. Взошла луна. Только всплеск весел нарушал тишину ночи. Вдруг издали донесся лай собак. На восточном берегу реки раздался топот копыт. Шум все приближался. И вот мы увидели скачущего на белой лошади всадника. Он обернулся на мгновение к реке, и при лунном свете мы увидели на его лице выражение смертельного отчаяния. Он промчался, как молния, вынырнул из тьмы на мгновение и быстро погру-

зился в нее снова. Но за ним помчалась ужасная погоня — страшные рыжие собаки, целая сотня собак.

— "Собаки смерти"! — воскликнул я, хватая Лео за руку.

— Да, — отвечал он, — они преследуют этого несчастного. А вот и охотник.

Он ехал на великолепном коне. Ветер развеивал его плащ. Он взмахивал по воздуху бичом. Когда охотник оглянулся, лунный свет упал на него, и мы увидели лицо безумного.

— Хан, хан! — испуганно сказал Симбри и поклонился.

Но хан ускорил, за ним последовали егеря; я насчитал их восемь человек.

— Что это значит, друг Симбри? — спросил я.

— Друг Холли, так хан наказывает тех, кто его прогневил.

— Что мог сделать этот несчастный?

— Человек этот знатный; он приходится сродни самому хану. А вина его в том, что он полюбил ханшу и предложил ей объявить войну хану, если она согласится выйти за него замуж. Но она ненавидела его, как ненавидит всех мужчин. Вот и все.

— Счастлив хан, у которого такая добродетельная жена, — сказал я.

Старый Шаман пытливо посмотрел на меня.

Лай собак снова приблизился. Несчастный всадник еще раз проехал мимо нас. Его лошадь была измучена вконец. И вот огромная рыжая собака впиалась ей в бок. Несчастное животное закричало от боли. Тогда всадник спрыгнул с лошади и побежал к берегу, надеясь, вероятно, спастись у нас в лодке, но он не успел добежать; собаки настигли и растерзали его. Не стану описывать, что было дальше: слишком ужасны были эти рыжие волкодавы, и слишком ужасен был хохот сумасшедшего хана, натравливавшего их на добычу.

IX

ПРИ ДВОРЕ ХАНА

Мы продолжали путь с горечью на сердце. Не мудрено, что жена хана не любит мужа. Женщина эта влюблена в Лео, а мы видели, как ревнивый хан мстит своим соперникам. Приятная перспектива, что и говорить!

Между тем лодка причалила. Мы прошли через ворота в высокой городской стене и пошли по вымощенной камня-

ми улице. Дома ничем не отличались от обычных построек Центральной Азии. Нас, по-видимому, ожидали. Любопытные толпились на улицах, выглядывали из окон и с крыш домов. Миновав рыночную площадь, мы вошли в калитку во внутренней стене и очутились среди садов. Вот мы и перед выстроенным в египетском стиле дворцом с двумя массивными башнями.

Проникнув во внутренний двор, окруженный верандой, на которую выходили двери всех внутренних покоев, мы прошли в назначавшиеся для нас богато, но безвкусно убранные комнаты. Здесь Симбри оставил нас. Рабы переодели нас в белое, подбитое горностаем платье, и проводили в большой, хорошо натопленный зал с колоннами, стены которого были увешаны коврами. Посреди зала, под балдахином, был накрыт узкий длинный стол. На нем стояли золотые и серебряные кубки и тарелки. Ударили в гонг, и в дверях показались вельможи. Все они были одеты в белое, как мы. С ними были и женщины, из которых большинство хорошенькие. Нам кланялись, мы отвечали на поклоны. Раздался звук литавр. Из-за портьеры показались хан с женою, впереди шли герольды в зеленых ливреях и Симбри, сзади следовали другие придворные. Взглянув на хана, никто бы не узнал в нем зверя, который травил собаками своего ближнего. Это был отяжелевший, грубоватый, но довольно красивый мужчина. Непokoйные, бегающие глаза изобличали в нем недалекого человека. Жена его была все также красива, только лицо ее было несколько утомлено. Румянец вспыхнул на ее щеках, когда она увидела нас. Она знаком подозвала нас и представила мужу.

— Любопытное старое животное! — захохотал хан, глядя на меня. — Мы с тобой, кажется, не встречались еще?

— Нет, великий хан, — отвечал я, — но я видел тебя сегодня на охоте. Удачно ли ты охотился?

— Отлично, — сказал он, оживляясь, — мои собаки поймали-таки его.

— Довольно, — властно остановила его жена.

Хан отшатнулся от нее и тогда только заметил Лео.

— Не тебя ли это навещала Афина у Дверей Калуна? — спросил он, с любопытством вглядываясь в красивые черты моего друга. — Теперь я понимаю, почему она так интересовалась тобою. Смотри же, будь осторожен, чтобы мне не пришлось охотиться за тобою.

Лео вскипел и хотел отвечать, но я остановил его, сказав, что он имеет дело с сумасшедшим.

Жена хана посадила Лео с собою рядом, меня — по другую сторону, рядом с Симбри. Хан сел несколько дальше между двумя самыми хорошенькими дамами.

Блюд было много, но они были грубые. Главным образом подавали рыбу, баранину и сладкие кушанья. Присутствующие ели и пили много хмельного, приготовленного из хлебного зерна, напитка. Обменявшись со мною из вежливости несколькими словами, ханша занялась всецело соседом Лео. Я стал беседовать с Симбри. Он рассказал мне, что в Калуне почти нет торговли, потому что нет сношений с другими странами. С тех пор как подгнили и обрушились мосты через пропасть, Калун совершенно отрезан от мира. В стране нет даже денег; торговля ведется только меновая; даже доход собирают натурою. Население, судя по желтому цвету лица, вероятно, монгольского происхождения. Страною управляют ханы, которые ведут свой род от Александра, но в жилах которых течет и монгольская кровь. На престоле Калуна могут быть и женщины. Мало-помалу династия вымирает. Народ поклоняется огню, а его правители верят в волшебство и привидения, но это подобие религии вымирает вместе с ними. Ханша Афина — последний отпрыск прямой линии царствующего дома, и народ больше любит ее, чем хана. Она много помогает бедным и потому очень популярна. Подданные жалеют только, что у нее нет детей, и с ее смертью опять начнутся споры и войны из-за престолонаследия.

— Народ желал бы, — сказал Симбри, многозначительно взглянув на Лео, — чтобы ненавистный им хан умер, а жена его, пока молода, вышла замуж за другого. Хан знает это, потому он так ревнив. Рассен знает, что, стоит его жене полюбить кого-нибудь, это будет для него смертным приговором.

— Значит, он ее любит? — сказал я.

— Может быть, но она не любит ни его, ни кого-либо из них, — Симбри показал взглядом на сидевших за столом вельмож.

Между тем гости значительно охмелели. Сам хан откинулся на спинку кресла; одна из его хорошеньких соседок обвила рукою его шею, другая подавала ему бокал с вином. Пили все, даже женщины. Взгляд Афины упал на пьяного хана, и на красивом лице ее выразилось презрение.

— Отчего ты не почистишь немного свой двор? — спросил он.

— Потому что тогда ничего не осталось бы. Эти люди живут в лениости трудами народа. Но вино и роскошь погубят их. У них мало детей, да и те, которые есть — слабые и больные. Но я вижу, вы устали. До завтра.

Мы встали, поклонились Афине и ушли в сопровождении Симбри.

— Вы думаете, мы навеселе? — закричал нам вслед хан. — Отчего бы нам и не повеселиться? Никто не знает, долго ли он будет жить. А тебе, рыжебородый, советую не заглядываться на Афину. Она мне жена, и я, так и знай, не спущу тебе.

Гости захохотали. Симбри схватил Лео под руку и поспешно увел его.

— Не бойся, — успокоил он Лео. — Пока ты под защитой жены хана, ты в безопасности. Она — настоящая правительница страны, а я самый близкий к ней человек.

— Тогда постарайся устроить так, чтобы нам не встречать этого пьяного человека, — сказал Лео. — Я имею обыкновение защищаться, когда на меня нападают.

— Никто тебя за это не осудит, — загадочно улыбнулся Симбри.

Мы легли и заснули. Утром нас разбудил лай ужасных собак. Должно быть, их кормили.

Мы прожили в Калуне три месяца, самое ужасное время нашей жизни. В сравнении с этим пребыванием наши утомительные странствия по снежным степям казались наслаждением, а пребывание в монастыре — раем. Но не стану подробно рассказывать об этом пребывании. Отмечу лишь важнейшие события.

В полдень Афина прислала нам двух белых верховых лошадей, и мы поехали с нею вместе на прогулку. Она показала нам псарню, где за железными решетками сидели собаки хана. Никогда не видывал я таких огромных собак. Тибетские дворовые собаки в сравнении с ними показались бы комнатными собачками. Были тут рыжие и черные. Они бросались на железную решетку, как разъяренные волны на прибрежный утес. Они слушались только своих псарей да хана. Преступников и осужденных отдавали на съедение этим зверям. С ними же охотился хан за теми, кто имел несчастье навлечь на себя его гнев.

Мы объехали затем вокруг города по стене, представлявшей собою род бульвара. Местами стена обрушилась, и надо было ехать осторожно. Отсюда открывался вид на равнину и реку. Самый город не представлял ничего интересного, и мы переехали через мост на другой берег реки.

Тут перед нами замелькали прекрасно обработанные поля с целою системою ирригации. Там, куда вода не достигала естественным путем, для подъема ее были устроены колеса. Иногда воду таскали на своих плечах женщины. Афина рассказала нам, что население так быстро увеличивается, что людям становится тесно жить и им пришлось бы убивать друг друга, если бы периодические неурожай и голод не уменьшали число жителей.

— А нынче какой будет год? — спросил Лео.

— Опасаются неурожая, — отвечала она. — Мало дождей, а пламя над Горой предвещает, по народному поверью, засуху. Только бы народ не подумал, что это наше появление принесло стране несчастье.

— Если они станут нас преследовать, — засмеялся Лео, — мы убежим на Гору.

— Разве вы ищете смерти? — мрачно спросила она. — Пока я жива, я не позволю вам перейти реку. Такова моя воля. А теперь вернемся домой.

На этот раз нас не позвали в столовую, и мы обедали у себя. Чтобы нам не было скучно, к нам пришли Афина и всюду следовавший за нею Шаман. Она сказала нам, что хан задал пир, который будет продолжаться целую неделю, и она не хочет, чтобы мы были свидетелями всей низости ее двора. Мы провели довольно приятно несколько вечеров. Рассказывали об Англии, о странах, по которым путешествовали, об Александре Завоевателе и о древнем Египте. Афина слушала, не отрывая глаз от Лео. Так беседовали мы до полуночи.

Фактически мы жили во дворце, как в тюрьме. Когда же мы выходили в другие дворцовые помещения, нас окружали придворные и досаждали нам своими расспросами. Придворные дамы стали ухаживать за Лео, посылать ему цветы и письма, назначая свиданья. Стоило нам показаться на улицу, чтобы за нами собралась целая толпа любопытных. Только прогулки за город вместе с женою хана были сравнительно приятны, но, опасаясь ревности мужа, Афина скоро прекратила их. Мы стали ездить в сопровождении солдат, которые должны были предупредить нашу попытку к побегу. Между тем началась засуха, и крестьяне толпами преследовали нас, требуя, чтобы мы вернули им дождь: они считали нас виновниками своего бедствия. Оставалось только заниматься рыбной ловлей на реке да издали смотреть на Огненную Гору, мечтая о возможности бежать или хоть как-нибудь снестись с жрицею. Нас мучила мысль о дальнейших поисках, о достижении цели наше-

го путешествия. Все время я старательно оберегал Лео от Афины, ни на минуту не оставляя их одних, и с той ночи в жилище привратника она не говорила ему о своей любви; но я хорошо знал, что страсть ее не погасла и что скоро прорвется. Я угадывал это по ее словам, движениям и трагическому выражению глаз.

Х

У ШАМАНА

Раз Симбри пригласил нас откушать у него.

Жил он в башне дворца. Мы не предвидели тогда, что здесь суждено разыгаться последнему акту драмы. Под конец обеда Лео попросил Шамана ходатайствовать перед ханшей, чтобы она отпустила нас, но старик посоветовал нам поговорить с нею самим.

— Кажется, Афина несчастлива в замужестве? — начал Лео.

— Ты прозорлив, друг, — отвечал Шаман.

— И, кажется, она взглянула на меня благосклонно? — продолжал Лео, краснея.

— Ах! Ты запомнил кое-что из того, что произошло в домике у Дверей!

— Я запомнил также кое-что, относящееся до тебя, Симбри, и до нее.

— Ну и что же? — спросил Шаман.

— А то, что я вовсе не желаю компрометировать первую женщину в вашем государстве.

— Это благородно, впрочем, здесь смотрят на такие вещи несколько иначе. Все были бы рады, если бы Афина вышла замуж за другого.

— При жизни хана?

— Все люди смертны. Хан шибко пьет последнее время.

— Ты хочешь сказать, что людей можно устранить? — сказал Лео. — Так знай же, я никогда не совершу подобно-го преступления.

При этих словах послышался шорох. Мы обернулись. Из-за завесы, за которою стояла кровать Шамана, хранились его гороскопы и другие инструменты, вышла ханша.

— Кто говорил о преступлении? — спросила она. — Не ты ли, Лео?

— Я очень рад, что ты слышала мои слова, повелительница, — отвечал Лео, глядя на нее в упор.

— Я только больше тебя уважаю за них. Я сама далека от мысли о преступлении, но то, что предопределено, — сбудется.

— Что именно? — спросил Лео.

— Скажи ему, Шаман.

Симбри взял свиток и прочитал: "Раньше следующего новолуния хан Рассен умрет от руки чужеземца, который пришел в страну из-за гор", — так начертано в книге звезд.

— В таком случае звезды лгут, — возразил Лео.

— Как угодно, — сказала Афина, — только он умрет не от моей руки или руки моих слуг, а от твоей.

— Отчего непременно я, отчего не Холли убьет его? Но если так, то меня, конечно, жестоко накажет его опечаленная вдова...

— Ты смеешься, Лео Винцей. Ведь ты знаешь, какой мне муж хан!

Мы с Лео оба почувствовали, что нам не избежать объяснения.

— Говори, царица, говори все, — сказал Лео решительно, — может быть, лучше высказаться.

— Хорошо же! Что было раньше, я не знаю, я скажу только то, что открылось мне. С раннего детства, Лео, образ твой носился передо мною. Когда я в первый раз увидела тебя у реки, я узнала тебя. Я видела тебя раньше во сне. Раз, еще маленькой девочкой, я заснула на траве на берегу реки, и ты пришел ко мне, только лицо твое было тогда моложе. С тех пор ты часто снился мне, и я привыкла считать тебя своим. Долго тянулись годы, и я чувствовала, что ты медленно приближаешься, ищешь меня, идешь ко мне, минуя холмы, пустыни, равнины, снежные степи. Три месяца тому назад мы сидели здесь вдвоем с Симбри; он учил меня читать в книге прошлого, и вот мне было видение. Я увидела тебя и твоего друга над обрывом. Я не лгу. Все это записано в свитке.

"Боясь, что вы погибнете, мы поспешили с Симбри к реке и действительно увидели вас". Остальное вы знаете. Мы видели, как вы качались на веревке над пропастью, как ты, Лео, бросился в пропасть первый, а за тобою последовал твой храбрый товарищ.

Я спасла из воды тебя, свою давнишнюю, вечную любовь. Я предчувствовала опасность, которая тебе грозила. Моя рука спасла тебя, неужели ты оттолкнешь от себя меня, царицу Калуна?

Она глядела на Лео с мольбою и ожиданием.

— Благодарю тебя, Афина, за то, что ты спасла меня, хотя, может быть, было бы лучше, если бы я утонул. Но, если все, что ты говоришь, правда, скажи, почему ты вышла замуж за другого?

Она отшатнулась, как будто кто-то кольнул ее ножом в сердце.

— Не брани меня, — жалобно сказала она, — я сошлась с этим безумцем из политики. Меня уговорили выйти за него. Даже ты, Симбри, — будь ты проклят за это, — советовал мне вступить в брак с Рассеном, чтобы прекратить войну. Ты говорил мне, что мои сны — простая фантазия. Я уступила для блага своего народа.

— И своего собственного, — сказал Лео. — Я не осуждаю тебя, Афина. Однако ты говоришь, что я должен разрубить узел, убив твоего мужа, которого ты сама избрала. Ты говоришь о судьбе, но эту судьбу ты устроила сама. Твой сон и видение, которое заставило идти тебя на берег — вымысел. Ты пришла на берег, потому что так приказала тебе Гезея.

— Кто тебе сказал? — удивилась Афина.

— Я знаю еще многое другое. Напрасно ты обманываешь меня, Афина!

Ханша побледнела.

— Кто мог сказать тебе? — прошептала она. — Уж не ты ли, волшебник? Если ты, я узнаю это и отомщу тебе, не посмотрю на то, что в жилах наших течет одна кровь.

— Афина, Афина! — взмолился Симбри, — ты знаешь, что я ничего не говорил.

— Так, значит, это ты, старая обезьяна, — обратилась она ко мне. — Напрасно я тебя не убила. Но это дело поправимое!..

— Уж не думаешь ли ты, что я тоже волшебник? — спросил я.

— Да, я это думаю. Тебе покровительствует какая-то богиня, которая живет в огне.

— Если так, с нами шутить нельзя, Афина, — сказал я. — Отвечай же, что сказала Гезея на ваше извещение о нашем прибытии в страну?

— Слушай, — перебил нас Лео, — хочешь ты или не хочешь, а я пойду спросить Оракула на Огненной Горе. Посмотрим, кто сильнее, ты или Гезея.

— Ты непременно хочешь пойти туда? — засмеялась ханша. — Там ты найдешь огонь, и только. Ты не встретишь прекрасного существа, которое могло бы очаровать тебя. Слушайте, странники, наша страна — земля чудес и

тайн, непостижимых для пришельцев. Пока я жива, нога ваша не ступит на Гору. Лео Винцей, я знаю, что ты пришел сюда не для меня, как я о том мечтала, а для какого-то демона в образе женщины, которую ты никогда не найдешь. Довольно просьб. Не стану унижаться. Ты узнал слишком много. Подумай до завтрашнего дня о том, что я тебе предложила, и дай мне ответ, согласен ли ты быть моим и царствовать вместе со мною, или же ты предпочитаешь умереть вместе с твоим другом. Выбирай между моею любовью и мстью! Я не позволю чужеземцу насмеяться над собою!

Она говорила тихо. Слова ее срывались с уст, как капельки крови из раны. Наконец она замолчала. Никогда не забуду я этой сцены. Старый кудесник смотрел на всех нас своими выцветшими глазами, как ночная птица. Лицо ханши дышало гневом, взгляд ее — мстью. Холодный, решительный Лео боролся с нею своею железною волею. А я, которого Афина ненавидела, стоял и ждал себе скорого приговора.

Но вот огонь лампы замигал. Где-то открылась дверь. Я увидел, что из темноты кто-то приближается к нам неслышною поступью. Это был хан. Войдя в полосу света, он дико захохотал. Жена взглянула на него. Я подивился хладнокровию этой женщины. Лицо ее не отразило ни страха, ни гнева.

— Что ты тут делаешь, Рассен? — спросила она. — Ты выслеживаешь меня? Ступай к своим придворным дамам и пей! Ты смеешься? Что тебя так развеселило?

— Отчего смеюсь? Я только что слышал, как первая женщина в стране, гордая ханша, которая боится, чтобы "придворные дамы" не запятнали ее платье своим прикосновением, моя жена, которая, заметьте это, сама просила меня, чтобы я на ней женился, потому что я ее двоюродный брат и соперник по престолонаследию, она предлагалась неизвестному страннику, который ненавидит ее и жаждет бежать от нее! Он отказал ей, как я не отказал бы последней женщине во дворце! — Хан захохотал. — Слышал я также, что она называет меня сумасшедшим. Меня сделал сумасшедшим старый колдун Симбри, он влил отраву в мой кубок на свадебном пиру. Он дал мне зелья, которое меня отвратило от Афины, и я действительно ненавижу ее, я не выношу ее прикосновения, не могу быть с нею в одной комнате... В воздухе вокруг нее пахнет волшебством. Кажется, и ты, рыжебородый, — обратился он к Лео, — чувствуешь то же? Ну, так попроси у старой крысы любов-

ного зелья; когда ты его выпьешь, Афина покажется тебе чистой, кроткой, прекрасной, и вы проведете несколько приятных месяцев. Не отвергай напитка, который тебе предлагают. Пей до дна! Только на другой день ты почувствуешь, что он отравлен кровью мужа. — И безумный хан снова разразился хохотом.

Афина выслушала все эти оскорбления молча.

— Прошу прощения, — обратилась она к нам спокойно. — Вы пришли в порочную страну. И вот ее глава, ее цвет. Рассен, ты не уйдешь от своей судьбы, и я тут ни при чем. Когда-то на очень короткое время мы были близки, но это было давно. Теперь ты пресмыкаешься в моем доме, как змея. Если бы я хотела, отравленный кубок давно излечил бы твоё безумие и заставил бы замолчать твоё ядовитое жало. Пойдем, Симбри! Мне стыдно и горько.

Шаман подошел к ней.

— Слушай, Рассен, — сказал он хану. — Твоя мать — дурная женщина. Отца твоего никто, кроме меня, не знал. В ночь, когда ты родился, над Горой показалось пламя и звезды померкли. Я был на твоей свадьбе. На свадебном пиру ты напился пьян и обнимал распутную женщину. Ты правил, разоряя страну, опустошая ради твоей забавы поля и пуская людей по миру. Но скоро ты будешь плавать в своей крови, ты развяжешь эту благородную женщину, твоё место займет более достойный, у них будет потомство, и в стране воцарится мир.

Шаман говорил с горечью. Хан несколько раз пытался поразить его своим коротким мечом, но не сделал этого; не мог; он выносил обиду, как собака выносит удары хлыста от своего господина. Мало-помалу он отступил в дальний угол комнаты и упал на землю, а Симбри взял Афину под руку, и они вышли. У порога массивной железной двери Симбри остановился.

— Хан Рассен, я тебя возвысил, теперь я тебя низвергаю. Вспомни мои слова, когда будешь плавать в своей крови!

Когда вдали замер звук шагов, хан, боязливо озираясь, выполз из своего угла.

— Ушли крысы? — спросил он.

Испуг отрезвил его, и рассудок вернулся к нему.

— Вы считаете меня трусом? — продолжал несчастный. — Да, я боюсь их обоих. Они отняли мою силу, мой разум своим волшебством. Я был когда-то могуч, благороден душою, владел половиною царства. Но я полюбил ее проклятую красоту. Она же искала выйти за меня замуж и при-

слала ко мне сватом эту старую крысу. Я прекратил войну и женился на ханше. Лучше было бы мне быть последним кухонным мужиком, чем войти в опочивальню царицы в качестве ее супруга. Она ненавидела меня. И чем сильнее я любил, тем сильнее она ненавидела. Наконец, на свадебном пиру она дала мне напиток, который отвратил меня от нее, но в то же время иссушил мой мозг ядом безумия.

— Если она тебя ненавидела, — спросил я, — почему она не отравила тебя насмерть?

— Из расчета. Ведь полцарства принадлежало мне. Кроме того, я был ей нужен. При моей жизни народ не мог заставить ее выйти замуж за другого. Она не женщина, а колдунья. Она хочет жить одна. Так думал я, по крайней мере, до сегодняшней ночи, — при этих словах хан взглянул на Лео. — Она знала также, что хотя я чуждаюсь ее, в душе я все-таки люблю, ревную и могу защитить ее. Она нарочно натравила меня на человека, которого я недавно загнал своими собаками. Теперь я знаю, отчего она всегда казалась такой холодной. Она берегла пыл своей души, чтобы растопить лед твоего сердца.

— Кажется, ты видел, хан, что этот лед несколько не растаял, — сказал Лео.

— Да, пока, если ты не лжешь. Но дай пламени разгореться побольше, и лед растает. Может ли кто-нибудь из смертных противиться желанию Афины?

— Говорят, что я должен убить тебя, хан, но я не ищу твоей смерти; не хочу я отнимать у тебя и твоей жены. Мы давно жаждем уйти из этого города, но нас не пускают. Нас стерегут, как пленников, и днем, и ночью. Отпусти нас на свободу, хан! Это в твоей власти.

— Куда же вы пойдете, если я отпущу вас на свободу? — спросил хан. — Страна наша оцеплена горами. Только птицы могут перелететь через них.

— Мы уйдем на Огненную Гору, — сказал Лео.

— Кто же из нас не в своем уме? — удивился хан. — Я или вы? Я не верю вам. А впрочем, если правда, что вы пойдете на Гору, вы приведете на нас врагов и завоюете нашу землю.

— Нет, — возразил Лео. — Я говорю тебе честно, как мужчина мужчине, мне не нужно твое царство, как не нужна твоя жена. Будь же разумен, отпусти нас и живи себе с миром.

Хан задумался, потом вдруг опять захохотал.

— Что скажет Афина, когда узнает, что ее птичка улетила? Она рассердится на меня и станет искать вас.

— Пусти нас поскорее, тогда погоня не настигнет нас.

— Ты забываешь, что ханша и ее старая крыса знают все. Они найдут вас. А все-таки любопытно, как она хватится своего рыжебородого, — и хан представил, как Афина будет искать беглеца. — Хорошо же, собирайтесь в путь, через полчаса я приду за вами.

XI

ОХОТА И СМЕРТЬ ХАНА

Вернувшись к себе, мы переоделись в дорожное платье, взяли с собою съестных припасов и охотничьи ножи, чтобы было чем защититься в случае, если хан замыслил убить нас. Смех хана еще звенел у нас в ушах — то был недобрый смех. Хан внушал нам мало доверия.

— Однако ему все же хочется избавиться от нас, — сказал я.

— Живые всегда могут вернуться, — возразил Лео.

— Афина думает иначе.

— Но и она угрожала нам смертью.

— Это стыд и страсть ослепляли ее.

Мы замолчали. Скрипнула дверь, и, кутаясь в большой плащ, вошел хан.

— Идем, — сказал он, — зачем вы берете с собою оружие? Ведь вы не на охоту идете!

— Но, может быть, на нас будут охотиться, — заметил я.

— В таком случае вам лучше оставаться здесь и ждать, когда ханша откроет клетку и выпустит вас.

— Не думаю, — отвечал я, и мы последовали за ханом.

Мы прошли веранду, внутренний двор, сад и потайною калиткою, ключ от которой был у Рассена, вышли из двorca. Когда мы проходили мимо псарни, собаки почуяли нас и бешено залаяли. Я вздрогнул, опасаясь, что они разбудят стражу, но хан подошел к собакам и успокоил их: они узнали его и замолчали. Хан велел нам спрятаться в тени арки и ушел. Мы опять заподозрили, не пошел ли он за убийцами, но скоро слышали топот копыт и увидели хана, ведущего под уздцы белых лошадей, которых нам дала Афина. Он сам оседлал их, велел нам, чтобы нас не узнали, хорошенько закутаться в плащи и следовать за ним. Мы ехали окраиною города, пользовавшеюся дурною славою. Кое-где нам попадались подкутившие люди и ночные бабочки, откидывавшие при нашем приближении свои по-

крывала. Мы спустились к реке, и так как мосты охранялись стражей, а мы избегали их, то хан указал нам на большую лодку, на которой мы могли переправиться вместе с лошадьми.

Едва мы успели отъехать от берега, хан закричал нам вслед:

— Ступайте, проклятые странники! Молите Горного Духа, чтобы старая крыса и его племянница, твоя возлюбленная, рыжебородый, не увидела вас в свое волшебное стекло, а то мы можем опять встретиться.

Быстрое течение подхватило нашу лодку и вынесло ее на середину реки.

— Спешите, спешите! — кричал хан. — Смерть гонится за вами по пятам.

— Не лучше ли нам причалить к берегу и убить этого злого человека? — сказал Лео.

Он говорил по-английски, но сумасшедший хан чутьем догадался о значении его слов и, крикнув, что мы опоздали, пустился бежать так, что только плащ его развевался.

С трудом добрались мы до противоположного берега, высадились, сели верхом и поехали, направляясь к Горе, над которою поднимался столб освещенного пламенем дыма. Пришлось ехать по полям, и сначала мы подвигались медленно. Наконец мы выехали на дорогу. Луна спряталась за тучи, и стало так темно, что мы спешили и повели лошадей под уздцы, позволяя им пощипать травы. Но вот занялась заря и окрасила в пурпур снежные вершины гор. Ночь прошла, и на сердце стало веселее. Ненавистный город остался за нами. Мы ушли от прекрасной, страстной ханши, старого Шамана и сумасшедшего хана, этого деспота-мученика, чудовища злобы и труса. Перед нами поднимались огненный светоч и снежная вершина таинственной Горы, которую мы искали столько лет. Наконец-то мы разгадаем загадку или умрем. Бодро шли мы вперед навстречу своей судьбе.

Мы ехали мимо полей и деревень. Поселяне бросали работу и смотрели нам вслед. Женщины брали на руки детей и убегали при нашем приближении. Нас принимали за придворных вельмож и боялись нас. Очевидно, народ много терпел от этих притеснителей. Между тем мы несколько приблизились к вулкану. Дорога шла в гору. Не имея возможности орошать эту местность, крестьяне, обрабатывая поля, надеялись здесь только на дожди. Но лето стояло сухое, и рожь высохла раньше, чем успела заколоситься. Уныло бродили бедняки-землепашцы по своим нивам. Уви-

дев нас, они узнали в нас чужеземцев, которые, как он думали, принесли им бездождие, и стали преследовать нас, требуя, чтобы мы послали дождь. Женщины и дети падали перед нами на колени и с мольбою указывали нам на Гору на ярко-синее безоблачное небо. Раз толпа чуть не преградила нам путь, и мы прорвались только благодаря скорости своих лошадей. Чем дальше ехали мы, тем бесплоднее становилась местность, тем реже было население. Наконец только изредка стали попадаться стада. Должно быть, мы достигли границы территории хана. На рубеже Калуна возвышалось несколько каменных башен, но гарнизона в них не было. Вероятно, форты эти были выстроены в древние времена. К вечеру мы дали отдохнуть лошадям, надеясь, лишь только выглянет луна, пуститься в дальнейший путь. Медлить было невозможно: наверно, Афина уже заметила наше отсутствие и выслала за нами погоню. Пока мы закусывали, лошади наши паслись поблизости. Одна из них начала валяться на земле, как это делают животные, и я заметил, что ее подковы окрашены в красный цвет. Думая, что животное порезало ногу, я подошел поближе. Действительно, копыто и стрелка ноги лошади были окрашены каким-то составом крови с мускусом или другим пахучим веществом. Точно так же окрашены были и копыта другой лошади. У меня мелькнула страшная мысль, что хан нарочно велел смазать копыта наших лошадей пахучей смесью, чтобы собаки могли выследить нас. Мы поспешили оседлать своих скакунов, как вдруг вдали послышался лай собак.

— "Собаки смерти"! — воскликнул Лео, бледнея.

— Да, наш друг хан собирается охотиться на нас, — отвечал я. — Недаром он смеялся!

— Что нам делать? — спросил Лео. — Не лучше ли бросить лошадей?

— Мы это сделаем в крайнем случае. До Горы еще несколько миль. Пешком нам никак не добраться.

Мы поскакали во весь опор. Я оглянулся и в прозрачном вечернем воздухе увидел на равнине всадника и свору собак. Это был Рассен. Все было против нас. Но нам не случилось быть на краю смерти, и судьба спасала нас. Может быть, и на этот раз откуда-нибудь подоспеет помощь. До гор осталось три мили. Когда стемнело, и луна спряталась за горы, собаки стали настигать нас; тьма не мешала им, мы же должны были ехать тише, чтобы лошади не споткнулись и не сломали ногу. Но вот над Горой, во второй раз за время нашего пребывания в Калуне, засиял

свет. Должно быть, вследствие отражения снегов, свет этот был какой-то мягкий, фосфорический. Почва была неровная, вся изрытая сурками, и, если бы не это неожиданное освещение, хан давно настиг бы нас. Так неожиданно пришла нам помощь с Горы. Когда из-за гор выплыла луна, огненный сноп погас, как по волшебству, и над вершиной вулкана по-прежнему стоял только столб красноватого дыма.

Собаки лаяли все ближе и ближе. В тишине ночи стоял адский шум их голосов. Я вспомнил свору, которая мчалась в ночь нашего приезда за несчастным вельможей, навлекшим на себя гнев хана, вспомнил особенно мчавшегося впереди других пса, с красной пастью и белыми, как слоновая кость, клыками. Вот и теперь можно различить лай этого рыжего с черным ухом пса, любимца Рассена — он всего в полумиле расстояния от нас.

Бешеная скачка продолжалась часа два, но эти часы казались вечностью. До Горы еще было далеко, а лошади наши устали. Часть собак отстала, но зато наиболее упорные были всего в трехстах ярдах от нас. За ними следовал хан. Зачувя близость врага, лошади наши задрожали и напрягли последние усилия. Бедные животные понимали, что им грозит смерть. Мало-помалу свора нагоняла нас. Тогда мы с Лео спешили, свернули в кусты и спрятались там. Оставленные нами лошади помчались дальше, собаки продолжали преследовать их и промчались мимо. Правда, хан заметил наш маневр и пытался отозвать собак, но разъяренные псы, чуя добычу, не хотели вернуться. Мы с Лео воспользовались этой отсрочкой и побежали к реке. Там мы надеялись найти спасение, бросившись в воду, чтобы собаки потеряли наш след. Я был уже немолод и бежал тише Лео, а потому тщетно умолял его бежать, не обращая на меня внимания.

Вот и река. Близко, совсем близко блестела вода. Помню, мне страшно захотелось пить. Но собаки догнали-таки нас. Мы слышали за собою стук копыт лошади хана и остановились у небольшого утеса, не добежав до берега. К счастью, за нами гнались только три собаки — остальные, очевидно, продолжали преследовать наших лошадей.

— Если ты расправишься с собаками, я сведу счеты с ханом! — сказал Лео.

Мы взяли мечи в правую руку, ножи в левую и ожидали. Собаки приблизились. Признаюсь, я испугался. Они были величиною со льва и такие же свирепые. Одна из них подпрыгнула, пытаясь схватить меня за горло, но я вовре-

мя успел проткнуть ее копьем. Животное упало в предсмертной агонии на землю. Две другие собаки бросились на Лео. Лео бросил свое копьё, но промахнулся — оно вонзилось в землю. Теперь мы были оба обезоружены, у нас оставались только ножи. Между тем подоспел хан. Обезумев от ревности, разгоряченный охотой, он ринулся вперед на Лео, натравливая на меня собак. Трудно вспомнить все, что произошло дальше. Я всадил свой нож в спину одной из собак, и она с отчаянным ревом забилась на земле; но другая, самая страшная из своры, любимица хана, впиалась мне в руку пониже локтя так, что я выпустил от боли нож. Я отталкивал животное, но не мог с ним справиться и упал на колени. Случайно левою рукою я нащупал булыжник и ударил им пса по голове, но он не выпустил моей руки, и мы продолжали бороться. В то же время я смутно видел, что Лео и хан также сцепились и борются, упав на землю. Несколько позже я заметил, что хан сидит, прислонившись к скале, и смотрит на меня. Мне пришло в голову, что он убил Лео. Но вот я почувствовал, что кто-то схватил собаку и заставил ее разжать челюсти.

Это Лео поднял собаку за задние лапы и, повертев ею в воздухе, ударил ее головою о скалу.

— Конечно, — услышал я голос Лео, — я исполнил предсказание Шамана!

Он взял меня под руку и повел к скале. Хан сидел, прислонившись к ней спиною. Он был еще жив, но не мог пошевелить ни рукою, ни ногою. Рассудок, казалось, вернулся к нему. Он печально взглянул на нас.

— Вы храбры и сильны, — сказал он. — Вы убили трех собак, а мне переломили спину. Все случилось так, как предсказала старая крыса. Было бы справедливее, если бы я охотился со своею сворой за Афиной. Теперь она отомстит за меня. Она тоже преследует вас. Простите меня и бегите на Гору. Я приду туда раньше вас. Там живет некто посильнее Афины...

Губы хана вздрогнули, и он испустил дух.

ХII

ВЕСТНИК

— Его не стало, но свет немного потерял с его смертью, — сказал я.

— Бедняга тоже мало чем пользовался в жизни, — отвечал Лео, — поэтому не станем говорить о нем дурно.

Смерть все уравнивает... Да, и может быть, он не был таким дурным, пока его не свели с ума. Во всяком случае, нелегко было с ним справиться. К счастью, мне удалось его бросить на землю так, что он ударился о камень. Если бы я не покончил с ним вовремя, я не мог бы спасти тебя от этого огромного пса, который собирался перегрызть тебе горло. Смотри — собака величиною с осленка! Ты сильно пострадал, Гораций?

— Собака прокусила мне руку до кости, но я думаю, что неопасно. Пойдем скорее к реке. Я умираю от жажды. Остальная часть своры, чего доброго, настигнет нас.

— Не думаю, собаки занялись лошадьми и оставят нас в покое. Подожди немного, я сейчас вернусь.

Лео подошел к трупам хана, взял его старинный меч и прикончил раненную мною и извивавшуюся в мучительной агонии собаку; потом он поднял наши копья и мой нож, поймал ханского коня, помог мне сесть в седло и повел его под уздцы к реке. У меня начиналась лихорадка, и рука страшно болела. Припав к берегу, я с жадностью напился, смочив водою голову и окунул в холодную воду пораненную руку.

Река была широкая, и мы не решались перейти ее вброд, но в тридцати ярдах от берега был островок. Лео взвалил меня себе на плечи и пошел по реке, к счастью, в этом месте довольно неглубокой. Положив меня на мягкую траву, Лео вернулся вторично на берег, переправил коня, перенес на остров оружие и стал делать мне перевязку. У меня оказалась сломанной даже кость. Лео промыл рану, обмотал руку шарфом, обложил поверх повязки мхом и вставил руку как бы в лубки, употребив с этой целью тростник. Во время перевязки со мной сделался обморок.

В эту ночь Лео приснился странный сон. Он видел, что к берегу прибежала свора "собак смерти". Она пустилась вплавь к острову и уже почти достигала его, как вдруг на берегу острова появилась одетая в черное женская фигура. Женщина простерла над рекою какой-то предмет, и собаки в ужасе завyli и остановились. После этого одних унесло течением, другие доплыли обратно до берега и убежали. Темная фигура исчезла, и утром мы тщетно искали ее следы на прибрежном песке — это было видение.

Утром я проснулся от острой боли в руке. Лео спал еще. Вдруг до меня долетел звук голосов, и я увидел на берегу две фигуры, мужчины и женщины, казавшиеся в утреннем тумане громадными. Я разбудил Лео. Он схватил копьё.

— Сложи свое оружие, мы не сделаем вам никакого зла! — раздался с берега мягкий, вкрадчивый голосок Афины.

Ее сопровождал Шаман Симбри.

— Вернитесь, — продолжала ханша, — клянусь, что мы не сделаем вам ничего дурного. Вы видите — мы одни.

— Мы останемся здесь, пока не будем в силах продолжать путь! — отвечал Лео.

Афина о чем-то пошептала с Симбри, тот долго отказывался, наконец оба пустили своих лошадей вброд и переправились на остров. Старик казался физически и нравственно утомленным, ханша была цветуща и прекрасна, как всегда.

— Вы уехали далеко и оставили на своем пути печальный след, — начала Афина. — Там у скалы лежит убитый хан. Скажите, как его убили?

— Я убил его вот этими руками! — отвечал Лео.

— Знаю, — сказала она, — и не виню тебя. Так было предназначено. Свершилась воля судьбы. Я защищу тебя от тех, кто может отомстить за его смерть!

— А может быть, и выдашь меня им. Что тебе нужно от меня, ханша?

— Ответ, который ты должен был дать мне вчера. Помни, что только я могу спасти тебе жизнь и надеть на тебя корону и порфиру убитого хана!

— Ты получишь ответ вот на той Горе, — указал Лео. — Я тоже ищу там ответа!..

— Я уже говорила тебе, что Гору охраняют дикие племена. Ты найдешь там смерть.

— Пусть смерть будет ответом на мой вопрос. Пойдем, Гораций!

— Клянусь, — продолжала Афина, — там нет женщины, которая являлась тебе в видениях. Эта женщина — я!

— Так докажи это там на Горе, — отвечал Лео.

— Повторяю тебе, там нет никакой женщины, там есть только огонь да голос.

— Голос, говоришь ты?

— Голос Оракула. Голос духа, которого никто никогда не видел и не увидит.

— Идем, Гораций! — сказал Лео, направляясь к коню.

— Неужели, вы ищете своей смерти? — спросил Шаман. — Слушайте, по моему положению мне следовало сопровождать на Гору тело покойного отца ханши, и я был в этом проклятом месте. Не отваживайтесь идти туда!

— Благодарим вас за предостережение, — возразил Лео. — Гораций, не теряй их из вида, пока я седлаю коня.

Я взял в здоровую руку копьё и стоял наготове, но Шаман и Афина не собирались нападать на нас.

Они о чем-то взволнованно шептались. Между тем Лео оседлал коня и помог мне сесть.

— Мы пойдем туда, куда нас влечет судьба, будь что будет, — сказал Лео. — На прощанье позволь поблагодарить тебя, ханша, за твою доброту. Забудь нас. Невольно я стал убийцей твоего мужа, и его кровь между нами. Вернись к своему народу и прости, если я невольно нарушил твой покой. Прости!

— Благодарю за доброе слово, — сказала она, печально поникнув головой, — но, Лео Винцей, со мной не так легко расстаться. Ты звал меня на Гору. Хорошо же, мы там встретимся. Там я увижу Богиню, как всегда предсказывал Шаман, да я и сама знала, что так должно случиться. Я померяюсь с нею силою, и мой царский венец будет принадлежать той из нас, которая победит!

Сказав это, Афина повернула лошадь и поехала обратно через реку. Симбри поднял в страхе и скорби свои костлявые руки и последовал за нею.

— Ты переступила запретную черту реки, Афина, — сказал он, — теперь нам грозит война и гибель!

Между тем мы с Лео тоже стали переправляться на противоположный берег реки. Местами вода была так глубока и течение так быстро, что мы рисковали утонуть. Но Лео вел коня под уздцы и, осторожно ощупывая дно копьём, благополучно вывел его на сушу. Берег был низкий и болотистый. Опасаясь погони, мы спешили как только могли. Мы не знали тогда, что этот берег священный и что никто не осмелился бы преследовать нас на пути к Горе. За болотом началась возвышенная равнина, покрытая скалами вулканического происхождения. Наконец мы пришли к широкой котловине, дно которой было покрыто лавой. На краю котловины высился утес, в нем мы увидели отверстие. Уже стемнело. Мы шли по слою застывшей лавы.

Во тьме что-то белело. Что это? Человеческие скелеты! О, это настоящая долина Смерти! Огромное кладбище. Тут были тысячи скелетов. Казалось, здесь когда-то погибла огромная армия. Впоследствии мы узнали, что в давние времена дикари заманили войско Калуна в эту долину и, уничтожив его, оставили кости убитых в назидание будущим поколениям непогребенными. Мы стали искать выхода из этой ужасной долины, но не могли найти Тут впер-

вые на территории Горы с нами случилось нечто неожиданное и странное.

Нам стало жутко. Даже лошадь захрапела от страха.

— Если мы не выйдем из этого проклятого склепа, то сами умрем здесь! — воскликнул я.

Едва я произнес эти слова, как на груде костей, неподалеку от меня, что-то зашевелилось. Так и есть! Вот перед нами закутанная в белый плащ, с белым покрывалом на лице, появилась женщина. Она идет нам навстречу. Испуганная лошадь встала на дыбы и чуть не сбросила меня. На расстоянии десяти шагов женщина остановилась и поманила нас рукой.

— Кто ты? — закричал Лео. Горное эхо отвечало ему, но женщина продолжала молча манить нас рукой.

Желая убедиться, что это не галлюцинация, Лео хотел подойти к ней, но она быстро удалилась на груду костей. Лео последовал за ней. Тогда она слегка ударила его в грудь, заставила его отступить и указала рукой не то на утес, не то на небо, потом на скалу перед нами.

— Что нам делать? — спросил Лео.

— Я думаю, следовать за нею. Может быть, это вестник свыше, — сказал я, кивая головой по направлению Горы.

— Или снизу, — отвечал Лео. — Не нравится мне что-то глаза этого вестника.

Между тем таинственная женщина, легко минуя препятствия — скелеты и скалы, повела нас по долине. Поравнявшись с ущельем, она исчезла.

— Это был призрак, — сказал Лео.

— Призраки не наносят людям ударов, — возразил я. — Иди дальше.

Лео повел моего коня. Мы шли по мрачной расселине. Таинственный проводник по-прежнему держался впереди нас. Наконец мы пришли в узкую, высеченную в скалах пещеру или галерею. Женщина взяла моего коня под уздцы. Животное испуганно захрапело и взвилось было на дыбы, но незнакомка ударила его слегка по голове, как ударила незадолго перед тем Лео, и конь покорно последовал за нею. Так мы вошли в туннель. Положение наше было не из веселых. Мы не знали, куда ведет нас ужасный проводник, не были уверены и в том, что он ведет нас не на смерть. В темноте не было ничего видно, но каждый раз как из-под ног лошади обрывался камень, он с гулом летел куда-то вниз. Когда же забрезжил свет, мы действительно увидели направо пропасть. Дорога, по которой мы ехали, была не шире дусяти футов. Выйдя из туннеля, мы очути-

лись прямо перед Горой. У подножия ее были полосы обработанной земли и кое-где паслись стада овец и коров. Мы стали подниматься вверх по крутой тропинке, извивавшейся по берегу бурного потока. Не успели мы пройти мило, как из-за каменных глыб со свистом и криком выскочило человек пятьдесят дикарей в звериных шкурах с копьями и щитами.

О бегстве нечего было и думать.

— Прощай, Горащий, — сказал Лео, вынимая меч.

— Прощай, Лео, — отвечал я, вспоминая слова Шамана и ханши, уверявших, что мы неминуемо будем убиты, если поднимемся на Гору.

Между тем наш таинственный проводник скрылся где-то за каменной глыбой. Я подумал, что это он предал нас в руки врага, но ошибся, так как вдруг на вершине скалы, как новая Аэндорская волшебница, появилась женщина в белом и повелительно простерла руку. Увидев ее, дикари пали ниц. Потом один из них, по-видимому, вождь, согнувшись, подполз к ней, как собака, которую только что побили. Она молча указала ему на Гору. Дикарь, казалось, понял ее, он подал сигнал, и вся шайка исчезла так же быстро, как появилась. Тогда женщина в белом снова пошла вперед, указывая нам путь.

Выйдя из ущелья, мы увидели, к своему удивлению, разложенный костер, на котором кипел котел. Неподалеку лежала охапка корма для лошади. Очевидно, незнакомка приготовила все это для нас, и мы поели сами и накормили коня. Я пошел к горному ручью, смочил в холодной воде свою израненную руку, напился и наполнил фляжку водою. Женщина в белом продолжала стоять на скале, неподвижная, как жена Лота после ее превращения в соляной столб. Проходя мимо нее, я предложил ей напиток, надеясь, что при этом она откинет с лица покрывало. Она поблагодарила легким кивком головы и отвернулась; она не хотела пить. Отказалась она точно так же и от пищи, которую предложил ей Лео. Так нам и не удалось узнать, земное ли она существо, простая ли смертная. Когда мы несколько освежились и отдохнули, женщина указала нам на заходившее солнце и на коня, дав понять, что следует спешить.

Временами мы слышали свист: очевидно, дикари следили за нами, но не показывались. Мы начали подниматься на самую Гору; шли в сумерках, а когда наступила тьма, шли в темноте, при свете звезд и отражении горного снега, а впереди молча, бесшумно, не оглядываясь, как привиде-

ние в своем белом саване, двигалась среди черных елей и можжевельника неведомая, таинственная женщина.

Мы все шли, поворачивая то вправо, то влево, пока не очутились в котловине. Прислонившись к скале, на противоположном краю стояли хижины. На площади перед ними собралась толпа в несколько сот человек мужчин и женщин. Они стали в кружок и, казалось, совершали какой-то ритуал. Посреди стоял рыжебородый дикарь. Он был почти нагой; звериная шкура, привязанная вокруг чресл, составляла все его одеяние. Он странно раскачивался и выкрикивал: "О, а, а, о!" Толпа отвечала ему поклонами и вторила его крику, так что эхо раздавалось в горах. На голове дикаря стояла с распущенным хвостом большая белая кошка. Что за дикое зрелище, что за кошмар! Очевидно, то были приготовления к какому-нибудь языческому жертвоприношению. Мы приблизились узким ущельем и остановились так, что скала скрывала нас от глаз дикарей. Сделав нам знак, чтобы мы не показывались, женщина куда-то исчезла. Мы не знали, что делать, но, как ни опасно было наше положение, происходившая перед нами сцена заинтересовала нас. Разыгрывалась целая драма. Когда жрец кончил свои заклинания, дикари зажгли костер. Поодаль стояли пленники, и среди них старик и очень молодая, красивая женщина. Старик упал на колени. Женщина зарыдала. Несчастные ожидали чего-то ужасного. Пламя костра разгоралось, озаряя ужасное сборище.

Жрец с кошкой сидел на стуле. Ему принесли деревянный лоток. Кошка прыгнула на лоток. Тогда жрец подошел к семи выстроенным в ряд пленникам, держа кошку на лотке. Жрец медленно проходил мимо каждого, кошка сидела спокойно, но, когда очередь дошла до женщины, животное сердито заворчало и зашипело.

Женщина вскрикнула, а все сборище завопило: "Ведьма! Ведьма!"

Какие-то люди, вероятно палачи, схватили несчастную и потащили ее к костру. Стоявший рядом с нею пленник, должно быть ее муж, пытался защитить ее, но не мог, потому что у него были связаны руки. Кто-то ударом свалил его на землю. Женщина вырвалась из рук палачей и бросилась к нему, желая закрыть его своим телом, но ее оттолкнули.

— Я не могу видеть этого убийства! — воскликнул Лео и обнажил меч.

Я не успел удержать Лео. Он выскочил из нашей засады, размахивая мечом. Я пришпорил коня и последовал за

ним. Наше неожиданное появление поразило дикарей. Жрец сидел у костра и с жестокой улыбкой смотрел на свое животное, гладил кошку и давал ей кусочки сырого мяса. Он так углубился в это занятие, что не заметил нас.

Лео с криком подскочил к державшему женщину палачу и ударом меча отсек ему руку. Дикарь закричал. Произошло замешательство, во время которого женщина ускользнула из рук своих мучителей и скрылась. Жрец вскочил и начал что-то сердито выговаривать Лео, который, в свою очередь, выругал его на своем родном английском языке. Вдруг испуганная кошка прыгнула и чуть было не вцепилась Лео в лицо, но он успел схватить животное и ударить его о землю. Кошка растянулась и судорожно забилась у его ног. Тогда Лео словно одумался, поднял кошку и, не помня себя от гнева, бросил ее в огонь.

Крик ужаса вырвался из уст дикарей при виде такого святотатства — кошка была священная. Как морская волна, толпа хлынула на нас. Я увидел, как Лео отчаянно размахивал мечом, защищаясь от неприятеля. Отовсюду нас теснили все ближе и ближе к костру. Меня уже схватили чьи-то руки, огонь уже опалил мне волосы...

Но вот перед костром появилась, вся дрожащая от гнева, женщина в белом. На этот раз она была не одна. Ее окружали человек десять одетых в белое и вооруженных воинов, с выбритою головою и большими темными глазами.

При виде женщины и ее свиты дикари в ужасе разбежались, как стадо овец, завидевшее волка. Тогда один из одетых в белое жрецов обратился к дикарю-жрецу и сказал:

— Собака, проклятая собака, поклоняющаяся животным, знаешь ли, что ты чуть не оскорбил людей, которые пришли поклоняться Богине Горы? Разве для того щадили так долго тебя и твое идолослужение? Говори! Отвечай скорее, твои минуты сочтены!

Дикарь пал на колени перед женщиной в белом и молил о пощаде.

— Довольно, — сказал верховный жрец, — она — судья, который судит, и меч, который ударяет, я же Слух и Глас. Неужели ты хотел ввергнуть в огонь людей, которым тебе велено было оказать гостеприимство, за то, что они спасли жертву вашего варварства и убили животное, которому вы поклонялись? Ведь я все видел! Ты просто попал в ловушку, тебя и так уже слишком долго терпели!

Негодяй валялся в пыли и молил о прощении.

— Произнеси свой приговор, — обратился верховный жрец к женщине. — Он в твоей власти.

Женщина в белом медленно подняла руку и указала на костер. Видя это, дикарь побледнел и свалился, как сноп. Он умер от ужаса и потрясения...

Тогда верховный жрец призвал тех немногих дикарей, которые не убежали.

— Взгляните, — сказал он, — и содрогнитесь при виде справедливого суда Гезеи. Каждого из вас, кто будет убивать и заниматься волшебством, постигнет такая же участь. Подберите эту собаку и бросьте в огонь, который он уготовил своим жертвам.

Они исполнили его приказание и бросили труп своего вождя и жреца в костер.

— Слушайте, — продолжал верховный жрец, — он заслужил такое наказание. Но вы, зачем хотели вы убить женщину? Вы думаете, потому что жрец ваш считал ее за колдунью? Нет, потому что она красива, и он хотел отнять ее от мужа, но она не соглашалась. Но Око узрело, Глас рек и Вестник произнес приговор. Ваш жрец сам попал в расставленные им сети. Так будет с каждым из вас, кто помыслит или совершит зло! Таков справедливый приговор Гезеи, которая говорит с престола на Огненной Горе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

ПОД СЕНЬЮ КРЫЛ

Когда испуганные дикари разбежались и мы остались одни, жрец приветствовал Лео, прикоснувшись рукой к его челу.

— Я знаю, что с тех пор, как вы перешли через священную реку, вас охраняла невидимая сила, — сказал он на том же ломаном греческом наречии, на котором говорили при дворе Калуна. — Никто вам не причинил вреда; но эти презренные осмелились прикоснуться к вам. Если вы только захотите, они будут все преданы смерти у вас на глазах. Так повелевает богиня, которой я служу.

— Они были ослеплены безумием. Не наказывай их за нас, — отвечал Лео. — Мы не хотим крови. Скажи, как тебя зовут, друг?

— Называйте меня Оросом.

— Орос — хорошее имя для человека, живущего в горах. Итак, друг Орос, дай нам поесть, приюти нас и отведи поскорее к той, которой ты служишь, и к мудрому Оракулу, к которому мы шли издалека.

— Пища и кров ждут вас, — поклонился Орос. — Завтра же, когда отдохнете, я отведу вас, куда вы хотите.

Мы последовали за ним к прилежавшему к скалам зданию, похожему на гостиницу. Дом был освещен, и в очаге горел огонь, чтобы можно было согреться.

— Войдите, — пригласил Орос во вторую комнату, по-видимому, спальню. — Здесь вы можете умыться и почиститься с дороги.

— А тебе, — обратился он ко мне, — я перевяжу укушенную собакою руку.

— Как ты знаешь об этом? — удивился я.

— Все равно как, я все приготовил! — отвечал он степенно.

В комнате было светло и натоплено, металлические тазы наполнены теплою водою, на кроватях лежало чистое белье и темное, обшитое дорогим мехом платье. На столике стояли баночки с мазью, приготовлены были лубки и бинты для перевязки. По-видимому, Оросу было все известно, даже характер повреждения моей руки. Орос помог мне раздеться, промыл рану теплою водою со спиртом, приложил мази и сказал, что к утру опухоль спадет, и тогда он вправит сломанную кость. Потом он помог мне

умыться и переодеться. Лео также переоделся, и мы вышли к столу, совсем не похожие на запыленных и окровавленных странников, какими пришли. В соседней комнате был накрыт стол; мы молча поели и легли спать.

Ночью я проснулся, почувствовав, что в спальне есть кто-то, кроме нас с Лео. При свете теплявшего ночника я смутно увидел фигуру и тотчас же узнал нашего таинственного проводника. Видение устремило взор на спящего Лео. Вдруг оно тяжело застонало. Этот стон вырвался, казалось, из глубины души. Итак, это существо страдает и выражает свои страдания, как человек. Вот оно заломило в беспредельной тоске руки. Должно быть, Лео почувствовал его близость: он заметался и тихонько заговорил по-арабски.

— Аэша! Аэша! — расслышал я.

Женщина-призрак подошла к нему ближе. Он сел на кровати и в страстном порыве протянул руки.

— Я долго искал тебя, Аэша. Приди ко мне, желанная моя богиня!

Женщина тоже простерла ему навстречу руки. Я видел, как она дрожала. Она остановилась у постели. Лео снова лег. На его обнаженной груди темнела ладанка с локоном Аэши. Лео спал. Женщина тонкими, бледными пальчиками вынула из мешочка длинную шелковистую прядь волос, долго-долго с грустью смотрела на нее, потом снова вложила ее в ладанку и заплакала.

— Приди ко мне, дорогая моя, моя красавица! — слышался страстный шепот Лео.

Как испуганная ночная птица, женщина вскрикнула и убежала. Мучительное любопытство овладело мною. Что могло значить все это? Ведь то был не сон! Кто эта ужасная, похожая на мумию женщина, которая охраняла нас на пути? Кто она, что ее боялись дикари? Зачем она тайком во тьме ночной пришла сюда, как на свиданье к любимому человеку? Ее присутствие разбудило меня и навесело на Лео сны. Почему она вынула из ладанки прядь волос и как догадалась, что она там? Почему нежная, страстная речь Лео так испугала ее?

Орос назвал ее жрицей богини, исполнительницей ее приказаний, но что, если она сама Аэша, которую мы ищем? Что, если мы пришли к цели и наш путь окончен? Есть что-то нечеловеческое, ужасное в этом существе. Если это Аэша, она изменилась. Это уж не та Аэша, которой мы поклонялись. Та, которой все повинуются, тоже носила свободную тунику, но ни туника, ни покрывало не могли

скрыть ее лучезарной, жизненной красоты, и мы угадали ее раньше, чем она показала нам свое чудное лицо.

А эта? Но нет, должно быть, я ошибся. Прав, конечно, Орос, утверждавший, что она лишь служительница богини. И сейчас она приходила ночью, чтобы донести пославшей ее, что видела.

Усталость пересилила сомнения и страх, и я снова заснул. Проснувшись утром, я решил не говорить Лео о виденном.

Было светло, когда я проснулся. Орос стоял у моей постели. На мой вопрос, который час, он с улыбкой ответил, что уже два пополудни, и он пришел перевязать мне руку. Он говорил шепотом, чтобы не разбудить Лео.

— Пусть спит, — сказал он, — он много выстрадал, и впереди его ждут еще новые страдания.

— Что ты говоришь, друг Орос? Я думал, что на Горе мы будем в безопасности; ты сам, кажется, обещал нам это?..

— Я обещал, друг...

— Меня зовут Холли, — подсказал я.

— ... друг Холли, что тело ваше будет в безопасности. Но человек не из одной плоти и крови. В нем есть душа, а душа тоже может страдать. Вы пришли в страну не простыми путешественниками, а чтобы открыть вековую тайну. Может быть, вы близки к цели и вам скоро суждено приподнять завесу. Но что, если то, что вы увидите, заставит вас содрогнуться?

— Я и мой приемный сын видели и пережили много удивительного. Мы видели Свет Жизни во всем его величии, видели Бессмертную, видели Смерть, которая, казалось, победила ее, нас же не тронула. Неужели ты думаешь, что мы испугаемся и отступим теперь?

Орос несколько не удивился.

— Хорошо же, — улыбнулся он, — через час вы пойдете навстречу своей судьбе. Я только должен был предупредить вас и предупредил. Не знаю, должен ли я предупреждать еще его?

— Лео Винцея? — сказал я.

— Да, Лео Винцея, — казалось, вспомнил он знакомое ему имя.

— По-моему, это излишне. Но если хочешь, скажи ему, когда он проснется.

— Я тоже думаю, что излишне, потому что, не сердись на сравнение, тигр — он кивнул на Лео — не испугается того, чего не боится волк, — он взглянул на меня. — Ну,

видишь: опухоль на руке стала меньше, и рана заживет. Через несколько недель кость срастется, и ты будешь так же здоров, как до встречи с ханом Рассеном. Кстати, вы скоро снова увидите его и его красавицу жену.

— Разве мертвые воскресают здесь на Горе?

— Нет, но ханов Калуна приносят сюда для погребения. Кроме того, ханша хочет, кажется, спросить Оракула.

— Кто этот Оракул? — поспешно спросил я. — Я слышал о нем от Афины. Но чьими устами говорит вещий голос?

Орос уклонился от ответа.

— Ну, вот, перевязка окончена, — сказал он. — Будь осторожен, не ушибь руку. Смотри, твой товарищ проснулся.

Час спустя я ехал уже на отдохнувшем и накормленном ханском коне. Лео отказался от предложенных ему носилок и шел рядом со мною, опираясь на копьё, как на посох. Мы прошли мимо вчерашнего костра, в котором сгорел колдун со своим котом. Сегодня виднелся лишь холодный серый пепел. Впереди, по-прежнему указывая путь, шла закутанная в белую тунику фигура. Населявшие деревню дикари расступались перед нею и простирались ниц. Одна женщина встала и, подбежав к Лео, поцеловала ему руку. Это была женщина, которую он спас накануне. У нее были рыжие волосы. С нею был ее муж. На его руках были еще следы от вчерашних уз. Увидев это, наша путеводительница остановилась и взглянула на Ороса; тот строго спросил женщину, как она осмелилась прикоснуться своими презренными устами к чужеземцу, но простил ее, когда она сказала, что сделала это из благодарности. Кроме того, от имени богини Орос повелел ее мужу быть вождем племени, а дикарям приказал повиноваться новому вождю, грозя непокорным наказанием. Не слушая благодарности четы и возгласов толпы, мы пошли дальше. Когда мы повернули в ущелье, то услышали пение и встретили процессию. Впереди ехала прекрасная ханша, за нею следовал старый Шаман, ее дядя, за ними — группа бритых жрецов в белых одеяниях несли гроб, в котором, весь в черном, лежал хан. Лицо его было открыто и исполнено достоинства, которого ему не доставало при жизни.

Итак, мы встретились. При виде нашей молчаливой спутницы в белом лошадь ханши испугалась и чуть не сбросила всадницу, но та сдержала ее.

— Что это за Горная Ведьма, осмелившаяся преградить путь ханше и ее покойному супругу? — вскричала Афина. — О, гости мои, я встречаю вас в дурном обществе! Должно быть, эта женщина ужасно безобразна, иначе она не стала бы скрывать свое лицо.

Шаман дернул ханшу за рукав, а жрец Орос поклоном просил ее не произносить таких неосторожных слов, которые могли навлечь неслыханную беду. Но ханша вся кипела ненавистью.

— Сбрось с себя эти тряпки, скрывающие твоё безобразие, колдунья! — кричала она. — Напрасно мнишь ты запугать меня этим саваном, скрывающим смерть!

— Замолчи, прошу тебя, госпожа! — молил Орос. — Перед тобою жрица богини и с нею Сила.

— Не думает ли она помериться силою с ханшей Калуха? — продолжала Афина. — Пусть покажет эту силу. Я знаю эту силу Горной Ведьмы. Она колдовством заманила сюда моих гостей и причинила смерть моему супругу.

— Молчи, племянница! — с искаженным от страха лицом сказал старый Шаман в то время, как Орос поднял руки, умоляя какую-то невидимую силу простить безумие женщины, чтобы кровь ее не обогрела руки слуг богини. В то же время Орос смотрел на женщину в белом. Она подняла руку, как тогда, когда произнесла приговор над колдуном, но остановилась на мгновение. Рука ее указывала на ханшу. Слова замерли на устах Афины. Гневный блеск ее глаз погас. Краска сбежала с лица. Она была бледна и недвижна, как труп хана. Потом, как бы собрав все силы, она жестоко ударила лошадь хлыстом и проехала мимо нас. Симбри последовал за нею. Схватив его лошадь под уздцы, Орос сказал ему:

— Слушай, кудесник, мы встречались с тобою раньше на похоронах покойного хана, отца Афины. Предостереги ее, чтобы она не говорила так о правительнице этой страны. Если бы уважение к умершему хану не остановило нас, не быть бы ей в живых. Прощай, увидимся завтра.

Мы пошли дальше и скоро вышли из темного ущелья. Тут я заметил, что таинственная спутница наша исчезла. Я спросил Ороса, не осталась ли она с ханшей, но жрец с улыбкой ответил мне, что она пошла вперед предупредить Гезеку о приближении гостей. Я взглянул на отвесную увенчанную снегом скалу. Куда могла она так скоро уйти? Разве скрылась в пещерах и галереях, которых в Горе не меньше, чем ячеек в медовых сотах.

Целый день поднимались мы на Гору. Дорогой Орос рассказал нам, что давно-давно от сотворения мира на этой горе существовал культ поклонения огню. Главною жрицей была женщина. Две тысячи лет тому назад страну завоевал полководец Рассен. Он сделался ханом Калуна и поселил на Горе новую жрицу, служившую египетской богине Гез, или Изиде. Она несколько изменила древнее учение, заменив простой, чистый культ поклонения огню новою верою в Духа Жизни, или Природы. Орос говорил, что жрица этого божества вечна. Когда умирает одна, ее дочь, родная или приемная, заменяет ее и носит то же имя Гезеи, или Матери. Она является смертным очень редко. На Горе живут триста жрецов и столько же жриц. Им позволяют жениться, и новые жрецы и жрицы вербуются из их потомства. Таким образом явилась совсем особая раса людей.

К вечеру мы пришли в котловину, засеянную рожью. Поля были так хорошо защищены со всех сторон, что, несмотря на высоту местности, давали богатую жатву. Минувая поля, мы пришли в хорошенький городок, дома которого выстроены из лавы. Это были жилища жрецов. Причудливо выкованные железные ворота в конце главной улицы раскрылись перед нами. Мы отдали лошадей слугам и пошли по узкому коридору. Коридор вел к другим окованным железом дверям, которые тоже раскрылись перед нами. Мы отступили, ослепленные светом. Возьмите самую обширную из знакомых вам католических церквей, увеличьте ее во много раз — и вы представите себе храм, в котором мы очутились. Может быть, первоначально то была пещера, но стены, многочисленные колонны и своды тщательно обточены руками человека. Должно быть, над отделкой храма трудились огнепоклонники прошлых тысячелетий.

Храм освещался змеившимися столбами пламени. Орос сказал нам, что пламя это никогда не угасает, так как источник его вечен; но по желанию можно заложить камнями отверстия, из которых вырывается газ и огонь, и тогда в храме темно. Как ничтожны казались мы, три человеческих существа, в этом обширном, залитом светом храме!

В глубине между двумя колоннами высился простой алтарь, задергивавшийся завесой, сотканной из серебряных нитей. На алтаре стояло большое серебряное изображение женщины с крыльями. Женщина эта была прекрасна; вся фигура ее дышала грацией. Полуприкрытый ее крыльями сидел у нее на коленях, прижавшись к груди, младенец. Статуя, несомненно, являлась олицетворением материнства. Младенец был здоровый, жизнеспособный мальчик.

Он спал и испугался во сне каких-то злых и мрачных теней, быть может, призрака смерти. Правую руку женщины указывала на небо. Человеческое и божественное слились в ее изображении. Один взмах крыльев, и женщина отделится от земли и унесет свою драгоценную, небом посланную ношу далеко от всех ужасов земли, туда, где царит вечный мир...

Статуя изображала испуганного ребенка на руках матери; символический же глубокий смысл ее был — спасение человечества божеством.

Пока мы любовались на дивное изваяние, вошедшие с нами жрецы и жрицы выстроились вокруг круглого зала. Храм был так велик, что издали они казались нам детьми. Они пели священные гимны. Дивная красота святилища и пение потрясли нас до глубины души.

— Подойдите, странники, — сказал нам Орос, — и приветствуйте Мать.

— Где она? — шепотом спросил Лео.

— Вот там, — отвечал Орос и, взяв нас обоих за руку, подвел к алтарю.

Пение зазвучало как-то особенно торжественно, и пламя засветило ярче. Орос трижды простерся ниц перед алтарем, потом сложил руки и наклонил голову. Страх и надежда наполнили нашу душу. Много лет странствовали мы, и вот мы, кажется, у цели. Лео был бледен и дрожал.

Время длилось мучительно долго. Прошли, казалось, часы, года, века, пока мы тут стояли перед задернутым серебряною завесою черным алтарем, на страже которого стояла женщина с застывшей на лице улыбкой любви и жалости. Все прошлое пронеслось перед нами, начиная с события в пещерах Кор. А вокруг раздавалось пение, и пламя шипело, как змеи...

II

СУДИЛИЩЕ СМЕРТИ

Завеса раздвинулась. Перед нами открылась комната, посреди которой стоял престол, на нем — женщина, закутанная с головы до ног во что-то белое, волнистое. Было темно, и мы могли только различить, что женщина держала в руке, украшенной драгоценными камнями, скипетр, имевший форму Символа Жизни.

Мы последовали примеру Ороса и пали ниц, а когда поднялись, услышали нежный звук колокольчиков. Заку-

танная в белое ручка простерла над нами жезл, и послышался серебристый вибрирующий голосок, говоривший на чистом греческом языке.

— Приветствую вас, странники из далекой страны! Вы пришли в этот храм к Оракулу и хранителю тайн. Встаньте и не бойтесь меня. Это я выслала вестника и слуг, чтобы провели вас сюда. Привет вам! Как тебя зовут? — спросила женщина Лео.

— Лео Винцей, — отвечал он.

— Мне нравится это имя. А тебя?

— Гораций Холли, — сказал я.

— Скажите же мне, Лео Винцей и Гораций Холли, зачем пришли вы сюда?

— Повесть наша длинна и чудесна, — заметил я, переглянувшись с Лео. — Однако скажи нам, с кем мы говорим?

— Меня зовут здесь Гезеей. Скажи же мне, Лео, всю правду в нескольких словах. Богиня, которой я служу, не терпит лжи.

— Повинуюсь тебе, жрица, — начал Лео. — Много лет тому назад, когда я был еще молод, мы с моим приемным отцом и другом пошли в дикую страну и нашли там божественную женщину, которая победила время.

— Значит, она была стара и безобразна?

— Она победила время, а не время ее. Она была вечно юна и прекрасна.

— И ты поклонялся ее красоте, как все мужчины?

— Я не поклонялся ей, а любил ее — это вещи разные. Жрец Орос поклоняется тебе и называет тебя Матерью; я же любил ту бессмертную женщину.

— Любишь ли ты ее сейчас?

— Люблю, хотя она умерла.

— Ты же сказал, что она бессмертна?

— Может быть, мне только казалось, что умерла, может быть, она изменилась. Но я ее потерял и теперь ищу ее, ищу уже много лет.

— Почему же ты ее ищешь на моей Горе, Лео Винцей?

— Мне было видение, которое послало меня сюда спросить Оракула о моей потерянной возлюбленной.

— Скажите, хорошо ли вас приняла ханша Калуна и торопилась ли вас отправить сюда, как я приказала ей?

— Мы не знали, что ты повелеваешь ей, — продолжал я. — Приняла она радушно, но по дороге сюда нас подгоняли собаки хана, ее супруга. Скажи же, что тебе известно о нашем путешествии?

— О, немного. Три месяца тому назад мои лазутчики увидели вас в горах, подслушали ваш разговор и рассказали мне, зачем вы сюда пришли. Тогда я велела ханше Афине и старому привратнику встретить вас и проводить сюда. Но вы что-то долго мешкали.

— Мы пришли так скоро, как могли. Если твои лазутчики выследили нас в горах, у обрывов и пропастей, они могли узнать и то, что нас задержало в Калуне. Нас лучше не спрашивай, — возразил Лео.

— Пусть сама Афина даст мне ответ, — холодно сказала Гезея. — Орос, приведи сюда Афины.

Орос вышел.

Раскрылась дверь, и в храм вошла одетая в черное процессия с Шаманом Симбри во главе. Восемь жрецов несли гроб хана. За ним шла закутанная в длинное черное покрывало Афина. Жрецы поставили гроб перед алтарем и отступили. Афина и Шаман остались одни.

— Зачем пожаловала моя слуга, ханша Калуна? — строго спросила Гезея.

— Поклониться тебе, издревле чтимая моими предками, Мать, — отвечала Афина, нехотя кланяясь. — Покойный хан просит разрешения похоронить его в огне святой Горы, как подобает лицу царского рода.

— Я не откажу твоему супругу в этой последней почести, не откажу и тебе, Афина, когда придет твой черед.

— Благодарю тебя, о, Гезея! Но не лучше ли было бы записать твое данное мне заранее разрешение, потому что твои волосы белы, как снег, и ты скоро нас покинешь. Прикажи записать твою волю, чтобы твоя преемница исполнила ее.

— Замолчи, дитя неразумное! — сказала Гезея. — Ты не ведаешь, что завтра пламя поглотит твою преходящую молодость и красоту, которыми ты так гордишься. Расскажи, как умер хан, твой супруг?

— Спроси лучше вот этих странников. Они плохо заплатили ему за гостеприимство. Кровь его на них и вопиет об отмщении.

— Я убил его, защищая свою жизнь, — сказал Лео. — Он нас травил своими собаками, вот доказательство, — указал он на мою руку, — Орос знает все.

— Как это могло случиться? — спросила Гезея.

— Рассен был сумасшедший и любил так забавляться! — дерзко отвечала Афина.

— Не был ли он также ревнив? Но я вижу, ты собираешься солгать. Скажи ты, Лео Винцей, или нет, тебе не-

ловко говорить о женщине, которая предлагала тебе свою любовь; скажи лучше, ты, Холли.

— Дело было вот как, о, Гезея! — сказал я. — Эта женщина и Шаман Симбри вытащили нас из реки на границе Калуна и спасли нас, ухаживали за нами, пока мы были больны. Потом ханша влюбилась в моего приемного сына.

— А он тоже полюбил ее? Ведь она очень красива, — спросила Гезея.

— Пусть он сам ответит на этот вопрос, Гезея. Я знаю только, что он старался бежать от нее, но это ему не удавалось. Раз она предложила ему выбор между женитьбой на ней, когда умрет хан, и смертью. Тогда с помощью ревнивого хана мы бежали в горы. Но хан был безумный и коварный человек. Он выпустил на нас своих собак. Защищаясь, мы убили хана и, несмотря на старания Афины и Шамана удержать нас, пришли сюда. Какая-то закутанная в покрывало женщина встретила нас в долине, дважды спасла нас от смерти и привела сюда. Вот и все.

— Что можешь ты сказать в свое оправдание, женщина? — грозно спросила Гезея.

— Мало, — быстро ответила Афина. — Много лет судьба моя была связана с жестоким и безумным человеком. Я полюбила другого, а он меня. В нас говорила природа. Вот и все. Потом, должно быть, он испугался мести Рассена, или вот этот Холли! — о, если бы его собаки разорвали на части, — испугался и уговаривал его бежать. Случайно они попали на Гору. Но я устала. Позволь мне, Гезея, отдохнуть и подготовиться к завтрашнему обряду.

— Ты сказала, Афина, что этот человек полюбил тебя, но бежал, боясь мести Рассена? Он, кажется, однако, не трус. Скажи, это ты дала ему на память прядь волос, которую он носит на груди?

— Я не знаю, что он носит на груди, — мрачно отвечала ханша.

— Однако он сравнивал эту прядь волос с твоими там, в домике привратника, когда был болен.

— Он уже успел все рассказать тебе, Гезея? Хотя есть тайны, которые мужчины всегда хранят в тайниках души...

Ханша с укоризной взглянула на Лео.

— Я ничего не говорил, — рассердился Лео Винцей.

— Ты мне не говорил этого, странник, но мои слуги рассказали мне все. Неужели ты думаешь, Афина, что от всевидящего ока Гезеи что-нибудь может скрыться? Я знаю все. Знаю, что ты послала мне лживое известие и задержа-

да странников, стараясь завоевать любовь того, кто отвергал тебя. Ты даже пыталась лгать мне здесь, в самом святилище!

— Ну и что же! — дерзко ответила Афина. — Или ты сама влюблена в этого человека? Но это было бы чудовищно. Наперекор природе. О, не дрожи от ярости. Я знаю, что ты сильна, Гезея, но я — твоя гостья, и в этом храме, перед символом вечной любви, ты не можешь пролить мою кровь. Здесь мы равны.

— Если бы я хотела, Афина, я могла бы уничтожить тебя на этом месте. Но я не сделаю тебе зла. Я тебе писала, чтобы ты и твой дядя, мудрец Симбри, встретили гостей и направили их сюда. Отчего ты не повиновалась мне, раз я приказывала?

— Потому что этот молодой человек принадлежит мне, а не тебе и никакой другой женщине! — Голос Афины звучал серьезно и искренне. — Потому что я люблю его и всегда любила. Мы любили друг друга с тех пор, как зародились наши души. Сердце мое и искусство Симбри открыли мне это, хотя, где и когда это было, я не знаю. Вот я пришла к тебе, Таинственная Мать, хранительница тайн прошлого, открой мне истину! Ты не можешь лгать у своего алтаря. Заклинаю тебя именем Силы, которой ты сама должна повиноваться, отвечай мне! Кто этот человек, о котором скорбит все мое существо? Что он мне? Что общего между им и тобою? Открой, Оракул, мне эту тайну. Отвечай, слышишь, я приказываю тебе, хотя бы ты потом меня убила.

— Говори, говори! — сказал и Лео. — На меня тоже нахлынули воспоминания. Сердце рвется от надежды и страха...

— Говори! — воскликнул и я.

— Скажи, Лео Винцей, за кого ты меня принимаешь? — спросила Гезея.

— Мне кажется, что ты — Аэша, на руках которой я умер в пещерах Кор в Африке, Аэша, которую я любил лет двадцать тому назад и которая умерла, поклявшись вернуться...

— Как безумие ослепляет человека! — прервала его Афина. — Он говорил: лет двадцать, а между тем я знаю, что дед мой восемьдесят лет тому назад видел эту жрицу в здешнем храме.

— А ты что думаешь обо мне, Холли? — спросила Гезея, не обращая внимания на ее слова.

— Я верю тому, чему верит он, — отвечал я. — Мертвые иногда воскресают. Но ты одна знаешь истину и можешь открыть ее.

— Да, — повторила она, — мертвые иногда воскресают. Может быть, я знаю истину и могу открыть ее. Завтра, когда высоко взвоется пламя похоронного костра, я снова заговорю. Приготовьтесь слышать страшную Истину завтра, сегодня же идите отдыхать.

Гезея исчезла за серебряною завесой. Одетые в черное жрецы окружили Афины и вывели ее из храма. Едва стоявший от усталости или страха Шаман последовал за нею. За ними с пением вышли стоявшие кругом жрецы. Только в середине храма остался гроб хана. Орос сделал нам знак, и мы тоже вышли. После всего потрясающего, что мы пережили, нервы наши страшно устали, и мы вздохнули свободно только, когда холодная ночь освежила нас своим дыханием.

Орос привел нас в красивый дом и дал нам выпить какого-то снадобья, от которого мы тотчас же заснули. Было темно, когда я проснулся; в комнате горела лампа. Значит, можно было еще спать. Я попробовал, но безуспешно: мысли о завтрашнем дне не давали покоя. Что, если мы не найдем желанную Аэшу? Я сел на кровати. В это время вошел Орос.

— Пора вставать, друг Холли, — сказал он.

— Ведь еще темно, — отвечал я.

— Это уже вторая ночь. Но это хорошо, что вы спали сколько было нужно. Кто знает, скоро ли вам опять придется спать. Покажи-ка свою руку, друг Холли.

Я хотел заговорить с ним, но он не стал отвечать, потому что надо было скорее идти на погребение хана. Я застал Лео уже одетым в столовой. Орос разбудил его раньше. Мы вышли, и Орос провел нас через освещенный огненными столпами храм в круглый зал, где мы были накануне. Мы уже не нашли там гроба хана. Серебряная завеса была отдернута — Гезеи там не было. Орос сказал, что она ушла на погребение хана. Мы прошли целою анфиладою комнат, принадлежавших, по словам Ороса, покоям Гезеи и ее жриц. Нас встретили шесть жрецов. У каждого было по лампе в руках. Нам дали по зажженному факелу. Мы пошли по высеченным в горе галереям, которые постепенно вели вверх, и наконец остановились у подножия каменной лестницы. Орос посоветовал нам отдохнуть, сказав, что мы достигли вершины горы, а высокая и крутая лестница ведет на столб с отверстием, который высится над го-

рою. Пока мы сидели, сквозь каменную стену слышался глухой шум огня в кратере вулкана. Восхождение по лестнице напомнило мне подъем на башню собора. Всех ступенек было шестьсот. Но вот показался свет, и мы вышли на площадку. Если бы Лео не протянул мне руку, а его не поддерживали Орос и один из жрецов, мы упали бы от головокружения. Открывшаяся перед нами картина была поразительна! Посреди кратера кипело и бурлило гневное огненное озеро. Над озером стоял густой дым, а выделявшийся из жерла газ воспламенялся. Это его свет светил сквозь кольцо на вершине столба и бросал отражение далеко на горизонте.

Между тем жрецы склонились в молитве. Следуя их примеру, мы с Лео пали ниц. Я не видел ни Гезеи, ни Афины, ни трупа хана. Привычные к зрелищу и несколько не взволнованные Орос и провожавшие нас жрецы окружили нас и отвели в небольшую, должно быть, высеченную людьми в скале пещеру. Вверху был образовавшийся от течения лавы навес. Здесь мы нашли защиту от ветра. В гроте, кроме нас, оказались ханша, Афина, старый Шаман, а на высеченном из камня кресле сидела одетая поверх легкой газовой туники в пурпурную мантию Гезея. Тут же стоял гроб, и отблеск пламени освещал застывшие черты хана Рассена. Гезея поникла головой, как будто ее тяготили забота или думы.

— Итак, Орос, слуга мой, — сказала она, — ты привел их сюда целыми и невредимыми. Для тех, кто впервые идет сюда, дорога страшна и опасна. Что вы скажете, гости мои, о могиле детей Гезеи? — обратилась она к нам.

— В нашем вероучении, Гезея, говорится об аде, — сказал Лео. — Этот котел, — указал он на кратер, — похож на пасть ада.

— Нет, — отвечала Гезея, — ада нет, кроме того, который мы создаем себе сами в этой жизни. Ад — здесь, Лео Винцей, — она ударила себя в грудь, — да, здесь. — И она снова поникла головою, как бы под тяжестью тайной скорби. — Уже полночь, — продолжала она, — а до зари надо многое сделать и выстрадать. Тьма должна обратиться в свет, а может быть, и свет в вечную тьму... Царица, — обратилась она к Афине, — ты по праву велела принести своего почившего супруга сюда, где погребен прах его предшественников. Орос, жрец мой, позови же сюда Обвинителя и Защитника. Пусть откроют книги, по которым я стану судить умершего. Суд Смерти идет.

ВТОРОЕ ИСПЫТАНИЕ

Гезея велела нам встать направо, а Афине налево. В грот вошло до пятидесяти жрецов и жриц. Все они выстроились вдоль стен. За ними появились два одетых в черное с масками на лицах человека со свитками в руках. Они встали по обе стороны гроба.

Гезея подняла скипетр, а Орос сказал:

— Откройте книги!

Тогда Обвинитель сломал печать на своей книге и бесстрастным, суровым голосом начал читать историю жизни покойного хана, перечисляя все содеянные им в детстве, юности и зрелом возрасте злые дела. Исчерпав перечень дел хана, Обвинитель закрыл книгу.

Тогда Гезея знаком велела говорить Защитнику.

Защитник снял печать и, развернув книгу, начал читать. В книге перечислялись всякое благородное слово, все добрые дела покойного хана, говорилось о тех соблазнах, которым он не поддался, об его искренней любви к жене, о молитвах, которые он возносил, и жертвах, которые посылал в храм Гезеи. Не называя имени, книга рассказывала, как жена хана ненавидела мужа, как она, с воспитавшим ее родственником, нарочно посылала мужу других женщин, которые соблазняли его, чтобы он оставил ее в покое, как она опоила его ядом, лишила рассудка, развила в нем все дурные наклонности. Самые злые из его поступков были внушены ему женою. Она побуждала его угнетать народ, чтобы подданные ненавидели его. Страшная ревность толкала его на жестокие поступки; так, он забыл даже священный долг гостеприимства и хотел растерзать собаками ни в чем не повинных странников, но был убит сам.

— Взвесь добрые и злые дела того, кого при жизни называли Рассеном, о, мудрая Мать, — сказал Орос, — и реши, бросить ли нам его в могилу вперед ногами, или вперед головою, чтобы смерть его была вечною.

— Я взвешу, — сказала Гезея, — но судить не стану. Пусть судит его Дух, от которого он пришел и к которому он возвращается. Он много согрешил, но и против него много согрешили. За то, что он содеял, когда лишился рассудка, он не ответствен. Ввергните же его ногами вперед, чтобы имя его было чисто перед теми, которые еще не родились, и чтобы он мог вернуться в назначенное время. Я сказала.

При этих словах Обвинитель подошел к краю пропасти и бросил в нее свою книгу, а защитник передал свою Оросу для хранения в архиве храма. Жрецы запели гимн великому Властелину подземного царства, моля принять погребаемого и оправдать его, как оправдала Гезея. При этом жрецы подняли гроб и ввергли его в огненное озеро. Все приблизились, чтобы видеть, как он упадет и не перевернется ли в воздухе, — это считалось дурным предзнаменованием того, что суд людской признан бессмертными неправильным. Но этого не случилось: Рассен пошел прямо ко дну, что вполне понятно, как мы узнали после: к ногам умершего был привязан груз.

Церемония погребения была окончена. Тело Рассена давно уже превратилось в пепел. Гезея все еще сидела, поникнув головою. Наконец она вздохнула и знаком приказала жрецам удалиться. Остались лишь Орос и главная жрица Панава.

— Слушайте, слуги мои, — сказала Гезея, — вы знаете, что я давно ждала этих странников. Они пришли, и теперь надлежит совершиться многому. Мне не дано дара предвидения, но, может быть, это место опустеет, и вечный огонь поглотит мою телесную оболочку. Не печальтесь, однако, я не умру, а если и умру, душа моя не умрет. Слушай, Панава. Тебе я открыла двери знания. Заменяй меня, когда меня не станет. Поступай, как я учила тебя, чтобы Горный Свет освещал мир. Вы оба, Орос и Панава, должны оберегать этих странников, проводить их через северные холмы и степи или по той дороге, которою они пришли; если же ханша Афина попытается перехватить их, восстановите против нее племена горцев именем Гезеи и отнимите у нее ее царство. Слушайте и повинуйтесь!

— Слушаем и повинуемся! — отвечали в один голос Орос и Панава.

— Афина, — продолжала Гезея, обращаясь к ханше, — ты спросила меня вчера, почему ты любишь Лео Винцея. Ты заклинала меня сдернуть завесу с прошлого и открыть тебе истину. Я исполняю твою волю не потому, что ты приказываешь, а потому, что сама этого хочу. Не знаю, зачем судьба связала нас троих, не знаю, зачем мы все восходим по огромной лестнице, проходим через тысячу жизней, вздыхаем и томимся, а если я знаю, не скажу. Начну с того, что светло в моей памяти. Оглянитесь! — воскликнула вдруг Гезея, простирая руки.

Мы оглянулись и увидели все то же море огня с огненными гребнями волн. Но вот мало-помалу, как в волшеб-

ном зеркале, сквозь завесу пламени стало обрисовываться видение.

В песчаной равнине, на поросшем пальмами берегу широкой реки, стоит храм. По двору с колоннадой медленно движется процессия жрецов с факелами в руках. Вот жрец в белом одеянии, босой, с бритой головой вошел в южные ворота и подходит к гранитному алтарю, на котором восседает женщина с греческой короной на голове, с цветком лотоса и систрумом в руках. Жрец оглянулся, и что же! Я узнал в нем Лео Винцея в юности, и в то же время лицо его напоминало лицо Калликрата, тело которого мы видели в пещерах Кор.

— Смотри! — воскликнул Лео, хватая меня за руку. Я только кивнул головою.

Жрец преклоняет колени перед богиней и молится. Снова открываются ворота, и входит другая процессия. Впереди идет женщина благородной осанки. Она принесла богине дары и преклоняется перед нею. Уходя, она тихонько дотрагивается рукою до руки жреца. Он колеблется, потом следует за нею. Процессия скрылась, а женщина осталась у колонны, что-то шепчет жрецу, указывает ему на берег реки. Он волнуется, пробует возражать. Она оглядывается, приподнимает с лица покрывало, и губы их встретились в поцелуе. Когда она обернулась к нам лицом, мы узнали в ней Афину. Это ее черты лица, и на черных волосах блестит камнями царская корона. Она смотрит на жреца и смеется, торжествуя победу над ним, и указывает рукою на заходящее солнце и на берег реки.

— Сердце мое и твое искусство, старый Симбри, не обманули меня. Смотри, как я победила его в прошлом! — воскликнула ханша.

— Молчи, женщина, и посмотри, как ты его потеряла в прошлом! — послышался строгий голос Гезеи.

Картина внезапно меняется. На ложе покоится прекрасная женщина. Она спит и видит во сне что-то страшное. Над нею склонилась и что-то шепчет другая, похожая на богиню в святилище. Женщина проснулась. О! Это Аэша, такая, какую она нам предстала, когда сбросила с себя покрывало в пещерах Кор. У нас вырвался вздох, мы не могли говорить от волнения.

Прекрасная женщина заснула, и над нею снова склонилось ужасное существо. Оно шепчет и показывает вдаль, где на волнах качается челн. В нем сидят жрец и царственная женщина, а над ними, как олицетворение мести,

в воздухе царит ястреб, — такой же, как на головном украшении богини.

Сцена меняется. Перед нами хорошо знакомая, устланная песком пещера. В ней лежит человек с длинными белокурыми кудрями и сочащейся раной на белом челе. Над ним склонились две женщины: одна совсем нагая, только чудные длинные волосы прикрывают ее; она дивно хороша и держит в руке лук, другая — в темной одежде; она мечется, как бы призывая проклятие Неба на голову своей соперницы. Первая из них — та, которая дремала на ложе, вторая — египетская царица, поцеловавшая жреца.

Но вот фигуры и лица побледнели и исчезли. Гезея, утомленная, откинулась в кресле.

— Ты удовлетворена ответом, Афина? — спросила она.

— Ты показала странные видения, но, может быть, это только создание твоего воображения.

— Слушай же, что говорит Писание, и перестань сомневаться, — усталым голосом продолжала Гезея. — Много лет тому назад, когда я только что начинала эту свою долгую жизнь, в Бебите, на берегу Нила, стоял храм великой богини Изиды. Теперь от него остались лишь развалины, а Изида ушла из Египта. Ее главный жрец Калликрат дал страшную клятву служить богине вечно. Ты видела этого жреца в видении, и вот он стоит, перевоплощенный, здесь, чтобы свершилось до конца то, что ему назначено судьбою. Была некогда женщина царской крови Аменарта. Она влюбилась в Калликрата, околдовала его чарами, как и сейчас, — она занималась тогда волшебством, — заставила его нарушить клятву и бежать с нею. Ты видела это в пламени. Ты, Афина, была когда-то Аменартой. Была, наконец, некогда арабская женщина Аэша. Она была умна и прекрасна. Но сердце ее было холодно, и наука не давала ей утешения, и вот она сделалась служительницей вечной Матери, надеясь тут найти истинное знание. Ты только что видела, как богиня явилась во сне Аэше и повелела ей отомстить клятвопреступнику-жрецу, за что обещала ей бессмертие на земле и красоту, которой нет равной. Аэша последовала за беглецами. Ей помог найти их один ученый по имени Нут, — это был ты, Холли. Она открыла вещество, выкупавшись в котором сделалась бессмертной и поклялась убить виновных. Но Аэша не убила их, потому что их грех стал ее грехом. Она, которая никогда не любила, полюбила этого человека. Она повела их в Обитель Жизни, чтобы облечь себя и его в бессмертие и убить соперницу. Но богиня не попустила. Как было обещано, Аэша ста-

ла бессмертной, но в первый же час новой жизни она познала муки ревности, потому что ее возлюбленный, испуганный ее разоблаченным великолепием, вернулся к Аменарте. Тогда Аэша убила его, сама же, увы! осталась бессмертной! Так разгневанная богиня осудила своего неверного жреца на короткое наказание, жрицу Аэшу — на долгие страдания и угрызения совести, Аменарту — на то, что хуже жизни и смерти, на вечную ревность: вечно стремиться она снова завладеть любовью того, кого дерзко похитила у самой богини. Проходили века, Аэша оплакивала свою потерю и ждала, когда милый ее сердцу вернется к ней перевоплощенный. Близок был уже час желанной встречи, но богиня снова разъединила их. Перед телесными очами возлюбленного Аэши прекрасное превратилось в безобразное, и бессмертие казалось смертным. Но верь мне, Калликрат, она не умерла. Разве не клялась тебе Аэша в пещерах Кор, что вернется? Разве не указала она тебе, Лео Винцей — Калликрат, в сновидении светящийся маяк этой горной вершины? Много лет искал ты ее, а она всюду следовала за тобою, оберегала тебя от опасности и привела сюда.

— Начало всего, что ты рассказала, — сказал Лео, — мне неизвестно; но я знаю, что все остальное действительно было. Ответь же мне, молю тебя, на один вопрос. Ты сказала, что близок был час встречи с Аэшой. Где же Аэша? Не ты ли? Но почему тогда изменился твой голос? Ты стала также как будто меньше ростом? Именем божества, которому ты служишь, прошу тебя, скажи, ты ли Аэша?

— Я! — отвечала она торжественно. — Та самая Аэша, которой ты клялся принадлежать вечно.

— Она лжет! — воскликнула Афина. — Супруг мой, — сама она призналась, что ты мой, — женщина, которая уверяет, что она была молода и хороша, когда рассталась с тобою двадцать лет тому назад, уже лет сто служит главной жрицей этого храма.

— Орос, — сказала Гезея, — расскажи им о смерти жрицы, о которой говорит ханша.

— Восемнадцать лет тому назад, — начал своим бесстрастным голосом Орос, — в четвертую ночь первого зимнего месяца, в 2338 году по основании служения Гезее на этой горе, жрица, о которой говорит ханша Афина, умерла на моих глазах на 108 году своего правления. Через три часа мы пришли, чтобы взять ее с трона, на котором она умерла и, по обычаю, предать ее тело огню, но тут свершилось чудо: она воскресла, хотя и очень изменилась. Жрецы и жрицы, думая, что это что-то злое волшебство,

хотели изгнать ее. Тогда в Горе послышался гул, пламя огненных столпов в храме погасло, и ужас овладел всеми. Среди тьмы с алтаря, на котором стоит изображение Матери Человечества, раздался голос богини, которая повелевала принять новую ее служительницу. Снова засветились огненные столпы, и мы все пали перед новою Гезеей и признали ее. При этом присутствовала не одна сотня очевидцев.

— Слышишь, Афина? — сказала Гезея. — Или ты все еще сомневаешься?

— Орос лжет, как и ты, а если не лжет, он видел все это во сне, или же он слышал не голос богини, а твой. Если ты бессмертная Аэша, докажи это. Эти два человека видели тебя в прошлом. Сбрось с себя так ревниво скрывающие тебя одежды. Покажись нам в твоей несравненной божественной красоте. Твой возлюбленный, конечно, не забыл и узнает тебя. Но и тогда я буду считать тебя злым гением, ценою убийства купившим бессмертие и околдовывающим души своей дьявольской красотой.

Гезея взволнованно ломала свои белые руки.

— Ты хочешь этого, Калликрат? — вздохнула она. — Если такова твоя воля, я должна исполнить ее. Но прошу тебя, не требуй этого. Время еще не пришло. Я несколько изменилась, Калликрат, с тех пор, как поцеловала тебя в чело там, в пещерах Кор.

Лео колебался.

— Прикажи ей снять покрывало, — смеялась Афина, — увидишь, я ревновать не стану.

— Я хочу знать все! — сказал подзадоренный Лео. — Как бы ты не изменилась, если ты Аэша, я тебя узнаю и буду любить.

— Благодарю тебя за эти слова, Калликрат, — отвечала Гезея. — Они звучат верностью и верою. Узнай же истину, потому что от тебя я ничего не скрываю: когда я сброшу с себя покрывало, ты в последний раз должен будешь сделать выбор между тою женщиною и Аэшой, которой поклялся принадлежать. Ты можешь от меня отречься и получишь за это много благ — власть, богатство, любовь, — но тогда ты должен забыть меня, и я предоставлю тебя твоей судьбе. Предостерегаю тебя: перед тобою тяжкое испытание. Я ничего не могу обещать тебе, кроме любви, какою ни одна женщина не одарила мужчину, любви, которая, может быть, должна остаться без ответа на земле.

Мы отошли с Лео в сторону. Не помню в точности нашего разговора, знаю только, что какой-то голос внутри меня подсказал мне решение, и Лео согласился.

— Мы решили, Гезея, — сказал я от имени друга, — что должны узнать истину сейчас же. Ты должна сбросить свое покрывало здесь, теперь же!

— Хорошо, — возразила Гезея, и голос ее звучал, как голос умирающей. — Только умоляю вас, сжальтесь и не смейтесь надо мною. Не прибавляйте горящих углей вашей ненависти к адскому огню, в котором горит моя душа. Какова я ни есть, я стала такою из-за тебя, Калликрат.

Гезея встала и подошла почти к самому кратеру.

— Подойди сюда, Панава, — позвала она, — сними покрывало.

Панава с выражением ужаса на красивом лице подошла и стала помогать Гезее. Она была невысока ростом, но все-таки выше Гезеи. Одно за другим снимала Панава покрывала, и, когда верхние были удалены, мы узнали странное, похожее на мумию существо, которое встретили в Долине смерти. Итак, нашим таинственным проводником была та самая Гезея.

Покрывала продолжали спадать одно за другим. Когда же будет конец?! О, какая маленькая женщина перед нами, словно ребенок. Сердце содрогнулось во мне... Когда упала последняя полоса ткани, мы увидели тонкие, морщинистые руки и ноги, — я вспомнил, что видел раз такие у мумии одной египетской принцессы; странною игрою фантазии я даже отчетливо вспомнил, что на саркофаге этой принцессы стояло имя "Прекрасная".

Только лицо было еще закрыто. Гезея отстранила Панаву, которая в изнеможении опустилась на землю и прикрыла глаза руками. С каким-то почти болезненным стоном Гезея отчаянным жестом отбросила покрывало и обратилась к нам лицом.

Она стояла, и свет бездушного, беспощадного огня ярко освещал весь ужас ее безобразия...

Наступило тяжелое молчание. Губы Лео побледнели, колени дрожали. Неимоверным усилием воли он заставил себя выпрямиться. Даже Афина сжалилась и отвернулась. Она жаждала видеть соперницу униженной, но эта картина переходящей красоты ужаснула ее, как женщину, которой грозило то же. Только Симбри и Орос остались спокойны: они предвидели то, что случилось.

— Что нам до сосуда, ветшающего от времени? — слышался голос Ороса, которого я полюбил за эти слова. —

Что нам до плоти, которая гибнет? Смотрите на свет, который по-прежнему светит в полуразбитом светильнике. Разве не видите вы сквозь эту мертвую оболочку живую душу?

Я думал так же, как благородный Орос, но — о Небо! — мне сделалось дурно. Если бы я мог ничего больше не слышать, не видеть! При беглом взгляде на лицо Аэши еще оставалась надежда, но надежда эта умерла, оставалась только мучительная тоска, тоска, о! какая тоска...

Не было больше сил терпеть. Я весь оцепенел. Надо же было как-нибудь выйти из этого столбняка. И я начал смотреть на пламя, на гребни огненных волн. Тепло и сладко покоемся в этой красной могиле, где лежит хан Рассен! Я жаждал смерти, которая освободила бы меня от этой агонии...

Но вот Афина приблизилась к безобразному существу и встала рядом во всей прелести своей красоты и женственности.

— Лео Винцей, или Калликрат, — сказала она, — я не хочу смеяться над унижением своей соперницы. Она рассказала нам, не знаю, насколько это верно, что я похитила у богини ее жреца и что богиня отомстила мне. Но пусть богини, — если они существуют, — творят свою волю над смертными, я же исполню свою, пока смерть не погасит во мне сознания и я не превращусь тоже в богиню или ком земли. Слушай же, я люблю тебя, и эта женщина или богиня, кажется, тоже любит тебя и сказала, что сегодня ты должен раз навсегда сделать выбор между нами. Она обвиняет меня, говоря, что я согрешила перед Изидой, но сама она согрешила еще больше, потому что захотела отнять тебя у богини и у твоей земной невесты и в то же время получить бессмертие. Итак, из нас двух она хуже. Свет, о котором говорил Орос, не так уж чист. Итак, Лео Винцей, выбирай!

Пока говорила Афина, у Аэши не вырвалось ни слова, ни жеста.

Лео был мертвенно бледен. Может быть, зачарованный страстным взглядом прекрасных глаз Афины, он подался к ней, но вдруг усилием воли выпрямился, вздохнул и покачал головою. Краска снова прилила к лицу, и глаза выражали почти счастье.

— В конце концов, — сказал он, — мне нет дела до неведомого прошлого и до таинственного будущего, мне важна настоящая жизнь. Аэша ждала меня две тысячи лет. Афина успела выйти замуж за ненавистного ей человека и

отравить его, как отравила бы меня, если бы я ей надоел. Не знаю, в чем я клялся Аменарте, но помню клятвы, данные Аэше. Если я отвергну ее теперь, значит, вся моя жизнь — ложь, значит, любовь не вечна. Нет же, помня, какую была Аэша, я возьму ее такую, какая она теперь, в надежде на будущее. Любовь бессмертна!

И, подойдя к ужасному существу, Лео поцеловал его и преклонил перед ним колени. Поцеловать это морщинистое лицо было делом невероятной отваги.

— Ты выбрал, — сказала Афина упавшим голосом, — и твой поступок еще больше заставляет меня жалеть о моей потере, Лео Винцей. Возьми же свою невесту, а я уйду отсюда.

Между тем Аэша опустилась на колени и вознесла молитву. Кому молилась она, я никогда не мог узнать.

— О, служительница всемогущей Воли, острый меч в руках Судьбы, неизбежный Закон, называемый Природой! В Египте тебя называли Изидой, но ты — вечная богиня всех стран. Ты влечешь мужа к девушке, даешь матери дитя, рождаешь из смерти жизнь, вдыхаешь свет жизни в тьму смерти. Ты даешь плодородие почве, твоя улыбка — весна, твой полдень — лето, твой сон — зимняя ночь. Услышь же молитву твоей избранной дочери и жрицы! Когда-то ты дала мне свою силу, бессмертие и красоту, по которой не было мне равной на этой планете. Но я согрешила и наказана одиночеством, которое длится целые столетия, и безобразием, которое делает меня ненавистной в глазах возлюбленного. Но ты обещала, что еще раз мне будет дано сорвать потерянный цветок моей бессмертной красоты. О, милосердная мать! Пусть же его чистая любовь сотрет мой грех; если же это невозможно, пошли мне лучше смерть!

VI

ПРЕВРАЩЕНИЕ И ОБРУЧЕНИЕ

Гезея кончила. Наступило глубокое молчание. Мы с Лео ждали, что природа, к которой была обращена эта прекрасная молитва, откликнется и совершит чудо. Время шло, новое чудо не свершалось...

Но вот на востоке забрезжил и, как огненный меч, прорвал облака первый луч зари. Он озарил выступ на краю бездны, и мы увидели там слегка, как бы дымкой прикрытую, женщину неземной красоты. Глаза ее были за-

крыты. Спит она или умерла? Лицо ее бледно. Но вот солнце осветило ее, и она открыла удивленные, как у проснувшегося ребенка глаза. Кровь жизни поднялась от беломраморной груди к бледным щекам. Ветер играл ее вьющимися, волнистыми черными волосами.

Женщина эта — Аэша, какую она предстала в пещерах Кор. Мы с Лео опустились на колени. Голос, мягкий, как шепот, как шелест тростников, прозвучал над нами:

— Приди ко мне, Калликрат, и я отвечу тебе на освободивший меня поцелуй.

Лео встал, подошел к ней и снова опустился на колени.

— Встань, — протянула она ему руку, — это я должна встать перед тобою на колени.

И она поцеловала его в лоб. Потом знаком подозвала меня.

— Не надо, — сказала она хорошо знакомым звучным голосом, видя, что я тоже хочу поклониться ей, — поклонников и обожателей у меня всегда было довольно, но где я найду второго друга, как ты, Холли?

С этими словами она коснулась губами моего чела. От ее дыхания, ее волос веяло ароматом роз. Тело ее было бело, как жемчужина моря. Ни один скульптор не изваял еще таких дивных очертаний, как рука, которою она придерживала покрывало. Мягкий, спокойный блеск ее глаз мог соперничать с чистым сиянием небесных звезд.

Взяв Лео за руку, Аэша вошла в грот. Прохлада заставила ее вздрогнуть, и при всей божественности ее красоты дрожь эта придавала ей что-то земное. Панава накинула на нее пурпурную мантию; и она стояла, как царица.

— Твой поцелуй, — сказала она Лео, — возвратил мне не эту дрожащую от холода оболочку, а душу, трепещущую от дыхания Судьбы. Не так легко умиротворить оскорбленную Силу, о мой возлюбленный! Теперь она как будто простила, но долго ли нам суждено быть вместе в этом мире — не знаю, может быть, лишь краткий час. Хорошо же, мы будем пользоваться данным нам мгновением, выпьем до дна чашу радости, как испили раньше кубок печали и позора. Мне ненавистно это место. Здесь я выстрадала столько, как ни одна женщина на земле, ни одна душа в глубине ада. Не хочу больше его видеть. Что ты только что подумал, Шаман? — гневно обратилась она вдруг к Симбри.

— Мне дано то, чего у тебя нет: дар предвидения, прекрасная, — отвечал он. — И вот, я вижу надвигающуюся тень грядущего, вижу — лежит мертвый...

— Еще одно слово, и ты сам будешь этим мертвецом! — воскликнула она, сверкая глазами, охваченная страшным предчувствием. — Не напоминай мне, что теперь у меня есть снова сила избавиться от ненавистных мне врагов!

— Я не вижу лица этого человека, — сказал Шаман, отступая в испуге, — вижу только, что это будущий хан Калуна.

— Конечно же, всех ханов, когда они умирают, приносят сюда для сожжения. Так всегда было и будет еще не раз, — возразила Аэша уже спокойно. — Не бойся, Шаман, мой гнев прошел, но никогда не предсказывай мне дурного. Уйдем, однако, отсюда!

Поддерживаемая Лео, она пошла. Когда мы дошли до вершины скалы, Аэша остановилась и, указывая Лео на залитые восходящим солнцем горы и долину Калуна, сказала:

— Прекрасен мир! Дарю тебе его.

— Не собираешься ли ты, Гезея или демон, рожденный из бездны, не знаю, кто ты, подарить мои земли? Так знай же, что раньше надо их завоевать! — вступилась Афина.

— Речь твоя недостойна и низка, — отвечала Аэша, — но я прощаю вам обоим. Мне не нужна твоя ничтожная власть, которую, знай это, ты получаешь от меня же. Я скоро посету тебя в твоей столице. От тебя зависит, приду ли я с миром или войной. Очисти же свой двор, улучши законы своей страны, чтобы народ был доволен. Мой совет тебе — выбери себе мужа, который был бы справедливым и мудрым ханом.

С этими словами Аэша прошла мимо ханши, бесстрашно ступая по самому краю скалы. Тут обезумевшая Афина выхватила кинжал и ударила им соперницу в спину. Это произошло так быстро, что если бы мы с Лео не видели оба этого движения, то не поверили бы своим глазам. Но кинжал упал на землю, и Аэша осталась невредимой. Увидев, что промахнулась, Афина бросилась на Аэшу и хотела столкнуть ее с обрыва. Но и тут она неверно рассчитала и сама чуть не свалилась в пропасть: ее удержала Аэша, схватив за протянутую руку.

— Безумная женщина, — сказала Аэша, и в голосе ее слышалась жалость, — неужели тебе надоела твоя красота, что ты хотела покончить с собою! Ведь ты не знаешь, в каком новом образе ты возродишься! Может быть, ты родишься уже не царицей, а безобразной крестьянкой. Так, говорят, судьба наказывает самоубийц. Или, может быть,

ты перевоплотишься в змею, кошку, тигрицу. Это острие отравлено, — подняла Аэша кинжал. — Если бы оно коснулось тебя... — она улыбнулась и бросила кинжал в бездну.

— Ты не смертная женщина, — простонала Афина, с плачем опускаясь на камень, — я не в силах тебя побороть. Пусть же накажет тебя Небо.

Аэша простилась с нами перед дверями своего жилища, и Орос отвел нас в красивое помещение, окна которого выходили в тенистый сад. Мы тоже были страшно утомлены и нервно потрясены и заснули, как дети, глубоким сном без сновидений.

Утром мы проснулись поздно и, выкупавшись, пошли в сад. Несмотря на август месяц, в саду было тепло и приятно. Мы сели с Лео на скамью на берегу ручья среди колокольчиков и других горных цветов.

— Итак, наши труды не пропали, — сказал я Лео, — наш сон сбылся наяву, а ты — счастливейший человек на свете.

— Да, конечно, — как-то странно взглянул он на меня. — Она прекрасна. Но знаешь, Гораций, я хотел бы, чтобы Аэша была немного более земной, хотя бы такой, какой была в пещерах Кор. Когда она поцеловала меня, — не знаю, можно ли это прикосновение назвать поцелуем, — мне казалось, что в ней нет плоти и крови. Да и может ли плоть в одно мгновение родиться из пламени, Гораций?

— Ты уверен, что она родилась из пламени? — спросил я. — Может быть, ее ужасная внешность была лишь галлюцинацией, вроде видений в огне, на самом же деле она оставалась прежней Аэшой, какою была в пещерах Кор.

— Может быть, Гораций. Но знаешь, меня что-то пугает. Аэша стала как будто еще более божественной. Скажи, Гораций, каким же я буду супругом для этого лучезарного существа, если только это случится?

— К чему терзаться, Лео? Ты боролся и, преодолев нелегкие препятствия, достиг цели. Бери то, что дарят тебе боги, — славу, любовь, власть и не думай о будущем.

Разговор наш был прерван приходом Ороса, который с низким поклоном сказал Лео, что Гезея желает видеть его в храме. Пришли жрецы, которые подстригли Лео волосы и бороду — я отказался от их услуг, одели его в белую одежду и шитые золотом сандалии, а в руки дали серебряный скипетр, похожий на посох.

— Посох Озириса! — шепнул я Лео.

— Я вовсе не хочу олицетворять какого-то египетского бога и участвовать в идолопоклонстве, — рассердился он, но я успокоил его, сказав, что, вероятно, это лишь какой-нибудь символ.

Так как Лео недоверчиво расспрашивал Ороса по поводу предстоящей церемонии, жрец сказал ему, что это будет обручение. Тогда Лео перестал противиться, спросил только, будет ли при этом присутствовать ханша. Орос сообщил, что Афина, угрожая войною и мстью, отбыла в Калун.

Когда мы пришли в храм, перед статуей Материнства собралась уже толпа одетых в белые одежды жрецов и жриц. Между двух огненных столпов сидела Аэша. Рядом с нею было пустое кресло, я догадался, для кого. Лицо ее было открыто, и одета она была не как жрица, а с царственным величием.

Жрецы плавно двигались вокруг; дивно звучали под сводами храма звуки их пения; страшно взвивалось вокруг пламя, но мы видели только Аэшу, возрожденную, в славе, бессмертную, женственную невесту Лео, простирающую навстречу нам руки.

Орос и жрецы подвели нас и отступили. Аэша встала, сошла со ступенек трона и, коснувшись чела Лео своим сistrумом, громко сказала:

— Вот Избранник Гезеи!

— Привет тебе, Избранник Гезеи! — слышалось отовсюду.

— Жрецы и жрицы Гезеи, слуги Матери света, до сих пор вы не видели моего лица, но сегодня я сняла покрывало, потому что человек, который пришел в нашу страну, в наш храм, не чужой мне. Давно, в прежней жизни, когда-то он был моим супругом и теперь снова пришел ко мне. Не так ли, Калликрат?

— Так, — отвечал Лео.

— Жрецы и жрицы Гезеи, вы знаете, что издревле жрица, занимающая мое место, имела право избрать себе мужа. Не правда ли?

— Да, Гезея, — слышались голоса.

Аэша трижды поклонилась Лео и, встав перед ним на колени, спросила:

— Скажи перед всеми собравшимися здесь, признаешь ли ты меня своей нареченной невестой?

— Да, и навсегда! — сказал глубоко потрясенный Лео.

Аэша встала, уронила сistrум и протянула руки навстречу Лео. Лео склонился и хотел поцеловать ее в губы,

но тут я заметил, что он побледнел, а свет от лучезарного лица Аэши позолотил его белокурые волосы. Я видел, что Лео задрожал и пошатнулся. Заметила это, должно быть, и Аэша, потому что раньше, чем уста их успели слиться в поцелуе, она отстранила его, и личико ее на мгновение затуманилось. Она выскользнула из его объятий, но поддерживала его рукою, пока не вернулось к нему самообладание. Тут Орос вручил ей ее скипетр.

— О, мой возлюбленный! — воскликнула Аэша. — Сядь рядом со мною на престоле и прими поклонение твоих жрецов.

— Я только человек, — протестовал Лео, — и никто не должен тебе поклоняться. Сам же я поклоняюсь на земле одной тебе!

Жрецы и жрицы удивленно перешептывались. Аэша на минуту смутилась, но быстро нашлась:

— Хорошо, я довольствуюсь этим. Мне — твое поклонение, тебе — только свадебная песнь.

Лео не нашел ничего более возразить и занял место на троне. Если и было в происходившей церемонии что-либо языческое, Аэша сумела затушевать это или отменить, и скоро, слушая дивное пение, мы забыли все в мире.

Пели на каком-то священном, незнакомом нам языке, и слов гимна мы понять не могли, но смысл его был ясен. Но вот мелодия внезапно оборвалась. По мановению скипетра Аэши жрецы и жрицы удалились, но издали еще доносилась тихая, словно колыбельная, песнь.

Мы оставались одни. Только Панава и Орос не покинули свою госпожу. Аэша как бы очнулась от дремоты.

— Прекрасная песнь, не правда ли? — сказала она. — И очень древняя. Ее пели в Бебите, в Египте на свадебном празднестве Изида и Озириса. Мне кажется, что в музыке более вечного, чем в чем бы то ни было. Слова меняются, но мелодия остается прежняя. Как мне называть тебя, мой возлюбленный? Калликратом или...

— Называй меня Лео, Аэша. Так крестили меня в единственной жизни, которую я помню. К тому же этот Калликрат был, кажется, не особенно счастлив; он не принес счастья и женщинам, судьба которых переплелась с его судьбой. Довольно с меня Калликрата, каким он был в пещере Кор.

— Помню, ты лежал тогда, а я пела тебе песнь о прошедшем и будущем. Песенка была арабская. Ты не забыл арабского языка?

— Нет.

— Будем же говорить по-арабски. Я люблю этот язык; на нем говорила со мною в детстве мать. Однако оставь меня на несколько времени; меня ждут!

Мы ушли, оставив Аэшу, как мы думали, принимать поздравления, по поводу ее обручения от вождей некоторых горных племен.

V

ТРЕТЬЕ ИСПЫТАНИЕ. МОГУЩЕСТВО АЭШИ

Прошел час, два. Лео начал терять терпение.

— Отчего Аэша не идет? — говорил он. — Я хочу ее видеть. Я не могу быть без нее. Меня что-то влечет туда.

И, узнав от Ороса, что она еще в храме, пошел к ней. Я поколебался, идти ли мне с ним, но побоялся, что он не найдет дороги, и пошел с ним. Дойдя до храма, мы стали далеко у двери, и нас не было видно, но мы все видели. Аэша по-прежнему сидела на троне, но, о! как страшна была она в своем величии смерти. Синеватое пламя освещало гордое, нечеловеческое лицо. Она была властна, глаза ее горели, как драгоценные камни. Точно Царица Смерти принимала поклонение теней. Вот перед нею становится на колени чья-то темная фигура, за нею вторая, там третья, еще, еще и еще. Все они кланяются, а она отвечает, наклоняя голову и скипетр. Далеко зазвенели колокольчики систраума. Губы Аэши что-то шептали, но мы не слышали слов. Это духи поклоняются ей.

Схватив друг друга за руку, мы с Лео отступили к двери, она подалась, и теми же галереями и переходами мы вернулись к себе.

— Кто она? — спросил Лео. — Ангел?

— Да, что-то в этом роде, — отвечал я, думая про себя, что ангелы разные бывают.

— А что делали там эти тени? — продолжал он.

— Приветствовали ее, должно быть, с превращением. Но, может быть, то были не тени, а переодетые жрецы.

Лео только пожал плечами.

Между тем пришел Орос и сказал, что Гезея ждет нас в своих покоях. Мы застали Аэшу несколько утомленную. Панава сняла с нее царскую мантию. Аэша протянула Лео руку и не без страха заглянула ему в глаза.

Она села за стол и пригласила нас занять места напротив. Ужин был простой: мы ели яйца и холодную дичь, она — молоко, хлеб и ягоды.

Лео сбросил с себя пурпурную мантию и отложил в сторону скипетр, которым снабдил его Орос. Аэша улыбнулась, заметив, что он мало чтит священные символы.

— Очень мало, — сказал Лео. — Заклучим договор, Аэша: я не понимаю твоей религии, я знаю только свою и даже ради тебя не приму участия в том, что считаю идолопоклонством.

— Твоя воля — моя воля, — мягко сказала Аэша. — Трудно будет подчас объяснить твое отсутствие во время церемоний в храме; но ты вправе держаться своей веры, которая в то же время и моя. Ведь все великие религии, в сущности, одинаковы. Чему учила религия египтян, которая теперь перешла к нам? Что одна великая, добрая Сила управляет Вселенной, что добрые унаследуют вечную жизнь, злые же вечную смерть, что людей будут судить сообразно их делам и поступкам, что настоящая жизнь не здесь, а за гробом, там, где не будет больше печали. Ведь и ты веришь всему этому?

— Да, Аэша; но ведь твоя богиня — Гезея или Изиды. Мы слышали, ты ей молилась. Кто она?

— Это не божество, а душа Природы, дух, скрытый во всем живом, всемирное Материнство; в нем скрыты тайны земной жизни и знания.

— Зачем же она преследует своих почитателей, наказуя их смертью, как преследовала тебя?

— Разве твоя религия, — продолжала Аэша, облокотившись на стол, — не говорит то же о добром и злом божествах? Скажи, не слышал ли ты, Лео, будто иногда слабые духом люди продают за земные блага свою душу злему началу, за что потом расплачиваются ужасными страданиями? Что бы ты сказал, если бы была на свете такая женщина, которая, жаждая красоты, жизни, знания и любви...

— Продала душу свою злему духу Сету? Уж не хочешь ли ты сказать, Аэша, что эта женщина ты? — с ужасом воскликнул Лео.

— А если бы так? — спросила она, тоже вставая.

— Если так, если так, — хрипло сказал он, — я думаю, нам было бы лучше не встречаться!

— Ах! — с болью простонала она, точно ей повернули нож в сердце. — Не хочешь ли ты вернуться к Афине? Но нет, ты уже не можешь уйти от меня. Мне дана власть над всеми, кого я поразила. Впрочем, ты не помнишь прошлого. Но нет, ты мне не нужен мертвый, я хочу тебя живого. Взгляни, как я хороша, — она наклонилась к нему своим стройным станом, глаза ее влекли его к себе, — что же ты

не уходишь? Ты, кажется, не думаешь бежать, а приближаешься ко мне? Однако не хочу обольщать тебя. Ступай, если хочешь, Лео. Иди, мой возлюбленный, оставь меня одну с моими грешными мыслями. Афина приютит тебя до весны, а там ты перейдешь горы и вернешься к обычным радостям земной жизни. Вот я закроюсь покрывалом, чтобы не соблазнять тебя.

Она закутала голову покрывалом и вдруг спросила:

— Зачем вы с Холли вернулись в храм, хотя я просила оставить меня одну?

— Мы искали тебя.

— И увидели больше, чем хотели? Что же, я допустила вас и оберегла вас от смерти, которою поплатились бы за такую дерзость другие.

— Что это за существа поклонялись тебе в храме? — строго спросил Лео.

— Я царствовала и правила во многих странах, Лео; может быть, это мои бывшие слуги пришли приветствовать меня. Возможно также, что эти тени были такою же игрою твоего воображения, как образы, которые я вызвала в огне, желая испытать твою силу и постоянство. Знай же, Лео Винцей, что все, что мы видим — обман зрения. Ни прошлого, ни будущего нет, есть только вечность. Я, Аэша, — лишь призрак, который представляется тебе то безобразным, то прекрасным. Когда ты улыбаешься, я переливаюсь тысячами цветов, когда ты грустен, я становлюсь мрачна. Вспомни отвратительное, морщинистое существо там, на скале — это я, беги от меня. Прекрасная, но со злою душою — это я же: если хочешь, бери меня такую. Теперь ты знаешь истину, Лео. Откажись от меня навсегда — ты спасешься. Или прижми, о, крепко прижми меня к сердцу, и за мою любовь, за мои поцелуи возьми на себя мой грех. Молчи, Холли, пусть он сам решит.

Я думал, что Лео направился к двери, но он просто прошелся по комнате и, несмотря на внутреннее волнение, спокойно сказал:

— Я не оставил тебя, Аэша, когда увидел тебя старую. Теперь ты мне открыла тайну своей души; я узнал, что ты царица каких-то духов, добрых или злых, и я не оставлю тебя. Пусть грех твой будет моим. Я уже чувствую его гнет на душе и знаю, что меня ждет кара, но все равно я понесу ее за тебя и буду счастлив.

Аэша открыла лицо. Она не вдруг пришла в себя от удивления, потом с плачем упала к его ногам. Лео поднял ее и посадил в кресло.

— Ты не знаешь, что ты сделал, — сказала наконец Аэша. — Пусть все, что видел ты на Горе и в храме, — лишь ночные видения, а рассказ о гневе богини — басня пустая. Верно, однако, что я согрешила ради тебя и ужасною ценою купила красоту, чтобы удержать тебя. Расплата ужасна. Но ты меня спас. Тебя не остановили ни безлюдные песчаные степи, ни ледники, ни горный поток, и, преодолев все эти препятствия, ты выдержал твердо три испытания. Тебя не привлекли чары Афины, ты не отвернулся от меня, увидев меня безобразной, и, наконец, не отверг меня и сегодня, хотя узнал преступность моей души. Два первые были испытания плоти, третье — испытание духа. Вчера твоя верная любовь возвратила мне телесную красоту, сегодня ты освободил мою душу из страшных оков Судьбы. Я обязана тебе своим освобождением, хотя, может быть, тебе придется страдать...

— Ну, и буду страдать, — сказал Лео спокойно. — Если только мне удалось освободить тебя, я считаю, что жил и умру не напрасно. Однако скажи, Аэша, как это ты изменилась там, на утесе?

— Я исчезла в огне и в огне явилась. Может быть, пламя поглотит когда-нибудь нас обоих. А, впрочем, возможно, что я все та же, и тебе только показалось, будто я изменилась. Не спрашивай больше.

— Позволь еще один вопрос, Аэша. Сегодня было наше обручение, когда же ты будешь моей женой?

— Ах, не теперь, не теперь! — дрожащим голосом торопливо сказала она. — Подожди несколько месяцев, год, будь пока другом.

— Отчего? — разочарованно спросил Лео. — Я уже долго ждал, Аэша. Я старею. Жизнь коротка и, может быть, близок ее конец.

— К чему такое предчувствие! — сердито топнула ножкой Аэша. — Но ты прав, ты не застрахован от жала времени и всякого рода несчастий. О! Это было бы ужасно, если бы ты опять умер и оставил меня.

— Дай мне свое бессмертие, Аэша!

— Я охотно поменялся бы с тобою. О, жалкие смертные, что завидуете нашему бессмертию! Жизнь на земле — это ад, уходя из него, душа возвращается к миру. Жить вечно на земле, видеть, как умирают наши близкие, не имея надежды последовать за ними, видеть, как они возрождаются, но не узнают нас и снова терять их — ужасно. Неужели, Лео, ты хотел бы такой жизни?

— Если мы будем делить ее вместе!.. Бессмертие тяжело в одиночестве. Живя вдвоем, все эти скорби мы превратим в радости.

— Хорошо, — сказала Аэша, — когда придет весна и растает снег, мы пойдем с тобою в Ливию. Там ты выкупаешься в Источнике Жизни. Потом я стану твоей женой.

Лео стал уговаривать ее сначала обвенчаться и путешествовать после свадьбы, но она сказала: нет, и нет, и нет, и, как бы боясь, что сама не устоит перед его просьбами, стала прощаться с нами.

— Почему она откладывает свадьбу? — спросил Лео, когда мы вернулись к себе.

— Она боится, — отвечал я.

Наблюдая Аэшу в последующие недели, я убедился, что женщина ли она, или дух, но не было на свете существа несчастнее ее. Ее постоянно преследовал страх за будущее, предвидеть которое, несмотря на свое бессмертие, она не могла. Опасалась она и Афины. Соперница была побеждена, но Аэша боялась, что рано или поздно роли переменятся.

Что касается Лео, то быть постоянно в обществе Аэши и не сметь даже поцеловать ее, сознать, кроме того, что так должно продолжаться еще года два, было для него тяжело; он похудел, потерял сон и аппетит. Он умолял Аэшу переменить свое решение и стать его женой, но она оставалась непоколебима.

Кроме одного этого, все другие желания Лео исполнялись. Его не заставляли участвовать в религиозных церемониях, хотя, следует заметить, культ Гезеи сам по себе чист и невинен. Это было древнее поклонение египтян Озирису и Изиде, смешанное с среднеазиатским учением о переселении и перевоплощении душ и о возможности чистоты жизни и мысли приблизиться к божеству.

Жрецы служили Гезее, как представительнице Божества, в остальном же жили тихо, творили добрые дела, имели больницы, а в зимние холода нередко кормили горцев. Втайне они, правда, вздыхали о потерянной власти над Капуном.

Видя, что привычному к движению на воздухе Лео вредно оставаться все время в комнате, Аэша стала настаивать, чтобы он шел на охоту за горными козами и каменными козлами. Лео стал охотиться в обществе и как бы под охраной некоторых вождей горных племен. Недавно залеченная рука не позволяла мне резких движений, и я редко сопровождал Лео, чаще же оставался дома.

Раз мы сидели с Аэшой в саду. Она задумчиво глядела куда-то вперед, на снежные вершины гор. Вдруг Аэша заволновалась и указала куда-то вдаль. Но я ничего не видел, кроме снега.

— Неужели ты не видишь, что Лео в опасности? — воскликнула она. — Впрочем, я забыла, что ты не можешь видеть. Смотри теперь! — И она положила руку мне на лоб. Мне показалось, что от этой руки мне передается электрический ток, и я увидел как бы в воздухе перед собою Лео, борющегося с огромным леопардом. Другие охотники толпились вокруг и выбирали минуту, чтобы убить леопарда, не поранив Лео. Наконец Лео удалось нанести животному смертельный удар, и оно упало, окрасив снег своею кровью. Лео встал, смеясь и показывая свое разорванное платье, а один из спутников тотчас подошел и начал перевязывать ему раны. Видение быстро исчезло. Аэша тяжело упала мне на плечо и плакала, как обыкновенная женщина.

— Одна опасность миновала, — всхлипывала она, — но сколько их впереди!.. Долго ли сможет переносить это мучение мое бедное сердце! Вот так, Холли, страдаю я уже много лет.

Потом она разразилась угрозами против вождя и других охотников и послала навстречу Лео носилки. Через четыре часа вернулся Лео, пешком; на носилках несли шкуру леопарда и убитую дичь. Аэша бросилась к Лео и осыпала его упреками за неосторожность.

— Как ты узнала о случившемся? — удивился он.

— Я видела все.

— Не выходя из храма? Значит, опять волшебством? Мне надоело твое волшебство, — рассердился Лео. — Неужели же я не могу остаться на минуту один, не под твоим наблюдением?

Между тем вошел Орос.

— Что тебе надо, Орос? — спросила Аэша жреца.

— Гезея, лазутчики пришли с важной вестью. Жители Калуна пострадали от засухи. Поля дали плохой урожай. Причиной бездождия народ считает двух чужеземцев, которые прошли через их страну к тебе в горы. Ханша тоже страшно разгневана. Она собрала два войска в сорок и в двадцать тысяч человек. Одно из них, под начальством Симбри, уже наступает. Другое она оставила для защиты Калуна.

— Эта женщина потеряла рассудок, если хочет помериться со мною, — засмеялась Аэша. — Орос, оповести

вождей, чтобы через три дня были готовы выступать с двадцатитысячным войском. Пусть возьмут с собою припасов на две недели. Я поведу войско сама.

VI

ПРЕДСКАЗАНИЕ АФИНЫ. ИЗМЕНА

На следующий день в храме произошло важное священнодействие — освящение войны, на которое мы с Лео не пошли. Вечер Аэша, как всегда, провела с нами за ужином.

— Сегодня я была оракулом, — сказала она нам. — Ко мне приходили люди из Калуна спрашивать, кто из них будет убит и кто вернется с войны с почестями, а я и сама не знала и старалась отвечать, играя словами так, чтобы можно было истолковать ответ и так, и по-другому. Я знаю прошлое и настоящее, но будущее для меня — как черная стена, за которую я не могу проникнуть.

Она пробовала также убедить Лео остаться в храме в безопасности, обещая остаться с ним сама, меня же с Оросом послать командовать войском. Лео был враг всякого кровопролития в душе, но тут он возмутился: сидеть дома, когда меня пошлют на поле битвы, казалось ему нелепым; кроме того, война привлекала его сама по себе, как физическое упражнение.

— Ну, так иди, — сказала Аэша, — но, если что случится, ты сам и отвечай. Впрочем, нет, милый, пусть ответ падет на мою голову!

От грусти Аэша внезапно перешла к веселости, смеялась как ребенок, рассказывала нам анекдоты из прошлого, о людях, которых мы совсем не знали или имена которых встречали лишь в истории; с юмором, близким к сатире, говорила она об их любви и ненависти, силе и маленьких слабостях, тщеславии и погоне за призраками земного счастья.

Мало-помалу она перешла на личную почву и серьезно стала рассказывать о себе, о том, как она искала истину, изучала разные религии и отвергла их все, как проповедовала в Иерусалиме, за что ее книжники побили камнями. Тогда она бежала в Аравию, но и родной народ изгнал ее, как реформаторшу, и она поселилась в Египте при дворе фараона. Там жил известный маг — не то обманщик, не то провидец. Он научил ее своему искусству, но она превзошла его, и он сам стал ей повиноваться. Потом вдруг Аэша

сделала скачок в своем рассказе и стала рассказывать о том, что было в Египте, в Кор; Лео, в то время Калликрат, пришел туда с Аменартой, которую Аэша знала еще на родине и ненавидела ее.

— Была тихая ночь, — рассказывала Аэша. — Мы сидели втроем вот, как теперь; на твоём месте, Холли, сидела царственная Аменарта. Она была красивая женщина, красивее меня, пока я не выкупалась в источнике Жизни... Что тебе нужно, Орос? Не можешь ты ни на час оставить меня в покое!

— Письмо от ханши Афины Гезее, — поклонился жрец.

— Сорви печать и читай, — беззаботно сказала Аэша.

— Может быть, она раскаялась в своём безумии и покоряется.

Орос начал:

"Гезее в храме на Горе, известной на земле под именем Аэши, в подзвездном же мире, называемой Упавшая звезда...

Приветствую тебя, Аэша. Ты очень стара и много знаний унаследовала от прошлых столетий. Украсив себя ими, ты ослепляешь ими людей. Недостает тебе одного: дара предвидения. Знай же, Аэша, что я и мой дядя, великий провидец, прочитали в книге звезд об исходе войны: меня ожидает смерть — и я этому рада, тебя — копье, брошенное твоею рукою. Страна же Калун будет разорена и потоплена тобою в крови.

Ханша Калуна Афина".

Аэша слушала, не дрогнув.

— Скажи посланному, — гордо сказала она Оросу, — что отвечу, когда встречу сама лицом к лицу с Афиной во дворце Калуна. Ступай, жрец, и не тревожь меня больше.

Когда Орос удалился, обращаясь к нам, Аэша продолжала:

— Афина предрекает зло, как когда-то предсказала его Аменарта. Афина — та же Аменарта. Пусть же падет на меня копье, я не боюсь, потому что знаю, что в конце концов восторжествую. Может быть, цель ханши устрашить меня ложью. Но если и правда начертано то, что она прочитала, все равно ничто не может разрушить связывающих нас с тобою уз. Прощай, Лео! Отдохни. Завтра рано утром мы должны выехать.

Утром мы вышли во главе диких горных племен. Впереди ехали разведчики, затем конница, за нею пехота. Аэша ехала на красивом белом коне, Лео — на гнедом коне покойного хана. Я тоже ехал верхом. Нас окружала гвардия телохранителей. Нам было легко и весело. При свете солнца исчезли злые предчувствия, которые угнетали нас в мрачных пещерах. Бряцание оружия и мерный стук шагающего войска щекотали нервы и приподнимали настроение.

Разведчики добыли "языка" из подданных ханши. Пленник сказал, что Афина не собирается наступать, а будет ждать армию Аэши в долине, дав ей переправиться вброд через реку. Как видно, Афина обладала военным талантом и рассуждала правильно. Вечером мы спустились со склона горы в долину, где расположились лагерем. Это было недалеко от Долины Смерти. Для Аэши разбили палатку, мы же с Лео расположились у костра под открытым небом. Аэша очень сердилась, что для нас не принесли тоже палатки, но Лео обиделся на такую излишнюю заботливость, и она замолчала. В этот раз мы с Лео ужинали одни, она же сидела с нами, но не ела, потому что не хотела снять покрывало и показать народу свое лицо. Она нервничала. На нее напал безотчетный страх. Наконец она сказала, что попробует заснуть, чтобы дать отдохнуть душе. Ее последние слова были:

— Спите и вы, спите сладко, но не удивляйтесь, если я ночью позову вас обоих к себе: может быть, во сне мне придут новые мысли, и я захочу переговорить с вами раньше, чем мы утром пойдем в поход.

Мы расстались, и сердце не подсказало нам, как и где мы встретимся опять все трое.

Мы утомились и, зная, что нас оберегает целое войско, спокойно заснули у костра. Я проснулся, услышав, как перекликались часовые. Кто-то, отвечая условным паролем, подходил к ним. Наконец над нами склонилась фигура жреца. При свете замиравшего костра лицо его показалось мне знакомым. Он назвал себя — я теперь забыл его имя — и сказал:

— Орос послал меня за вами обоими. Гезея желает вас видеть.

Лео, зевая, проворчал, что было бы лучше, если бы Аэша дала нам поспать до утра, и прибавил:

— Нечего делать, пойдем, Гораций.

— Гезея приказала вам взять с собою оружие и телохранителей, — сказал жрец.

— К чему это? Точно нельзя пройти сто ярдов в самом лагере без охраны? — опять заворчал Лео.

— Гезея вышла из своей палатки в ущелье, где разбросаны кости павших, и обдумывает план наступления, — отвечал жрец.

— Она с ума сошла, — сказал Лео, — одна в полночь расхаживает по ущелью. Но это на нее похоже.

Мысленно я согласился с Лео. Я вспомнил также, что Аэша предупреждала, что, может быть, придет за нами ночью. Если бы тут была какая-нибудь западня, нам не приказали бы взять с собою вооруженных людей. Это нас успокоило, мы разбудили своих телохранителей — их было двенадцать, — захватили свои копья и мечи и пошли.

Мы спускались по крутой тропинке в Долину Смерти. Проводник наш, по-видимому, хорошо знал дорогу и шел как к себе домой. Нас удивляло, что Аэша назначила нам свиданье в таком странном месте. Но вот вдаль показалась закутанная в белое фигура.

— Это Гезея! — сказал один из наших спутников.

Фигура поманила нас за собою и пошла вперед, пробираясь между скелетами. В дождливое время здесь протекал горный ручей, нанесший своим течением ил. Многие скелеты были наполовину покрыты песком. А скелетов тут было больше, чем где бы то ни было. Отовсюду виднелись голые черепа, ребра, длинные берцовые кости. Я подумал, что, должно быть, в старину вдоль потока была дорога, по ней двинулось войско, и в этом месте произошла самая жаркая схватка.

Аэша остановилась. Жрец и наша свита отстали от нас. Лео ушел вперед.

— Зачем ты пришла ночью в такое место? — услышал я его голос.

Вместо ответа она широко взмахнула руками и вот, как по сигналу, послышалось бряцание. Я оглянулся и увидел, что все скелеты поднялись со своего песчаного ложа. Мертвая армия воскресла. О, ужас! Скелеты размахивали копьями!

Я подумал, что Аэше опять пришла фантазия показать нам свою магическую силу, но все-таки испугался. Самый несуетерный человек не мог бы отделаться от чувства страха, если бы, очутившись в полночь на кладбище, увидел вокруг себя встающих из гробов мертвецов в полном вооружении.

— Что это опять за чертовщина? — сердито воскликнул Лео. Но Аэша не отвечала.

Я услышал возню и увидел, как духи колют копьями наших, обезумевших от ужаса и бросивших оружие, телохранителей, убивают их одного за другим.

— Схватите его, но не причиняйте ему вреда! — приказала Гезея, указывая на Лео, и я узнал голос Афины. Слишком поздно понял я, что мы попали в западню.

— Измена! — закричал я, но один из скелетов оглушил меня ударом по голове. Я еще видел, как отчаянно сопротивлялся Лео, потом я лишился сознания. Думали ли враги, что я умер, или что меня тоже следует пощадить, только меня не убили. Удар по голове был единственным, который я получил. Я лишился чувств и упал на песчаное ложе берега.

Было светло, когда я очнулся. Надо мною склонилось спокойное лицо Ороса. Он влил мне в рот какой-то оживляющий, бодрящий напиток. Рядом с ним стояла Аэша.

— Говори, говори скорее! — грозно восклицала она. — Что с ним случилось? Ты жив, где же Лео?

В кратких словах я передал ей о случившемся. Выслушав, она пошла на место, где лежали убитые телохранители.

На месте, где Лео боролся с напавшими на него, валялся сломанный его меч, доставшийся ему от хана Рассена. Тут же лежали трупы двух убитых воинов: они были одеты в черное, головы их были грубо раскрашены белой извесью наподобие черепов, на груди нарисованы были белые ребра. Благодаря этому они напоминали в темноте скелеты.

— На такую хитрость могут поддаваться только глупцы, — презрительно заметила Аэша. — Но Лео хорошо сопротивлялся, — прибавила она, — надеюсь, он не ранен. Клянусь, за каждую каплю его крови они заплатят сотнею убитых! Однако сегодня предстоит много дела. Скорее на лошадей и вперед!

В долине нас уже ожидало войско. Аэша обратилась с речью к вождям:

— Слуги Гезеи, — сказал она, — мой чужестранный гость, мой нареченный, попал в хитро расставленную засаду и увезен ханшею в качестве заложника. Надо спешить освободить его, пока с ним не случилось ничего дурного. Мы идем на войско Афины и должны перейти реку. Сегодня ночью я хочу быть в Калуне. Что ты говоришь, Орос? Что вторая армия ханши охраняет город? Если будет нужно, я ее уничтожу. Не смотри на меня так удивленно. Итак, конница, за мною! Кто отступит в час сражения,

найдет смерть и вечный позор; богатство и почести будут наградою храбрым. Я отдам им цветущую страну Калуна. Вперед!

В ответ слышались восторженные крики. Дикари радовались предстоящей добыче и верили в оракула, верили Гезее.

Мы пришли к реке, на противоположном берегу которой виднелись полчища Афины.

Аэша легко вскочила на коня, которого подвел ей Орос.

Левое и правое крыло войска уже вошли в реку, и между ними и войском, охранявшим берег, уже началась схватка. В центре перед нами, по пояс в воде, стояли враги с копьями наготове. С гиком понеслись наши всадники им навстречу, но были встречены свежими силами и с потерями трижды отброшены.

— Им нужен предводитель! — нетерпеливо воскликнула Аэша и поскакала вперед, подняв безоружные руки. Я последовал за нею.

Стрелы и копья затмили солнце. Вокруг нас падали убитые. Но белая одежда Аэши развевалась впереди. С восторженным криком войско шло за нею, и через пять минут мы были на берегу. Завязалась еще более ожесточенная битва, но Аэша не отступала ни на шаг, и ее люди шли за нею или умирали. Мы медленно подвигались через ряды неприятеля и наконец прорвались. Многие из наших были убиты, многие ранены. В строю осталось тысячи три. Молча мчались мы дальше. Молчала Аэша, молчали ее храбрые воины, только изредка оборачиваясь и указывая кровавыми копьями на багровое небо.

Но вот показались передовые посты неприятеля. Слышался смех ожидавшего нас врага. Шелковые знамена повисли в неподвижном воздухе. Вот навстречу вышел парламентар. Аэша знаком остановила свое войско.

— Слушай, Гезея, что говорит Афина, — начал он. — Любезный тебе чужеземец в ее дворце. Если ты осмелишься наступать, мы уничтожим тебя и твою горсть людей. Если же каким-нибудь чудом ты и победишь, он будет убит. Вернись на свою Гору, и ханша подарит тебе мир и пощадит твой народ. Что ответишь ты ханше?

— Ответа не будет! — прошептала Афина Оросу, который громко повторил ее слова.

Я взглянул на Аэшу. Лицо ее было бледно, глаза сверкали, как у львицы.

— Приготовься заглянуть в пасть ада, Холли, — сказала она мне. — Я хотела пощадить их, но сердце велит мне

отбросить всякую жалость, если хочу видеть Лео живым. Они хотят убить его, Холли! Не бойтесь! — воскликнула она, обращаясь к войску. — Вас мало, но с вами идет сила в тысячу тысяч. Следуйте за Гезеей, и что бы ни увидели, не бойтесь!

Войско выстроилось клином; впереди, как белая чайка на темной пучине моря, белела во мраке белая одежда Аэши. Вот из-за групп тополей с двух сторон с диким криком налетела на нас вражья конница, а с фронта, сверкая копьями, как пенящаяся морская волна, наступала армия. Гибель казалась неминуемой. Аэша сорвала покрывало. Как крылья, развевалось оно над ее головою, а на челе ее зажглась таинственная диадема. Облака надвигались над нами все больше. Ярче и ярче горела перед нами неземная звезда.

Громче и громче гремел гром подков. И вдруг над вершиной горы разлилось яркое пламя.

Чудовищная картина! Впереди в зареве страшного заката мрачно выступали башни Калуна. На небе — мрак затмения. Вокруг — выжженная солнцем равнина, и на ней наступающее войско Афины.

Аэша, словно подавая небу сигнал, взмахнула в воздухе своим белым покрывалом. И вот в ответ из пасти этой адской ночи сверкнуло пламя. Гнев Аэши обрушился на сынов Калуна. Она закричала, и наступил такой ужас, какого еще никто не видел и не увидит больше на земле. Страшный вихрь вырывал из земли камни. Лошади и всадники смешались в невообразимом хаосе. Как сорванные бурей листья, люди в смятении кружились, падали друг на друга, лежали грудami, пока не затихали навеки под ударами молний. Черная туча широко простерла на небе свои огненные крылья и пролила над землею огненный ливень. Мрак, ужасный мрак, тревога, гибель, разорение...

Все успокоилось. Над нами — спокойное вечернее небо. Перед нами — никем не охраняемый мост. За ним — пылающий в огне город. Где же храбрые воины Афины? Про то знают высокие надгробные камни. Наши же воины все уцелели. Они скакали за нами бледные, но бодрые.

Доехав до середины моста, Аэша повернула коня и в первый раз показала свое лицо народу.

— Богиня! — раздался возглас. — Поклонитесь богине!

Аэша повернула коня и поехала дальше по улицам пылающего Калуна, ко дворцу.

Мы въезжали в ворота города, когда заходило солнце. Тихо было на дворе, только вдали завывали "собаки смер-

ти". Аэша сошла с лошади и, велев нам с Оросом следовать, вошла в покои. Все точно вымерло. Аэша шла так быстро, что мы едва поспевали за нею. Вот мы по широкой каменной лестнице поднялись на башню, где жил Шаман Симбри. Дверь была заперта, но перед Аэшой железные засовы открылись, и массивная дверь упала. В комнате горела лампа. Бледный, с связанными руками, но с гордым, презрительным выражением лица сидел в кресле Лео. Старый Шаман занес над ним кинжал и готов был поразить его. На полу лежала с широко раскрытыми глазами мертвая ханша Калуна. Но даже мертвая она была величественна!

Шаман выронил из рук кинжал и застыл на месте, словно превращенный в камень. Аэша подняла кинжал и быстро разрешила узы, которыми был связан Лео.

— Ты поспела как раз вовремя, Аэша, — сказал Лео, слабым, усталым голосом. — Еще минута, и эта собака, — он указал на Шамана, — убил бы меня. Но как удалось сражение и как ты проникла в город при таком урагане? Слава Богу, Гораций, что ты жив.

— Для многих сражение было гибельным, — отвечала Аэша. — Я же прилетела на крыльях ужаса. Скажи, что было с тобою с той минуты, как мы расстались?

— Меня связали и привезли сюда. Здесь от меня требовали, чтобы я написал тебе, прося отступить, и грозили смертью. Я, конечно, отказался. Потом... — он взглянул на труп ханши, — когда Афина узнала, что войска ее разбиты небесною силой, она пощадила меня, а сама выпила чашу с ядом. После этого старик хотел убить меня, но ты пришла. Пощади его: он ей родственник по крови и любил ее.

Лео опустил в кресло и впал в какое-то оцепенение. Он согнулся, как старик.

— Ты устал? — спросила Аэша. — Орос, дай сюда поскорее твое лекарство.

Старик вытащил из складок своего широкого платья склянку и приложил ее к губам Лео.

Лекарство было сильное. Через минуту глаза Лео стали блестеть, щеки покрылись румянцем.

— Я давно знаю, что твои лекарства хорошо действуют, — сказал он Аэше. — Но я голоден. Можно мне отведать этого? — спросил он, указывая на стол, на котором приготовлены были разные блюда.

— Да, — позволила Аэша. — Кушай и ты тоже, Холли.

АЭША ИСЧЕЗАЕТ

Когда мы кончили ужинать, Аэша наклонилась, подняла золотой обруч, упавший с головы ханши, и надела его на голову Лео. Ее звучный, грудной голос зазвучал гимном торжеству и силе:

— Этим ничтожным земным символом венчаю тебя на земное царство. Будь царем! Этим неразрывным кольцом, знаком вечности, присуждаю тебе бессмертие. Живи, пока стоит мир, и будь его и моим властелином. Дарю тебе этим золотым обручем золотое сокровище знания. Это талисман, который откроет тебе все тайны природы. Победоносно пойдем мы с тобою ее дивными путями, поднимемся до вершины утеса и вступим на престол бессмертия, поддерживаемый двумя столпами — Жизнью и Смертью.

Аэша отбросила корону, и она упала на грудь Афины.

— Доволен ли ты этими дарами? — спросила Аэша.

Лео печально взглянул на нее и покачал головою.

— Чего же ты еще хочешь? Проси и, клянусь, ты получишь.

— Я хочу, чтобы ты исполнила свое давнишнее обещание. Стань моей супругой сейчас же! Забудь свое величие и будь женщиной — моей женой.

Странными глазами взидала она на Лео. Вдруг она изменилась и словно стала человеком. Видно было, как трепетало под туникой ее сердце, грудь томно вздыхала, лицо и очи засветились любовью. Она становилась все лучезарнее, все нежнее. Это уже была не отшельница пещер, не Оракул храма, не Валькирия поля брани, а прекраснейшая, счастливейшая из невест. Она заговорила:

— Хорошо, я уступаю! Если бы я не знала наверно, Лео, что маленький ручеек твоей жизни впадает в огромный океан моей жизни, я и теперь не уступила бы. Но я вижу, что мы не достигнем берегов Ливии, что ты умрешь по своей вине, а я овдовею, не быв твоей женой. Итак, будь что будет! Смерть или жизнь — я их встречу смело. Иди же сюда, Холли, отдай девушку ее супругу!

Как во сне соединил я их руки. Я чувствовал, как от ее руки к его руке струится горячими волнами ток.

Сильным порывом страсти, с криком "супруг мой!" Аэша обвила руками шею Лео, привлекла к себе, так что его золотистые кудри смешались с ее черными волосами, и поцеловала. Так, обнявшись, стояли они, и сияние ее чела

мало-помалу перешло на его лицо. Сквозь белую ткань ее одежды стали светиться прекрасные очертания ее тела.

Она оторвалась от него наконец с легким счастливым смехом.

— Второй раз отдаюсь я тебе, Лео Винцей, тогда — в пещерах Кор, сегодня — во дворце Калуна. Будь что будет, но отныне мы никогда не расстанемся. Пока ты жив, и я буду жить с тобою; когда ты умрешь, если ты должен умереть, я последую за тобою; ни двери рая, ни врата ада не преградят пути моей любви. Слушай, я спою тебе, и ты узнаешь из моей песни истину, которую я не могла открыть тебе раньше. Ты узнаешь из нее, кто я и кто ты, узнаешь, зачем мы любили друг друга, зачем ненавидела эта женщина. Слушай же, мой возлюбленный, Песню Судьбы!

Она взглянула вверх, как бы ища вдохновения. Никогда, никогда даже в пещерах Кор не была Аэша так божественно прекрасна, как в этот момент, когда созрела жатва ее любви.

Вот она запела. Кровь остановилась в моих жилах, дыхание замерло при звуках ее чудного голоса.

— "Света еще не было, и в лоне Молчания спали души людей. Были только мы с тобою..."

Песнь оборвалась. На лице Аэши отразился ужас. Лео закачался, точно стоял в челне. Он пошатнулся, протянул руки, чтобы обнять ее, и вдруг упал и остался неподвижным.

О! Какой крик вырвался у нее! Тела убитых там в равнине должны были содрогнуться от него. За криком последовало молчание...

Я бросился к Лео. Аэша убила его огнем своего поцелуя. Лео лежал мертвый, да, мертвый на груди мертвой Афины!

— Кажется, супруг мой покинул меня на время. Я должна спешить к нему! — сказала Аэша, и безнадежная покорность судьбе, с которой не могла бороться даже она, звучала в ее голосе.

Но тут я уже не помню, что происходило вокруг меня. Я лишился в Лео друга, сына и чувствовал себя подавленным.

Было утро, когда я проснулся. Давно желанный в Калуне дождь лил как из ведра. Аэша сидела около одетого в саван тела Лео и отдавала приказания жрецам и некото-

рым придворным. Я опять заснул. Вечером Аэша разбудила меня.

— Вставай, — сказала она, — все готово, поедем!

Мы поехали, сопровождаемые тысячью всадников, остальные остались не то оберегать, не то грабить Калун. Впереди несли тело Лео, за ним шла Аэша со спущенным покрывалом.

.....

Была ночь. На месте, где лежало недавно тело хана, в храме с огненными столпами, перед статуей Матери стоял гроб Лео. Гезея сидела и отдавала приказания жрецам.

— Я устала, — говорила она, — и уйду от вас отдохнуть в горы, может быть, на год, а может быть, и на тысячу лет. Орос и Панава, соединитесь брачными узами и управляйте, пока я не вернусь. Жрецы и жрицы Гезеи, я приобрела вам новые земли, владейте ими умно и кротко. Да будет отныне Гезея в то же время и ханшей Калуна. Жрецы и жрицы древней веры, умеете открывать в ее обрядах внутренний дух религии.

Указав на меня, Аэша продолжала:

— Этот человек — мой дорогой гость и друг. Пусть он будет и вашим другом. Пусть живет у вас, а когда растают снега и наступит лето, помогите ему переправиться через пропасть и горы, чтобы с ним ничего не случилось.

Аэша встала на колени около Лео и молча взглянула в его застывшее в улыбке лицо.

— Скоро заря, Холли, — продолжала она. — Я прощусь с тобою на короткое время. Позови меня, когда будешь умирать, только не раньше, и я приду к тебе. Не двигайся и не говори, пока не свершится все. Не считай меня побежденной, потому что отныне мое имя Победа! Не думай, что сила Аэши утрачена и судьба ее завершилась; ты знаешь только одну страницу ее жизни. Не думай, что я прежняя грешная и гордая Аэша, которой ты поклонялся и которую боялся. Моя душа возродилась любовью и жертвой Лео. Как вначале, наши души снова слились в одно. Друг, возьми на память обо мне этот скипетр, но не употребляй его до последней минуты, когда ты захочешь призвать меня, — и Аэша дала мне свой украшенный драгоценными камнями сistrum. — Поцелуй еще раз Лео, отойди и молчи.

Как во время первого превращения, два огненных языка, точно крылья, обвили Аэшу. Только на этот раз я не слышал ни молитв, ни музыки. Царила тишина. Огонь сверкнул и погас. Медленно тянулось время, и, когда над

вершиною забрезжила заря, Лео уже не было. Не было и царственной, божественной Аэши.

Я почувствовал себя одиноким, о! таким одиноким... Куда исчезла Аэша? Не знаю. Знаю только, что, когда взошло солнце, я увидел в его лучах как бы две поднимающиеся к нему тени, и казалось мне, что в неясном тумане я различил очертания лиц Лео и Аэши.

.....
(На этом рукопись м-ра Холли обрывается, следующие листы ее сгорели при попытке автора сжечь рукопись в домике в Кумберленде.)

Английский писатель Генри Райдер Хаггард (1856—1925) — автор многочисленных приключенческих и авантюрно-исторических романов, известных во всем мире. Его произведения не раз издавались в нашей стране.

Жизнь Хаггарда была насыщена путешествиями, впечатления от которых вылились в 60 томов беллетристики, в том числе 40 романов.

Первое свое путешествие девятнадцатилетний Хаггард совершил в Южную Африку, став свидетелем англо-зулусской войны. В 1879 году он вышел в отставку, вернулся в Англию, женился и собирался посвятить себя фермерству, однако оседлая жизнь скоро прискучила молодому человеку. Некоторое время Хаггард занимался адвокатской практикой. К этому же периоду относятся его первые литературные опыты — публицистические заметки о недавних событиях в Южной Африке, в которых он сам принимал непосредственное участие.

В Южной Африке происходит и действие первого романа Хаггарда "Копи царя Соломона" (1885), успех которого принес автору известность и славу.

Хаггард стал профессиональным писателем. В путешествиях по всему свету один за одним рождались романы, связанные с историей стран, в которых побывал писатель. Так появились романы "Дочь Монтесумы", действие которого разворачивается в эпоху конкисты, и "Клеопатра", "Эрик Светлоокый", повествовавший о

походах викингов, "Хозяйка Блосхолма", переносившая читателя в средневековую Англию, и многие другие произведения.

Не все они выдержали проверку временем, но самые знаменитые книги, среди которых и публикуемые нами романы, безусловно, останутся любимым чтением не одного поколения любителей приключений.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья! Для вас открыл двери Клуб "Золотое перо". Если вы любите приключения, фантастику, детективы, если хотите иметь в своей домашней библиотеке лучшие произведения этих жанров, наш клуб, эмблему которого вы видите на обложке этой книги, приглашает вас на очередную встречу.

Наш второй выпуск предназначен "Любителям приключений", одновременно готовятся выпуски и для "Любителей фантастики", и для "Любителей детектива". Скажем сразу, на страницах книг, украшенных "Золотым пером", вы встретите в основном произведения зарубежных авторов. В этом нет ничего удивительного. Годами сдерживался у нас мощный поток прекрасных зарубежных образцов упомянутых литературных жанров. Даже у хорошо известных нам классиков — Роберта Льюиса Стивенсона, Майна Рида, Александра Дюма, Артура Конан Дойла, других — есть произведения, почти незнакомые нашему современному читателю. А ведь многие из них были уже переведены на русский язык еще в начале века. Возможность открыть страницы романов, имевших

успех у наших дедушек и бабушек, а также пополнить свои библиотеки новыми, ранее не издававшимися произведениями увлекательных жанров, любовь к которым не ослабевает, будет предоставлена вам, читатели наших выпусков.

Клуб "Золотое перо" ждет вас!

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕДЯНЫЕ БОГИ	5
ОНА	171
АЭША	305
К ЧИТАТЕЛЯМ	422

Хаггард Г. Р.

X 13

Ледяные боги; Она; Аэша; Романы: Пер. с англ.
/ Рис. А. Медовикова.— М. Мол. гвардия, 1991.
— 420 (12) с., ил. — Клуб "Золотое перо": Лю-
бителям прикл.; Вып. 2 /

ISBN 5-235-01927-X

Творчество известного английского писателя Генри Райдера Хаггарда (1856—1925), автора романов "Копи царя Соломона", "Дочь Монтесумы", "Хозяйка Блосхолма", получило в нашей стране широкое и заслуженное признание. В издание Клуба "Золотое перо" вошли три его приключенческих романа, мало знакомых нашему современному читателю.

4703010100—002 Без объявл.

ББК 84.4Вл.

078(02)—91

ИБ № 7537

Генри Райдер Хаггард
ЛЕДЯНЫЕ БОГИ, ОНА, АЭША

Редактор Л. Левко
Художественный редактор А. Романова
Технический редактор Т. Кулагина
Корректор Е. Самолетова

ISBN 5-235-01927-X

ISBN 5-235-01927-X

Сдано в набор 30.04. 91 г. Подписано в печать 05.09. 91 г.
Формат 84X108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 22,68. Усл. кр.-отт. 23,10. Тираж 100000 экз. Цена 6 руб. Заказ 4717.

Издательство «Луганская правда». 348022 г. Луганск ул. Лермонтова, 16.

**Издательская фирма
"ПАРИТЕТ"
в 1991 году
учредила**

**Клуб "Золотое перо",
который предлагает вниманию всех книголюбов
популярные и забытые произведения
приключенческой, детективной
и научно-фантастической литературы
зарубежных писателей.**

**Издательская фирма
"ПАРИТЕТ"**

**приглашает к сотрудничеству
переводчиков, библиофилов,
всех поклонников приключенческой,
детективной и научно-фантастической
литературы.**

**Будем признательны Вам за деловые предложения,
советы и пожелания.**

**Пишите нам по адресу:
103030, Москва, Сущевская, 21,
редакция зарубежной литературы,
Клуб "Золотое перо".**

**Издательская фирма
"ПАРИТЕТ"**

**готова рассмотреть предложения
о взаимовыгодном сотрудничестве
на долгосрочной основе
от полиграфических предприятий,
производителей бумаги
и других полиграфических материалов,
а также
книготорговых организаций.**

**Обращайтесь к нам по адресу:
125047, Москва, а/я 127**

**Издательская фирма
"ПАРИТЕТ"**

**принимает заказы
на изготовление печатной
и рекламной продукции
на своих материалах
и материалах заказчика
от всех
заинтересованных лиц
и организаций.**

**Обращайтесь к нам по адресу:
125047, Москва, а/я 127
издательская фирма
"ПАРИТЕТ"**

**Издательская фирма
"ПАРИТЕТ"**

**предлагает
всем заинтересованным организациям
свои услуги
по размещению Вашей рекламы
в наших изданиях.**

**Обращайтесь к нам по адресу:
125047, Москва, а/я 127
издательская фирма
"ПАРИТЕТ"**

2

Г.Р. ХАГГАРД

9 785235 017290